

РЮРИКОВИЧУ

ГЛЕБ
БЕЛОЗЕРСКИЙ

Annotation

После того, как 4 марта 1238 года в Ситской битве погиб князь Василько, Белоозеро, назначенное в удел его младшему сыну, отделилось и составило самостоятельное княжество. В это время Глебу едва исполнилось 14 лет. Много испытаний выпало на долю юного князя. Борьба с остатками языческих верований и участие в княжеских усобицах, поездки в Орду и совместные с ханскими войсками походы против непокорных народов Кавказа – эти и другие события легли в основу книги.

- [Лев Дёмин](#)
 -
 - [Глава 1. НАШЕСТВИЕ](#)
 - [Глава 2. ГОРЬКОЕ СОБЫТИЕ В ШЕРИНСКОМ ЛЕСУ](#)
 - [Глава 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОСТОВ](#)
 - [Глава 4. ДЕТСКИЕ ГОДЫ КНЯЗЯ ГЛЕБА](#)
 - [Глава 5. ГЛЕБ ЗАНИМАЕТ БЕЛОЗЕРСКИЙ СТОЛ](#)
 - [Глава 6. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ](#)
 - [Глава 7. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ГЛЕБА](#)
 - [Глава 8. КНЯГИНЯ ФЕОДОРА РАССКАЗЫВАЕТ](#)
 - [Глава 9. В СЕМЕЙНОМ КРУГУ В РОСТОВЕ](#)
 - [Глава 10. ПРИЕЗД МОЛОДОЖЕНОВ В БЕЛООЗЕРО](#)
 - [Глава 11.](#)
 - [Глава 12. ДЕЛА ЯРОСЛАВСКИЕ](#)
 - [Глава 13. НОВАЯ ЕПАРХИЯ](#)
 - [Глава 14. СНОВА ДЕЛА РОСТОВСКИЕ](#)
 - [Глава 15. РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА. КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО](#)
 - [Глава 16. ЖИЗНЬ БЕЛОЗЕРСКАЯ](#)
 - [Глава 17. НОВАЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ](#)
 - [Глава 18. В СЕМЕЙНОМ КРУГУ](#)
 - [Глава 19. НОВАЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ. КОНЧИНА ИНОКИНИ МАРФЫ](#)
 - [Глава 20. БЕЛОЗЕРСКИЕ БУДНИ. КОНЧИНА КНЯГИНИ ФЕОДОРЫ](#)
 - [Глава 21. ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ. ПЕРЕМЕНЫ НА](#)

РОСТОВСКОМ СТОЛЕ

- Глава 22. ГЛЕБ СТАНОВИТСЯ РОСТОВСКИМ КНЯЗЕМ. ЖЕНИТЬБА МИХАИЛА
 - Глава 23. КОНЕЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
 - ПОСЛЕСЛОВИЕ
 - ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ
 - СЛОВАРЬ
 - ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА
 - ОБ АВТОРЕ
-

Лев Дёмин Глеб Белозерский

*Из энциклопедического словаря
Изд. Брокгауза и Ефрона
т. IX, СПб., 1891 г.*

Белозерск, называвшийся по древним грамотам и писцовым книгам вплоть до времен Екатерины II «Белоозеро», основан в глубокой древности: он существовал еще до призвания князей (862 г.) и был населен племенем весью, которое также участвовало в этом призвании. По прибытии князей Белозерск со всею своею волостью был отдан Синеусу; но последний владел им только два года. После смерти Синеуса Белозерск перешел к Трувору, а через год, за смертью последнего, - к Рюрику, который владел им в течение 17 лет, вверив управление в нем своим боярам. Уже самое избрание Белозерска резиденцией Синеуса должно свидетельствовать, что он в то время представлял довольно важный пункт в торговом и промышленном отношении, что подтверждается до некоторой степени и договором с греками преемника Рюрикова, Олега, который требует с греков «укладов», наряду с другими древними городами, и на Белоозеро.

После Рюрика до смерти Ярослава Владимировича трудно определить, кто владел Белозерском; но по некоторым летописным известиям можно догадываться, что оно находилось во владении князей киевских. По смерти же Ярослава (1054 г.) Белоозеро вместе с Суздадем и Ростовом досталось Всеволоду Ярославичу, на Любечском съезде князей (1097 г.) - Владимиру Мономаху и затем его потомству. Последними владельцами Белоозера, пока оно еще входило в состав Суздальского княжества, были Константин Всеволодович и сын его Василько, до 1238 г. В этом году Василько был убит татарами и Белоозеро, назначенное в удел младшему сыну его, Глебу Васильковичу, отделилось от Ростова и составило самостоятельное Белозерское княжество.

Глеб Василькович, вероятно, не раньше 1254 года поселился в своей вотчине - Белоозере, не разрывая связей и с Ростовом, которым ему удалось

овладеть в 1277 году, по смерти брата его, Бориса. Он несколько раз побывал в орде и скончался в Ростове, в 1278 году. По словам летописца, Глеб был князь богобоязненный и милостивый. Ему обязаны своим основанием Белавинская пустынь на острове Кубенского озера и белозерский Свято-Троицкий монастырь, на месте которого в настоящее время приходская церковь; он же приказал выкопать канал в перешейке, образуемом излучиной реки Сухоны, недалеко от Кубенского озера, и такой же канал в р. Вологде, и наконец, по его повелению Белоозеро было окружено земляным валом. От брака с ханской родственницей, названной в св. крещении Феодорой, Глеб имел сына Михаила. До 1277 года в летописях Михаил совершенно не упоминается; но под этим годом летописец повествует, что он вместе с отцом и другими князьями ходил в Орду. В 1278 г., после смерти Глеба, он стал княжить в Белоозере, а Ростов заняли дети Бориса, которые в следующем году, по словам летописца, «с грехом и неправдою» выгнали Михаила из Белоозера. Затем до 1286 о нем сведения прекращаются. В этом году мы видим его опять в Белоозере, которым он владел до самой своей смерти (1293). От него осталось два сына: Федор и Роман (Романчук - по летописи), о которых не сохранилось никаких почти сведений. Впрочем, на основании духовного завещания Дмитрия Донского, который называет Белоозеро куплей своего деда, т. е. Иоанна Калиты, можно думать, что если и была какая-либо «купля» Белоозера, то она была совершена Калитой с Романом Михайловичем.

Следующим после Михаила выдающимся белозерским князем был Федор Романович, внук его, о котором имеется только два известия: в 1375 г. он принимал участие, в числе других удельных князей, в походе великого князя Дмитрия Иоанновича против Твери, а затем в 1380 г. участвовал в походе против Мамаея и вместе со своим сыном пал на Куликовом поле. Последним удельным белозерским князем считался Юрий Васильевич, который стал на Белоозеро в 1380 г., но долго ли владел им - неизвестно. Дмитрий Донской в своем завещании отказывает Белоозерскую область сыну своему, Андрею Можайскому. С конца XIV в. в Белозерском уделе начинают появляться второстепенные самостоятельные уделы при посредстве надела младших членов рода князей Белозерских. Так, выделились следующие уделы: Сугорский, Карголомский, Вадбольский, Андожский, Ухтомский, Кемский, Сугорский, Осготинский, Белосельский и Лозский, самостоятельность которых окончилась вместе с Белозерским (около 1389 г.). По смерти Михаила Андреевича (1485 г.), владевшего Белозерском после своего отца, Андрея Можайского (ум. в 1432), Белозерское княжество было присоединено к великому княжеству

Московскому и находилось до начала XVIII в. в ведении наместников, губных старост и воевод...

РЮРИКОВИЧУ

ПЛЕБ БЕЛОЗЕРСКИЙ

1237-1278

**ГЛЕБ
БЕЛОЗЕРСКИЙ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Глава 1. НАШЕСТВИЕ

Ростовский князь Василько Константинович недолюбливал великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, дядюшку своего. И эта неприязнь была взаимной. Юрий не мог простить брату Константину свое поражение в Липецкой битве, которая произошла в 1216 году. В итоге этой битвы Юрий и его союзник, младший брат Ярослав, князь Переяславля-Залесского, потерпели сокрушительное поражение. В результате победы над братьями Константину удалось согнать Юрия с великокняжеского стола и овладеть Владимиром, удержав за собой и Ростов. Но через два года Константин Всеволодович умер, а его потомкам не удалось удержаться в стольном граде Владимире. Юрий смог вернуть себе великое княжение.

Историки полагают, что Юрий Всеволодович не был заурядной личностью. Он проявил себя как целеустремленный политик, обладавший чувством времени. Его соперничество с братом Константином не было просто борьбой двух князей из-за великокняжеского стола. Константин, опираясь на старое ростовское боярство, стремился восстановить престиж и ведущую роль Ростова. Юрий продолжал линию Всеволода Большое Гнездо и Андрея Боголюбского, стремясь к укреплению великокняжеской власти. Он строил новые города, старался укреплять и развивать экономические и политические связи с Новгородом. А Василько Константинович, сохранивший за собой Ростов, видел бесперспективность соперничества с дядей Юрием.

Но в пору Батыева нашествия Юрий Всеволодович не проявил себя дальновидным стратегом, способным осознать общерусские интересы. Он не смог сплотить если не всех, то хотя бы значительную часть русских князей, сосредоточить их силы в единый кулак для отпора татаро-монголам. Поступками Юрия чаще руководили такие качества, как эгоизм и индивидуализм удельного властителя, равнодушие к судьбе других, ничем не оправданная самоуверенность.

Когда в конце 1237 года полчища Батыя подошли к Рязанскому княжеству, Юрий Всеволодович не откликнулся на просьбу рязанских

князей о помощи и хвастливо заявил: «Сам особь брань сотворити». Татаро-монголы беспрепятственно опустошили это приграничное княжество и затем разбили под Коломной войско под началом Всеволода Юрьевича, сына великого князя. После этой победы полчища Батыея смогли овладеть Москвой, где захватили другого сына Юрия Всеволодовича, Владимира. Великий князь оставил часть немногочисленной своей рати с сыновьями Всеволодом и Мстиславом для защиты стольного города, а сам призвал племянников Константиновичей присоединиться к другой части своей рати, намереваясь сосредоточить все свои силы в Ярославской области, чтобы встречать там Батыеву орду.

Такова была обстановка в Северо-Восточной Руси, когда князь Василько принял гонца от великого князя с посланием.

- Какой ответ передашь князю Юрию? - спросил гонец.

- Какой может быть ответ? Выступаю с моими ростовчанами незамедлительно, - ответил Василько. - Сожалею, что дядюшка Юрий поздно спохватился. Потерял города и сыновей. Но обиды на него за промашки его немалые не таю. Не время сейчас об обидах и промашках говорить. Передай, гонец, великому князю... Чту его, как отца, и повинуюсь ему.

Князь Василько с лихорадочной поспешностью стал готовить ростовское войско к выступлению, а супружницу свою, Марью Михайловну, напутствовал:

- Не устоять Ростову против вражеской лавины. Придется тебе, Марьюшка, укрыться с детьми малыми в дальней волости. Отправляйся-ка на Белоозеро. А мне предстоит сеча великая.

- Бог хранит тебя, князь, - сдавленным шепотом произнесла княгиня Марья.

Потом Василько Константинович наставлял ближайшего своего советника, боярина Евлампия Неофитова, который должен был возглавить охрану княгини.

- Даю тебе, боярин, два десятка стражников для охраны обоза. Больше дать не могу. И такая охрана не лишняя. Коли не встретятся на твоём пути ханские злыдни, можешь повстречать ватагу новгородских ушкуйников. Эти непременно позарятся на легкую добычу.

- Вестимо, - односложно ответил Евлампий. Он выглядел угрюмым, осунувшимся: переживал за двух сыновей. Оба несли службу в княжьем войске. Старший недавно стал сотником. Старый боярин не очень верил, что сыновья вернуться живыми после такой злой сечи.

Погрузили в сани что поценнее из княжеского имущества. Остальное

запрятали в надежные тайники.

- А что делать с ростовчанами? - спросил кто-то из свиты князя Василька.

- Бросьте клич - расходитесь, ростовчане, по окрестным селам, прячьтесь по лесам, - ответил Василько. - Коли не лишат вас бусурмане головушки, уведут в полон. Что ценно в вашем скарбе, заберите с собой или упрячьте понадежней.

Василько Константинович настоял, чтобы покинул Ростов и укрылся в Белоозере и епископ ростовский Кирилл. Владыка было заколебался, но князь убедил его.

- Мы не знаем, как ханские люди отнесутся к нашей церкви, не устроят ли в Божьих храмах конюшен, не пожгут ли их.

- Порухенный храм можно заново восстановить, а оскверненный вновь освятить, - возразил епископ. - Вместо уничтоженных образов богомазы сотворят новые.

- Так-то оно так, - согласился Василько. - Но Господь Бог вряд ли воскресит тебя, владыка, коли бусурманин подымет на тебя меч. А ты нужен своей пастве, княгине, сынам моим малым.

Согласился Кирилл с доводами князя, собрав церковные ценности, чудотворные иконы, книги, принял решение сопровождать княжескую семью до Белоозера.

Горьким было расставание княгини Марьи с мужем. Прижавшись щекой к его русой бороде, щедро орошала ее слезами. Высокая, с тонкими чертами лица, стройным станом, внешне княгиня напоминала свою бабку в молодости, польскую королеву Марию Казимировну. Отцом княгини Марьи был черниговский князь Михаил Всеволодович.

С усилием взяв себя в руки, Марья Михайловна вывела к отцу сыновей, старшего семилетнего Бориса и годовалого Глеба, лишь недавно научившегося ходить. Василько подхватил обоих, хотел что-то сказать сыновьям, но не нашел слов и лишь крепко прижал к груди.

Стояла снежная зима. Небольшой обоз из десятка саней, окруженный конными всадниками, двигался к Волге. В передних санях, укутанные медвежьей полостью, находились княгиня Марья с малыми детьми и нянькой. В других-санях ехал владыка Кирилл с парой монашествующих клириков и служкой. Евлампий Неофитов, несмотря на свой преклонный возраст, находился среди всадников.

Добравшись до Волги беспрепятственно, не встретив ханских разъездов, вышли выше Ярославля, к устью Шексны. Пересекли скованную крепким льдом Волгу, а далее путь лежал по льду волжского притока

Шексны, окаймленного зубчатыми кронами лесных опушек. Останавливались на ночлег в волостных селах. Княгиня с детьми устраивалась в доме тиуна, а владыка со своими спутниками - в доме священника. Стражники довольствовались охапкой еловых веток, на которой располагались у костра. Боярин Неофитов следил за тем, чтобы выставляли и вовремя сменяли стражников. От ханской орды караван смог оторваться, но чем черт не шутит. К каравану приставали беглецы из-под Костромы, из Ярославля, Углича. Голодные, отчаявшиеся люди, потерявшие весь свой домашний скарб, без съестных припасов, были готовы на все. Евлампий строго наказал стражникам следить за беженцами, не подпускать их к саням с продовольствием. А княгиня Марья жалела беженцев и велела подкармливать голодных.

- Не слишком щедрись, матушка, - говорил владыка. - Пусть встречные тиуны раскрывают свои закрома.

- Владыка дело говорит, - поддерживал Кирилла Неофитов.

Княгиня Марья только под утро забывалась в тревожном сне. Мысли о муже не давали ей покоя. Горькие предчувствия подсказывали ей, что битва между русскими войсками и ханской ордой может завершиться трагически. Великий князь Юрий вел себя неразумно, распыляя силы, не объединив всех князей в единый кулак. Батый тем временем завоевывал один русский город за другим, истребляя слабые гарнизоны, угоняя жителей в полон. На месте цветущих городов оставались руины и пожарища. Спихватился наконец князь Юрий Всеволодович, объединился с племянниками Константиновичами, Васильком Ростовским и Всеволодом Ярославским. Но не поздно ли? Хватит ли сил, чтобы противостоять мощной вражеской лавине, нахлынувшей с востока? Скорее всего, нет. И не будет ли предстоящая битва последней в их жизни? А если кто-то и уцелеет из русских воинов, что их ждет впереди? Увидит ли она своего суженого, Василька?

Эти мучительные вопросы задавала себе Марья Михайловна. И не находя на них ответа, спрашивала о том же владыку. Епископ Кирилл отвечал после раздумья:

- Непростые вопросы задаешь, матушка. Рязанские князья располагали немалой ратью. Приди на помощь рязанцам князь Юрий, может, и не сломили бы недруга, но потрепали бы знатно. Батый не так легко занимал бы один русский город за другим и пришел бы к решающей сечи с ослабевшим войском.

Как мыслишь, владыка, пойдет хан Батый на Белоозеро?

- Не думаю, матушка. Белоозеро в стороне. Князя Юрия и его

племянников хан, наверное, разобьет и пойдет далее на Смоленск, Чернигов, Северские земли, Киев. А дорога на Белоозеро для ханской орды затруднительна, непривычна - лесные чащобы, болота.

- Тревожусь за батюшку моего, князя Михаила. Он человек упрямый, гордый. Перед ханом головы не склонит. Боюсь, на рожон полезет.

- Полагайся на Божью волю, матушка-княгиня. Достигли наконец города Белоозера. Город вытянулся длинной лентой по правому берегу Шексны. Крепостных стен вокруг города или кремля здесь не было. Только центральную часть его, где находились хоромы княжеского наместника, главная церковь Успенья, увенчанная несколькими луковичными главками, дома протопопа и гарнизонной охраны, окружал бревенчатый и порядком обветшавший часток. Дома наместника и протопопа выделялись среди других строений гульбищами с витыми коленками, резными карнизами и наличниками окон, замысловатыми крышами. Строения остальной части города мало отличались от строений волостных сел, попадавшихся по пути. Неказистые избы с подслеповатыми оконцами служили жильем разного ремесленного люда: кузнецов, чеканщиков, плавильщиков, гончаров, плотников, а также рыбаков, лодочников, церковных служек. Выделялись немногие дома побогаче, принадлежавшие купцам, духовенству. На горизонте расстилалась поверхность Белого озера, серебрившаяся под лучами восходящего солнца.

Дом наместника оказался достаточно просторным, в два этажа. В нем могли разместиться княгиня Марья с детьми и немногочисленной свитой. Отряд стражников занял гарнизонную избу, заставив потесниться ее обитателей, а владыка Кирилл со своими людьми - свободный флигель дома наместника. Флигель предназначался для княжеской свиты, если бы на Белоозере оказался вдруг сам ростовский князь в сопровождении приближенных.

Еще не успела княгиня Марья как следует отдохнуть с дороги, как прискакал на Белоозеро гонец на взмыленном коне. Вид гонца говорил о том, что пришлось ему хлебнуть немало лиха. Без шапки, в разорванном зипунишке, одетом поверх кольчужной рубахи, он сжимал в ладони рукоять кривой татарской сабли. Одну лошадь гонец загнал в пути и стал требовать у волостного тиуна свежего коня. Тиун заупрямился - всех лошадей-де разобрали призванные в княжье войско ополченцы. Гонец усилил свои требования, сославшись на распоряжение князя Василька. Тиун сдался, нашел коня.

Всадник миновал ворота в ограде наместнического двора, осадил коня перед хорами. С усилием спешил, поднялся по ступеням гульбища.

Резким движением отстранил он стражника, преградившего было дорогу.

- С вестями от князя Василько.

- Княгиня ждет вестей, - отозвался стражник, пропуская гонца. - Она в молельне.

Марья Михайловна, осунувшаяся за последние дни, сама вышла навстречу гонцу.

- Ох, лихонько, матушка, - только и произнес гонец и осекся. Сперло дыхание, не было сил вымолвить и словечка.

Княгиня Марья не неволила гонца, терпеливо ждала рассказа, горького, безрадостного. Готовила себя к худшему, а прислужнице приказала подать гонцу корец браги. Гонец отхлебнул малость, но все пить не стал. Придя в себя, поведал горькую историю.

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович спешно собрал войско, чтобы встретить ханскую орду и дать отпор захватчикам. На призыв Юрия откликнулись, кроме Василька Константиновича, князь ярославский Всеволод Константинович и еще некоторые князья Северо-Восточной Руси. Подготовились к встрече ханской орды на реке Сити, впадавшей в Мологу, где и стали спешно укреплять лагерь. Возводили снежные валы и заливали их водой, чтоб обледенели и послужили препятствием для вражеской конницы. Но мартовские дни становились солнечными: снежные толщи разъедались тальми струйками и не спешили замерзнуть, хотя реки еще были скованы льдом.

Дозоры разведчиков и беженцы сообщали, что татаро-монгольские полчища под предводительством самого хана Батыея легко сломили сопротивление защитников стольного града Владимира, предав его огню и мечу. При его защите погибли сыновья великого князя Всеволод и Мстислав. Были захвачены Ростов, Суздаль, Москва, Ярославль, Углич, Галич, Дмитров, Тверь, Переславль.

После захвата и разграбления Владимира и Ростова ханские полчища двинулись в сторону Ярославля. Та же участь постигла и этот город на Волге. Наконец произошла кровопролитная битва на реке Сити. Силы были неравны. Татаро-монголы, многократно превосходя русских, плотным полукольцом охватили русскую рать. Один за другим гибли ее военачальники, Юрий Всеволодович, его племянник Всеволод Константинович, другие князья. Снежный покров земли обагрался кровью защитников. Князь Василько малыми силами отбивался от нападавшей на него массы врагов, число воинов его с каждой минутой редело...

- Ты ничего не сказал о судьбе князя, - перебила княгиня Марья Михайловна. Лицо ее выражало тревожное ожидание.

- Не взыщи, матушка-княгиня, за горький ответ, - вымолвил гонец и запнулся.

- Каков твой ответ? Не томи, кмет, - сложил голову Василько с другими князьями? Если такое случилось с моим суженым, так и говори. Не скрывай правды, какой бы черной она не была.

- Если бы сложил голову князь Василько вместе с другими князьями, пал геройски... Хуже дело обернулось с ним.

- Что может быть хуже? Говори.

- Раненного схватили его татары, обезоружили, уволокли бедного в ханскую ставку. Многих русских взяли в полон. Князь Василько перед тем, как был схвачен, успел отдать мне распоряжение...

- Какое распоряжение?

- Передать тебе, матушка, чтоб отсиживалась с детьми и близкими на Белоозере, пока не замирятся русские князья с Батыгой. Видать, придется взвалить на плечи наши ханское иго. Не устоять перед ханом. И еще... чтоб сынов берегла.

- Не устоять, - шепотом повторила княгиня Марья и перекрестилась.

- Должно, увели горемычного в Шеринский лес, что поблизости. Там ханская ставка.

Но княгиня Марья Михайловна уже не слушала. Она послала за владыкой Кириллом и боярином Евлампием Неофитовым. Гонца отпустила отдыхать с дороги.

Владыка и боярин прибыли в княгинины покои одновременно. Они уже были извещены о прибытии гонца. Евлампий низко поклонился княгине, Кирилл осенил княгиню крестным знаменем и благословил.

- Плохие вести, княгинюшка? - спросил владыка.

- Божья кара постигла нас, отец Кирилл, - тихо ответила Марья Михайловна и пересказала владыке и боярину Неофитову все новости, привезенные гонцом. Закончила она свой рассказ вопросом:

- Что будем делать, мужи достопочтенные?

- Ждать, - коротко ответил епископ.

- Чего ждать? Во имя чего ждать? - с волнением воскликнула княгиня Марья.

- Ждать, чтобы уяснить положение дел, - спокойно ответил владыка Кирилл. - Не все же русские воины пали в Ситской битве. Уцелевшие разбежались по домам, по лесам. Среди них есть и белозерцы. Доберутся до Белоозера - расскажут о том, что случилось. Узнаем и о судьбе князя Василько.

- Дай-то Бог... А что потом? - продолжила свои вопросы Марья

Михайловна.

- А потом возвращаемся в Ростов и замиряемся с татарами.

- Как же так, владыка? Можно ли замириться с ворогом?

- А что еще остается делать, матушка, если открыто бороться с ханской ордой мы бессильны. Русь раздроблена, разобщена. Этим воспользуется хан. Станет стравливать князей друг с дружкой и каждому в отдельности диктовать свою волю.

- Значит, склонить голову перед ворогом?

- Лучше сказать - затаиться до поры до времени. На рожон не лезть. А хан, я предвижу, примет свою политику, к которой возможно приспособиться.

- Не пойму тебя, владыка. О какой политике ты глаголишь?

- О ханской, разумеется. Не в интересах хана перебить всех Рюриковичей, стереть границы всех русских княжеств. Тогда пришлось бы держать в каждом городе ханские гарнизоны, расплыть свои силы. А не лучше ли действовать руками самих князей? Позволить им сохранить наследственные уделы и заставить выплачивать дань, уподобившись ханским наместникам. Я полагаю, что благоразумные Рюриковичи сумеют поладить с ханом, строптивых же князей, в назидание другим, ждет жестокая расплата. Придется терпеть и выжидать. А придет время, укрепнем, сплотимся и сбросим чужеземное иго. Верю, окажется у нас мудрый и решительный предводитель.

- Вроде бы разумно рассуждаешь, владыка, - сказал с сомнением в голосе боярин Евлампий. - Но что советуешь делать сейчас? Возвращаться в разграбленный, опустошенный Ростов и идти на поклон к бусурманам?

- Набраться терпения и ждать. Ведь мы еще ничего не знаем о судьбе князя Василько.

На том и порешили - ждать.

Ждать пришлось недолго. До Белоозера стали добираться люди из разгромленного ростовского воинства, участники Ситской битвы. Некоторые были ранены и повязаны обрывками холстины. Евлампий расспрашивал каждого о судьбе князя Василько, но ничего не мог разузнать конкретного. Говорили о гибели великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и его племянника, ярославского князя Всеволода Константиновича. Наконец один из уцелевших участников битвы поведал:

- Отвоевался Гришка Меркурьев, здешний кузнец. Сказывал, что захватили ханские люди князя Василька в полон и увели в свою ставку. А что с ним там сделали, одному Богу известно.

- Зови сюда Гришку, - приказал боярин.

- Больно плох Гришка. Изранен весь.

Гришку Меркурьева все же подняли на ноги с помощью опытной старой знахарки. Старуха долго шептала над ним заклинания, промыла чистой тряпицей все раны, приложила к ним целебные травы, заставила выпить горячий настой. Ожил Гришка, впадавший до этого в забытие, и смог добраться до княжнинных покоев, опираясь на плечо стражника. Вот что он поведал княгине Марье Михайловне, владыке Кириллу и боярину Евлампию Неофитову.

Глава 2. ГОРЬКОЕ СОБЫТИЕ В ШЕРИНСКОМ ЛЕСУ

Навалились ханские полчища огромной лавиной на русское войско, охватив его в полукольцо. Началась сеча злая, беспощадная. Ханская орда брала своим численным превосходством, к тому же была окрылена легкими победами над слабыми и разрозненными силами защитников русских городов на пути к сражению на реке Сити. У татаро-монгол была излюбленная тактика - вышибать русских всадников из седла или, накинув на шею аркан, стаскивать наземь и добивать уже пешего, затаптывать конской лавиной. Обладая многократным численным превосходством, татаро-монголы рассекали русскую рать на отдельные части и разбивали их поодиночке. Над полем боя неслись воинственные крики нападавших, лязг сабельных ударов, свист стрел, ржание коней.

Князь Василько Константинович лишился коня, пораженного градом вражеских стрел. Из-за тяжелых доспехов, кольчужной рубахи и нагрудника, он не сразу смог подняться с земли. Ему помог десятник Гришка Меркурьев, рослый и сильный человек, в недавнем прошлом белозерский кузнец. Он ловко подхватил князя под мышки и поставил на ноги. Василько был ранен в правую ногу, не прикрытую доспехами. Рана обильно кровоточила.

Уцелевшие воины образовали плотное кольцо вокруг своего князя и яростно отбивались от наседавшего противника. Однако кольцо их редело, все больше сжималось, хоть немало перед ними полегло и ханских воинов. В конце концов осталась защищать князя лишь небольшая горстка русичей, не более десятка человек, над которыми возвышался рослый Гришка.

Но вот полегли и эти последние защитники. На Гришку навалились скопом пятеро татар, а потом схватили и обессиленного князя Василька.

- В ставку к хану, - приказал ханский военачальник. - Видать, знатная птичка в наши сети угодила.

Василько сделал два шага и споткнулся, ощутив острую боль в раненой ноге. Ему на помощь пришел Гришка Меркурьев, тоже раненный, но не так сильно. Он поддержал князя, заставив обхватить себя за шею. Так и стали медленно двигаться в сопровождении ханских воинов к опушке леса, в котором располагалась ставка Батыя.

Сеча закончилась победой татаро-монголов. Поле на берегу реки Сити, еще скованной льдом, было усеяно телами русских и ханских воинов. Между ними ходили победители: стаскивали с убитых сапоги, снимали с них шлемы, добивали раненых.

Ставка хана Батыйя располагалась в Шеринском лесу, на просторной поляне. Здесь был поставлен большой шатер, охраняемый наиболее надежными и близкими к хану воинами его рода. Рядом находились шатры ханских наложниц, которых Батый непременно брал с собой во все походы, чтобы на досуге предаваться любовным утехам. На некотором отдалении стояли шатры ближайших ханских родственников.

Батыйю доложили, что привели пленного, по всей видимости, русского князя. Хан вышел из шатра, с любопытством разглядывая пленников. Был Батый облачен в просторный халат цветастого китайского шелка, отороченный лисьим мехом. Прислужник вынес вслед за ним низенькое кресло, покрытое подушкой.

- Кто таков будешь? - резко спросил хан Василька, усаживаясь в кресло и поджимая под себя, по восточному обычаю, ноги.

Рядом оказался толмач, камский болгарин. Он и переводил довольно искусно ханскую речь на русский язык.

- Василько, князь Ростовский, - с усилием выговорил пленник.

- Что так плохо воюете, русские князья? - с издевкой в голосе спросил Батый.

- Ты привел, хан, великое войско. А нас, русичей, оказалось против вас, завоевателей, слишком мало. Да и мы разобщены, нет у нас единства. В этом злополучном для нас сражении столкнулись неравные силы.

- Ты прав, князь. Нас много, и мы великая сила. Хорошо, что ты это уразумел.

Князь Василько Константинович промолчал, ничего не возразив хану. А мог бы и возразить. И русичи могли бы выставить против ханской орды великую силу, если бы князья не враждовали друг с другом, сплотились в единый мощный кулак. Когда-нибудь так и будет. Выступят русские могучей силой, найдется у них отважный и мудрый предводитель. Не устоят тогда перед такой силой захватчики.

Хан прищурил узкие щелки глаз на полном, одутловатом лице, разглядывая Василька. Рослый Меркурьев по-прежнему поддерживал раненного в ногу князя, который с трудом стоял перед ханом, опираясь на плечо своего десятника.

- Что молчишь, русич? - резко сказал Васильку Батый. - Нечего возразить?

- Нечего.

- То-то же.

Батый продолжал с любопытством разглядывать русского князя: изодранный в клочья татарскими саблями алый плащ, накиннутый поверх кольчужной рубахи, серебряный нагрудник с выгравированным на нем силуэтом Георгия Победоносца, поражающего копьём змия.

- Говорят, ты храбро сражался и положил немало моих воинов, - сказал Батый, прервав молчание.

- Долг воина поражать врагов, - сдержанно ответил Василько.

- Дерзко отвечаешь, - произнес с расстановкой хан. - Послушай-ка, князь Василько, что я тебе скажу...

Хан сделал паузу, продолжая сверлить пленника тяжелым взглядом маленьких глаз под припухшими веками. После длительной паузы Батый произнес медленно:

- Пойдешь служить ко мне, великому хану, могущественному повелителю народов?

- В чем ты видишь мою службу? - ответил вопросом на вопрос хана Василько.

- Ты будешь участвовать в моих военных походах. Мне такие храбрые воины, как ты, нужны. Будешь по моему повелению карать непокорных. А я за твою службу оставлю за тобой Ростовскую землю. Владей ею и плати мне дань.

- Требуешь невозможного, хан, - стиснув зубы, произнес вполголоса Василько.

- Не спеши с ответом, князь. Подумай. Коли проявишь покорность, ждут тебя милости, мое благоволение, красивые женщины. Даю тебе возможность в этом убедиться.

Батый встал с подушки и пошел внутрь шатра, сделав знак своим подчиненным. Те подхватили пленников и повели их в шатер вслед за ханом.

Огромный ханский шатер делился внутренними занавесками на несколько помещений. Центральное, самое просторное служило приемной. Здесь в медных чашах на высоких треножниках алели раскаленные угли. Напротив входа, на подушках уселся хан Батый в окружении ближайших родственников и военачальников.

- Дадим тебе возможность убедиться, какие милости тебя ожидают, русич, коли будешь послушен ханской воле, - произнес Батый и хлопнул в ладоши. По его сигналу зазвучала музыка, резкая, дисгармоничная. Музыкантов не было видно, они были скрыты за занавеской. Удары гонгов

и барабанов сопровождалась нестройными звуками труб. Под эти звуки откуда-то внезапно появилась молодая женщина с сильно нарумяненным лицом, в прозрачных шароварах и куске такой же прозрачной ткани, накинутой на грудь. Сквозь ткань отчетливо просвечивали стройные, хотя и несколько коротковатые ноги, пышные груди. Скуластое восточное лицо было бесстрастным, но в нем чувствовался затаенный страх.

Еще недавно эта женщина, принадлежавшая к одному сибирскому племени, была ханской наложницей. Пресыщенному удовольствиями Батюю наложницы быстро надоедали. И он, давая отставку очередной надоевшей обитательнице гарема, в виде особой милости дарил ее одному из своих приближенных. В ханском окружении считалось особо престижным пользоваться ласками той, которая прежде побывала у самого Батюя.

- Хороша?
- Что я тебе могу ответить, хан? Все у нее на месте.
- Коли нравится, дарю.
- Да зачем мне эта женщина? Я ведь женат, семью имею. По заветам нашей веры, принятой князем Владимиром, мы отвергаем многоженство.
- Я и не предлагаю тебе ее в жены. Бери для утех.
- Не гоже такое, хан. По-нашему, это блуд, непотребство. Я же сердцем привязан к жене моей, Марье, матери моих сыновей. Не могу принять твоего подарка.
- Значит, отказываешься от ханской милости?
- От такой милости отказываюсь.
- Кто твоя жена?
- Дочь Михаила Всеволодовича, князя Черниговского.
- Наслышан о таком. А детей у тебя много?
- Двое сыновей. Еще малолетки.
- Подумай об их судьбе. Что с ними будет, коли мы не договоримся по-хорошему?
- Что ты ждешь от меня, хан?
- Покорности, послушания, готовности служить мне.
- Служба службе рознь. Как побежденный, вынужден признать тебя своим господином, буду платить тебе дань. Но сякому подчинению есть предел. Я все-таки русский православный человек, приверженец своей веры, своих обычаев. А не идолопоклонник - бусурманин. Совершать поступки, противные моей вере, православным семейным устоям, я не в силах. Идолам твоим не поклонюсь. И подымать оружие против русского брата, даже если на то будет твоя ханская воля, не стану. Вот мой ответ.

- Дерзко сказал. Считай, что общего языка мы с тобой не нашли, к согласию не пришли. Ты мне такой не нужен. Знаешь, как я поступаю с теми строптивцами, кто пошел против ханской воли?

- Догадываюсь.

- Так и с тобой велю поступить.

- На все Божья воля, хан.

Батый сделал резкий жест рукой. Приближенные поняли его без слов, схватили князя Василька и вывели из шатра. Гришка Меркурьев устремился было за уводимым, подумал с горечью: если ждет князя Василька мученический конец, пусть разделит с ним его участь и белозерский кузнец, ставший десятником в ростовском княжеском войске.

Но ханские люди преградили ему дорогу, скрестив копья. И Гришка услышал глухой голос толмача, передававшего по-русски негромкие слова хана:

- Ты мне нужен, русич.

Однако Батый не спешил начинать разговора с Гришкой Меркурьевым, а, казалось, прислушивался к тому, что происходило на воле, позади шатра. Оттуда доносились надрывные, приглушенные стоны. Продолжались они недолго. Когда стоны смолкли, в шатер вошел один из тех, кто уводил князя Василька на расправу: плечистый бритоголовый татарин с обвисшими усами. Он что-то тихо сказал хану, склонившись в низком поклоне. Его слова, сказанные по-монгольски, Гришка понять не мог, но о смысле нетрудно было догадаться. Батый удовлетворенно кивнул:

- Твой князь получил то, что заслужил. Я бы и с тобой мог поступить так же. Но ты мне нужен.

Гришка Меркурьев лихорадочно соображал. Если он зачем-то нужен грозному хану, может быть, есть возможность вырваться из полона. Ради этого придется прикинуться покорным, послушным. Только прикинуться. Если бы удалось добраться до родного Белоозера, он сообщил бы княгине Марье Михайловне горестную весть. Кроме него это сделать некому.

И десятник, склоняясь в низком поклоне, заговорил тихо и вкрадчиво:

- Слушаюсь и повинуюсь, о великий хан. Теперь ты мой отец и повелитель. Повелевай твоим-рабом недостойным.

Толмач запнулся, затрудняясь передать смысл таких витиеватых фраз. Все же приблизительно передал, прибавив что-то и от себя.

Хан заулыбался и произнес поощрительно:

- Разумную речь слышу. Я, повелитель многих стран и народов, привык к покорности. Князь говорил, что у него осталась семья, дети?

- Два сына, мой повелитель. Один совсем малый.

- Где они сейчас, знаешь?

- Знаю, что укрылись где-то на севере. И с ними ростовский владыка, епископ Кирилл.

- Это он главный шаман Ростова?

- По-вашему шаман, а по-нашему владыка. У русских своя вера.

- Оставайтесь при своей вере. Можешь отыскать их?

- Как прикажешь, великий хан, отыщу хоть на краю света.

- Повелеваю, чтоб отыскал. И передашь мою волю. Пусть все возвращаются в Ростов и не опасаются за свою жизнь.

- Все же боязно, великий хан.

- Дам охранную грамоту, чтобы никто не тронул. В Ростове я оставил своего человека, баскака Бурхана, с отрядом. Он будет следить за поступлениями дани. И шаман ваш пусть возвращается в Ростов и шаманит на здоровье.

- Велики твои милости, великий хан, - льстил Гришка.

- Молчи и слушай далее. Тебя могут задержать в пути мои люди. Дам и тебе охранную грамоту и коня в дорогу.

- Безграничны щедрости твои, о великий...

Батый досадливо отмахнулся. Льстивые реплики Гришки казались надоедливыми, хотя в глубине души он и был доволен: быстро покорился русич.

- А княгине вдовой и их главному шаману передай... С князем я поступил так в назидание другим. Пусть воспитывают княжичей в духе покорности и смирения. Пусть они не повторяют ошибок отца. Понятно, русич?

- Понятно, мудрейший... Сделаю все так, как наставляешь.

- Вот и хорошо, если тебе все понятно. Твой покойный князь не оказался таким понятливым, вот и плохо кончил. Как зовут его старшего сына?

- Борис.

- Борис, - повторил хан с иронией. - Какие однообразные имена у ваших князей. Младший братец его, наверное, зовется Глебом? У вас непременно так. Если один брат Борис, другой Глеб.

- Мудрость подсказывает тебе... Младший княжич действительно зовется Глебом.

- Так вот, русич... Передай вдове княгине и ее главному шаману - пусть Борис считает себя князем Ростова, преемником отца. Когда я вернусь с войском из походов, завоевав все русские земли, отстрою мою столицу в низовьях Волги. Князей стану вызывать к себе. Послушные

получат от меня ярлык на княжение. Строптивные, непослушные ярлыка могут и не получить. И остаться без удела, а то и лишиться жизни, как...

- Как князь Василько, - подсказал Григорий.

- Пусть княжичи с малолетства усвоят этот порядок. Растолкуй им.

- Повинуюсь, великий хан.

- Нет ли у тебя, русич, напоследок просьб ко мне?

- Не решаюсь утруждать просьбами, великий...

- Не робей, русич. Все могу сделать... Вот разве солнца с неба не достану.

Хан раскатисто рассмеялся своей шутке. Его приближенные поддержали его угодливыми смешками.

- Коли позволишь, великий князь, выскажу тебе одну скромную просьбу. Не гневайся на раба твоего...

- Говори.

- Дозволь тело убиенного князя Василька земле предать. Обычай у нас, русичей, таков, - с трудом вымолвил Гришка, не без робости ожидая вспышки ханского гнева» Но Батый молчал.

- Знаю, что Василько не проявил мудрости... - добавил Гришка, чтобы смягчить ханское недовольство.

- Хорошо, - ответил хан. - Поступай с телом князя, как тебе угодно. Хоть забирай его с собой.

Батый махнул рукой, давая понять, что разговор закончен. Григорий вышел из шатра, сопровождаемый тем самым бритоголовым приближенным хана с обвислыми усами, который сообщил хану о расправе над Васильком. Вслед за ними вышел и толмач-булгарин.

На краю поляны, на опушке леса, позади шатра на красном от крови снегу лежал, раскинув руки, мертвый князь Василько с непокрытой головой. Его лицо было иссечено кровавыми рубцами. Кровь запеклась и на шее. Как видно, палачи предали князя смерти не мгновенной - наносили ему колотые и режущие раны, заставляя истекать кровью. Шлема рядом не было: видимо, его взял один из палачей. Был также сорван с кольчужной рубахи серебряный нагрудник с изображением Георгия Победоносца.

Григорий Меркурьев перекрестился, глядя на покойного. Взял его под мышки, оттащил на край поляны к разлапистому клену. Сложил руки князя на груди, обтер снегом окровавленное лицо его. Лопаты, чтобы вырыть могилу, поблизости не оказалось. Бритоголовый, сообразив, в чем нуждается русич, протянул широкий кинжал. Григорий попытался копать землю кинжалом. Еще не оттаявшая земля поддавалась плохо. Толмач вызвался помочь: так и копали они по очереди. Один крошил мерзлую

землю, вонзая в нее кинжал, другой выгребал и выбрасывал застывшие комья. В результате немалых усилий удалось выкопать совсем неглубокую могилу.

- Для временного пристанища достаточно, - сказал Григорий.

Опустили тело в могилу, закидали комьями стылой земли, сверху еще навалили веток и нагребли снежный холм. Меркурьева удивило, с каким старанием толмач взялся помогать, и сказал об этом.

- Я ведь ханский невольник, - ответил болгарин. - Наши камские земли первыми подверглись нашествию Батыя, опустошению.

- Была у тебя, болгарин, семья?

- Были и жена и дети. Ничего не ведаю об их судьбе. Может, в полон увели, а может, порезали. А меня схватили, чтобы я при хане находился и толмачил.

- А толмач ты отменный. Откуда?

- У богатого купца служил. Ходил с товарами и в русские земли, и на восток. Так что наловчился. А князя вашего жалко. Молод был.

- Слишком прямодушен. Не хватило ему хитрости.

- Наверное.

Гришку Меркурьева больше в ханский шатер не приглашали. Вышел из шатра приближенный Батыя, не бритоголовый, а другой, и протянул русичу две охранные грамоты, написанные на листках пергамента. Под какими-то непонятными буквенными знаками был нанесен текст и славянской вязью. Видимо, хан располагал и русским писцом.

- Это для тебя, - сказал татарин, протягивая листок пергамента. - А это передай семье неразумного князя, которого вы схоронили.

Гришка спрятал оба листка пергамента за пазуху. Толмач далее его не сопровождал, оставшись в расположении Батыевой ставки. Бритоголовый вывел Меркурьева из Шеринского леса. На опушке сбились захваченные у потерпевших поражение русичей лошади. Бритоголовый произнес что-то охраннику, тот послушно вывел из табуна коня и подвел к Гришке.

Бритоголовый, не произнеся больше ни слова, пошел к лесной опушке и вскоре исчез в чаще. Гришка понял, что он теперь свободен и может ехать своей дорогой. Он пожалел, что лошадь была не оседлана. Видимо, кто-то из победителей воспользовался ее седлом, хорошо еще, что уздечка оказалась на месте. Уцепившись за гриву коня, Гришка вскочил на спину лошади и пустился мелкой рысью.

Он решил обогнуть поле Ситской битвы и выбраться к Волге. Но какая-то необъяснимая сила влекла его туда, где на снежной равнине, подкрашенной густо кроваво-красными пятнами, лежали поодиночке и

грудами трупы воинов, русских и татар. Валялось оружие: мечи, сабли, копья, кинжалы, щиты, луки. Немало было мертвых лошадей. Кони монгольской породы были коренастые и шерстистые. Над полем кружились стаи воронья. Откуда-то взялись бездомные псы. Пока они ограничивались тем, что обнюхивали павших, слизывая с них кровь и выжидательно поглядывая по сторонам.

«Может, это вовсе и не псы, а волки, - подумал Гришка. - Будет им пиршество».

Конь тревожно храпел и вздрагивал, когда приближались к очередной горе трупов. Вдали шныряли мародеры из татарского войска. Подбирали, что поценнее, переругивались из-за добычи. На Гришку, казалось, не обращали внимания.

«Не гоже без оружия в путь пускаться», - решил он и, спрыгнув с коня, подобрал татарскую кривую саблю. Попробовал пальцем острие ее лезвия. Еще взял широкий кинжал. Кинжал сунул за пояс, а саблю решил не выпускать из рук. Снова сев на коня, направился к реке Мологе, сопровождаемый карканьем воронья. С Мологи Григорий намеревался выйти к Волге и по волжскому льду достичь Шексны. Оттуда открывалась прямая дорога на Белоозеро, где, как ему было известно, укрывалась княжеская семья вместе с владыкой. Реки еще были замерзшими, хотя лед становился рыхлым, ноздреватым. На его поверхности появлялись большие лужицы.

Григорий Меркурьев миновал три опустошенных деревни, от которых остались только следы пожарища. Наконец повстречалась уцелевшая деревня в несколько изб. К придорожной осине были привязаны две малорослые коренастые лошади монгольской породы. Они встретили всадника призывным ржанием. Заслышав ржание, из одной избы вышли два татарина, вооруженные саблями и луками.

Батый, выиграв Ситскую битву, объявил войску трехдневный отдых перед дальнейшим походом. Впереди были новые цели: Северские земли, Чернигов, Киев. Воспользовавшись стоянкой, татары рыскали мелкими группами по окрестным деревням, грабя и опустошая их. Деревушка, встреченная Григорием на пути к Волге, была бедной. Вряд ли грабители могли поживиться здесь чем-нибудь существенным.

Один из татар приблизился к Григорию и о чем-то резко заговорил, держась за рукоять сабли. Десятник вынул из-за пазухи охранную грамоту, выданную ханом, и постарался ответить с помощью жестов, упоминая имя Батя.

- Понимаешь, бусурманин непотребный... Хан Батыга...

Гришка ткнул в грамоту пальцем и потом указал на себя. Но монгол ничего не понял: был он неграмотен, прочитать запись на пергаменте не мог. Да, вероятно, и не думал, что хан мог снабдить русича охранной грамотой, которая обеспечивала неприкосновенность и свободу передвижения. Татарин швырнул грамоту наземь и стал уверенно поднимать саблю.

Мысль Григория сработала молниеносно. Он выхватил из ножен саблю и обрушил сильный удар на плечо мародера. Послышался хруст костей и слабый, вмиг оборвавшийся вскрик. Русич сумел рассечь туловище врага почти до половины. Татарин свалился бездыханный. Второй татарин, стоявший в отдалении, поспешно отвязал коня и пустился наутек. Отъехав на некоторое расстояние, он схватился за лук, натянул тетиву, прицелился и выпустил стрелу. Стрела поразила цель, ранив десятника в бедро.

Григорий с усилием выдернул стрелу из кровоточащей раны. Превозмогая боль, вскочил он на коня и бросился вслед за стрелявшим. Татарин, снова натягивая тетиву, упустил поводья коня, и тот споткнулся. Из-за этого татарин свалился наземь. Тут-то и нагнал его русич, поступив с ним так же, как и с первым.

Услышав шум сражения, возгласы, откуда-то возник совсем ветхий старик. Он был слишком слаб, чтобы последовать за молодыми односельчанами, укрывшимися в лесу, и прятался в погребе.

- Доброе дело сотворил, сынок, - промолвил старик поощрительно. - Мои сынки четверых бусурман подстерегли на дороге и всех вот так же уложили.

- Убиенных убрать не пособишь, чтобы не прицепились к тебе ханские люди?

- Мне все одно... Бояться уже нечего. Как Господь распорядится моей судьбой...

- Не скажи, дед. Жизнью надо дорожить и старому и малому. Помог бы тебе, да видишь, ранили проклятые.

- - Не утруждайся, сынок. Подаю сигнал, придут из леса мои ребята. Уберут эту, прости Господи, пададь. Лучше всего в прорубь спустим.

- Бог в помощь твоим ребятам.

- Спасибо за добрые слова. Покажи-ка мне свою рану.

- Ты знахарь, что ли?

- Никакой не знахарь, а старый вояка. Воевал много лет назад, когда еще князь Константин Всеволодович, отец Василька с братом своим, Юрием, из-за великого княжения сцепились. Злая сеча случилась тогда при

Липице. Старые бывалые воины учили меня, как кровь остановить, коли ты ранен, какую травушку приложить, чтобы поскорей зажило.

Старик осмотрел рану Григория, промыл ее чистой родниковой водицей из кувшина, приложил пучек каких-то трав и перевязал ее чистой тряпицей.

- Теперь и в путь отправляйся. Да лошадок бусурманских прихвати, пригодятся, коли дорога дальняя.

- Дальняя, отец. До самого Белоозера.

Григорий отыскал свою охранную грамоту, стряхнул с нее снежные комья и сунул за пазуху. Авось пригодится когда-нибудь. Обоих монгольских лошадей взял с собой в качестве трофеев.

Уже в пути, выходя на волжский берег, Меркурьев спохватился, что отправился он в дальний путь без всякого запаса съестного. В одном из селений на берегу Шексны он выменял одну из монгольских лошадей на большой шмат свиного сала, куль ржаных сухарей и мешок овса для оставшихся лошадей, взяв в придачу и старое седло.

Приближаясь к Белоозеру, Григорий почувствовал себя плохо. Разболелись раны, полученные в Ситской битве, когда он вместе с другими воинами прикрывал князя Василька. Раны были неглубокие и не казались вначале слишком серьезными. Но Григорий не принял своевременных мер, чтобы промыть их, воспользоваться целебными травами. Да и дальняя дорога, потное, немытое тело, общая усталость оказали свое влияние. Раны воспалились и нестерпимо зудели.

Добравшись до Белоозера, он свалился без сил и был не в состоянии сразу же встретиться с княгиней и владыкой. Только после того как старая знахарка подняла его на ноги, такая встреча состоялась. Григорий Меркурьев рассказал все, что произошло с князем Василько на поле боя и в ставке хана Батыя.

Не проронив ни единого слова, без единой слезинки выслушала княгиня Марья горький рассказ белоозерского кузнеца, десятника ростовского войска Гришки Меркурьева. Княгиня была готова к такой новости, сердцем чувствовала, что ее Василька, отца ее детей, уже нет на свете. Но все же в душе еще теплилась слабая надежда, - может быть, пощадит ее ненаглядного грозный хан Батый, смилостивится. Нет, не смилостивился!

Почернела, осунулась, посуровела княгиня Марья. Темные круги под глазами резче обозначились. До крови закусилась тонкие губы. А владыка Кирилл расспрашивал Григория подробности битвы, пленения и гибели Василька. Заставлял Григория тщательно припомнить и те слова, которые

говорил ему Батый.

- Найдешь то место, где захоронено тело князя? - вопрошал владыка.

- Непременно найду. Могила его на краю поляны, где стоял ханский шатер. Рядом огромный клен. Я на том клене для памятки зарубку сделал.

- Князя Василька мы похороним со всеми почестями в Успенском соборе, главном ростовском храме. Верю, что придет время, и церковь причислит великомученика к Лику Святых, он этого заслуживает. Слышишь, матушка-княгиня?

Уйдя в себя, княгиня Марья молчала. Но Кирилл продолжал обращаться к ней.

- Сынок твой старший, Борис, отныне считается князем Ростова, преемником покойного батюшки своего. По малолетству князя ты правительница. Я, как старший духовный иерарх Ростовской земли, готов помогать тебе всемерно. И боярин Евлампий разделит с нами все заботы.

Евлампий Неофитов поклонился княгине и владыке в знак согласия.

Княгиня Марья наконец нашла в себе силы вступить в разговор.

- Я бы монашество приняла, вдова горемычная. Женский монастырь хочу основать в Ростове. Назову его именем святого Спаса. Будет и моей обителью.

- Похвально твое намерение, матушка, - сказал поощрительно Кирилл.

- Но не забывай... - Владыка сделал паузу: - Не забывай, что и монашеский сан не снимет с тебя заботы о сыновьях, о благополучии Ростова.

- Полагаюсь на твои наставления, владыка, - тихо прошептала Марья. - Уж позаботься об останках князя. Ты прав, ему теперь место не на лесной поляне, а в Успенском соборе. Ведь он завершил строительство, начатое еще его батюшкой Константином...

О гибели отца сообщили маленькому Борису. Услышав горестную весть, мальчик расплакался. Владыка утешал:

- Не гоже, князь, давать волю слезам. Ты теперь князь Ростова, продолжатель дела отца. Старайся всем походить на него. Щедрой души был человек. Занесем, князюшка, в летопись добрые дела его.

Княгиня Марья Михайловна и епископ Ростова Кирилл Второй были духовными единомышленниками. Люди для своего времени образованные, начитанные, великие книжники, они трудились вдвоем над составлением ростовского летописного свода, охватывавшего много имен и событий.

Глебу сообщать трагическую весть было бессмысленно: все равно не уразумел бы ничего по малолетству. Еще недавно был ползунком.

Кирилл продолжал наставлять княгиню.

- Подрастет твой младшенький, возмужает... Выделим ему удел.

Можно Белоозеро с округой. Борис останется старшим в роду, Глебушка, как удельный князь, у него в подчинении.

- Что же теперь делать, владыка? - с отчаянием в голосе вымолвила княгиня.

- Воспитывать сыновей, управлять Ростовской землей. Платить супостатам дань. Скрывать свою ненависть к ним и ладить с ханом.

- Ты прав, владыка, - спокойно ответила княгиня Марья, - хотя приглушить ненависть, забыть о жертвах вряд ли возможно.

- Я говорю о внешнем проявлении ненависти, матушка. Сие проявление может оказаться губительным и для тебя, и твоих детей. Надевай личину благодушия.

- Как так?

- А иначе нельзя, матушка. Поразмысли сама. Княгиня Марья умолкла, не найдя слов для возражения и заговорила о другом.

- Я полагаю, владыка, надо бы поощрить этого белоозерского кузнеца, как его...

- Григорий Меркурьев. Судя по всему, хороший воин, находчивый. И был предан князю Васильку. Оставим его в княжеской дружине?

- Оставим.

- А как оправимся от разрушений, подыдем Ростов, восстановим войско, дадим ему чин пятидесятника или даже сотника. Он этого заслужил.

Княгиня Марья не возражала. Владыка изложил свой план действий на ближайшие дни.

- Я выеду в Ростов с моими клириками, пока Шексна еще не вскрылась. Возьму с собой Меркурьева. Он укажет место, где покоятся останки нашего князя. Доставим в Ростов для погребения в Успенском соборе.

- А как же я с детьми?

- Оставайтесь на Белоозере, пока не вскроются реки и не пройдет ледоход. Возвращайтесь уже по воде. А тем временем я восстановлю княжеские хоромы, кафедральный собор. Небось, все пограблено, загажено. Не могу представить, что сделали бусурманы с Успенским храмом. Святые образа, наверное, осквернили, в храме конюшни устроили.

- Типун тебе на язык, владыка, - Марья Михайловна перекрестилась.

С планом епископа княгиня согласилась. Владыка Кирилл вместе со своими духовными лицами и Григорием Меркурьевым выехали санным путем в Ростов, намереваясь по пути забрать в Шеринском лесу останки князя Василька. Княгиня с детьми и боярином Неофитовым, который стал

управляющим и начальником небольшой охраны, осталась в Белоозере.

Вся белозерская земля оглашалась скорбным звоном церковных колоколов. Духовенство непрестанно молилось за упокой души раба Божьего, великомученика Василька, сына Константинова.

Прощаясь с княгиней и благословляя ее, владыка Кирилл сказал проникновенно:

- Вернешься, княгинюшка, с детьми в Ростов, и вернемся мы к нашему богоугодному делу, летописанию. Подумай, что должны написать об убиенном Васильке. Слова добрые, хвалебные, как об ангеле Господнем. Кто из бояр служил князю Васильку Константиновичу, тот уже не мог служить другому князю. Так и напишем.

Княгиня засомневалась в справедливости этих слов, но владыка сказал ей твердо:

- В летописи надо написать именно так. Летопись - это и Божий, и людской суд над человеком. Великомученик заслуживает таких слов. Пусть это будет панегирик. Верю, что церковь станет чтить князя Василька как святого.

- Пусть будет по-твоему, владыка, - согласилась Марья Михайловна.

Глава 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОСТОВ

Небольшой обоз владыки Кирилла двигался вниз по Шексне, все еще скованной льдом, хотя лед становился ноздреватым, рыхлым. А по середине реки кое-где образовывались полыньи. Стояла середина марта, погода была солнечная, хотя еще и прохладная.

Обоз прижимался к кромке берега, подальше от опасных, зловеще чернеющих пятен. Так беспрепятственно вышли к Волге, не встретив нигде ханских людей. По левому берегу Волги поднялись вверх, до впадения в нее Мологи. Добрались наконец до злополучного поля, где две недели тому назад произошла Ситская битва. О приближении места недавней битвы давал о себе знать смрадный запах. Ощувив его, кони тревожно заржали.

Не то чтобы многолюдно было на поле. Но десятка два-три людей, мужчины и женщины, собирали трупы русских воинов, чтобы предать их земле по православному обычаю. Распоряжался всем этим молодой рыжебородый священник. Полы его рясы были подоткнуты за ремень. Заметив приближающийся обоз, он подошел к саням ростовского владыки, спросил пытливо:

- Чьи будете, божий страннички?
- Ростовский владыка с моими людьми, - сдержанно ответил Кирилл.
- Прости, батюшка... Не признал сразу. Благослови на доброе дело, - ответил священник, прикладываясь к протянутой руке владыки.
- Ты-то кто будешь? Назвался бы, - сурово спросил Кирилл.
- Отец Агафоник я, настоятель храма апостолов Петра и Павла из ближайшего села. От храма моего родного одно пепелище осталось, как и от моего жилища.
- Сочувствую тебе, пастырь.
- Вот собрал прихожан, которые в лесу попрятались. Предадим убиенных земле и совершим заупокойную молитву по всем христианским правилам.
- Бог тебе в помощь, отец Агафоник. Святое дело творите.
- Спасибо за доброе слово, владыка.
- Хотел бы еще спросить тебя, добрый пастырь... Увезли ли останки павших в бою князей для достойного погребения?
- Ярославского Всеволода-Ивана легко отыскали по княжескому стягу, что лежал рядом с телом. Должно быть, сын покойного приехал за телом

отца?

- Расскажи, пастырь, поподробнее, как отыскался князь Всеволод-Иван. Ведь Ярославль входит в мою епархию.

- Видать, проклятые бусурмане сшибли князя с коня. А вслед за ним пал и конь, придавив всей тяжестью беднягу. А сверху навалились грудой и другие убитые. Может быть, князь Всеволод на первых порах был еще жив, да раздавила его эта груда. А люди из града Владимира, боярин со свитой и два монаха, прибыли за телом князя Юрия дня два назад. Искали по всему полю, никак не могли найти.

- Почему же не могли?

- Надругались бусурмане над телом несчастного, мародерствовали. Сняли с него сапоги, доспехи, княжеское одеяние.

- Нашли и опознали все же князя Юрия?

- Опять помог княжеский стяг. Нашли его брошенным возле горы трупов. Значит, решили и покойный князь здесь. Опознали его по маленькой примете: на левой руке у князя не хватало указательного пальца. В детстве играл с ручным медвежонком и по неосторожности лишился пальца. Откусил его медвежонок.

- Ты не слышал, отец Агафоник, что случилось с главным собором во Владимире? До меня доходили смутные слухи...

- Беда случилась великая с Успенским собором. Ох, какая беда, - горестно кивнул священник. - Рассказал мне об этом владимирский боярин, что приезжал за телом князя Юрия. В соборе укрылись многие жители города, именитые люди, княжеская семья и владыка Митрофан с духовенством. Батыевы люди подожгли собор и ворвались внутрь, когда собор был в огне. Многие люди, укрывавшиеся в его стенах, задохнулись от дыма. Других бусурмане порубили мечами. Погиб и владыка Митрофан.

- Царство ему небесное, - скорбно произнес Кирилл и перекрестился.

- - Надеялся владыка, что недруги не тронут храма, уважат право убежища, да горько ошибся.

- А что же порубленных бусурман не видно на поле боя? - скорбно помолчав, спросил Кирилл отца Агафоника.

- Перед выходом в поход Батый приказал своему войску собрать воедино всех павших своих воинов и насыпать на сим месте курган. Видишь, владыка?

- Как не видеть. Велик курган.

- Так ведь и бусурман полегло под ударами русских мечей немало.

Владыка Кирилл заговорил о другом и стал расспрашивать священника, как питаются его люди.

- Скучно питаемся, - ответил отец Агафоник. - Ловим рыбку в проруби, стреляем куропаток. У нас есть меткие лучники. Не брезгуем и прошлогодней клюквой, собранной на болоте. Ведь все наши закрома недруги опустошили, ничего нам не оставили.

Епископ распорядился, чтобы его служки принесли с саней пару мешков ржаной муки.

- Не взыщи, добрый пастырь, за сей скромный дар. Держим путь налегке, с малым грузом. Пусть твои люди возьмут мучицу и поедят хлебушка.

- Как мне ответить на щедрость твою, владыка?

- Не надо никаких слов. Забирай мучицу и иди трудись... Маленький обоз углубился в Шеринский лес. Григорий Меркурьев уверенно показывал дорогу. Вот и большая поляна, на которой еще недавно располагалась ханская ставка, стояли шатры самого Батыея и его ближайших родичей. Снимаясь с насиженного места и отправляясь в поход, ханские люди оставили на поляне много всякого мусора: черепки битой посуды, объедки, нечистоты. Какой-то ханский стражник, видать, второпях позабыл круглый медный щит, разукрашенный нехитрым узором.

Вот и знакомый разлапистый клен, а возле его корневища неприметный бугорок, с которого еще не стаял снег.

- Здесь он, владыка, - произнес Григорий, указывая на бугорок.

Епископ Кирилл произнес слова молитвы и сказал коротко:

- Приступайте.

Останки князя Василька извлекли из земли, завернули в попону и бережно уложили в сани.

До Ростова добирались прямыми дорогами, отклоняясь от Волги.

Ростов расположился на северо-западном берегу озера Неро. Собственно, город занимал не слишком большое пространство, был окружен рвом и деревянным тыном. Здесь тесно сбились каменные и деревянные постройки: белокаменный Успенский собор, княжеские хоромы, палаты епископа, гарнизонная изба, жилища именитых бояр и купцов. Над всем этим комплексом возвышалась громада соборного пятиглавия. За пределами города широко раскинулся посад с избами ремесленников, мелких торговцев, служилых людей и разной гольтѣбы. Бревчатый тын, окружавший город, во многих местах был порушен.

Обоз въехал в город и был остановлен на вечевой площади перед княжескими хорами двумя вооруженными татарами. Попытки Кирилла объясниться с ними при помощи жестов и отдельных слов ни к чему не привели. Тем временем с гульбища княжеских хором по крутым ступеням

спустился тучный коренастый татарин в лисьей шубе. За ним следовал сутулый тощий человечек. Это оказались баскак Бурхан, оставленный ханом в городе с небольшим отрядом воинов, и его толмач. Как и тот толмач, который переводил в ханской ставке разговор Батыея с князем Василькой, он был камским болгаринном.

- Кто такие? - недобро насупившись, спросил Бурхан. Толмач перевел.

Здесьний владыка. Имя мое в монашестве Кирилл.

- Значит, главный шаман.

А ты кто таков? - в свою очередь спросил владыка, не считая нужным спорить.

Зовут меня Бурхан. Я ханский баскак, сборщик дани. Со мной военный отряд преданных великому хану Батыю людей.

Баскак говорил мирно, не задираясь. Владыка показал охранную грамоту, гарантирующую неприкосновенность.

- Русского шамана и княжеские семьи мы не обижаем, если они сами не вызывают ханского гнева.

- Как твои слова, Бурхан, согласуются с тем, что вы натворили в городе Владимире?

- Люди этого града попытались не подчиниться ханской воле, оказали вооруженное сопротивление. При осаде Владимира погибло немало наших воинов. Вот хан и разгневался. А на ростовчан хан гнева не имел. Сей град сдался без боя.

- Коли так, будем жить с тобой в мире, не гневя хана, - спокойно сказал епископ. - Вот мои палаты. Здесь буду жить и молиться. Приходи, Бурхан. Гостем будешь.

Кирилл указал на строения епископского двора.

- Что везешь? - спросил баскак, глядя на сани, покрытые суконной попоной.

- Останки убитого в бою князя Василька.

- Зачем он на великого хана меч поднял? Не понимал разве, что у хана несокрушимая сила.

- Стало быть, не понимал.

- Кто теперь будет князем Ростова?

- У князя Василька остались два сына. Оба еще маленькие. Старший Борис наследует отцу на ростовском столе.

- Где он, этот Борис?

- Он с матерью и младшеньким братом далеко на севере. Прибудут, когда реки станут свободны ото льда.

- Коли будут послушны ханской воле, никто их не тронет.

- А князьки хоромы придется тебе, Бурхан, освободить. Такова воля великого хана. Воспользуйся гарнизонной избой. Разве плоха?

- У меня много людей.

- Много ли?

- Считал и не сосчитал...

Баскак явно хитрил. Батый, покидая опустошенный и разграбленный Ростов, дал ему всего полтора десятка воинов и толмача-булгарина. Все же владыка уговорили конце концов Бурхана освободить княжеские хоромы, предоставив ему просторный флигель.

Успенский собор уцелел, не был предан огню в отличие от своего владимирского собрата. В помещении его всюду лежали кучи конского навоза. Ханские люди забавлялись тем, что стреляли из луков по образам иконостаса, стараясь попасть стрелами в лики угодников. Был загажен и разграблен и домовый храм при княжеских хоромах.

Много сил и стараний пришлось затратить владыке Кириллу и его людям, чтобы очистить храм от скверны, водворить на место наиболее почитаемые иконы и ценную церковную утварь, припрятанные в надежные тайники. После этого владыка заново освятил Успенский собор и домашнюю церковь при княжеских хоромах. Для останков князя Василька изготовили дубовый гроб и поставили его в центре собора. Епископ Кирилл ежедневно служил поминальный молебен по князю и другим павшим воинам. Иногда приходили на богослужение Бурхан со своими людьми. Приходили из любопытства, шапок не снимали. Приходилось терпеть такое кощунство - не выгонишь. Еще хорошо, что богослужение, которое велось на непонятном для пришельцев языке, быстро им надоедало и Бурхан и его люди покидали храм.

Потери ростовчан трудно было определить. Хотя Ростов и не оказал сопротивления врагу, как Владимир, люди Батыея часто убивали каждого, кто казался им способным носить оружие. Многих увели в полон.

Постепенно из окрестных лесов возвращались прятавшиеся там люди, вселялись в разграбленные дома, скорбели на пепелищах. Немало изб было пожжено в посадке. Еще на подступах к реке Сити лавина Батыевского войска смела охранение ростовчан. Некоторые воины, уцелевшие или легко раненные, рассеялись по окрестным лесам. Среди них оказался и командир охранения, сын Евлампия Неофитова, Антип Евлампиев, тридцатилетний, но уже опытный военачальник.

Когда до него дошла горестная весть о разгроме русского войска на реке Сити, Антип собрал уцелевших людей из своего отряда и принял решение возвращаться в Ростов. Достигли Ростова и другие русские воины,

которым чудом удавалось вырваться из окружения. Всего же в Ростове собралось человек тридцать, частью получивших ранения.

Владыка Кирилл собрал это небольшое войско перед собором и произнес краткое слово:

Именем князя ростовского Бориса Васильковича, законного наследника убиенного великомученика Василька Константиновича... По причине его малолетства распоряжаюсь. Антип Евлампиевич, бери командование над войском. Не велико оно покудова, но даст Бог, возродимся. И войско создадим, достойное славы Ростова. Помощником тебе определяю уроженца Белоозера Григория Меркурьева. Дозволь полюбопытствовать, владыка. Полюбопытствуй.

- Сей муж, коего ты назвал Григорием, белозерский боярин аль волостной тиун?

- Ни то, ни другое. Кузнец-ополченец.

- По чину ли...

Антип не договорил, так как его резко прервал владыка.

- Григорий Меркурьев большую услугу оказал княжеской семье: сохранил останки убиенного князя. А на поле боя вел себя героем. Тяжело раненный добрался до Белоозера, чтоб сообщить нам горестную весть и повеление хана возвращаться в Ростов под гарантии о неприкосновенности. Так что, сын боярский, не гнушайся таким помощником.

- Да разве я...

Антип не решился спорить с владыкой, заговорил о другом.

- У меня теперь тридцать мужиков. Со мной и с белозерским кузнецом тридцать два. Это сила супротив горсточки бусурман во главе с Бурханом. Мы бы своими силами могли всех недругов к ногтю...

- А вот этого делать не следует... Чтоб и мыслей таких в голове не было твоей. Подумай, что будет с Ростовом, когда ханская орда вернется из похода. Хан прикажет стереть с лица земли и град Ростов, и всех вас, кто в нем обитает. Так что сиди, боярин, тихо, смиренно, будь благоразумен. Пока не наступит время.

- А когда оно наступит, это время-то?

- Может быть, ты и не дождешься его. А внуки твои или правнуки сбросят ханское иго.

- Объясни мне, владыка... Зачем тогда нужен мой отряд?

- Для охраны порядка в городе. Сколько людей осталось без крова, без пищи, потеряло своих близких. Люди отчаялись... Возможны грабежи, даже убийства. Да и за бусурманами гляди в оба. Коли заметишь, какой бусурманин станет бесчинствовать, обижать русичей, сообщи

незамедлительно мне. Я укажу на те бесчинства Бурхану. Скажу ему, хочешь, чтоб Ростов исправно платил тебе ясак, не позволяй твоим людям шарить по избам, обижать русичей. Уверен, что с Бурханом можно поладить. Бывают ханские люди и хуже.

Озеро Неро освобождалось ото льда. По рекам поплыли бесформенные льдины. Иногда они наваливались друг на друга, хрустели, ломались, образуя заторы или рассыпаясь на мелкое крошево. До Ростова добрались прятавшиеся по лесам, залечившие свои раны воины из разбитого ростовского войска. Теперь отряд Антипа Евлампиевича увеличился еще на пятнадцать человек. Возобновилась служба во всех храмах Ростова. Под присмотром владыки приводились в порядок княжеские хоромы, загаженные и опустошенные людьми Батыея. Княжеские слуги, кто уцелел, не попал в полон, мыли и скребли помещения хором, освобождали их от скверны, чинили мебель, которую недруги не успели пожечь.

Когда Шексна и Волга полностью очистились ото льда, из Белоозера отплыли вниз по течению два больших дощаника. В одном из них находилась княгиня с малолетними сыновьями и слугами, а в другом - боярин Неофитов с частью княжеской свиты. По весне Шексна широко разлилась, выйдя из берегов и затопив прибрежные луга. Кое-где и избы поселений оказались в воде. Жители затопленных деревень сообщались друг с другом с помощью лодок.

По Волге спустились до Ярославля. Над городом стоял погребальный звон колоколов. Ярославцы скорбели по князю Всеволоду Константиновичу, младшему брату Василька, павшему в Ситской битве. В Ярославле сделали остановку. Марья Михайловна в сопровождении боярина Неофитова, посетила золовку, вдову князя Всеволода. Его останки недавно привезли с поля боя и готовили к погребению. Княгиня Марья застала княгиню Марину Олеговну в храме, склонившуюся в скорбном молчании над гробом убиенного мужа. Сказала несколько слов утешения, постояла рядом у гроба, приласкала осиротевших княжичей Василия и Константина и воротилась к Волге.

Возле Ярославля впадал в Волгу ее правый приток, неширокая река Которость, по весенней воде вполне доступная и для больших дощаников. Пришлось плыть по Которости против течения. Гребцы налегали на весла. Их периодически подменяли стражники из команды боярина Неофитова.

Приближение дощаников заметил караульный со сторожевой вышки и подал сигнал. Из ворот кремля вышли навстречу прибывшим Антип Евлампиев и Григорий Меркурьев. Дали знать о прибытии дощаников

владыке Кириллу. Из любопытства появился и Бурхан.

- Тятенька, живой! - радостно воскликнул Антип, обнимая отца.

И ты живой, сынок. Радость-то какая, - ответил боярин, прослезившись.

А княгиня Марья, вся в черном, почти бегом устремилась к Успенскому собору. Вбежала вовнутрь, упала на колени перед гробом с останками мужа. Судорожно обхватив дубовый гроб руками, запричитала:

- Свет ты мой ненаглядный, Васильюшка. Оставил меня с детьми малыши.

Пришел в храм владыка Кирилл с клиром, стал утешать княгиню Марью, как мог.

- Отдохни с дороги, княгинюшка, - сказал епископ. - Завтра устроим отпевание по полному чину. Соберем все городское духовенство. В храме и оставим гроб с останками великомученика.

Княгиня Марья находилась в полуобморочном состоянии. Лишь сказала слабым голосом:

- Пусть будет, как скажешь, владыка. А мой единственный путь теперь в монастырь.

- В Ростове нет женских монастырей, матушка.

- Нет, так будет. Позабочусь о своем пристанище.

- Бог в помощь, княгинюшка.

Погребальный молебен проходил торжественно и долго при большом стечении ростовчан. Служил сам владыка Кирилл в сопровождении двух архимандритов и двенадцати священников, всех, кого удалось собрать в городе и окрестностях. Пел мужской хор Авраамиева монастыря. Под сводами собора толпились ростовчане, воины гарнизона во главе с Антипом Евлампиевым, бояре, торговые и посадские люди. Не всех ростовчан увел в полон Батый. Многие сумели попрятаться по окрестным лесам и теперь возвратились по домам. Пришел и Бурхан с несколькими людьми из своего окружения. Затянувшаяся панихида вскоре надоела ему, и, тяжело ступая по каменным плитам собора, он покинул храм.

Княгиня Марья Михайловна, скорбная, почерневшая от горя, стояла у дубового гроба, держась за его крышку. За подол ее платья уцепился семилетний Борис. Не по-детски серьезным, сосредоточенным, понимающим взглядом смотрел он на гроб. Когда панихида закончилась и шестеро дюжих монахов подхватили гроб, чтобы нести его в подвал собора, Борис заплакал, причитая:

- Батюшка, не уходи. Не покидай нас. Владыка Кирилл поспешил успокоить мальчика.

- Батюшка твой, князь Василько, не уходит от нас. Душа его остается с нами, и с твоей матушкой, и с тобой, князь Борис, и с твоим маленьким братом Глебом. Ты теперь князь Ростова, и негоже тебе показывать твоим подданным слезы. Горе мы все пережили великое, и еще много будет всяких горестей на нашем пути. Так что крепись.

Епископ говорил с Борисом уважительным тоном, как со взрослым. Неоднократно называл его «князем», а не «княжичем». Мальчик послушался владыки, взял себя в руки и унял слезы. Монахи понесли гроб с телом князя Василька в подвал, который теперь становился усыпальницей ростовского княжеского дома.

Маленького Глеба на отпевание не взяли. Княгиня Марья распорядилась:

- Мал еще Глебушка для такого скорбного зрелища. Не уразумеет - какое горе посетило нас. Пусть останется с мамкой в палатах.

Возвратившись из Успенского собора в княжьи хоромы, Марья Михайловна попросила владыку Кирилла прийти к ней. Выглядела она сдержанной и спокойной. Сумела взять себя в руки, хотя и стоило ей это огромных усилий. С епископом поделилась своими думами.

- Пожалуй, владыка, на Песках подходящее место для нового женского монастыря. На первых порах построим небольшой деревянный храм, кельи для послушниц. Назовем монастырь Спасским.

- Твердо решила, матушка, принять монашеский сан?

- Без моего ненаглядного Василька для меня нет мирской жизни.

- Воля твоя, княгинюшка. Готова ли ты к пострижению?

- Готова, владыка.

- Тяжелую ношу на себя взваливаешь, отрекаясь от мирского имени, мирских забав.

- Какие могут быть забавы у вдовы горемычной? А мирское имя сменю на монашеское. Назовусь Марфой.

- Не забывай про сынов малолетних: они нуждаются в воспитании, материнской ласке, заботе.

- С Божией и твоей помощью, владыка, воспитаем сынов, обучим грамоте. Подберу Борису и Глебушке достойного воспитателя, который научит их всем премудростям.

- Бог тебе в помощь, матушка...

В окрестностях Ростова, в местности, которую с давних пор называли Песками, закипела работа. Лесорубы заготавливали в ближайшем лесу добротную строевую сосну и везли бревна к месту будущего монастыря. Постепенно подымались стены храма, трапезной, монашеских келий,

амбаров.

Тем временем владыка Кирилл совершил обряд пострижения княгини Марьи, ставшей в монашестве Марфой. Епископ предложил обряд пострига совершить в Успенском соборе при большом стечении народа и обставить его со всей торжественностью. Но Марья Михайловна решительно отказалась от такого предложения.

- Не надо торжественной и многолюдной церемонии, - запротестовала она. - Достаточно малого домового храма.

Владыка Кирилл уступил, и постриг был совершен в малой церкви при архиерейских палатах. Все же собрали весь клир городских храмов, пришли Евлампий Неофитов с сыном, другие ростовские бояре, Григорий Меркурьев, княгинина челядь.

Кирилл прочитал покаянные тропари и молитвы, обращенные к рабе Божьей Марье, которая становилась теперь Марфой. Владыка испытывал твердость постригаемой троекратным повелением подать ножницы и троекратным повер-жением их. Каждый раз княгиня смиренно подавала их владыке и целовала его руку. Приняв наконец ножницы из рук Марьи, епископ крестообразно постриг ее и объявил новое, монашеское имя постриженной.

- Ты теперь отреклась от мира, - произнес владыка. - Облачись же в новые одежды, приличествующие твоему сану.

Княгиня Марья, ставшая теперь Марфой, облачилась в черную рясу и камилавку, обычную монашескую одежду новообращенных монахинь или послушниц.

После церемонии пострижения состоялась беседа епископа с инокиней Марфой.

- До десятка женщин высказали желание стать послушницами нового монастыря, - сообщил Кирилл. - В основном это ростовчанки, вдовы павших в последней битве воинов. Среди них и две знатных боярыни.

- Похвальное рвение к Богу, - сдержанно ответила Марфа.

- И я так думаю. А стоило бы тебе, матушка, стать настоятельницей нового монастыря.

- Бог с тобой, владыка, я ведь только послушница.

- Срок послушания можно и сократить, принимая во внимание твои благородные дела.

- Хотела бы продолжить работу над летописанием, написать о Ситской битве, о павших в бою князьях.

От прямого ответа на предложение Кирилла стать настоятельницей нового монастыря Спаса Марфа уклонилась. Ее не привлекала доля

игумений с хозяйственными заботами, со всем нелегким бременем начальницы. Она считала себя книжницей, ее интересовало летописание. Епископ Кирилл не стал настаивать на своем.

Евлампия Неофитову, ставшему теперь управляющим княжеского двора, княгиня поручила очищать хоромы от скверны и приводить их в порядок. Хоромы были разграблены и опустошены, когда Батыево войско мимоходом занимало Ростов. А потом люди ханского баскака Бурхана изгадили все палаты, топили печи дубовой мебелью. Хорошо еще, что наиболее ценные вещи, сундуки с книгами, серебряную посуду, дорогие платья перед отъездом из Ростова княгиня распорядилась упрятать в тайники.

Боярин Евлампий, собрав всех уцелевших княжеских слуг и воинов из отряда сына своего Антипы Евлампиева, принялся за работу. Всякой скверны, мусора вывезли за город несколько подвод. Отыскались искусные столяры, которые принялись мастерить новую мебель. Вскрыли тайники, засыпанные толстым слоем земли. Княгиня Марья - Марфа - особенно пеклась о двух больших сундуках, набитых книгами. Среди них были летописи, творения отцов церкви, сочинения древнегреческих и византийских авторов, написанных по-гречески. Княгиня владела этим языком и намеревалась обучить древнегреческому и сыновей.

В качестве рабочей комнаты княгиня облюбовала небольшую светелку рядом с молельней. Распорядилась, чтобы здесь были поставлены большой стол, полки для книг, удобное для работы кресло. Просторную трапезную украсили полками с серебряной посудой и настенными расписными блюдами из фаянса.

Работы в княжеских палатах продолжались, а инокиня Марфа уединилась в своем рабочем кабинете. Писала о нашествии Батыевого войска, высказывала горечь - почему русские князья были разобщены и не выступили единой сплоченной силой. Потом написала о роковой Ситской битве, гибели многих ее участников. Упомянула о Васильке Константиновиче, захваченном в плен и умерщвленном в ханской ставке, в Шеринском лесу, о гибели в бою великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и князя ярославского Всеволода-Ивана Константиновича, младшего брата Василька.

С давних пор в работе княгини над летописанием установился четкий порядок. Сперва она советовалась с владыкой Кириллом, говорила о том, как ей представляется ход событий и видятся образы участников этих событий. Епископ внимательно выслушивал княгиню, а потом вносил свои дополнения и поправки. Марья Михайловна обычно соглашалась с

мнением владыки, который был для нее непререкаемым авторитетом.

Закончив работу, княгиня-инокия показала написанное владыке. Кирилл внимательно прочел, сказал поощрительно:

- Полезное творение рук твоих, княгинюшка, останется в назидание потомкам нашим. Похвально. Я бы сделал небольшие дополнения к написанному тобой.

- Слушаю, владыка, - смиренно отозвалась княгиня.

- Побольше хвалебных слов про князей-великомучеников: Василька и иных. Пусть на их примере учатся потомки наши. Каждый из них заслуживает отдельной хвалы.

Княгиня согласилась с доводами владыки, пополнила написанное. Потом рукописные листки поступили в руки монахов-переписчиков, которые славились отменным каллиграфическим почерком.

Строительство женского монастыря Спаса завершилось. В качестве игумений владыка Кирилл привлек пожилую монахиню Дорофею из Ярославля. Видя, как княгиня занята летописанием и воспитанием сыновей, он не стал настаивать, чтобы Марья взвалила на свои плечи бремя настоятельницы монастыря. У княгини Марьи, в иночестве Марфы, была в новом монастыре своя келья. Но она сохранила за собой и рабочую комнату в княжеских палатах, где хранились ее книги, где она занималась летописанием.

Глава 4. ДЕТСКИЕ ГОДЫ КНЯЗЯ ГЛЕБА

Братья Васильковичи не были участниками общих детских игр. Их разделяла разница в возрасте - семь лет. Не ахти какая разница, но старший из братьев, Борис, любил подчеркивать ее. К младшему брату Гребу он относился снисходительно-насмешливо, дал ему прозвища «малявка» и «карась». У Бориса была своя компания - Вассиан, сын Антипа Евлампиева, и другие боярские сынки. А Глеб дружил со своим сверстником, сыном Григория Меркурьева Власием.

Бориса мать заставила учиться. Монах Ириней занимался с ним чистописанием, заставляя бегло читать Жития святых, страницы летописного свода. Чтение далось Борису не сразу. Ему больше нравились рассказы монаха из библейской истории. Монах Ириней умел рассказывать живо, занимательно.

Периодически приходили на занятия монашествующая княгиня-мать и владыка Кирилл. Испытывали знания Бориса. Если мальчик отвечал неуверенно, путался, епископ говорил строго:

- Скоро повзрослеешь, князь, возьмешь в руки бразды правления. Взвалишь на плечи нелегкую ношу. Хороший правитель должен быть сведущ в науках, чтоб подданные видели в нем ученого человека. Старайся, князь Борис.

Примерно то же самое говорила сыну и княгиня-мать, ставя в пример отца Василька Константиновича, человека начитанного, любителя книг.

А маленький Глеб тем временем в обществе Власия сидел на берегу озера. Дети наблюдали, как рыбаки вытаскивают сети с окуньками и лещами, купались, если было тепло. Глеб рано научился плавать и любил пускаться с Власием наперегонки.

Как все дети такого возраста, Глеб был заядлым почемучкой и донимал взрослых вопросами: «А почему?» Однажды он пристал к матери с вопросом:

- Скажи, матушка, а почему меня назвали Глебом, а братца Борисом? И у боярина Лыткина сыны Борис и Глеб. И у рыбака Савелия тоже...

- Видишь ли, сынок, - начала вдовствующая княгиня. - Среди православных людей принято давать сыновьям эти имена. Борис и Глеб были братьями-великомучениками, сыновьями князя Владимира Красное Солнышко. Помнишь, я рассказывала тебе об этом замечательном человеке,

крестившем русичей.

- Помню, матушка.

- Когда князя Владимира не стало, один из его сыновей, Святополк, по прозвищу Окаянный, решил умертвить всех братьев, а их у него было много, чтоб самому владеть Русью единоначально. Вот и стали его жертвами молодые братья Борис и Глеб. Церковь почитает их как святых великомучеников. А Святополку Окаянному вынесла проклятие.

- А почему он Окаянный?

- Это значит дурной, скверный, жестокий человек.

- И Бог его наказал за дурные дела?

- Конечно, наказал. Победителем вышел брат Ярослав, прозванный Мудрым. Он и стал править Русью. Ярослав Мудрый твой прямой предок.

Мать обычно оставляла сына на попечение дядьки Зосимы, служившего когда-то в давние времена еще князю Константину Всеволодовичу. Строго наставляла престарелого дядьку:

- Глаз не спускай с малого. Как бы не убежал на озеро, не увязался за рыбаками. Не дай Бог, утонет пострел.

Но старый Зосима задремывал на солнышке, и этим пользовался шустрый княжич, убежал из-под присмотра.

И товарища своего по детским играм Глеб донимал расспросами.

- Почему ты такой белобрысый?

- Говорят, в мать уродился, - отвечал Власий. - Матка-то моя весянка с Белоозера.

- Что такое весянка?

- Народ такой. Когда пришли русичи на Белоозеро, народ весь уже обитал там, Говорят весяне на своем языке.

- И ты понимаешь их язык?

- Мало-мало понимаю. Когда тятя с матушкой начинают секретничать, чтоб я не понял, о чем это они... балакают по-весянки. А я кое-что разбирал: матушка говорила тятеньке, что должна родить. Появится у меня братец или сестренка.

Глебу Васильковичу исполнилось шесть лет, когда его привели в рабочую комнату матери. Кроме княгини Глеб увидел там владыку Кирилла и монаха Иринея. Старший брат, достигший двенадцатилетнего возраста, обучался теперь верховой езде, стрельбе из лука и владению мечом. Обучить молодого князя военным премудростям взялся один из старых воинов. Дважды в неделю Бориса учил теперь священному писанию сам владыка Кирилл.

Инокня Марфа повела разговор с младшим сыном строго и

назидательно:

- Хватит, сынок, лоботрясничать. Пора браться и за учебу. За тем тебя, Глебушка, и привели сюда, чтоб ты услышал эти слова. А теперь послушай, что скажет тебе владыка.

- Ждет тебя, раб Божий Глеб, княжение на Белоозере, - начал свою речь Кирилл. - Так было угодно еще твоему батюшке, великомученику Васильку Константиновичу. Когда князь Василько получил от меня последнее напутственное благословение, он произнес такие слова: «Коли суждено мне не вернуться с битвы, завещаю Ростов старшему сыну моему Борису, а младшему Глебу пусть достанется княжение на Белоозере. И пусть братья живут в мире и согласии, а младший почитает старшего». Уразумел, князь?

Далее владыка Кирилл начал объяснять маленькому Глебу, что управлять княжеством должен правитель грамотный, образованный, в науках сведущий. Брат Борис успешно прошел первую ступень обучения, а теперь осваивает вторую ступень: постигает все, что должен усвоить на практике хороший воин. Владыка перечислил все предметы, которые придется изучать маленькому Глебу. Это были грамота, включая чтение и письмо, арифметические действия, священное писание, историю Ветхого и Нового Завета, Жития святых великомучеников и историю дома Рюриковичей.

- Так много всего, - испугался Глеб. - Разве выучишь столько.

- Не пугайся, Глебушка, - успокоила его мать. - Не все сразу. Освоил же успешно все науки твой братец. И неплохо освоил. А поначалу и ему трудно приходилось. На твою учебу мы отпускаем немалый срок. Будешь учиться, пока не повзрослеешь.

Потянулись однообразные дни учебы. Ириной начал занятия с Глебом с уроков элементарной грамоты. Он терпеливо учил мальчика чтению и письму. Глеб должен был выводить гусиным пером на пергаменте буквы славянской азбуки, кириллицы. Если ученик невзначай ставил кляксу или терял стройность строки, строгий учитель заставлял Глеба переписать все заново. Долгое время Глеб никак не мог усвоить письмо под титлами. Ириной силился объяснить, что титло - это надстрочный знак, который указывает на сокращенное написание слова. Особенно часто система титлов применяется в скорописных текстах. Но Глеб никак не понимал, для чего нужно сокращать слова и прибегать к каким-то титлам.

- Не понимаю, - упрямо твердил Глеб. Но и учитель был упрям.

- Вчитайся в смысл всей фразы. Прочти ее вслух. Какое слово здесь напрашивается, - говорил монах.

Глеб читал вслух всю фразу и угадывал значение сокращения, отмеченного титлом.

- Правильно угадал, - говорил поощрительно учитель. - Вот так и поступай в дальнейшем. Не спеши, не горячись.

Через некоторое время занялись арифметикой. Начали с правильного написания цифровых знаков. А потом Ириной стал задавать нехитрые задачки.

- Ты пришел в Божий храм помолиться.

- В какой храм, отец Ириной?

- Пусть это будет Успенский собор. Итак, ты пришел помолиться. С тобой вместе дядька Зосима. А в храме собралось уже десять богомольцев.

- Почему так мало? Только десять?

- Не перебивай. Другие богомольцы еще не пришли. Сколько Я.6 VCGX богомольцев оказалось в храме, если к тому десятку прибавилось еще двое, ты и Зосима?

- Много.

- Где же много? Десять и еще два. Сколько это будет?

- А еще надо посчитать хор на клиросе, и ктитора, который свечи раздает, и всех батюшек.

- Их мы не считаем.

- Как же можно их не считать? Они же тоже молятся.

- Так мы с тобой не договоримся. Давай решать другую задачку, про яблоки.

- Давай про яблоки.

- У тебя четыре яблока. Два из них ты съел.

- Я бы и больше съел, коли они сладкие.

- Слушай меня, княжич. И не перебивай. Два яблока ты съел. Сколько еще яблок у тебя осталось?

- Тоже два. Придумай, отец Ириной, что-нибудь похитрее.

- Придумаю...

Историю дома Рюриковичей взялась преподавать Глебу сама вдовствующая княгиня. Рассказывала она занимательно, эмоционально. Маленький Глеб был всецело поглощен ее рассказами и слушал не перебивая. Вот рассказ про княгиню Ольгу и сына ее Святослава. Княгиня Ольга, мудрая правительница, ездила в Царьград в гости к греческому императору и там, в Царьграде, приняла крещение. Но сына Святослава, воинственного и сурового, склонить к принятию христианства не сумела. Сын ее оставался язычником. Он был убит в столкновении с разбойным племенем печенегов у Днепровских порогов. Печенежский предводитель

повелел сделать из черепа убитого князя чашу и пил из этой чаши вино. А сын Святослава Владимир, прозванный Красным Солнышком, принял греческую веру. Крестился сам и крестил народ. Князь Владимир любил пиры и празднества, на которых каждого русича, даже последнего бедняка, щедро угощали. Гуслиеры играли на гуслиях и исполняли свои песнопения. Среди них выделялся замечательный сказитель Боян. А среди воинов князя Владимира прославились доблестные богатыри: Добрыня Никитич, Илья Муромец, Алеша Попович и другие. О них слагали песни и былины.

- Расскажи про богатырей, матушка, - попросил Глеб.

- О богатырях, Глебушка, я не расскажу тебе так интересно, как наш гуслиер. Пусть напоеет тебе былинку. Перевелись, правда, такие гуслиеры, какие были во времена Владимира Красное Солнышко.

Отыскали гуслиера и привели в княжьи палаты. Это оказался сгорбленный седовласый старичок - в чем только душа держится. Но, ударив по струнам гуслей, он вмиг оживился и стал напевать дискантом слова былины об Илье Муромце. Послушать гуслиера пришел и Борис. Оба брата с затаенным дыханием слушали гуслиера, стараясь не пропустить ни слова. Перед глазами мальчиков зримо вставал образ храброго и отважного богатыря.

Уроки были неожиданно прерваны приездом гонца из Владимира, от великого князя Ярослава Всеволодовича, приходившегося ростовским Васильковичам двоюродным дедом. Гонец привез послание от великого князя. В послании говорилось, что хан Батый повелевает, чтобы русские князья явились в ханскую столицу Сарай-Бату «про свою отчину», т. е. для утверждения ханом права на княжение. В числе князей, которые упоминались в послании, были имена Васильковичей, Бориса и Глеба.

Визит гонца вызвал в Ростове беспокойство. Собрались, чтобы держать совет, вдовствующая княгиня, епископ ростовский Кирилл, боярин Евлампий Неофитов с сыном, другие именитые бояре.

- Что будем делать, други мои? - с тревожным вопросом обратилась инокиня Марфа к собравшимся.

- Выполнять ханскую волю. Это все, что нам остается, - сказал владыка Кирилл, стараясь сохранять спокойствие.

- Рисуем жизнью Васильковичей, - высказался Антип. - Кто знает, что на уме у Батыги.

- На уме у Батыги одно - как исправно получать дань и не ломать старого правления, - рассудил Кирилл. - Не в его интересах толкать Рюриковичей к сопротивлению, лучше приручить их. Наше дело проявлять покорность и копить силы, ожидая лучших времен.

С владыкой согласились, так как возразить ему было нечего.

Снарядили три больших дощаника. Сопровождать юных князей обрядили боярина Неофитова и иеромонаха Иринея. Один из дощаников загрузили подарками для хана: ценным мехом зверей, соболя и чернобурки, изделиями народных мастеров, бочонками с медом. Для ханских жен ростовские ювелиры изготовили янтарные ожерелья. Янтарь, добывавшийся на побережье Балтийского моря, привозили новгородские купцы.

Долго не могли решить, как велика должна быть вооруженная охрана. Боярин Евлампий настаивал на большом отряде. Частые нападения ханских людей на мирные города и села, грабежи и бесчинства с их стороны заставляли местное население разбегаться по окрестным лесам. Лишенные средств к существованию, отчаявшиеся люди собирались в воровские шайки, промышляли грабежами. Двигаться по дорогам, в том числе и по водным путям становилось небезопасно. Антип не соглашался с отцом. Он доказывал, что оставлять Ростов без надежной охраны не резон.

Нашел золотую середину владыка Кирилл. Большая вооруженная охрана вызовет раздражение хана - будет достаточно, чтобы дать отпор воровской шайке, десятка полтора воинов. На том и порешили.

Перед отплытием Бурхан неожиданно заявил, что он тоже хотел бы присоединиться к каравану, чтобы доставить в ханскую столицу собранный ясак.

С баскаком и его людьми отношения ростовских властей складывались сложно. Вел себя Бурхан высокомерно, заносчиво. Его люди частенько позволяли себе всякие бесчинства, могли ворваться в избу ростовчанина и похватать все, что приглянулось. Владыке Кириллу стоило немалых трудов, чтобы хоть как-то приручить баскака, задоблив его подарками. Способный к усвоению языков, хорошо владевший древнегреческим и латынью, епископ без больших усилий овладел языком завоевателей. Он регулярно практиковался в разговоре с кем-нибудь из татар. Однажды с Бурханом владыка свободно заговорил на его родном языке. И это польстило баскаку: он расплылся в довольной улыбке.

Неожиданно двое из его команды, отличавшиеся особенной склонностью к грабегам, исчезли: как будто их и вовсе не бывало. Неофитов установил, что эти двое наведались в одну из ближайших деревень, чтобы пограбить, и были убиты возмущившимися жителями. Трупы утопили в болоте. Спohватившись о пропавших, Бурхан пристал к Евлампию.

- Где мои люди? Ты знаешь, русич.

- Не горячись, Бурхан. Разберемся, где твои люди, что с ними случилось, - спокойно отвечал боярин. Несколько дней он отмалчивался, а потом сочинил такую историю.

- В окрестностях деревни Матвеевки объявился старый медведь. Задирает скот, были случаи нападения на людей. Твои люди решили поохотиться на медведя, но, видать, у них не было опыта такой охоты. Не совладали с медведем и заплатились жизнью.

- А не врешь, боярин?

- Зачем мне врать? И с русичами такое случалось. Жители деревни все подтвердили и даже представили вещественные доказательства: окровавленные клочья одежды и клок медвежьей шерсти. Бурхан поверил или сделал вид, что поверил. Но как бы там ни было, ордынцы стали меньше бесчинствовать. Бурхан их приструнил...

Теперь он потребовал у Неофитова большой дощаник, чтобы погрузить на него собранную дань: казну, пушнину, изделия ремесленников, продукты.

Когда Бурхан и его люди собирали с местного населения дань, размеры которой устанавливались свои с каждого двора, стоял великий стон. Ростовчане прятали по законам се, что можно было спрятать. Дотошный Бурхан пытался проводить перепись населения, чтобы знать, кого обложить данью. Княжьи люди преднамеренно сбивали баскака с толку, чтобы уменьшить число данников, хотя и знали, чем это грозит. Хан Батый грозился за утайку дани обрушить на виновных самую суровую кару. Наверное, Бурхан знал или догадывался о проделках княжеских людей, но, щедро задаренный, старался сор из избы не выносить.

Наконец караван из четырех больших дощаников, оснащенных парусами, тронулся в путь. На переднем плыли братья Васильковичи со свитой. На двух последующих располагалась небольшая дружина во главе с Григорием Меркурьевым, лежали дорожные припасы и подарки для хана. Замыкал караван дощаник, нагруженный собранной данью. На нем плыл Бурхан со своими людьми.

У Ярославля вошли в Волгу. Жители Ярославля сообщили, что только накануне отплыл молодой ярославский князь Василий Всеволодович, которого тоже ждали в Орде. Великий князь владимирский Ярослав предупредил всех князей, своих спутников, что местом сбора будет Нижний Новгород.

Основанный недавно на месте болгарского поселения при впадении Оки в Волгу Нижний Новгород стал местом сосредоточения княжеских караванов. Ярослав Всеволодович, Уже немолодой великий князь

владимирский, собрал на своем дощанике всех сопровождавших его Рюриковичей. Кроме малолетних ростовских князей Бориса и Глеба, здесь оказались тридцатилетний Владимир Константинович Угличский и пятнадцатилетний юноша Василий Всеволодович Ярославский. Братьев Васильковичей по их малолетству представлял боярин Неофитов.

- Други мои, на ваши плечи легла тяжелая ноша, - начал свою речь Ярослав, - отправляемся в логово бусурманье, в гиену огненную. Вернемся ли домой целыми и невредимыми, про то один господь Бог ведает. А должны вернуться целыми и невредимыми в свои стольные грады. К семье, к русичам своим. Как достичь этого?

Ярослав сделал паузу. Владимир Угличский нетерпеливо спросил:

- А в самом деле, как?

Ярослав Всеволодович заговорил не сразу.

- На сей вопрос нелегко ответить. На рожон не лезть. Хитрить и льстить хану, задаривать его подарками, проклятого. Пусть хан видит в тебе покорного верноподданного. Другого нам сейчас не дано.

Великий князь владимирский Ярослав, отец прославленного в будущем Александра Невского, еще долго наставлял своих спутников. Главное, подчеркивал он, не потерять расположение хана Батыея, не вызвать его гнев и получить из его рук ярлык на княжение. Если ты не обладатель ярлыка, ты перестал быть правителем в своем уделе. Такое неукоснительное правило установил грозный хан.

Караван, подняв паруса, двинулся вниз по Волге. Стояла жаркая летняя погода. Голубое небо лишь кое-где было усыпано клочьями белых облаков. Борис и Глеб укрывались от палящих лучей солнца под полотняным навесом. Чтобы скоротать время, просили сопровождающего их монаха Иринея рассказать что-нибудь интересное. Иринея не надо было упрашивать. Он превосходно знал всю историю Ветхого и Нового Заветов и пересказывал ее в занимательной и доступной для детей форме.

Приняла Волга свой левый приток Каму и стала еще шире, полноводнее. Караван растянулся длинной вереницей, вспарывающей спокойную гладь волжской воды. Во главе каравана шло судно великого князя Ярослава.

Иногда попадались встречные лодки с вооруженными людьми, подозрительно разглядывавшими караван. На берегу показывались всадники в остроконечных бараньих шапках, судя по одежде - ордынцы. Плавание по Волге продолжалось несколько дней. Вскоре лесистые берега сменились голой степью с редким кустарником.

Маленького Глеба постепенно клонило ко сну. Ириной, видя это,

прерывал рассказ.

- Притомились братцы. Отдохните малость...

Наконец караван вошел в Ахтубу, неширокий волжский рукав. Ахтубу и Волгу разделял лабиринт протоков и островков, поросших тальником и кустарниками. Здесь гнездились стаи диких уток, гусей и других птиц, наполнявших воздух кряканьем, гоготаньем, чириканьем.

Приближалась столица Батыева государства, Золотой Орды, Сарай-Бату, раскинувшейся по берегу Ахтубы невдалеке от моря Каспия.

Покорив одно за другим русские княжества, воспользовавшись их разобщенностью и отсутствием единства, Батый причинил Руси огромные опустошения. После покорения Руси и южных степей, населенных половцами, войско Батыя устремилось в Восточную Европу. Опустошению подверглись Польша, Венгрия и Далмация на Адриатическом побережье. Но удержать все эти страны в своих руках Батый не смог, так как его войско понесло немалые потери при захвате русских княжеств и было уже ослаблено.

Грозный завоеватель принял решение возвращаться на Восток. Здесь хан выбрал место для столицы своего государства, которое было названо Золотой Ордой. Государство это простиралось от Иртыша до Дуная. Столица получила название Сарай-Бату.

Когда караван дощаников с русичами пристал к берегу у ханской столицы, то, что предстало их взору, городом было назвать нельзя. Скорее это была большая строительная площадка. Город только начинал строиться. Согнанные рабы возводили обширный дворец, палаты для окружения хана, лавки купцов, ритуальные сооружения. Центральная площадь города была застроена обмазанными глиной хижинами из ивового прута, или просто навесами, плохо защищавшими от дождя, или даже шалашами. Те, кто побогаче, селились в шатрах, если еще не успели обзавестись палатами.

Прибывшим русичам отвели пространство, окруженное глинобитной стеной, где стояли несколько построенных на скорую руку хижин-мазанок. При высадке русских князей со свитами на берег татарский военачальник потребовал, чтобы все русичи сдали оружие.

Такова воля великого хана, - сообщил он через толмача. - Вы, русичи, ханские гости. А гости в дом с оружием не входят. Таков наш обычай.

- Мы не нарушим вашего обычая, коли оставим оружие на кораблях, - произнес Ярослав.

Ханский военачальник не стал возражать и проводил русских князей со свитами к месту временного обитания.

Батый выдержал срок и принял князей на седьмой день. Сперва

принял всех сразу, а потом каждого по отдельности. Подарками остался доволен, хотя и проявил сдержанность. Каждый из русских князей получил из рук хана специальную ханскую грамоту - ярлык на княжение.

Принял Батый и маленького Глеба, сопровождаемого Григорием Меркурьевым. Сказал не слишком дружелюбно:

- Говорят, ты сын ростовского князя Василька. Того самого, что не пожелал мне служить.

- Я совсем не помню отца. Мал был, когда его не стало, - ответил Глеб так, как его научили. - Теперь у меня только ты отец, великий хан.

Батый остался доволен таким ответом и даже изобразил подобие улыбки на жирном лице.

- Коли считаешь меня за отца, маленький русич, найду тебе невесту. Только подрасти, стань взрослым.

Глеб растерялся от таких слов и не нашел, что ответить. Те, кто учили княжича разговаривать с ханом, не могли предугадать такой поворот разговора. Выручил Глеба Меркурьев.

- Княжич растерялся от радости, великий хан. Безгранична твоя милость.

- А я узнал тебя, русич, - сказал Батый, взглядевшись в Григория.

- Я выполнил твое повеление, великий хан, - сказал сотник и низко поклонился.

Русичам было разрешено находиться в ханской столице в течение недели. Они посетили базары, увидели изобилие товаров, привезенных сюда из Средней Азии, Кавказа, Крыма. Батый старался торговать со всем миром. Побывали русичи на конных состязаниях воинов, преодолевавших препятствия: рвы, частоколы, брустверы. Одно из таких состязаний почтил своим присутствием сам хан Батый с пышной свитой. И видели русичи полонян, угнанных со своих насиженных мест в рабство, слышали их жалобы на голодное существование, жестокое обращение надсмотрщиков. Среди полонян были строители, плотники, ремесленники, землекопы, пастухи.

Один из невольников, назвавшийся Петром, рассказал:

- Бегут из бусурманского полона людишки, частенько бегут. Да разве легко достигнуть дома родного, когда до него сотни верст. И впереди голая степь, ни жилья, ни живой души. Если поймают беглеца ханские люди, засекут до смерти или бросят на растерзание дикому зверю...

Караван вышел в обратный путь. Плыли против течения, гребцы налегали на весла. Обратный путь затянулся. В последний момент к каравану пристал Бурхан, сдавший всю собранную дань и пополнивший

свой отряд несколькими новыми людьми.

...Снова потянулись дни учебы - чтение рукописных текстов, чистописание, решение арифметических задачек, уроки священного писания. Иеромонах Ириней излагал мальчику события библейской истории. Его сменяла мать - инокиня, рассказывавшая об истории дома Рюриковичей.

Однажды на очередное занятие с младшим сыном монашествующая княгиня не пришла, осталась в своей келье. Глеб хотел было побежать к матери в монастырь Спаса. Но Ириней остановил его.

- Не беспокой мать, княжич. У ней великое горе.

- Какое горе? - стал допытываться Глеб.

- Дедушки твоего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского не стало, - ответил Ириней.

- Как не стало? Он умер? - продолжал допытываться Глеб.

- Спросишь потом у матери, - уклонился от ответа иеромонах.

Не своей смертью ушел из жизни черниговский князь. Выплакав слезы по отцу, инокиня Марфа, осунувшаяся, постаревшая, сникшая, вышла к сыновьям вместе с владыкой Кириллом.

- Молитесь, сыны мои, за упокой души раба Божьего, убиенного великомученика Михаила, деда вашего.

- Дедушку убили? За что? - спросил Глеб.

- Он оставался твердым приверженцем православной веры. И поэтому не захотел, не смог выполнять языческие обряды, которые требовали ханские люди.

В домовом храме провели поминальный молебен. Служил сам владыка Кирилл. После поминальной службы инокиня Марфа подошла к старшему сыну и сказала ему:

- Тебе, Борисушка, надо отправляться в Чернигов и поклониться праху деда, высказать соболезнование его близким. Ты ведь теперь взрослый. Пятнадцать годиков тебе стукнуло.

Хотела еще добавить княгиня - скоро женим тебя, Бори-сушка. Да удержалась: не время говорить о женитьбе.

Борис не стал возражать матери, только попросил позволения взять с собой в качестве спутников надежных людей. Решено было взять Антипу Евлампиева и нескольких воинов для личной охраны.

О гибели князя черниговского Михаила в Орде было известно от приезжих купцов и от удельных князей, побывавших в Сарай-Бату и заезжавших на обратном пути в свою волость.

- Непременно напишу житие великомученика Михаила, - решила

инокиня Марфа и поделилась своим намерением с владыкой Кириллом.

- Похвальное намерение, матушка. Бог в помощь, - сказал поощрительно владыка.

Собирая все известные ей сведения о жизни покойного отца, инокиня убеждалась, что князь Михаил прожил жизнь сумбурную, насыщенную событиями, иногда трудно объяснимыми. В молодые годы он княжил в Новгороде, потом вел борьбу с Даниилом Галицким и Ярославом Всеволодовичем из-за обладания Киевом. Когда до него дошли слухи о приближении ханского войска и жестоких расправах с русскими князьями, Михаил оставил Киев и бежал в Венгрию, а потом в Польшу, где скитался по разным городам. Но надежды получить помощь от венгров и поляков оказались несбыточными. Возвратившись на Родину, он жил некоторое время на острове напротив Киева, разрушенного и опустошенного ордынцами. Возвратившись в Чернигов, Михаил Всеволодович получил от ханских людей приказание хана прибыть в столицу Орды. Князь отправился в путь с надеждой, что ему удастся заручиться поддержкой хана и закрепить за собой Чернигов. Там по повелению хана Батыя Михаил вместе со своим ближним боярином Федором был зверски замучен за несоблюдение языческих обрядов: отказ пройти сквозь очистительный огонь.

Вспоминая все эти факты из жизни отца, инокиня Марфа обратилась к Кириллу:

- Не могу понять, владыка... Ярослав Всеволодович и другие князья, сопровождавшие его в Орду, в том числе и мои сыны были встречены ханом Батыем дружелюбно. Не испытали в Сарае притеснений, получили ярлыки на княжение...

- Правильно, матушка. Не испытали притеснений, - перебил Кирилл. - Потому что вели себя разумно, на рожон не лезли. Ты хочешь спросить - а почему с твоим батюшкой Михаилом хан поступил по-другому, почему прогневался на беднягу? - Да.

Мы не знаем всех подробностей встречи великомученика с ханом. Вероятно, князь Михаил не проявил должной выдержки, а может быть, просто на него пал роковой жребий в наизидание другим. Может быть и так, матушка.

- Как же мне оценить житие великомученика Михаила?

- Прославляй его подвиг. Пусть будет пример другим...

Вернулся князь Борис из Чернигова недели через три, загорелый, возмужавший. Матери привез привет от пяти братьев, княживших по разным уделам Черниговской земли.

Инокания Марфа, обнимая сына, сказала многозначительно:

- Теперь тобой заняться, сынок, пора.

- Женить что ли меня надумала, матушка? - спросил Борис, покраснев от волнения.

- Угадал. Пора тебе семейным человеком стать. Инокания-мать собирала сведения о возможных невестах в княжеских семьях. Подходящую невесту нашла в Муроме. Это была ровесница Бориса, дочь муромского князя Ярослава Святославовича Марья. Сперва направили в Муром опытную сваху, которая поглядела княжну вблизи и, не заметив в ней никаких изъянов, повела речь с родителями невесты о замужестве. Потом поехал в Муром свататься сам жених с боярином Евлампием.

Свадьба состоялась, как все княжеские свадьбы, шумная, хмельная и многолюдная. Среди приглашенных гостей были ближайшие родственники Васильковичей, угличские и ярославские князья, Ярослав Святославович с муромской родней. Посылали приглашение и великому князю владимирскому Михаилу Ярославичу по прозванию Хоробрит, т. е. Храбрый, но он был тяжело болен и доживал уже последние дни. Детей ему Бог не дал, и послать на свадьбу ростовского князя вместо себя ему было некого. За спиной умирающего велись споры меж претендентами на великое княжение. Больше всех шансов стать преемником Хоробрита имел брат его, Андрей, княживший в Суздале.

Венчал молодых в Успенском соборе владыка Кирилл. Брат жениха, Глеб, вытянувшийся в свои одиннадцать лет в долговязого подростка, держал над головой жениха символическую корону. Над головой невесты, покрытой белой фатой, корону держал молодой ярославский князь Василий.

Обряд венчания проходил по полному чину и поэтому затянулся. В завершение епископ громогласно провозгласил:

- Объявляю вас, раб Божий Борис и раба Божья Марья, мужем и женой. Кончается над тобой, князь Борис, опека, кончилось твое малолетство. Ты теперь самостоятельный князь, правитель Ростовской земли.

В княжеских палатах начался пир. А для простых ростовчан выставили угощение на площади перед Успенским собором. Гуслиеры под звуки струн запели старинные сказания. Заиграли дудошники. Три дня продолжался пир, а потом гости разошлись по домам. Князья вернулись в свои уделы...

На следующий год Глеб Василькович посетил ордынскую столицу. Дошли до Ростова слухи, что хан Батый тяжело заболел и по дряхлости да

по старческим хворям не может заниматься государственными делами. Все правление фактически перешло в руки Батыева сына Сартака.

Борис изменил свое отношение к повзрослевшему брату: оставил насмешливо-снисходительный тон. Братья часто, оседлав коней, отправлялись в верховые прогулки, иногда пускались наперегонки. И, бывало, проворный Глеб обгонял старшего брата.

Однажды Борис повел такой разговор:

- Дошли слухи, что хан тяжело болен. Власть над Ордой сейчас в руках его сына, Сартака. Хорошо бы тебе, братец, отправиться в Орду, чтоб справиться о здоровье Батыги и поближе познакомиться с Сартаком. И мне бы не грех побывать в бусурманском логове, да, вишь, молодая жена жаждет мужниных ласк.

- Понимаю, братец. Я не против.

Владыка Кирилл тоже поддержал поездку Глеба в Орду. Епископы Руси, общаясь друг с другом, вынашивали планы открытия в Сарае православного храма. А еще лучше - епархии. Присматриваясь к ханской политике, они убеждались, что политика эта отличалась веротерпимостью. Среди ордынцев появилось много приверженцев ислама: мусульмане имели последователей среди половцев, камских булгар, слившихся с татарами. Но некоторые ордынцы принимали и православие. И в Сарае, и в других ордынских городах находились массы полонян православного вероисповедания. Ханские власти, считаясь с большим влиянием православных священнослужителей, относились к ним терпимо. Духовенство не облагалось данью, как остальные русичи.

Отправился в путь Глеб с небольшой свитой. Среди сопровождавших его спутников были неизменные иеромонах Иринея и сотник Григорий Меркурьев.

Принял Глеба, сопровождаемого Иринеем и Меркурьевым, сын Батыя, Сартак. Иринея был за толмача: усердный иеромонах освоил татарский язык, постоянно общаясь с людьми Бурхана.

- Мы интересуемся, как здоровье великого хана, - произнес Глеб.

- Я передам отцу, что русичи интересуются его здоровьем. Но он не сможет вас принять.

- Мы желаем великому хану доброго здоровья, - продолжал Глеб.

- Сие уже зависит не от нас. Великий хан прожил долгую жизнь и растратил много сил в походах.

Глеб припомнил, как искусно польстил хану Батыю, назвав его отцом. Батыю это понравилось, и он изрек: «Коли считаешь меня за отца, маленький русич, я найду тебе невесту».

Сартак благодушно рассмеялся в ответ на рассказ об этом и сказал с лукавинкой:

- Будет тебе невеста, маленький князь. Только подрасти. Одна из моих дочерей, внучка великого хана по имени Боракина. Так мы называли девочку в честь старшей жены Батгя. Хочешь увидеть ее?

- Хотел бы.

Сартак распорядился, чтобы привели девочку. Она оказалась примерно ровесницей Глеба, стройной и гибкой. Одеждой служили шелковые шаровары и короткая пестрая жилетка. Девочка прикрывала платком нижнюю часть лица, смущалась. Глаза большие и темные, словно две вишенки, смотрели настороженно и с любопытством.

- Тебе нравится, Бора, молодой русский князь? - спросил Сартак девочку.

Боракина засмушалась и ничего не ответила, прикрывая лицо платком.

- Считаю, князь Глеб, что у тебя есть невеста, - веско произнес Сартак.

Он отпустил проворно убежавшую девочку. Хлопнув в ладоши, Сартак вызвал прислужников и приказал им принести для русских гостей угощения. Появились фрукты: кисти винограда, абрикосы, орехи и кувшин с каким-то напитком. Напиток оказался кумысом, кобыльим молоком, непривычным для русских. Все же гости, пересилив себя, выпили по пиале.

Возвратившись в Ростов, Глеб рассказал матери и брату, что ханский сын Сартак, фактический правитель Золотой Орды, принимал его с честью и даже показал ему невесту...

Миновало еще два года. Глебу исполнилось четырнадцать лет. Был он рослым, плечистым, выглядел старше своих лет. Однажды в парадной палате княжеских хором собрались на совет князь Борис, княгиня-мать, владыка Кирилл и боярин Евлампий, управляющий княжеским хозяйством. Пригласили Глеба.

- Кто поведет речь? - как-то неуверенно вымолвил Борис.

- Тебе и вести. Ты князь ростовский, - твердо ответил епископ.

- Коли я... - Борис замялся. - Ты, Глебушка, повзрослел. Пора бы и в свой удел отправиться княжить.

- Как тебе угодно, Борисушка. Ты у нас старший в семье. Повелевай, - смиренно сказал Глеб - он ждал такого разговора.

- Значит, ты теперь удельный князь Белоозера.

- Коли тебе угодно, братец...

На этом и порешили - быть Глебу Васильковичу удельным князем белозерским. А стольным его городом быть Белоозеру. Над ним старший

глава семьи - князь ростовский Борис Василькович, а над князем ростовским великий князь владимирский. Ныне великое княжение принадлежит князю Андрею Ярославичу.

Еще долго шел между братьями разговор, переходивший порой в спор. Какие волости из ростовских владений отойдут под власть белозерского князя? Не получится ли, что владения князя Глеба охватят слишком обширную площадь: бассейн реки Шексны с притоками, берега Белого озера и впадающих в него рек и еще огромный край, который тянется от озера на север, к верховьям Онеги, включая озера Воже и Лаче?

Князь Борис приводил возражение:

- Не гоже такую обширную площадь отдавать под младший удел. Что же останется под властью Ростова?

Внес ясность боярин Евлампий.

- Белозерское княжество на первый взгляд обширно. Да ведь это леса и болота. И население его не достигает и малой части населения ростовской половины. Князь Борис, не останешься в накладе.

- Коли так... - с сомнением согласился Борис.

Еще разгорелся спор между братьями относительно численности дружины, которая будет сопровождать князя Глеба на Белоозеро. Глеб настаивал на том, чтобы ему передали то ростовское войско, которое было под началом Антипа Евлампиева. Борис уперся.

- Ростовское войско ослаблять не гоже. Наберешь, Глебка, своих воинов на Белоозере. Дам тебе два десятка, и хватит.

Владыка и боярин поддержали Бориса. Глебу осталось лишь согласиться, но он поставил свое условие.

- Не стану спорить, братец: пусть будет по-твоему. Но выполни и мою просьбу. Моими двумя десятками пусть командует Григорий Меркурьев. Не гоже, когда простой кузнец начальствует над другими.

- Что же ты хочешь? Из кузнеца сделать боярина?

- Вот именно, брат. Возведи Гришку в боярский сан. Он этого заслужил, ей-богу.

Глеб настоял на своем после долгих споров с братом. Григорий Меркурьев все же был возведен в сан боярина, получив грамоту, подписанную ростовским князем Борисом. Владыка Кирилл благословил новоявленного боярина.

Глава 5. ГЛЕБ ЗАНИМАЕТ БЕЛОЗЕРСКИЙ СТОЛ

Глеб Василькович, теперь князь белозерский, вышел из Ростова с небольшим караваном судов. Кроме двух десятков воинов во главе с Григорием Меркурьевым, ставшим неожиданно для всех боярином, и команды гребцов, молодого князя сопровождал ростовский владыка Кирилл.

- Посмотрю самолично, княже, какие нужды у церкви на Белоозере, - сказал епископ Глебу. - Полагаю, коли Белоозеро становится самостоятельным уделом, нужен в твоём стольном граде новый соборный храм, да чтоб затмил все другие храмы красотой и просторами. Глянь-ка на этот лист.

Кирилл развернул рулон пергамента, на котором был начерчен план и изображался внешний вид храма, увенчанного одной большой и шестью малыми луковичными главками. План и рисунок исполнил ученый монах, сведущий в Церковной архитектуре.

- Пошто так много главок, владыка? - спросил Глеб, разглядывая пергамент.

- Северный обычай. Поедешь по волостям твоего удела, сам увидишь. Основной материал на севере дерево, добротная строевая сосна. Искусный умелец из дерева всякую всячину творит.

Начиналось лето. Река Которость, впадавшая в Волгу у Ярославля, еще не обмелела, тяжело груженные дощаники плыли легко, не царапая дно.

В Ярославле сделали остановку. Глеб с владыкой нанесли визит ярославскому князю Константину Всеволодовичу, сменившему на ярославском столе рано умершего брата Василия. Ярославские князья приходились ростовским двоюродными братьями и соседями. Ярославское княжество вклинивалось длинной полосой, тянувшейся вдоль Волги, а потом вдоль волжского притока, Мологи, разделяя владения Васильковичей.

Князь Константин, болезненный и бездетный, принял гостей радушно. За столом пожаловался, что Бог не порадовал детьми: жена, курская княжна Ольга Олеговна никак не разродится.

- Не сокрушайся, князь, - попытался утешить его владыка, - у тебя же

растет племянница, дочка брата покойного.

- Мала еще. Десятый годок идет племяннице Марии.

- Подрастет.

- Еще не было случая, чтобы Рюриковичи передавали княжий стол женщине. Правда, было исключение: княгиня Ольга. Но она правила от имени сына Святослава во время его малолетства.

- Найдите жениха племяннице, достойного Рюриковича. Пусть он и наследует ваш ярославский стол, - весомо сказал владыка.

Кирилл отслужил службу в ярославском соборе, и караван тронулся дальше. Теперь приходилось плыть против течения по Волге до впадения в нее Шексны и далее вверх по Шексне. Гребцы налегали на весла, сменяя друг друга. Когда они совсем выбивались из сил, за весла брались люди из команды Григория Меркурьева.

Город Белоозеро вытянулся длинной извилистой лентой по правому берегу Шексны. В середине ленты взметнулся ввысь главный храм города, церковь Успенья, рядом с ней раскинулись палаты, которые давно уже занимал наместник Белоозера. Поближе к этим главным строениям жались усадьбы богатых купцов, дома духовенства, других именитых людей. А подалее рассыпались курные избы простолюдинов: ремесленников, рыбаков, лодочников.

Навстречу прибывшему каравану вышел наместник Федор Ефросинин, ветхий, седой как лунь. Владыка Кирилл первый заговорил с ним:

- Что обветшал, старче? Памятно мне, что ты не был таким, когда мы вместе с матушкой-княгиней и ее детками покидали Белоозеро.

- Да, владыка, обветшал я, - глухо ответил наместник, - а на то свои причины. Горе то какое на мои плечи легло. Оба сына моих в Ситской битве полегли. Еще надеялся на чудо, думал, скрываются где-нибудь в лесах сынки, вернуться живыми. Не дождался. Встретил человека, который своими глазами зрел их гибель.

- Держись, раб Божий Федор. Молись за упокой души сынов своих, - печально произнес владыка, благословляя старика.

- Князь-батюшка... - с надрывным страдальческим возгласом обратился Федор к Глебу.

- Что тебе угодно? - спросил Глеб.

- Уволь, батюшка. Не под силу мне бремя сие. Отпусти на покой. Не гожусь я тебе в помощники по дряхлости и хворям моим.

- С просьбой твоей разберемся, - сдержанно ответил Глеб. - А пока прикажи ударить в вечевой колокол. Пусть на площади соберется народ.

Хочу сказать белозерцам слово. И владыке есть что сказать народу.

Ударили в вечевой колокол, всполошивший горожан. «Молодой князь прибыл, теперь на Белоозере свой князь», - такие новости передавали друг другу белозерцы. Площадь быстро заполнилась, пришли и жители ближайших деревень, русичи и весяне.

- Скажи свое слово, владыка. А я уж потом... - обратился Глеб к Кириллу.

- Как тебе угодно, князь, - согласился епископ.

- Люди Белоозера, - заговорил владыка Кирилл, - князь Глеб Василькович, сын убиенного великомученика Василька Константиновича вступает в княжение над Белоозером. По завещанию батюшки своего и по доброму согласию брата, князя ростовского Бориса, любите и почитайте князя Глеба.

Толпа ответила приветственными возгласами и выкриками:

- Доброго здравия тебе, князь Глеб! И многих лет жизни! Глеб поднял руку и помахал. Толпа не сразу, но утихомирилась.

- Други мои, белозерцы, - начал Глеб. - До сего дня Белоозеро было частью княжества Ростовского, управлял им наместник Федор Ефросинин. Поклонимся ему за верную службу, за то, что вырастил достойных сыновей. Храбро сражались они с ворогом и полегли в Ситской битве.

Глеб обнял старика и подвел его к перилам гульбища, чтоб его лучше видели столпившиеся на площади люди. Федор прослезился, отвечая на поклоны.

- Наместник попросил меня отпустить его на покой, - продолжал Глеб. - Одряхлел, мол, силы порастерял. С болью в сердце выполняю сию просьбу. Жаль расставаться с Федором. Но коли настаиваешь, старче... отпускаю. Дарю тебе усадьбу на берегу Белого озера, со слугами.

- Не надо мне усадьбы, не надо и слуг, княже, - слабым голосом возразил Федор. - Одно у меня желание - принять постриг и уйти в монастырь.

- Ну что ж, поможем сему желанию сбыться. Есть у нас с владыкой задумка основать на Белоозере монастырь. Ты, Федор, и будешь первым его иноком.

- Будет на Белоозере монастырь. Непременно будет, - произнес владыка Кирилл, обращаясь к толпе.

- А теперь, други мои, представляю вам моего нового управляющего. Это моя правая рука. Боярин Григорий Меркурьев.

В толпе раздались возгласы изумления и выкрики: «Гришка кузнец. Какой же он боярин!»

Глеб призвал толпу к тишине и громко произнес:

- Вы не ослышались. Григорий, сотник ростовского войска, возведен моим братом, князем Борисом, в боярское звание. Для этого он имел серьезные заслуги. Григорий, подойди ко мне.

Григорий вышел из передних рядов толпы и поднялся на крыльцо. Глеб похлопал его по спине и произнес:

- Приступим к делу, боярин Григорий...

По случаю принятия Глебом княжеской власти, владыка Кирилл повелел, чтобы во всех храмах Белоозера отслужили торжественный молебен. Кроме соборной церкви Успенья в городе было еще четыре храма поменьше и несколько часовен. Храм Успенья трудно было назвать собором. Невелик по размерам, он был выдержан в северном стиле - основная часть храма столпообразно тянется вверх. Столп увенчан главками-луковицами, крытыми лемехом. Храм изрядно обветшал, давно не обновлялся.

После торжественной службы владыка долго осматривал церковь Успенья и качал головой. Обветшала - ничего не скажешь. Некоторые из луковичных главок совсем покосились, сруб покривился. Надо строить новый храм: солиднее, монументальнее.

А князь Глеб бродил по наместническим палатам, в которых приходилось ему временно обитать. После ростовских княжеских палат они казались тесноватыми. Пожалуй, они были достойны только купца или боярина средней руки. К тому же все помещения находились в полном запустении, давно не убирались: за чистотой Федор, видимо, не следил.

По молодости своей Глеб во многих жизненных ситуациях испытывал затруднения. И старался в таких случаях полагаться на советы владыки Кирилла, пока тот оставался на Белоозере. А проблем в управлении княжеством возникало немало. Сперва озадачил молодого князя Григорий Меркурьев. Он вошел в рабочую комнату Глеба, деликатно постучав в дверь, и произнес:

- Я так понимаю, княже... Надо подумать о белозерском войске. Не из двадцати же человек оно будет состоять.

- А ты как считаешь? Сколько людей следовало бы набрать в твоё войско? - спросил его в свою очередь Глеб.

- Полагаю, человек двести - триста.

- Не горячись, Григорий. Посоветуемся с владыкой. Он человек умудренный.

Пригласили владыку Кирилла. Он в свою очередь спросил Глеба:

- А ты как мыслишь, князь? Потребно тебе великое войско?

- Великое войско - великие расходы на содержание, - сказал сдержанно Глеб. - Белоозеро лежит в стороне от Волги, от оживленных дорог, от великого княжения. Ордынцы считают наш край медвежьим углом. Не верю я, чтобы на нас обрушилось вражеское нашествие. Появится, наконец, шайка новгородских ушкуйников - справимся малыми силами.

- Здраво рассуждаешь, князь, - поддержал его владыка.

- Значит, не станем увеличивать войско? - спросил обиженно Григорий.

- Нет, отчего не станем? - возразил Глеб. - Человек с полсотни, наверное, сможем набрать. Но не более. Подбирай, Гриша, мужиков покрепче, зорких стрелков...

Решили, что главной задачей будет строительство нового соборного храма взамен обветшавшего и расширение княжеских палат. Это возлагалось на Григория Меркурьева. Владыка наставлял новоиспеченного боярина, разворачивая перед ним пергаменты с чертежами.

Князь Глеб постепенно понял, что владыка Кирилл разносторонне одаренный человек: не только знающий богослов, начитанный человек, строитель, сведущий в архитектуре, но и опытный врачеватель. А узнал это Глеб Василькович при таких обстоятельствах.

Среди местных жителей была распространена глазная болезнь. Происходила она оттого, что избы простолюдинов обычно отапливались очагами без дымохода. Дым от очага стлался по избе, втягиваясь дымоходными отверстиями в потолке. Дым слепил глаза, заставлял людей терять их, возникало воспаление век. Иногда воспаление принимало крайне болезненные формы, появлялось нагноение. Распухшие веки покрывались шелушащейся коростой, что вызывало нестерпимый зуд. Владыка Кирилл во время первого общения с толпой белозерцев, а потом и во время служения в храме заметил немало людей с больными глазами.

- Зайди ко мне, болящий, - сказал он одному, другому, страдавшему болезнью глаз. Отправляясь в поездку на Белоозеро, владыка прихватил с собой две больших глиняных фляги с чудодейственным настоем из лесных трав, снимавшим воспаление.

Промывание больных глаз снадобием возымело эффективное действие. О владыке заговорили как о волшебном целителе, обладающем всесильным средством. К нему толпами стали приходить больные. Владыка оказал помощь некоторым, а потом приостановил лечение.

- Сил моих не хватает на то, чтобы всех вас вылечить, - сказал он.

И принял решение.

- Я уеду в Ростов, а вы что? Опять будете страдать глазами? Разумней поступлю, коли научу врачевать кого-нибудь из местных.

Владыка Кирилл определил в качестве будущего врачевателя молодого дьякона одной из городских церквей. Терпеливо объяснял ему, какие лесные травы обладают лечебными свойствами и годятся для врачевания, в каких пропорциях надлежит смешивать их отвары, как обращаться с больными.

Затем епископ решил совершить поездку по ближайшим приходом белозерского княжества. Отъезжая, сказал дьякону:

- Приеду посмотрю, как ты, отче, усвоил мои уроки...

В городе тем временем полным ходом шли строительные работы. Расширились княжеские палаты, надстраивались светлицы, воздвигались башенки с замысловатыми крышами. Главный фасад здания украшался новым гульбищем с витыми колоннами. Все пространство с палатами обносилось новой бревенчатой стеной с нарядными воротами. А рядом, на другом конце центральной площади города плотники ставили сруб новой Успенской соборной церкви взамен старой. Строители следовали чертежу, который привез владыка. Шестигранный столп, увенчанный луковичными главками, решили поднять выше прежнего, чтоб он был виден издалека, с противоположного берега Белого озера. К столпу примыкали приземистые приделы. Храм получался внушительный.

Тем временем владыка Кирилл, возвратившись в Ростов, получил приглашение из Орды от Берке, брата хана Батыея. Хотя управление над Золотой Ордой было передано по воле больного и немощного Батыея его сыну, Сартаку, Берке был влиятельной фигурой в ханском окружении и рвался к власти. Он узнал от ростовского баскака Бурхана, посетившего Сарай, что владыка Кирилл - искусный врачеватель, превосходно лечивший больных. А сын Берке страдал болезнью глаз.

По дороге в Орду епископ Кирилл счел необходимым посетить Владимир, где недавно вступил на великое княжение Александр Ярославич, прозванный Невским, прежде княживший в Новгороде. Князь Александр завоевал среди русичей добрую славу и уважение, благодаря своим победам над шведами на Неве и ливонскими рыцарями на льду Чудского озера. Даже ханское окружение в Сарае говорило о князе Александре как о достойном военачальнике.

Несколько лет тому назад была упразднена Суздальская и Владимирская епархия, и владыка Кирилл оставался ближайшим иерархом, в ведении которого находилась и церковь Владимирщины. Однако, накрепко привязанный к Ростову, владыка не слишком охотно выбирался во Владимир. Появление на великокняжеском столе Александра Ярославича изменило его настроение: он захотел поближе познакомиться с

прославленным князем.

Александр Ярославич, стройный, поджарый, с русой бородкой, выглядел молодо для своих лет. Принял он епископа Кирилла со всем дружелюбием. А когда узнал о цели его поездки в Орду, сказал поощрительно:

- Доброе дело задумал, владыка. Главное, уразумей обстановку в Сарае среди ближайших ханских родичей. Батый, говорят, совсем плох. Наверное, долго не протянет. Сартака не считают человеком сильным. Его устранить не трудно. А Берке властолюбив, хочет власти.

- Вот и хочу, князь Александр, поближе с ним познакомиться, узнать, что у него на уме. Поговаривают, что человек он жестокий. Если, не дай Бог, станет ханом Ордынским, нам от этого слаще не станет.

- Вот, вот... Посмотри на этого Берке с близкого расстояния, каков он?

- Посмотрю, князь. А знаешь, что о тебе говорят на Руси?

- Знаю, владыка. Или, лучше сказать, догадываюсь. Князь Александр, мол, удачлив. Шведов на реке Неве побил. Ливонцев на льду Чудского озера тоже разбил в пух и прах. Самого магистра пленил, военный опыт накопил. А коли так...

Александр Ярославич недоговорил.

- Понимаю тебя, князь, что ты хотел сказать. Не поступить ли так с татарвой, как мы поступили со шведами и немцами?

- Может быть, кто-то и думает так. Да только я иначе мыслю. Не настало еще время с татарвой сцепиться. Силенки у нас не те. Разобщены мы, раздроблены по весям, по уделам. И еще... уразумей, владыка. На сегодняшний день западный враг - шведы, немцы - враг первейший, паписты. Под знаменем папизма они несут русичам рабство, лишение государственности.

- Это ты верно говоришь, Ярославич.

- А Орда нас государственности не лишает. Только делает нас данниками. А зависимость - это еще не полная потеря государственности.

- То-то и оно, князь. С ханом можно поладить, выжить. И тем временем копить силы...

Епископ провел службу в главном соборе Владимира, а перед отъездом еще раз побеседовал с князем Александром Ярославичем. Великий князь поинтересовался, что из себя представляют братья Васильковичи.

- Мне ближе по душе младший, Глеб, - ответил Кирилл. - Юноша острого ума, сообразителен и по мере надобности хитер. Уже проявляет задатки государственной мудрости.

- Нужные качества в наше трудное время. Бог ему в помощь. При

случае присмотрюсь к нему.

Тяжело больной Батый не пожелал или не смог принять владыку Кирилла. Правивший от имени больного хана его сын Сартак встретил епископа дружелюбно, позволил ему отслужить молебен для русичей, находившихся в то время в Сарае. В ханской столице всегда скапливалось немало русских князей с дружинами, купцов, не говоря уже о множестве невольников. Владыка хотел выяснить возможность открытия здесь постоянного православного храма.

- Можешь исцелить моего сына? - спросил, пригласив к себе Кирилла, Берке, брат Батыя.

- Чтобы ответить, надо видеть больного, - сдержанно ответил владыка.

- Сейчас увидишь, а если вылечишь, озолочу.

Привели сына Берке, худенького юношу. Красные распухшие веки почти полностью закрывали его слезящиеся глаза. Мальчик почти ничего не видел и передвигался маленькими шажками, словно ощупью. Кирилл осмотрел его глаза. Та же самая болезнь, что у белозерцев.

- Излечима болезнь твоего сына, - сказал владыка уверенно Берке. - Я привез для лечения этой болезни хорошее лекарство.

Кирилл тщательно промыл распухшие веки мальчика. После второго промывания опухоль спала, глаза стали открываться нормально. Вскоре прошло покраснение, и сын Берке стал нормально видеть.

Восхищенный результатами лечения, отец воскликнул:

- Какой награды желаешь, русич?

- Единственной награды, Берке, - сдержанно ответил Кирилл. - Достань мне разрешение отслужить службу по православному обряду для здешних русичей.

- Мало просишь. Я бы и на большее расщедрился.

- Не нужны мне твои щедроты.

- Напрасно так говоришь. Я многое могу. А если бы я был ханом, то позволил бы вам, русичам, открыть в Сарай-Бату свой храм.

Кирилл обратил внимание, общаясь с Берке, что тот неоднократно произносил эти слова: «А если бы я был ханом...» Не проговаривался ли честолюбивый Берке о своем стремлении прийти к власти, заняв ханский трон? Может быть.

Берке охотно и подолгу беседовал с владыкой Кириллом. Он говорил о своем намерении принять мусульманскую веру, которая, по его мнению, больше отвечает традициям и обычаям ордынцев. Взять хотя бы многоженство.

- Считаю, что принятие ислама давно в Орде ждут, - убежденно

говорил Берке. - Многие ордынцы его уже приняли: камские болгары, половцы, жители Хорезма. Если бы я сегодня был ханом, я бы ускорил распространение ислама.

- А как же русичи?

- Оставайтесь со своей религией. И ордынцы, кому по душе ваша религия и ваш Бог, пусть берут пример с вас. Я не считаю, что ислам следует насаждать силой.

Кирилл возвратился в Ростов, сумев окрестить в Сарай-Бату несколько ордынцев, в том числе ханского племянника, получившего при крещении имя Петра.

...Тем временем в Золотой Орде происходили перемены. В 1255 году Батый умер. Ему наследовал сын Сартак. На первых порах существования золотоордынского государства ханы еще считали себя вассалами великого хана Монголии и отправлялись в его далекую резиденцию. Направился в Монголию и Сартак. Но он неожиданно умер на обратном пути из Монголии в свою Орду. Великий хан Монголии назначил преемником Сартака его сына, Улагчи. Но так как тот был еще малолетним, было возложено регентство на старшую жену Батыея. Но Улагчи недолго занимал ордынский престол, всего несколько месяцев. После его скоропостижной смерти ордынский престол достался брату Батыея Берке.

Эта новость дошла до города Владимира, когда там находился с визитом владыка Кирилл.

- Не кажется ли тебе странным и неожиданным то, что происходит в Орде? - спросил Александр Ярославович владыку. - Молодой и вполне здоровый хан Сартак умирает в пути. Его преемник, Улагчи, еще мальчик, тоже не оказывается живучим.

- Случайно это или преднамеренно - Бог рассудит, - произнес глубокомысленно Кирилл. - Встречаясь с Берке в Орде, я подмечал, что он часто повторяет: «Если бы я был ханом...» Наверное, произнося эти слова, он уже видел себя на ханском престоле.

А из Орды приходили новые и новые вести. Хан Берке объявил, что принимает ислам, но никого не принуждает следовать его примеру. Каждый ордынец волен молиться своему Богу, исповедовать свою религию, будь то ислам, христианство, буддизм или языческое идолопоклонство. Старая столица Золотой Орды Сарай-Бату не нравилась новому хану. Он решил основать новую, носящую его имя, - Сарай-Берке. Берке заявил, что приступит к ее строительству на берегу реки Ахтубы, севернее старой столицы.

Из первых распоряжений хана было очевидно, что он намерен усилить

систему контроля над вассальными русскими княжествами. Было задумано проведение переписи населения Руси с целью более энергичного сбора дани. Ханские чиновники-баскаки должны были направляться в каждое княжество. Им предписывалось обеспечить регулярное и планомерное выкачивание дани с русских земель и жесткий контроль над доходами княжества. Князей, утаивавших от хана хотя бы часть своих доходов и пытавшихся не платить сполна дань, могла ожидать суровая кара.

Ордынские новости доходили и до Белоозера. Узнавал о них Глеб Василькович, посещая время от времени Ростов, чтобы повидать мать, брата Бориса и владыку Кирилла. О намерениях хана Берке поведал Глебу старый знакомый - баскак Бурхан. Глеб уже сносно говорил по-татарски, и это льстило Бурхану.

- О, якши, якши... Шибко хорошо говоришь по-нашему. Кто научил?

- Хороший учитель нашелся.

- Какой учитель?

- Понимаешь, Бурхан... Такая история приключилась. Один новгородский купец отправился в Сарай с товарами. А там ему понадобился работник. Выкупил у ордынца русского полонянина, а тот немало лет в ордынском полоне провел, по-вашему свободно говорил. Выпросил я у купца этого человека, он меня обучает.

- Получается у тебя, князь, неплохо.

- А ты не засиделся, Бурхан, в Ростове? Не тянет в Орду?

- Нет, князь, не тянет. Брат твой, Борис, предлагал на русскую службу перейти. Прозываться Баскаковым. Ты, говорит, не столь лют, как другие баскаки. С тобой можно поладить.

- И что ты решил, Бурхан?

- Думать надо.

Встречаясь с владыкой Кириллом, Глеб говорил о своих церковных делах.

- Горе у меня, владыка. Потерял настоятеля моего соборного храма, отстроенного с твоего благословения. Великолепный вышел храм, украшение Белоозера. И нет настоятеля, отца Лавра. Еще не старый был, но страдал желудочной болезнью.

- Упокой душу раба Божьего Лавра.

- Я бы осмелился попросить тебя, владыка...

- Угадываю, о чем хочешь попросить. Ты, кажется, уже просил как-то, чтоб отпустил на Белоозеро иеромонаха Иринея.

- Так ведь учитель мой. Многому меня научил. И настоятель собора Успенья был бы достойный.

- Отпущу к тебе, князь Глеб, Ириная. И позабочусь о его игуменском сане. Будетон моим викарием на Белоозере.

Глеб не сразу вспомнил значение слова «викарий» и спросил об этом владыку.

- Викарий - это значит помощник, заместитель главы епархии в своей округе...

Княгиня-мать радовалась встрече с сыном и одновременно печалилась.

- Совсем взрослый стал, Глебушка. И никак не женишься.

- Так уж вышло, матушка.

- Сосватали бы тебе какую-нибудь из тверских или смоленских княжон.

- Связан, матушка. Крепкими путами связан, хоть и в холостяках хожу. Не до сватовства мне.

- Пошто так?

- Покойный хан Сартак расположен был ко мне. Обещал отдать мне в жены дочку свою. Видел ее совсем еще маленькой. Теперь, наверное, зрелая девица.

- Так в чем же дело? Бывает, русичи на ордынках женятся. Крестят невесту по православному обряду, дают ей русское имя.

- Если бы, матушка, было все так просто.

- А что не просто?

- Хан-то Сартак приказал долго жить. А сейчас царствует Берке, дядя его, человек суровый, жестокий. Идут слухи, что он помог Сартаку, племяннику своему, уйти в мир иной. По нраву ли Берке будет моя женитьба на дочке его племянника?

- Страсти какие, Глебушка.

- Вот именно. Коли смогу оказаться в Орде, поклонюсь Берке: рассуди, великий хан, есть ли у меня невеста. Коли есть, разреши увезти ее в Ростов, чтоб владыка Кирилл окрестил ее в нашу веру и обвенчал нас. Если это тебе не угодно, так и скажи.

- Так и поступи, Глебушка. Только не тяни: годы-то идут. Посмотри, у брата Бориса сынок Дмитрий растет.

- Племянничек хорош: в нашу породу удался...

Возвращаясь из Ростова в Белоозеро, Глеб Василькович неожиданно вспомнил русского пленника, выкупленного новгородским купцом и ставшим княжеским приближенным. С его помощью он научился говорить по-татарски. От этого русича по имени Данила Глеб узнал, что в Орде нередко практикуется выкуп полонян состоятельными русскими купцами, князьями, боярами.

И Глебу пришла мысль, которую он сперва почел невозможной: а что, если выкупить в Орде побольше русских полонян и расселить их по просторам Белозерского княжества? Здесь много лесных незаселенных пространств, прибрежных лугов, которые тянутся вдоль рек и вполне пригодны для земледелия. А почему невозможно? Были бы деньги для выкупа, много денег. Вот весь вопрос - где их найти?

Глеб поделился своими мыслями с Иринеем, сопровождавшим его:

- Что посоветуешь, батюшка Ириной?

- Что можно посоветовать, князь? Что здравый смысл подскажет. Отыщи богатых людей и обложи их пошлиной.

- Самые богатые люди на Белоозере - новгородские купцы. Они, минуя Белоозеро, направляются в северные края для торговли и промысла. Многие имеют свои лавки и в нашем городе.

- Пусть потрясут мошной.

- Хорошая мысль, отец Ириной...

Глеб Василькович решил исследовать путь, которым пользовались новгородские купцы. Для начала он, сопровождаемый малой свитой, всего из трех человек (Данила и два стражника), отправился в верховья реки Ковжи. Река эта впадала в Белое озеро со стороны его западного берега. Верховья Ковжи близко подходили к верховьям Вытегры, впадавшей в Онежское озеро. Водораздел между верховьями этих двух рек был невелик, он составлял всего несколько верст. Здесь новгородцы расчистили широкую просеку, проложили по ней бревенчатый настил и по нему без больших затруднений перетаскивали речные суда. Волок находился еще на Новгородской земле. В верховьях Ковжи начиналось уже Белозерское княжество. Селения здесь попадались редко, чаще они встречались по берегам Белого озера.

Озеро казалось спокойным, не предвещавшим неприятных неожиданностей. Голубое безоблачное небо, словно в чистом зеркале, отражалось в глади воды. Встретилось несколько рыбачьих лодок. Ближе к берегу раздавалось кряканье уток. Перед истоками Шексны плывшие по озеру суда встречала широкая отмель, затруднявшая движение. Чтобы обойти ее, нужно было хорошазнать сложный, извилистый фарватер. Здесь нередко суда, дощаники и струги садились на мель, а при неожиданной перемене погоды случались иногда и крушения.

Глеб Василькович присоседился к купеческому судну и стал расспрашивать купца. Купец направлялся с партией разнообразных товаров на Северную Двину.

- Часто ли на этой отмели бьются суда?

- Не скажу, что слишком часто, но бывает. На моей памяти разбились три дощаника.

- А скажи мне, купец... Если сюда посадить опытных проводников, знающих путь, все отмели, каждый вершок... У меня есть такие люди среди белозерских рыбаков.

- Хорошо бы, князь, коли на каждое плавание был проводник.

- Так ведь, купец, труд проводника денег стоит.

- Зато без риска. Я бы согласился на хорошего проводника раскошелиться.

- Подумаем, - многозначительно сказал Глеб.

Вниз по Шексне плыли не долго. Высадились у деревни Топорня, где начинался волок. Такой же бревенчатый настил, давно не обновлявшийся и поэтому совсем скверный, обрывался у продолговатого неширокого озера. Далее водный путь продолжался через малые реки и озера и выходил в довольно многоводную речку Порозовицу. Речка впадала в большое Кубенское озеро, дававшее начало реке Сухоне, которая открывала путь в северный край.

- Бог тебе в помощь, торговый человек, - сказал купцу князь Глеб на прощанье. - Теперь я тебя оставлю: дальше уже не мои владения. Что скажешь о пройденном пути?

- Если бы не этот проклятый волок...

- Вот-вот. Сколько он времени и сил у тебя отнял.

- И не говори.

- А если я на этом волоке заведу специальную команду да прикажу бревенчатый настил обновить...

- Специальная команда - дело хорошее. И опять же настил... Но ведь это расходы для купца. Ты, князь, не так прост, как на первый взгляд кажешься. Из тебя бы и купец получился хороший, расчетливый.

- А ты бы хотел, чтобы я тебе команду задаром собрал, настил обновил. Понесешь расходы не ахти какие, сэкономишь время и силы.

- Это верно, князь...

Глеб Василькович подобрал опытных проводников из числа белозерских рыбаков, которые стали водить суда из Белого озера в Шексню, минуя отмели. И приказал жителям соседних деревень обновить бревенчатый настил на волоке, соединившем Шексню с малыми озерами, от которого начинался водный путь к Кубенскому озеру. Обслуживать волок подрядил команду крепких мужиков. Разумеется, эти услуги у истоков Шексны и на волоке проезжие купцы должны были оплачивать. Дело оказалось полезным и облегчало купцам плавание, поэтому взимание в

пользу князя Глеба пошрины не вызвало большого недовольства.

Князь Глеб подсчитывал выручку и прикидывал, сколько полонян он сумеет выкупить в Орде, тем самым увеличив население княжества.

- Не слишком-то... - сокрушался он.

Князю Глебу шел девятнадцатый год. Он выглядел уже взрослым, физически сильным мужчиной. И нередко его одолевали чувственные желания: он засматривался на молоденьких девиц, русских и весянок. Весяньские девушки были большей частью низкорослые, коренастые, с низко посаженным тазом, отчего казались коротконогими. Их светлые волосы казались обесцветившимися на солнце, а глаза - белесыми, водянистыми.

На досуге князь Глеб увлекся охотой на гусей и уток. Чаше его сопровождал Данила, с которым он постоянно упражнялся в разговоре по-татарски. Однажды Глеб отправился один в легком челноке, пересек Шексну и поднялся вдоль восточного берега Белого озера. Он углубился в камышовые заросли, удерживая в руках самострел с натянутой тетивой.

Вдруг он услышал всплеск воды, но не такой, какой производят водоплавающие птицы или крупные рыбы. Всплеск был более громкий. Глеб осторожно раздвинул камыши и увидел, что к берегу приближалась обнаженная молодая весянка. Она вовсе не казалась коротконогой, как другие ее соотечественницы. Полноватые бедра и мускулистые икры выглядели гармонично. Сладко потянувшись, она повернулась к наблюдавшему Глебу спиной: тот залюбовался упругими ягодицами.

Женщина или девушка - весянка быстро оделась, натянув на себя длинное холщовое платье. Оно было поношенным и не слишком-то чистым. Босоногая, она быстрым шагом скрылась за прибрежным кустарником. Князь Глеб выдержал паузу, оставив челн в прибрежном тальнике, вышел на тропинку и, пройдя немного, увидел бедную, убогую деревушку. В ней было всего пять дворов. Судя по развешанным сетям, жители деревни в основном рыбачили. Возле одной из изб копошились свиньи.

Глеб дождался, когда из одной избы вышел старик в длинной, холщовой, подпоясанной шнуром рубахе и подошел к сетям.

- Бог тебе в помощь, дед, - сказал ему издали князь.

- Ась? - переспросил старик, прикладывая ладонь к уху. Он был либо глухой, либо, будучи весянином, плохо понимал язык русичей.

Глеб подошел и сказал громче:

- Ты весянин аль русич?

- Да как тебе сказать, молодец, - ответил старик. - Ныне мы все

перемешались. И не поймешь, русич ли ты или весянин. Две дочери у меня. Обе за русичами замужем. В городе живут. Один зять сапоги шьет, другой плотничает.

- А ты чем занимаешься?

- Рыбачу по мере сил своих стариковских. Бывает, судака ловлю и знатным горожанам поставляю.

- И самому князю Глебу, бывает?

- Господь с тобой. У князя свои люди. Ловят для него и судака, и осетра, и всякую другую рыбу. Ты-то кто будешь?

- У князя Глеба служу в дружине. Вот охочусь на уток.

- А я уж, грешным делом, подумал, не сам ли князь к нам пожаловал. Уж очень чисто одет, сапожки сафьяновые.

- У новгородского купца купил. Поторговался, задешево отдал.

- Так ты не князь Глеб?

- С чего ты это взял? С чего бы князь Глеб к тебе, старому, пожаловал. Говорю же, я его дружинник.

- Бог с тобой. Будь ты хоть главный коновал.

- Разве я похож на коновала?

- Это я так... к слову. Присказка у меня такая.

Глеб продолжал со стариком никчемный разговор в надежде, что из одной из изб выйдет весянка, которую он видел у озера. Но женщина не показывалась: видимо, занималась в избе по хозяйству.

- Будь здоров, дед, - наконец сказал князь Глеб старику на прощание.

Не один раз князь Глеб приходил к озеру, таился в своем убежище в камышах в надежде, что весянка опять будет здесь купаться. Подходил он и к деревушке.

И однажды ему удалось увидеть весянку и даже поговорить с ней. Она выходила из избы с глиняной корчагой: должно быть, намеревалась кормить скотину. Глеб окликнул девушку:

- Здравствуй, красавица. Не скажешь ли мне... Он запнулся, не сразу сообразив, о чем спросить.

- А ты кто таков будешь, мужик? - в свою очередь спросила девушка.

- Княжеский дружинник я. Охочусь в здешних местах.

- Так что ты хотел спросить, княжеский дружинник?

- Не видела ли ты вашего деда? Недавно виделся с ним.

- Какого тебе деда? У нас в каждой избе свой дед.

- Вот из этой крайней избы.

- То дед Савел. Он вместе с дедом Онисимом рыбачит на озере.

- А тебя-то как зовут, красавица?

- Какая я тебе красавица? Все, что требуется бабе, на месте. И то хорошо... Ну, Василиса я, коли тебе угодно знать.

- Угодно, раз охочусь в этом крае.

- Охотишься, значит... На девок или на уток?

- Пока больше на уток... И еще позволь тебя спросить.

- Спрашивай. Сам-то назвался бы.

- Василием меня кличут. Видишь, имена наши совсем похожие. Василий, Василиса... Так о чем я хотел тебя спросить... Девица ты аль баба замужняя?

- Не видишь разве? Коса у меня в прическу не убрана.

- Значит, девица.

- И девица, и не девица.

- Что за загадка?

- Ты, видать, русич, весяньские обычаи не знаешь.

- Кое-какие знаю.

- А о таком обряде, как весенние перегонки, слышал?

- Конечно, слышал. Женихи пускаются в погоню за девицами и стараются поймать ту, которая приглянулась. Бывает, заранее сговариваются, и девица поддается парню. А бывает и другое... Парень не люб девице, и она пускается во всю прыть, чтоб не попасть в руки парню. Если он не поймал ее, то это позор парню, повод для насмешек.

- Хорошо знаешь весяньские обычаи.

- Мне положено знать все обычаи Белоозера.

- Ишь ты! Знаток какой.

Вижу, ходишь ты в стареньком платьице. Подарил бы я тебе новое. Я ведь человек не бедный.

- Пожалуй, не откажусь. Только не все знаешь про меня.

- А что еще?

- Я ведь тоже в прошлом году в весенних перегонках участвовала. Приглянулся мне красивый парень. По отцу русич, мать весянка. Поэтому старался он соблюдать и русские, и весяньские обычаи. Я поддалась ему на перегонках, постаралась не убежать далеко: пусть поймает. Он поймал и не только поймал.

- Ты стала ему принадлежать?

- Весяньский обычай таков. Часто девушка идет под венец, уже потеряв свое девичество.

- И как сложилась ваша судьба?

- А никак не сложилась. Суженый мой бедняк был. Пришлось копить денежки на венчание. Для этого нанялся на лето к купцу на баркас. А

баркас потерпел крушение на отмели. Суженый мой выкупался в холодной воде, уже осень была, простыл и помер от простуды. Вот и суди сам - девица я аль баба...

- Эх, Василисушка. Если бы я...

- Понимаю. Если бы ты не был такой знатной шишкой в дружине у князя Глеба...

- Нет, совсем не то хочу сказать. Опутали меня по рукам и ногам... Не здесь на Белоозере, а там, в Орде. Татарва опутала. Не свободен я. Это долго рассказывать. Как-нибудь потом расскажу.

- У тебя, дружинник, есть жена-то?

- Жены-то пока нет. Вроде бы без моего согласия сосватали.

- Не горюй, Василий. Все еще у тебя впереди.

- А как же ты?

- Я тут причем? Я голытьба. Со временем найду какого-нибудь немолодого вдовца.

- Позволь мне к тебе навеститься, обсудить наши дела.

- А зачем? Ты сам по себе, дружинник. Я сама по себе.

- Ты же сама сказала, что не откажешься от моего подарка.

- Сказала, не подумав...

На этом разговор оборвался. Девушка скрылась за плетнем ограды, где кудахтали куры.

Как не захватила все его помыслы Василиса, о своих княжеских делах Глеб не забывал. Дотошно следил за сбором пошлины с проездных купцов, которых теперь сопровождал проводник по отмели на Белом озере, и за специальной командой, перетаскивавшей волоком лодки и суда из верховьев Шексны в тот водный путь, который приводил к Кубен-скому озеру.

Однажды Белоозеро посетил именитый новгородский купец, который вел широкий промысел пушнины на Севере и торговал с немцами и датчанами. Он встретился с князем Глебом в его палатах и повел такой разговор:

- Гусельников я. Слышал о таком, княже?

- Как не слышать. Торговый дом в нашем городе держишь.

- Там мой приказчик Хрисанф хозяйничает.

- Решил проведать, как у него дела идут?

- Между делом проведу. На Двину, на Мезень направляюсь. За собранной моими охотниками добычей. Соболь, горностай хорошо в Европе раскупаются. А знаешь, князь, почему мы Гусельниковыми прозываемся?

- Наверное, потому, что твой пращур на гусях бренчал.
- Вот-вот. Бренчал пращур на гусях, как Садко, про которого старинные былины рассказывают. А может, пращур и есть тот Садко?
- У тебя ко мне дело, купец?
- Угадал, княже. Верховья реки Сухоны на твоей земле?
- Пока на моей. Хотя спор идет с ярославским князем из-за этих верховьев: ему восточный берег Кубенского озера принадлежит. Ярославским-то княжеством управляют мои близкие родственники. Угличским и Ростовским тоже. Вот и спорим иногда из-за волостей.
- Бог с ними, с вашими княжескими спорами. Я не об этом. По Сухоне плавал?
- Пока не приходилось.
- А стоило бы поплавать. Пониже истоков река делает излучину.
- Ну и что? Бог с ней, с излучиной.
- Как это Бог с ней? Излучина мелководна, плавать по ней трудно. Мои дощаники не раз здесь застревают, садились на мель. Сколько времени теряли, пока преодолевали проклятое место. А если бы ты, князь Глеб, взялся прорыть канал, спрямив тем самым русло и обойдя мель.
- И велик канал нужен?
- Совсем не велик. Версты две в длину.
- Ну что ж, купец. Пророем канал. Вот только не совсем я понимаю, кто оплатит труд землекопов. Выгода-то от этого канала будет вам, купцам, а не мне.
- Соберем, как говорится, с миру по нитке. Уговорим других купцов поучаствовать. А ты нам канавку выроешь.
- Не канавку, а канал, глубокий и широкий, чтоб два встречных каравана могли разминуться.
- Правильно мыслишь, князь.
- Договорились, Гусельников. А я как раз сегодня собирался в лавку к твоему Хрисанфу.
- Что понадобилось.
- Хорошее женское платье. Подарок хочу сделать.
- Тонкого заморского сукна, с вышивкой. Пойдет?
- Пойдет.
- Тогда считай: дарю тебе платье. А дальше уж сам моим подарком распоряжайся.
- И еще мне надобно сафьяновые сапожки. Желательно красного цвета.
- Сапожки купишь в лавке у Хрисанфа. Я ведь на подарки не шибко

щедрый. Иначе был бы из меня некудышний купчишка. Платье тебе за то, что сговорились насчет канала. Сговор еще не деньги. Канала-то пока нет. Пророешь канал на излучине Сузони, узнаешь нашу щедрость.

- Сперва узнаю щедрость, тогда и канал будет.

- Ладно, княже. Сговоримся как-нибудь.

Платье тонкого заморского сукна вишневого цвета с нагрудной вышивкой и сафьяновые сапожки приказчик Хрисанф доставил князю Глебу. За сапожки пришлось выложить немалую сумму. Глеб уложил подарки для Василисы в заплечный мешок. Сказал приближенным, что собирается на охоту.

Григорий Меркурьев спросил:

- Не возьмешь ли с собой охрану, князь?

- Нет, Гриша. Люблю охотиться в одиночестве.

- Взял бы, князь, пару молодцев. Чем черт не шутит... На Суде-реке опять новгородские ушкуйники баловались.

- Так то на Суде-реке. От нас далеко.

- Скажи хотя б, где искать тебя в случае чего...

- В камышах за Шексной.

Глеб отправился в челноке к веснянской деревушке. Он долго выжидал, наблюдая за хижинами из зарослей тальника. Видел, как выходили из изб люди, садились в лодки, куда-то отчаливали. Видел знакомого старика, чинившего сеть. Наконец увидел и Василису. Глеб выждал, когда она останется одна и издали крикнул ей.

- Василисушка, здравствуй. Вот решил тебя проведать. Василиса улыбнулась, хотя плохо скрывала смущение.

Она была все в том же холщовом платье.

- Пройдемся, красавица, по бережку, - предложил Глеб. - Подарки тебе принес, как обещал.

- А я думала, что это ты в шутку, Василий.

- Да нет, без всяких шуток.

Василиса молча кивнула. Они шли по берегу озера, обменивались ничего не значащими фразами. Глеб не знал, как вести разговор. Его охватывало волнение от близости этой женщины, от запаха ее тела. Ему казалось, что и Василиса расположена к нему, испытывает такое же волнение.

Они пришли к тому самому месту, где Глеб застал впервые Василису купающейся в озере и выходившей нагой на берег. В этом вот кустарнике он тогда затаился.

- Сядь-ка, Василисушка, на этот камень. Что я для тебя достану из

этого волшебного мешка...

Василиса присела на большой, отшлифованный ветрами и дождями валун, а Глеб между тем развязал мешок и достал из него сафьяновые сапожки.

- Нравятся?

- Ой, красотища-то какая. Ты, верно, потратился. Зачем это?

- Я ведь говорил тебе, что я человек небедный. Хотел порадовать.

Василиса, засмутившись, хотела было примерить сапожки. Но Глеб опередил ее.

- Нет уж, позволь я...

Глеб приподнял подол ее платья, обнажил круглые колени и полноватые бедра и неожиданно для самого себя стал жадно целовать их.

- Ой, что ты делаешь, Василий. Грешно же это, - шепотом говорила Василиса, слабо отталкивая его.

Глеб, пересилив волнение, одел ей сапожки. Они оказались немного великоваты.

- А вот другой подарок тебе. Заморское платье. Василиса совсем растерялась, не зная, что и ответить.

- Сними свою ветошь и облачись в мой подарок. Слышишь?

Как же... Как я должна переодеваться при чужом.

- Считаю, что отныне я тебе не чужой.

Скорый ты, однако, дружинник. Не могу при тебе нагишом предстать.

- И не надо. Уйду в кусты. А ты тем временем переодевайся.

- Будешь ведь из кустов за мной подглядывать.

- Да уж, не удержусь, буду. Уж лучше ты уйди в кусты и там переодевайся. А я посижу на берегу...

Платье оказалось Василисе впору. Глеб с восхищением разглядывал весянку.

- Какая красуленька! Да нет, не красуленька... царица!

- А ты, видать, добрый, дружинник, - сказала в ответ Василиса. - Или великий шельмец.

- Считаю, серединка на половинку, - отделался шуткой Глеб.

Он прекратил на сей раз свои вольности, что-то удерживало его. Может, юношеская неопытность, а может, сознание своего нелегкого положения удельного князя? Что если ордынская царевна станет его судьбой? А если сватовство расстроится, родные его и владыка Кирилл настоят, чтобы он женился на какой-нибудь княжне из дома Рюриковичей. Весянка Василиса не чета ему. А разве в истории никогда не случалось, чтобы князья женились на понравившихся им простолюдинках?

Князь Глеб еще в детстве как-то задал такой вопрос матери, дававшей ему уроки истории:

- Скажи, матушка, это правда, что княгиня Ольга, жена Игоря и мать Святослава, была простого званья?

- Есть такая легенда, сынок. Будто бы Ольга была простой лодочницей. На самом же деле она была дочерью богатого родового вождя. По нашим меркам - боярышня...

В дареном платье Василису Глеб никогда больше не видел. Она созналась, что припрятала подарок в сундук. А вот старое поношенное платье из грубой холстины перестала носить. Одевала теперь другое, из тонкого холста и всегда чисто выстиранное. Иногда одевала и новые сапожки.

Встречались они уже на знакомом месте, на берегу Белого озера, возле огромного валуна. Люди князя Глеба и особенно Григорий Меркурьев всякий раз сокрушались:

- Такой всегда был удачливый охотник: приходил с добычей. Где же теперь добыча?

- Не повезло, Гриша, - отговаривался Глеб. - Неудачная была охота. Или утки перевелись на нашем озере.

Где уж тут быть удачной охоте, когда молодой князь только тем и занимался, что миловался с дорогой его сердцу весяночкой Василисой. Сближение произошло внезапно: и он, и она этого желали.

Глеб долго не навещался к Василисе. Предпринял вместе с Григорием поездку в верховья Сухоны. Самолично прошел на лодке всю мелководную излучину, которая так раздражала новгородских купцов. Наметил место для будущего канала, который прорежет излучину напрямик. На обратном пути посмотрел, как идут дела на шекснинском волоке.

- Нам доход, Гриша, - сказал Глеб Меркурьеву не без самодовольства. - Раскошелятся новгородские купцы. Выкуплю на эти денежки полонян в Орде.

- Благое дело затеял, князь.

- Все так говорят.

Из-за этой поездки Глеб долго не навещался к Василисе. А когда причалил как-то на челне к заветному серому валуну, отшлифованному ветрами и дождями, никого там не было. Долго и, казалось, безнадежно ждал и все-таки дождался. Василиса почти бегом устремилась к нему. Бросились друг другу навстречу, обнялись судорожно в порыве страсти. А когда порыв миновал, Василиса тихо спросила:

- Что же теперь будет, Василий?

- Не знаю.

- Все равно буду приходить и ждать тебя у этого камня...

Они встречались еще несколько раз. Но однажды их уединение было нарушено появлением дружинника. Глеб и Василиса, еще разгоряченные после любовных ласк, сидели у камня, когда к берегу подплыла лодка.

- Сотник послал до тебя, князь, - обратился к Глебу дружинник.

«Тебя еще не хватало здесь», - с неприязнью подумал Глеб и спросил:

- Что случилось?

- Гонец от великого князя Александра Ярославича по твою душу. Извини, князь, коли не вовремя...

- Вовремя, братец, раз от великого князя... Я скоро вернусь.

Василиса, слышавшая весь этот короткий разговор, смотрела на Глеба широко раскрытыми глазами. Не сразу, но произнесла с расстановкой и с недобрыми нотками в голосе:

- Так ты никакой не дружинник Василий, а князь Глеб.

- Да, моя радость. Я князь белозерский Глеб Василькович. А назвался княжеским дружинником потому...

Потому что так легче было окопачить глупую весянку. Пойми, я не со злого умысла так поступил. Боялся, узнаешь, что перед тобой князь, не захочешь... Я ведь хоть и князь, но живой человек.

- Бог тебе судья, князь Глеб.

- Бог всем нам судья. Прости моя весяночка, коли плохо с тобой поступил.

- За что тебя прощать? Сама напросилась, дура. Если наложу на себя руки, не твоя будет вина. Не устояла перед таким красавцем.

- Ты не дури, Василиса. Не делай глупостей. Я так понимаю, что князь Александр меня по делу в город Владимир зовет. Вернусь скоро ль - не ведаю. А когда вернусь, поговорим. Решим, как нам с тобой быть. Только, прошу тебя, не дури.

- Это уж как получится.

Оказалось, что гонец - человек из свиты великого князя, близкий к нему. Он прибыл на лодке с командой гребцов и двумя стражниками.

Гонец начал с того, что Александр Ярославич чувствует ответственность за великое княжение и поэтому решил созвать всех подвластных ему удельных князей и дать им отеческие наставления. Это необходимо для того, чтобы все князья действовали согласованно, не вызывали раздражения хана непродуманными поступками. Великий князь считает, что с Ордой можно ладить при умелой политике и жить с ней в

мире. Во Владимире уже перебивали многие князья, в том числе брат Глеба Борис Ростовский, младший брат Александра Ярославича Василий Костромской. На очереди князья тверские, ярославские.

- Как быстро я должен прибыть во Владимир? - спросил Глеб.

- Можешь не спешить, князь. У великого князя еще много гостей ждут своего часа. Постарайся прибыть в середине сентября. Когда-нибудь ты встречался с Александром Ярославичем?

- Нет, не приходилось.

- Увидишь, каков он.

- Говорят, великий князь острого ума человек. Умеет убеждать.

- Да, это так. Он знает, что в наши трудные времена нужно для несчастной Руси. И хан с Ним, слава Богу, считается...

Перед тем как выехать из Белоозера, Глеб попытался встретиться с Василисой. Попытка оказалась неудачной: нигде в окрестностях рыбацкой деревушки он ее не увидел. Не удержался и зашел к знакомому старику.

- Скажи, дед, а куда запропастилась здешняя красавица Василиса?

- А у вас с ней... - начал старик и хитро подмигнул, не договорив.

- Хотел взять ее в услужение. Вот что у нас с ней, - соврал Глеб. - Потому и платье ей подарил, чтоб выглядела пристойно.

- Нет нашей Василисушки.

- Как нет? Где же она?

- А кто ее знает. Сгинула. И родные не ведают, куда сгинула. В ее семье братишек, сестреночек малых полон дом. Помогала матери с такой ордой управляться. А теперь вот исчезла. Родные говорят - в последнее время она была какая-то не такая, как всегда.

- Может, могла в озере потонуть?

- Все может быть... У нас, весян, есть такое поверие. Коли у девушки случается несчастная любовь, и она решает броситься в озеро, чтоб покончить с жизнью, то превращается в белую гусыню.

- Значит, в белую гусыню... - машинально повторил Глеб.

Плывя домой, он всматривался в летящие над водной голубой гладью косяки гусей, и его одолевали горькие мысли. Нет ли среди этих больших белых птиц его Василисушки?

Глава 6. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ

Направляясь во Владимир для встречи с великим князем, Глеб Василькович завернул в Ростов, чтобы повидать мать и брата. Мать обняла младшего сына, всплакнула. Вспомнила о старом.

- Долго ли будешь, сынок, бесплодной смоковницей? Сколько в княжеских семьях пригожих девиц на выданье?

- Я же объяснял тебе, матушка... Покойный хан Сартак вознамерился женить меня на дочери своей, Батыевой внучке.

- И женился бы на здоровье.

- Сартак-то приказал долго жить. А нынешний Берке как к такому браку отнесется - не знаю. Ведь идут слухи, что он помог племяннику уйти в мир иной, чтобы самому сесть на ханском престоле.

- Ты уже говорил мне об этом. Где выход?

- Вот еду к великому князю Александру Ярославичу. Говорят, хан с ним считается. Попрошу помощи в решении моего дела.

- Дай-то Бог, чтобы помог. Жаль только, что суженая твоя - бусурманка и нехристь.

- Женятся же русские князья на ордынках, обращают их в нашу веру.

- А теперь посмотри мне в глаза, сын. В грехах своих не хочешь матери покаяться?

- В чем каяться-то? Вроде бы не успел нагрешить?

- До нас слухи доходят, что успел. Засиделся в холостяках и в блуд ударился.

- Господь с тобой, матушка. Пустые это слухи. Земля наша слухами полна: если всему верить, так все кругом грешат. Где же тогда праведники?

- Спроси свою совесть, сын.

- Кто же рассказал про меня такое непотребство?

- Да люди рассказывали, а не зайцы.

Глеб задумался. Свою связь с Василисой он не мог полностью утаить от своего окружения, значит, кто-то из близких проговорился...

С братом встретились сердечно. Обнялись: родня все-таки. Глеб привез Борису подарок - чучело рыси, искусно выделанное белозерским умельцем.

- Сам подстрелил киску?
- Нет, не я. Один мой дружинник.

Борис рассказал о сыновьях. Старшему, Дмитрию, недавно исполнилось шесть годков. Начал учиться грамоте и арифметике у одного ученого монаха, переписчика летописей. А недавно молодая княгиня, в прошлом муромская княжна, родила второго сына. Назвали Константином. Борис Василькович позвал жену Марью, высокую худощавую блондинку, попросил ее:

- Приведи нашего младшенького, Марьюшка. Пусть дядюшка узрит племянника и пожалеет, что отстал от нас.

Княгиня привела маленького Константина. Глеб посадил его к себе на колени, сказал с напускным восхищением:

- Богатырь растет. Сколько ему?
- Скоро два годика, - ответила княгиня.
- Я бы хотел, братец, вот о чем с тобой потолковать, - начал Глеб, передавая Константина его матери. - Ты ведь недавно встречался с великим князем владимирским.

- Встречался.

- И что скажешь об этом человеке?

- Что можно сказать о победителе над шведами и ливонцами... Великий человек.

- А о чем говорил с тобой?
- Спрашивал, есть ли зерна для бунта в Ростовской земле.
- «Такие зерна всегда есть и будут», - ответил я ему. Достаточно какого-нибудь грабежа, притеснения. Вспыхнет маленькая искра, и пойдет большой пожар борьбы против ордынцев. Так я примерно ответил на вопрос великого князя.

- И что сказал на такие слова Александр Ярославич?

- Сказал следующее. На сегодняшний день открытая борьба с ордынцами - это безумие. Силы слишком неравные. Надо всячески избегать острых столкновений, чтобы обошлось без жестоких ответных мер.

- Что ж предлагает князь Александр? Мириться со всеми бесчинствами ханских людей?

- Не совсем так. Внешне проявлять покорность, не создавать никаких поводов для карательных походов со стороны ордынцев. А тем временем тихо, незаметно копить, собирать силы.

Как можно копить силы, когда к твоей груди приставлено татарское копье? Когда над твоей головой занесена сабля?

- Оказывается, можно, - уверенно ответил Борис. - К тому есть два

пути. Во-первых, принимать беженцев с южных степных земель, где власти русичей нет и хозяйничают ордынцы.

- Понятно. А еще? Ты говоришь о двух путях.

- Выкупать полонян в Орде. Ордынцы охотно на это идут, так как набрали такую массу полонян, сколько им и не нужно.

- Ты-то сам что?

- Что, что? Ростовская земля подверглась страшным опустошениям. Еще не все удалось восстановить. Откуда мне набрать большую сумму для выкупа? С грехом пополам наскреб деньжонок, чтобы выкупить пока сотню русичей.

- Не густо, братец. Сам ездил для этого в Орду?

Не было возможности. Действовал через Бурхана. По-нишь нашего баскака?

- Помню.

Мы с ним в конце концов поладили. Зову его перейти о мне на службу. Все думает, не может решиться. И еще...

Хан готовится провести перепись всего русского населения. Это и тебе грозит.

- Слышал об этом.

- Перепись, по мнению Берке, нужна, чтобы охватить все русское население данью. Чтобы не один русич не мог уклониться.

- Не было печали...

- Александр Ярославич обращает внимание князей, что скрывать что-либо от ханских людей, производящих перепись, опасно. Можно столкнуться со страшной карой ордынцев. Великий князь сказал так. Если сумеете обвести ханских людей вокруг пальца, Бог вам в помощь. Только обманывайте ордынцев умело, не попадайтесь. Именно так он и сказал - обманывайте хитро. Александр Ярославич еще сказал, что в северных княжествах, как твой Белозерск с его просторами и небольшим населением, это легче сделать. Ты можешь неделями водить ханских людей по лесам и болотам и даже не показать им половины своих волостей.

- Уж этому-то меня не надо учить. Можно завести их даже в болото, чтоб там и сгинули. А ханским властям сообщить, что медведь-шатун задрал.

- Такое князь Александр допускает. Но только очень осторожно. Главное же, добиваться хороших отношений с ханом и его окружением.

- Как достичь того, чтобы сложились хорошие отношения, Александр Ярославич не советовал?

- Много что советовал. Можно принимать знатных ордынцев на

русскую службу, конечно окрестив их по православному обряду. Наша церковь хочет учредить в орде свою епархию. И еще... дать возможность некоторым молодым князьям жениться на ханских дочерях, племянницах, других родственницах.

- Да ты же знаешь, брат, что покойный хан Сартак назвал дочь свою моей невестой и даже показал мне ее. Тогда она была совсем еще девочкой, а теперь-то зрелая девица.

- Я вспомнил это и рассказал великому князю. Говорю, а у брата уже есть невеста - знатная ордынка.

- Видишь ли, Борисушка, если бы она была дочкой или внучкой Берке, то никаких трудностей, наверное, не было бы.

- Понимаю. А не попросить ли тебе содействия Александра Ярославича? Если ты, конечно, хочешь жениться на ордынке.

- Я бы спросил о том у великого князя Александра - а нужна ли мне такая женитьба.

- Вот и спроси. А если он решит, что такой брак для нашего общего дела полезен, то тебе посодействует. В Орде с ним считаются.

- Ты-то как думаешь?

- Брак с ордынкой укрепит твое княжество. Будешь всегда вхож в Сарай-Бату и беспрепятственно станешь получать ярлык на княжение. И мы с Марьюшкой и сынками воспользуемся через тебя ханскими милостями. Дерзай, Глебушка. Не теряй возможности погреться у ханского камелька...

Речной путь из Ростова до Владимира был долгий, окружной. Нужно было спуститься по Которости в Волгу, вниз по Волге доплыть до впадения в нее Оки, по Оке подняться до слияния с ней Клязьмы и еще вверх по Клязьме. Глеб позаимствовал у брата лошадей и проделал путь до Владимира верхом. Его сопровождали товарищ детских игр и сверстник, а теперь десятник и боярский сын Власий, сын Григория Меркурьева и несколько дружинников.

Не надо было долго знакомиться со стольным градом Владимиром, чтобы почувствовать руку решительного хозяина. Обновлялся кафедральный собор, сожженный при нашествии Батыя. Предшественники Александра Ярославича на великокняжеском столе наспех восстановили храм. Теперь же собор обновляли тщательно, добротнo. Внутри его восстанавливали фрески. В другом конце города возводился новый храм. Расширились и надстраивались княжеские палаты.

Александра Ярославича в палатах, да и вообще в городе, не оказалось. Встретила Глеба жена великого князя Александра Брючиславна,

урожденная княжна полоцкая, строгая женщина с тонкими чертами лица, в парчовом сарафане и украшенном жемчужинами кокошнике.

- Так ты брат Бориса Васильковича? - переспросила она Глеба. - Был у нас недавно князь Борис.

- А скоро ли вернется Александр Ярославич?

- Думаю, не скоро. У него заведенный обычай каждодневно совершать верховые прогулки. Подкрепись с дороги.

- Благодарствую, матушка.

Александра Брючиславна распорядилась, чтобы Глебу Васильковичу и его спутникам подали угощение.

- Теперь отдыхай, князь. Для тебя готова светлица, - предложила княгиня, когда с угощением было покончено.

- Не привык я отдыхать днем, - ответил Глеб. - Я слышал, что сейчас во Владимире находится владыка Кирилл, мой духовный отец.

- Он, вероятно, сейчас в Успенском соборе, следит за восстановлением росписей. Старая-то роспись пострадала от пожара, когда ханские полчища жгли город.

- Я слышал, при этом пожаре погиб владыка Митрофан.

- Царство ему небесное, - глухо прошептала княгиня.

- Власик, позаботься, чтобы коней накормили, - сказал Глеб десятнику.

- И отдыхайте. А я иду в Успенский собор.

Князь привык называть товарища своих детских игр Власия, несмотря на его возраст, Власиком.

Под сводами собора было полутемно. Вдоль стен высились леса, на которых копошились живописцы, обновлявшие стенную роспись, пострадавшую во время пожара. Под лесами Глеб нашел и владыку Кирилла. Подошел к нему под благословение, приложился к руке.

Епископа, на глазах которого он вырос и возмужал, Глеб любил, как родного отца. Владыка был для него мудрым советчиком и наставником. Сам Кирилл, принимавший участие в воспитании и обучении братьев Василько-вичей, тоже относился к мальчикам с любовью и вниманием. Близко знавшие владыку люди видели в нем человека мудрого, но вместе с тем гибкого и, если надо, хитрого, особенно если дело касалось взаимоотношений с ордынцами. Владыка знал, что хан, при всем своем деспотизме и жестокости, не облагал обременительной данью церковь и постепенно поддавался уговорам духовных иерархов и их ордынских сторонников учредить в Золотой Орде православную епархию. Все к тому шло.

Ранее Глеб никогда не бывал свидетелем, когда Кирилл, человек

добрый, уступчивый, взрывался, становился жестким, резким и напористым. Такого владыку, какого он увидел сейчас, белозерский князь еще не знал. Кирилл бушевал, распекая гневно кого-то из живописцев.

- Пошто разбушевался, владыка? - спросил Глеб Кирилла, приняв благословение и приложившись к его руке.

- Спрашиваешь, пошто? Погляди на эту мазню... - епископ указал на одну из фресок. - Разве это нимб над головой святого угодника?

- Не могу судить, владыка. Я совсем не живописец.

- А надо бы тебе судить. Это размазанное пятно яичного желтка, а не золотой нимб. Где в нем золото?

Гневный голос владыки гремел под сводами собора. Его слова были обращены к живописцу, коренастому немолодому мужичку с рыжей бородкой.

- Дозволь молвить, владыка... - без робости начал живописец.

- Знаю, что ты мне молвишь, - перебил его Кирилл. - Не оказалось, мол, золотой краски.

- Ей-богу, не оказалось.

- Так вот тебе мой сказ. Слушай и исполняй. Мазню свою прекрати. Золотую краску добудь хоть из-под земли, хоть роди, понял? А коли понял, действуй, богомаз убогий.

Епископ не скрывал своего раздражения, широко шагая к выходу из храма. Уже в дверях он оглянулся и крикнул Глебу:

- Пойдем ко мне, князь. Ты ведь не за тем отыскал меня, чтобы послушать, как я ругаюсь.

- Нет, не за этим я пришел к тебе, владыка. Есть дела поважнее.

- Тогда пойдем в мои палаты. Вот ведь в чем вся наша беда. Были в Ростове превосходные иконописцы. Ростовская школа гремела по Руси.

- Где же она теперь, эта школа?

- Несколько лучших иконописцев погибло, сгорело в соборе, когда бусурмане заняли Ростов, жгли и грабили город. Знаешь, как все случилось?

- Подробностей не знаю.

- А подробности грустные. Во время осады города владыка Митрофан призвал горожан укрыться в соборном храме. Ворвавшись во Владимир, татары подожгли храм. Часть затворившихся в храме людей задохнулись в дыму и пламени. Оставшихся в живых, ханские люди добили мечами. Среди погибших оказался и владыка Митрофан.

- Не пощадили... - воскликнул Глеб, пораженный страшным рассказом.

Архиерейские палаты были чисто убраны, все в образах. Перед образами теплились лампы, горели свечи. Пахло ладаном и свечным нагаром.

Кирилл пригласил гостя за стол, сказал приветливо:

- Чего желаешь отведать, княже?

- Только что отведал всего у княгини. Уволь, владыка.

- Тогда насытимся пищей духовной.

- Вот это в самый раз.

- Митрополит наш не спешит подобрать архиерея во Владимир на место убиенного Митрофана. Говорит, наблюдай временно и владимирскую епархию. Вот и разрываюсь между Ростовом и сим градом.

- Митрополичью кафедру, кажется, твой тезка занимает. Тоже Кирилл.

- Кирилл Третий, если быть точным. Грек. Прежде до него еще два киевских митрополита носили то же самое имя. Вроде бы разумно перенести митрополию из опустошенного Киева во Владимир. И князь Александр Ярославич с таким мнением согласен.

- Думаешь, переедет митрополит из Киева в сей град?

- Переедет. Киев потерял былое значение. Переживает упадок, запустение. Многие его храмы пожжены, порушены. А Владимир набирает силы.

- Ты упомянул великого князя Александра...

- Работаем мы дружно, ладим, уважаем друг друга.

- Я с ним скоро увижусь для большого разговора. Хотел бы знать, что он за человек и правитель. Ты близок к нему.

- Мы с твоей матушкой немало летописных страниц ему посвятили. О таких людях всегда интересно писать. И есть что писать.

- Вот-вот... Потому и спрашиваю.

- Что можно сказать о князе Александре? Бог наделил его разносторонним талантом: светлым разумом, государственной мудростью, умением ладить с ханом. Это не каждому дано. Такой мудрости не хватило батюшке твоему, Васильку Константиновичу, и деду твоему, Михаилу Всеволодовичу. Оба полезли в пасть зверя лютого, раздражив его и не пожелав защищаться.

- Горько это слышать о моих близких.

- Что поделаешь, князь Глеб. Учись на промахах отца и деда. Есть у нас такая пословица: с волками жить - по-волчьи выть. А об Александре Ярославиче можно много рассказать.

- Вот и расскажи, владыка.

- Начну с того, что князь Александр разгромил шведов на Неве. И как

разгромил!.. Учти, Невский - человек не слишком словоохотливый. Когда дело касается его военных подвигов, слова из него не вытянешь.

- Расскажи ты поподробнее. Ты же летописец.

- Что можно рассказать? Александр Ярославич в ту пору княжил в Новгороде, строил крепости, укреплял границы своих владений. Между Новгородом и шведами шел спор из-за пограничных земель.

- Из-за каких?

- Населенных народом чудь. Шведов подстрекал папа римский к походу на Новгород. На православных он смотрел как на еретиков. Шведы поддались на папский призыв и захотели разрешить спор силой. Их войско, которым командовал Биргер, вышло в Неву и достигло того места, где в эту реку впадает ее приток Ижора. Там-то и встретило шведов новгородское войско во главе с молодым Александром Ярославичем.

- Что значит молодым?

Он тогда был молод: всего двадцать лет, как тебе сейчас. Жестокая была битва. Сошлись врукопашную оба предводителя, князь Александр и Биргер. Русский князь «возложи печать на лице Биргеру острым своим копьем». Так мы отметили в летописи подвиг Александра Ярославича. Шведы были наголову разбиты.

- Я слышал, что после той удачной для него битвы Александр покинул Новгород. Почему? Не ужился с новгородцами?

- Можно сказать, что так. У новгородцев свои политические традиции. Они хотели бы, чтобы князь командовал войском, побеждал внешних врагов, но никак не вмешивался во внутренние дела.

Понимаю. Говорят, князь Александр крутоват. И новгородские традиции ему, видно, не пришлись по душе.

- Да, не по душе. Пытался он управлять Новгородом властно, как своим уделом. А боярская и купеческая верхушка этому воспротивилась и указала неврскому герою на дверь.

Но ведь вскоре новгородцам пришлось в своем опрометчивом шаге раскаиваться?

И очень скоро. Над Новгородской землей нависла новая угроза.

- Ты имеешь в виду тевтонов?

- К тому времени Тевтонский орден слился с орденом меченосцев, и они стали угрожать западным границам русичей. Рыцари ордена с вождением посматривали на владения Новгорода и Пскова и стали тревожить их своими нападениями. Войско ордена захватило Псков и продолжало движение к Новгороду. Рыцарские отряды немцев появлялись в каких-нибудь тридцати верстах от Новгорода на реке Шелони. Вот тогда-

то...

Спохватившись, новгородцы послали своих мужей к Александру?

Не совсем так. Да, спохватились. Но послали мужей к великому князю Ярославу, отцу Александра. Пришли, мол, к нам, княже, сынка своего, чтоб княжил у нас и командовал новгородским войском.

- Я слышал, что Ярослав не сразу откликнулся на призыв новгородцев.

- Не сразу. Сперва послал к ним другого сына, Андрея, который военными способностями не обладал. Новгородцы скоро это распознали и решили настоять на своем. Они послали к великому князю Ярославу самого новгородского владыку с боярами и стали настойчиво просить: «Нам нужен твой сын Александр, только Александр, невский герой».

- Добились. Александр встал во главе новгородского войска. Освободил от немцев Псков и дал рыцарям сражение на льду Чудского озера. Вспомни, Глеб, когда и в какое время года происходило сражение.

- Помнится, пятого апреля. Весна наступила. И лед на озере уже был не слишком плотный, подтаивал, крошился. Поэтому и не выдерживал рыцарей в тяжелых доспехах. Многие из них проваливались под лед и тонули.

- Правильно, Глебушка. Усвоил мои уроки. Когда-то я рассказывал тебе об этом.

- Напомни-ка мне, владыка, еще раз... Что помогло князю Александру одержать такую славную победу?

- Конечно, талант полководца и разумный расчет. Немцы двигались острым клином, который они сами называли «свиньей». Во внешних рядах клина - конные рыцари, закованные в железные латы. Это был цвет тевтонского рыцарства, лучшие воины, вернее, лучшие разбойники. Внутри клина - пешие кнехты, простые солдаты, набранные не только из немцев, но и из чуди и эстов. Князь Александр противопоставил клину охват с двух сторон, а с тыла поставил резервный полк. Получилось окружение противника. В летописи мы с твоей матушкой написали: «Бысть сила ту велика немцев и чуди».

- Сколько же понесли потерь захватчики?

- Много. Одних рыцарей было убито четыреста человек да в плен взято с полсотни. Мы не знаем точно, сколько еще потонуло, когда лед не выдержал тяжести беглецов. Победа Александра Ярославича на Чудском озере остановила продвижение крестоносцев на восток.

- Почему ты называешь их крестоносцами?

- Так принято. На своем плаще они нашивали знак отличия - большой крест.

- Они пошли на примирение?

- В следующем году прислали в Новгород послов с поклоном, чтобы заявить о своем отказе от завоеваний в русских землях и попросить мира. Мирный договор между Новгородом и Тевтонским орденом был заключен.

- За одно это Александру Ярославичу надо низко поклониться.

- И поклонись. Он этого заслуживает.

- А что дальше произошло с великим князем?

- Могу тебе сказать. Мы, летописцы, считаем нужным следить за ходом его жизни. Когда умер старый Ярослав... Принято так говорить «старый». А если вдуматься, совсем не старый. Когда Ярослав умер, ему всего было пятьдесят пять годков. Рано уходят из жизни наши князья.

Рано. Жизнь проживают бурную, особенно сейчас, при ханской власти.

- Так вот... Когда умер отец, Александр с братом Андреем впервые отправился на поклон к Батыю, чтобы получить ярлык на княжение. Батый уклонился от принятия решения и заставил братьев отправиться в далекое путешествие, в Монголию, к великому хану.

- Зачем? Это же на край света.

- Какой-то свой расчет был у Батыя, видимо, хотел тянуть время. Тяжелое, долгое путешествие выдержали братья. Два года оно длилось. По воле хана ярлык на великое княжение получил не Александр, а его младший брат Андрей. А Александр стал княжить в Новгороде.

- И долго там прокняжил?

Андрей не поладил с татарами и поэтому прокняжил во Владимире совсем недолго. Против него двинулось татарское войско во главе с царевичем Неврюем. Андрей был разбит Неврюем и спасся бегством. Сперва он бежал в Новгород, потом в Швецию, а Александр отправился в Орду улаживать дело.

- Уладил?

- Уладил. Батый в те времена был тяжело болен и сам делами не занимался. Александра принял Сартак, человек более сговорчивый. Он дал согласие на то, чтобы Невский княжил во Владимире. А для брата Александр Ярославич выхлопотал прощение. Тот смог возвратиться на Русь и получить княжение в Суздале.

- А кто стал княжить в Новгороде после того, как Александр занял великокняжеский стол?

- В Новгороде княжит теперь сын Александра Ярославича Василий. Не простой молодой человек. И отношения его с отцом складываются не просто.

Глеб хотел было расспросить владыку Кирилла про Василия

поподробнее, но в это время раздался звук рога, прервавший беседу. Рог возвещал, что возвратился великий князь Александр Ярославич.

- Пойду, владыка. Спасибо за беседу, - сказал Глеб. - Много узнал интересного и поучительного для себя.

Александр Ярославич прискакал на крупном жеребце вороной масти. Легко, по-юношески соскочил с коня и передал повод конюшему. Глеб подошел к великому князю с поклоном, назваля и пожал протянутую Александром руку. Рукопожатие Александра Ярославича было крепким.

- Пойдем в палаты. Там и поговорим за трапезой. Проголодался я с дороги.

Пока шествовали по анфиладе парадных комнат с тяжелой резной дубовой мебелью, Глеб присмотрелся к великому князю. Александр Ярославич был среднего роста, стройного телосложения, выглядел молодо для своих тридцати семи лет. Русую бородку подстригал коротко.

Когда достигли трапезной залы, Александр пригласил Глеба к столу. Мужа встретила Александра Брючиславна.

- Что прикажешь подать, княже? - спросила она певуче.

- Знаешь мои вкусы, княгинюшка. Я ведь человек не прихотливый. Привык питаться в походах у костра, не привередничая. А гость - как пожелает.

- На хозяйский вкус, - сказал Глеб.

- Тогда скажи на кухне, пусть сварят щи да кашу овсяную с бараниной. А мы пока побеседуем с гостем о разных разностях.

Когда княгиня вышла, Александр Ярославич обратился к гостю:

- Так ты белозерский князь, брат Бориса Ростовского? Был он у меня недавно. О тебе говорили?

- О чем же был разговор?

- О женитьбе твоей на ханской родственнице.

- Покойный хан Сартак предлагал мне в жены дочь свою. Я тогда еще совсем мальчишкой был и ее видел совсем ребенком.

- За это время подросла.

- Хан-то теперь другой. Как он на это дело посмотрит...

- Если хан Берке разумный политик, женитьба русского князя на его родственнице в его интересах. И в твоих тоже. Это будет означать, что хан не лишит тебя ярлыка на твоё княжение, не пошлет в твою волость карательный отряд.

- Что посоветуете, батюшка?

- Да не называй меня батюшкой... Поп я тебе что ли? Зови по имени.

- Виноват, Александр Ярославич! Что же советуешь?

- Советую тебе, князь Глеб, ехать со мной в Орду, к хану Берке. У меня появилась большая нужда в такой поездке.

- Серьезные дела?

- Серьезные. Сынок Василий, князь новгородский, глупости делает. Пора малого образумить.

- Натворил что?

- Пошел на поводу у своих бояр, вместо того чтобы набираться ума-разума и опыта житейского. До Новгорода дошли слухи о намерении ордынцев учинить в новгородской земле такую же перепись для обложения жителей поголовной данью, какая проводится сейчас ханскими людьми в других русских землях.

- До Белоозера перепись, слава Богу, пока не дошла.

- Новгородцы выступили против намерения хана и заявили, что не позволят проводить перепись. Василий сообщил громогласно, что поддерживает новгородцев и станет сопротивляться всякой попытке ордынцев начать перепись. Берке пригрозил послать против Новгорода войско. Теперь понимаешь, князь Глеб, чем это грозит?

- Большими осложнениями и для Новгорода, и для всей Руси.

- Вот именно.

- И что же ты решил предпринять, Ярославич?

- Вынужденные крутые меры. Отрядил в Новгород надежных бояр вызвать Василия сюда, во Владимир. Надеюсь, послушается отцовской воли. Обрато в Новгород его уже не отпущу. Волости не дам - не заслужил. Новгородцев, которые подстрекали сына к неповиновению, сурово накажу. А Василия отправлю на поселение в Кострому, под надзор моего младшего брата.

- Не слишком ли круто задумал поступить, князь?

- А что еще остается делать с дурным сыном? В Орде стану уговаривать хана не принимать карательных мер против новгородцев. Посмотри, великий хан, скажу, меры принял, непутевого сына своей властью наказал. Чего ж тебе еще надо?

Подали обед, еду простую, ко сытнюю. За обедом Александр Ярославич был немногословен. Спросил Глеба:

- В вашем Белоозере, говорят, судак водится. Люблю судака: отличная рыба.

- У нас и не только судак водится, - ответил Глеб.

В завершение обеда подали хлебный квас, любимый напиток великого князя. Встав из-за стола, Александр Ярославич произнес:

- Не взыщи, князь Глеб. Покину тебя на пару часиков. Сосну.

Притомился за день в разъездах. Можешь тем временем побродить по городу с младшеньким моим, Дмитрием.

- Велик ли сынок?

- Семь годиков исполнилось. А грамоту хорошо освоил: пишет, читает. Для начала дам ему переяславский удел, а подрастет, поумнеет, переведу в Новгород. Сложные у нас отношения с новгородцами. Много себе они позволяют: новгородские вольности, видишь ли... А все же не гоже их упорство, нежелание ордынцев принять для переписи. И не гоже разругаться нам с новгородцами, чтобы упустить Великий Новгород, потерять над ним влияние.

- Не опасаясь ли, Ярославич, что младший сынок повторит ошибки старшего, сев на новгородском столе?

- Опасаюсь, конечно. Василия я в чем-то упустил, плохо готовил к княжению. Буду воспитывать младшенького более внимательно. А упускать Новгород нам не резон. Огромные северные пространства, недоступные ордынцам. И люди, гордые и вольнолюбивые, не легко примирятся с ханским игом.

- Не противоречишь ли сам себе, Александр Ярославич? За что же на Василия взъелся?

- А взъелся за то, что новгородцы и Васька, пойдя у них на поводу, потеряли чувство меры. Вольности - это хорошо. Но не размахивай этими вольностями, словно красной тряпичей перед мордой не выхолощенного быка, перед ханом и другими ордынцами. Внешне пристало казать смирение. А что у тебя на сердце, пусть останется при тебе...

Александр Ярославич удалился во внутренние покои. Княгиня привела сына Дмитрия знакомиться с гостем.

- Это родич наш, белозерский князь Глеб, - сказала она певучим голосом с заметным акцентом.

Дмитрий, насупившись и выказывая серьезность, спросил:

- А у тебя, князь, есть сын?

- Нет. Я ведь пока не обзавелся семьей. Батюшка твой пообещал позаботиться о делах моих семейных. Поедем вместе с ним в ханскую столицу.

- Хочешь, покажу тебе град Владимир?

- Покажи, сынок, - поддержала княгиня. - Только возьми с собой дядьку Еремея и кого-нибудь из стражников.

- Не изволь беспокоиться, матушка-княгиня. Я возьму своих людей, - сказал Глеб.

Прошло девятнадцать лет с того зловещего дня, когда полчища хана

Батгя заняли плохо укрепленный стольный град Владимир, опустошили и сожгли его. Но благодаря усилиям его правителей, великокняжеский центр постепенно возрождался из руин. Шло полным ходом обновление кафедрального собора. В нескольких частях города на месте сожженных храмов возникли новые. Восстанавливались боярские и купеческие палаты, строились ряды торговых заведений. Ямы и выбоины на улицах города засыпали песком и щебнем. Возрождение города особенно ускорило при нынешнем великом князе Александре Ярославиче.

Оказалось, что развитой не по годам княжич Дмитрий хорошо разбирался в исторических событиях. Он довольно толково рассказал Глебу об ордынском нашествии, о сожжении Успенского собора, о гибели многих горожан с владыкой Митрофаном, об уводе других в полон.

- Откуда ты все это знаешь? - спросил Глеб мальчика.

- Читаю, коли что не разумею, спрашиваю учителя моего, инока Афанасия. Недавно мы с ним летопись прочитали.

- Что же узнал из летописи?

- Много чего узнал. Про Батыево нашествие, про гибель многих русских князей, про разорение русской земли.

- О гибели князя Василька Константиновича узнал?

- Инок Афанасий рассказал мне, какой это был достойный князь - великомученик.

- Это мой батюшка. Я сын его.

Из дальнейшего разговора с княжичем Глеб Василькович узнал, что Александр Ярославич великий книжник. В его рабочей палате стоят обитые кованым железом сундуки с книгами. Целых четыре сундука. Последним его приобретением был ростовский летописный свод, привезенный владыкой Кириллом. Старательные писцы изготовили специальный экземпляр для Александра Ярославича. Это был тот самый летописный свод, над которым работала мать Глеба, княгиня Марья, в иночестве Марфа, с помощью и участием самого владыки.

В последующие дни беседы Глеба с Александром Ярославичем происходили урывками. Великий князь иногда спрашивал о природе, природных богатствах, обычаях жителей Белоозера. Потом он вовсе прервал беседы, сказав:

- Впереди нас ждет долгое плавание по Волге. В пути и наговоримся вдоволь...

Наконец прибыл из Новгорода князь Василий, в то самое время, когда Глеб находился у Александра Ярославича.

Вошел безбородый юноша, обнял отца. Выглядел он совсем молодо,

года на два моложе Глеба. На верхней губе едва пробивались мелкие усики. На отца он походил мало, больше на мать, с ее тонкими чертами лица.

Глеб хотел было выйти, чтобы не стеснять Александра Ярославича в нелегком разговоре с сыном, но великий князь остановил его.

- Останься, Глебушка. Тебе полезно послушать наш семейный разговор. Полезно и поучительно. И кое-что намотай себе на ус. Видишь, у Васеньки моего усы еще только пробиваются. Так что не на что оказалось мотать добрые родительские наставления.

Глеб ожидал, что Александр Ярославич повысит голос, станет непотребно бранить Василия. Но это ожидание никак не оправдалось. Александр Ярославич голоса на сына не повышал, грубыми и неблагопристойными словечками не разбрасывался.

- Благополучно ли доехал, сынок?

- Как видишь, отец. Цел и невредим.

- Это хорошо, коли цел и невредим. Науками занимался, книги читал?

- Где уж тут науки и книги... Дела княжеские одолевали, споры с боярами да купцами. Не хотели они лишаться своих выгод, пустить к себе ханских людей для переписи.

- А ты и пошел у них на поводу.

- Что я мог сделать супротив всего боярства и купечества... Они - вся власть в Новгороде. А я только вроде вывески.

- Показать характер - вот что должен был ты сделать.

- Легко тебе говорить... Не выдюжил я бремя княжеской власти. Не приказывай, отец, возвращаться обратно в Новгород.

- И не жди такого приказания.

- Дай мне какой-нибудь малый удел в кормление, поближе к тебе.

- Никакого удела тебе не дам: не оправдал ты мои надежды, сынок. Да и перед ханом поставил меня в тяжелое положение... Берке я должен представить дело так, что наказал тебя по всей строгости и власти тебе более не дано. Еще скажи спасибо отцу, что не отправляю тебя в Орду на расправу ханскую.

- И мог бы послать? - с замиранием в голосе спросил Василий.

- Сам бы не послал, конечно, родная кровь все-таки. А поступил бы такой приказ от хана, что оставалось бы делать? Вот еду в Орду с родичем нашим, князем Глебом. Будем стараться умиловить Берке, чтобы все обошлось миром.

- Что ждет меня, отец?

- Поедешь на жительство в Кострому под надзор тамошнего князя, брата моего Василия, твоего тезки.

- Коли так тебе угодно, батюшка, - произнес Василий, не решаясь спорить с отцом. На глазах его выступили слезы.

Глеб наблюдал эту сцену, испытывая к юноше искреннюю жалость.

- Да не мне угодно так, дурень, - впервые повысив голос, произнес Александр Ярославич. - Мне это совсем не угодно. Хочу тебя вытащить из губительной трясины, в которую ты попал. Ладно, иди, отдыхай с дороги и жди моих распоряжений.

- Разреши слово молвить, отец...

- Говори.

- Меня сопровождал новгородский боярин Иван Торопов. Челом бьет тебе и просит принять.

- Скажи, пусть заходит.

Боярско-купеческий род Тороповых был одним из самых богатых и влиятельных на севере Руси. Александр Ярославич хорошо знал его еще со времени своего княжения в Новгороде. Крупного и полного телосложения, Иван Торопов держался самоуверенно, подчеркивая свой властный характер.

- Пошто, князь, сынка обидел? Нам, новгородцам, он пришелся по душе.

- Воспользовались, что молод, зелен и не шибко разумен. Заарканили парня, заставили на поводу у вас пойти.

- Зачем ты так, Александр Ярославич. У нас, новгородцев, свои интересы, свои обычаи.

- Правильно. У вас свои интересы. Но есть еще интересы Руси. А коли ваши интересы и интересы Руси не сходятся, что станем делать. Придется вам кое в чем поступиться своими интересами, ибо Новгород - это еще не вся Русь.

- Учтем слова твои мудрые, князь Александр. А Василия отпусти обратно.

- Этому не бывать. Хочу отвратить вас, новгородцев, от великой беды, ханского нашествия. Коли прогоните ханских людей, не дадите им проводить переписи, я не смогу предотвратить Беркеева гнева. В ближайшие дни отправляюсь в Орду. Ради вас буду стараться умиловить хана.

- Но ведь я не один хозяин Новгорода.

- Передай остальным, о чем мы с тобой здесь толковали.

- Передам.

- И еще скажи... Двинет хан Берке войско на Новгород и прикажет мне присоединиться к нему с моей дружиной... Что бы ты делал на моем

месте?

- Ей-богу, не знаю.

- Вот видишь, не знаешь. А такое может случиться. Передай это новгородцам. И еще скажи - не лезьте на рожон. Не помешать вам всеобщей переписи на Руси.

Разговор с Тороповым получился недолгим. Новгородец ушел подавленный и поникший. Вся спесь с него мигом слетела.

Александр Ярославич остался наедине с Глебом Васильковичем.

- Все слышал, князь?

- Старался не пропустить ни единого слова. Ведь это получилось, как бы лучше сказать...

- Урок здравого смысла, - досказал за Глеба Александр Ярославич.

- Скорее урок государственной мудрости, - внес свою поправку Глеб.

- Ну уж и в мудрецы меня записал. Мне далеко до Сократа или Аристотеля. Слыхивал про таких греков?

- Как же. Великие были мыслители. Владыка Кирилл про них рассказывал. А мне вашего Василия жалко.

- Мне тоже жалко. А что я могу поделать? Только бы отвести от парня ханский гнев. А в гневе Берке способен пойти на страшную расправу, взяв в пример Батю, который жестоко поступил с твоим отцом и дедом, царство им небесное.

- Царство небесное великомученикам, - прошептал вслед за великим князем Глеб.

- Придется теперь княгиню успокаивать, - сказал задумчиво Александр Ярославич. - Вчера я проговорился, как намерен поступить с Василием. Она стала попрекать, стоит ли так круто решать: малец, мол, может и ошибиться.

Объясняю - ошибка может стоить головы. А поступаю так, чтобы Василия от ханского гнева отвести...

Отплывали большим караваном в Сарай-Бату не из Владимира, а из прибрежного селения, расположенного ниже по течению Клязьмы. Там река была более многоводной и глубокой. Стоял конец сентября. Дожди давно не выпадали, и Клязьма у Владимира совсем обмелела, обнажив отмели и островки. В некоторых местах напротив города реку переходили вброд.

Накануне отплытия Александр Ярославич сообщил свое окончательное решение Василию, притихшему, сникшему, не смевшему возражать.

- Отправляйся в Кострому, к дяде. Я известил его письмом. Будешь

проживать там тихо, спокойно. Во всем слушаться Василия Ярославича.

- Как тебе угодно, отец.

- Выслушай меня до конца, не перебивай. Поедешь в сопровождении надежных людей. О твоей охране пекусь. С Богом, сынок. Чтоб через час твоего духа здесь не было.

- Могу я попрощаться с матушкой, с братом?

- Можешь.

Глеб Василькович был свидетелем этой сцены. Но не о безопасности сына пекся Невский, когда снарядил его в путь с надежным конвоем. Чтоб не взбрела в голову обиженного Василия шальная мысль вырваться из-под родительской опеки и вернуться к новгородцам или, упаси Боже, удрать к шведам или немцам. Предводитель отряда, надежный владимирский боярин, получил строгое наставление Александра Ярославича не спускать глаз с Василия, а в Костроме передать его прямо в руки князя.

Владыка Кирилл отслужил напутственный молебен, прежде чем караван двинулся, подняв паруса, вниз по Клязьме. Плыл Александр Ярославич с немалой свитой, грузом ценных подарков для хана и его ближайшего окружения. Глебу Васильковичу с его людьми великий князь предоставил отдельный дощаник. Впрочем, в продолжение почти всего пути Глеб находился рядом с Александром Ярославичем на головном судне. В числе сопровождавших великого князя был и священник, отец Иларион, еще не старый, рослый мужчина. В прошлом он служил в княжеской дружине, участвовал как простой воин в Ледовом побоище. А потом решил принять сан священника.

Глава 7. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ГЛЕБА

Караван плыл вниз по течению Клязьмы, а потом Оки, по берегам золотилась осенняя листва. Только ели сохраняли зелень. Иногда лесная опушка расступалась, обнажая полосы убранных полей, над которыми кружилось с надрывным карканьем воронье. Рядом грудились строения деревушек и сел. Над каждым селом непременно возвышалась бревенчатая церковь, увенчанная луковичной главкой или просто крестом на коньке кровли.

При впадении Оки в Волгу на высоком приокском берегу высились стены города, названного Нижним Новгородом. Он был основан в 1221 году на месте древнего болгарского поселения князем Юрием Владимировичем. Впоследствии город стал русским форпостом на Средней Волге. Нижний Новгород не раз разорялся татаро-монголами, но проявлял поразительную живучесть и всякий раз быстро возрождался. Над городской стеной с башнями высились кровли княжеских и боярских палат, купола храмов. Княжил в Нижнем Новгороде Андрей Ярославич, брат Александра Ярославича. Ему принадлежал также Суздаль с окрестными волостями, и поэтому официальным прозвищем Андрея было - князь Суздальский и Нижегородский. Проживал он постоянно в Суздале, а в Нижнем появлялся наездами.

Предупрежденный старшим братом, Андрей встречал караван. Заметив на берегу брата со свитой, Александр Ярославич дал команду причаливать.

Андрей Ярославич недолюбливал старшего брата и завидовал ему. Недолюбливал потому, что новгородцы в свое время не захотели его принять и предпочли Александра. Недолюбливал еще и потому, что хан дал сперва ему ярлык на великое княжение, но Андрей не ужился с ордынцами и вынужден был бежать далеко на север. Великое княжение перешло к осторожному Александру. Недолюбливал Андрей брата, наконец, потому, что Невский выхлопотал для него у тогдашнего хана Сартака прощение, разрешение вернуться на Русь и даже получение удела. Именно то, что он всем был обязан старшему брату, и раздражало незадачливого, недалекого и слишком самовлюбленного князя.

Тем не менее, братья обнялись и расцеловались. Андрей внешне ничем не проявлял своей неприязни к Александру: это чувство было глубоко

скрыто в тайниках его души.

- Как живешь, брат? - спросил Невский. - Орда сильно беспокоит?

- Бывает, - сдержанно ответил Андрей и пригласил брата со свитой в город, в княжьи палаты отобедать. За обедом Александр Ярославич дотошно расспрашивал брата о состоянии дел в его уделе.

- Не могу никак одобрить, брат, что ты мало выкупил в Орде русских полонян, - сказал с укоризной великий князь. - Неужели тебя не трогает судьба этих страдальцев?

- Знаешь ведь... с Ордой у меня были нелады. Если бы ты не заступился, не сносить бы мне головы.

- Полно, кто старое помянет...

- Вот и говорю... Не гладко с Ордой мои отношения складывались. Боязно самому в петлю лезть.

- С ордынцами наладь отношения. Послушай меня. Добра тебе желаю.

- Слушаю.

- Советовал бы тебе перенести свой стол из Суздаля в Нижний Новгород. У Нижнего будущее. Здесь перекресток торговых путей. Приглашай сюда ордынских, болгарских купцов. А у Суздаля такого будущего нет.

- Подумаю.

- Знаешь, что на Руси говорят тугодумам? Индюк долго думал и в суп попал.

- При чем тут индюк? Иногда совсем не понимаю тебя, брат.

- Коли не понимаешь, нечего и толковать.

Братья расстались сдержанно: Андрей обиделся на брата из-за индюка.

На следующий день караван судов двинулся дальше вниз по Волге. Погода стояла хмурая, ветреная. Люди кутались в меховые одежды, грелись у железных чаш на треножнике с углями. А Волга, принимавшая все новые и новые притоки, становилась все более могучей. Когда приблизились к устью Камы, заморосил дождик, нудный, бесконечный. Лесные берега заволокло серой хмурию. А к наступлению сумерек плотная толща тумана придавила реку и все, что по ней плыло. Продвигаться вперед в условиях полной потери видимости было рискованно. Александр Ярославич дал команду бросить якоря.

К утру туман еще не вполне рассеялся, но стал не таким плотным. Решили продолжать плавание.

Александр Ярославич с Глебом вели нескончаемые беседы. Великий князь поинтересовался намерениями белозерского князя относительно выкупа полонян.

- Собираюсь выкупать.

- Деньгами располагаешь?

- Не слишком много собрал. Беру с новгородских купцов пошлины. А еще поручил моим дружинникам бить пушного зверя: соболя, горностая, белку, чернобурую лисицу. Шкурки скупают те же купцы и дают хорошую цену.

- Разумно поступаешь. У новгородцев большая торговля с западными странами. Там наши шкурки всегда охотно покупают по хорошей цене.

В беседах шло время. Александр Ярославич наставлял Глеба, как наставлял других посещавших его князей. Учил быть бережливым в хозяйстве, не расточительным, в отношениях с ордынцами быть предельно осторожным, а если нужно - хитрым. Но хитрым по-умному, чтобы не торчали твои уши.

- В чем можно быть хитрым? - спросил Глеб.

- Не догадываешься?

- Может быть, не так хорошо. Объясни.

- Вот, например... Приехал к тебе на Белоозеро татарин перепись проводить. Водишь его по лесам, по болотам, пока всю душеньку его бусурманскую не вытрясешь. Он взмолится - хватит. А ты укроешь от него таким макаром пару самых населенных волостей и дань с них после не заплатишь. Но учти, дело это рискованное.

- Понимаю. Надо так, чтобы все шито-крыто...

- И вот еще... Не показывай ханскому чиновнику всех своих доходов. Никаких податей с новгородских купцов ты не брал. И прибедняйся, умно прибедняйся. Баскака к тебе приставили?

- Нет еще. Пока Бурхан из Ростова за мной надзирает.

- Что за человек этот Бурхан?

- Брат с ним ладит, подарил его подарками. Даже уговаривает перейти к нему на службу и окреститься.

- Дай Бог удачи твоему брату.

- А что же нас ждет впереди, Александр Ярославич? Не думал над этим?

- Думал, конечно. А ждет нас ослабление Золотой Орды. Она как льдинка под лучами теплого весеннего солнышка растает и развалится на мелкие крохи.

- Откуда такая уверенность, Ярославич?

- Здравый смысл вселяет уверенность. Ханский род велик, чадообилен. Рано или поздно начнутся усобицы, драки за престол. Уделы перестанут повиноваться Сараю.

- Так ведь и род Рюриковичей велик и чадообилен. И наши князья грызутся меж собой.

- Мы другое дело. Мы сидим на своей родной земле. Она, матушка, рано или поздно соединит нас в единую силу. А ордынцы пришли к нам как захватчики. И они непременно столкнутся с борьбой недовольных полонян. А таких в Орде много. Они могут стать великой силой. И еще...

Невский не сразу продолжил речь, подбирая убедительное слово.

- Думаю, хан согласится на открытие в Сарае православной епархии. Церковь станет притягательной силой не только для русских полонян, оказавшихся по ханской воле в Орде, но и для некоторых ордынцев, даже отдельных родных и приближенных хана. Ведь среди них разные люди. Есть и такие, которые видят в русичах дуновение свежего ветра, носителей чего-то нового, не похожего на перевозданную дикость Батгя.

- Думаешь, православие привлечет ордынцев?

- Уже привлекает. Находятся ордынцы, переходящие на русскую службу, принимающие крещение. Твой брат Борис не случайно говорил мне о Бурхане. Таких Бурханов на русской службе станет со временем больше и больше. Появятся православные люди и среди ханских вельмож, для которых старый уклад жизни и система правления в Орде станут неудобны.

- И Орда перестанет быть Ордой?

- Не знаю, Глеб. Я не пророк, не прорицатель. Но здравый смысл мне подсказывает, что Орда скоро ослабнет. Она столкнется с новыми силами, которые подточат ее, как древесный жучок, превращающий крепкий пень в труху.

- И пень раскрошится?

- Нет, сам он не раскрошится. Орда еще долго будет показывать зубы. А мы тем временем соберемся с силами и добьем издыхающее бессильное чудовище.

- Веришь, Ярославич, что будет так?

- Верю.

- И доживем мы до такого дня?

- Нет, Глеб. Ордынскую власть сокрушат потомки наши. Вряд ли это будут наши дети. Может, внуки...

Кончилась полоса лесов. Пошли степи, унылые, голые, тронутые изморозью. Изредка попадались встречные купеческие баркасы или лодки с вооруженными ордынцами, совершавшие рейды для устрашения местных жителей.

Плавание подходило к концу. Караван судов входил из широкой Волги в ее левый рукав, узкую Ахтубу. У входа в Ахтубу, на берегу стоял ханский

военный пост. От поста отделилась лодка с татаринном в русском трофейном шлеме. Его сопровождали четверо вооруженных спутников в остроконечных шапках. Татарин поднялся на головной дощаник и подошел к Александру Ярославичу, узрев в нем главное лицо.

- Позволь, Ярославич, потолмачить, - сказал Глеб.

- А можешь?

- Пытался научиться еще в Ростове.

Хотя у великого князя был свой опытный толмач, он разрешил белозерскому князю попробовать.

- Кто такие? Куда, зачем плывете? - услышал Глеб простые вопросы татарина и перевел без труда.

- Объясни бусурманину, - сказал вполголоса Александр Ярославич. - Я владимирский князь, старший над русскими князьями. Плыву в Сарай-Берке, их главный город, чтобы выразить свое уважение великому хану Берке. Везу для него подарки.

Глеб передал смысл слов Александра Ярославича по-татарски, хотя и с затруднениями. Татарин был удовлетворен ответом и просиял в широкой улыбке, когда получил от Невского подарок - нож с костяной рукояткой в кожаном чехле.

Караван поплыл дальше.

Вот и ханская столица. Сперва Глебу показалось, что он бывал уже в этом неряшливом, бестолково разбросанном по степной равнине городе. Это произошло еще в пору его детства, когда тогдашним фактическим правителем Орды был Батыев сын, Сартак.

Но, присмотревшись, белозерский князь убедился: нет, это не тот город. Тот был Сарай-Бату, а это Сарай-Берке, раскинувшийся севернее старого, заброшенного по ханской воле города. Те же недостроенные дворцы, усадьбы ханских родственников и приближенных, окруженные глинобитными, а то и кирпичными стенами» шатры и юрты, лачуги, жалкие жилища бедняков и рабов, возведенные из камыша, обмазанного глиной. Нетрудно было заметить, что ханский дворец строился с большим размахом, чем в прежней столице. И вот новая черта нынешней столицы Золотой Орды. Над хаосом скопления разных построек в небо взметнулись мечети с большими луковичными куполами и тонкими башенками-иглами минаретов. Пока их несколько, но строятся и еще. Говорят, сам хан Берке и некоторые из его родичей и приближенных приняли ислам. Влияние этой религии, привнесенной из арабского мира, растет в Золотой Орде, а влияние традиционного идолопоклонства падает, хотя в ханской столице еще можно встретить и языческие капища с огромными истуканами, грубо

высеченными из камня или вырезанными из твердого дерева.

Александр Ярославич, побывавший в Монголии у великого хана, объяснил Глебу.

- В основе религии монголов лежит вера в Будду, божество соседей-китайцев. Но здесь другой уровень жизни, более примитивный, не столь богатые традиции, как у китайцев. Монголы создали смесь буддийской веры с поклонением идолам и шаманизмом. Племя Чингисхана принесло свою веру в таком виде сюда.

- Ордынцы убили моего деда Михаила за то, что он не пожелал поклоняться язычным идолам и пройти очистительный огонь, - с горечью сказал Глеб.

- Я знаю. Но те времена, кажется, прошли, - ответил Александр Ярославич. - Не думаю, что ордынцы будут принуждать нас к соблюдению своих бусурманских обрядов. Они стали терпимее относиться к инаковерующим.

- Надеешься ли, Александр Ярославич, что хан позволит учредить в Сарае православную епархию? - спросил Глеб.

- Помыслы ханские неисповедимы. Буду об этом говорить с Берке.

Русичам отвели несколько юрт, окруженных глинобитной стеной. В каждой юрте находился очаг, дым от него уходил в верхнее отверстие посреди куполообразного свода. Русский невольник приносил топливо - сучья, заготовленные в пойме Ахтубы.

Как было заведено в Орде, хан не принял великого князя Александра ни в день его приезда, ни на второй день, ни в Нижайшие дни. Выдержка должна была подчеркнуть значимость хозяина Золотой Орды и его занятость государственными делами. Соизволил он принять Александра Ярославича только на восьмой день.

Великий князь отправился к хану в парадном одеянии, в новых сафьяновых сапогах в сопровождении Глеба Васильковича и опытного толмача. За ними длинной вереницей шествовали парами люди из свиты Александра. Они несли подарки для хана Берке. У ворот дворцовых апартаментов, охраняемых парой рослых стражников с копьями, русичей встретил ханский приближенный, обменявшийся с Александром Ярославичем сдержанными поклонами. Сказал коротко:

- Следуйте за мной.

Большой тронный зал был уже почти завершен. Его украшали шеренги белых тонких колонн и орнаментальные бордюры вдоль стен из разноцветных глазурованных плиток. Над отделкой зала трудились подневольные мастера, вывезенные из Хорезма. Хан Берке восседал на горе

подушек, уложенных на небольшом мраморном возвышении. При появлении русских не встал, а лишь сказал:

- Подойди, русский князь Искандер. Что привело тебя в наш город?

- Веление сердца, великий хан, - ответил Александр Ярославич с поклоном. - Хочу выразить тебе мое почтение и порадовать скромными подарками.

Великий князь сделал рукой жест: его спутники, один за другим стали подходить к подножию ханского возвышения и складывать у ног хана подарки. Это были шкурки соболя, горностая, песца, чернобурой лисицы, серебряные чаши и кубки, покрытые тонким чеканным узором, янтарные и изумрудные ожерелья, золотые браслеты и перстни. Берке, с любопытством разглядывая подарки, не мог скрыть восхищения. По его знаку приближенные вынесли подарки из зала.

- Ты щедр, русский князь, - сказал сдержанно Берке и, как показалось Александру, настороженно. - Неспроста твоя щедрость. Ты чего-то ждешь от меня.

- Только одного, великий хан. Чтоб ты меня выслушал.

- Говори.

- Я был возмущен неповиновением новгородцев. Заставил их выдать зачинщиков, которые подстрекали народ не повиноваться тебе и мешать переписи. Этих зачинщиков я строго накажу.

- Разумно поступаешь, князь.

- И отозвал из Новгорода сына Василия. Он по молодости, неразумению послушался дурных людей. Я лишил сына удела и отправил его под надзор дяди.

- Ты хорошо поступил, Искандер, - произнес Берке, и его скуластое лицо расплылось в улыбке. - Ты что-нибудь хочешь от меня?

- Милости твоей, великий хан.

- Моей милости хотят все. Это твой другой сын?

- Нет, племянник, князь Белоозера.

- Белоозеро? Это где? Напомни.

- Северный лесной край. Великую милость хотел бы получить от тебя этот молодой князь Глеб. Покойный хан Сартак, когда еще не был он ханом, с согласия батюшки своего великого Батыя пообещал отдать в жены князю Глебу дочь свою, Боровчину.

- Понравилась она тебе, молодой князь? - спросил Берке Глеба.

- Я видел ее еще совсем ребенком. А жениться на твоей родственнице для меня великая честь. Читил бы тебя, хан Берке, как отца родного.

Глеб говорил хану именно так, как учил его Александр Ярославич.

- Хитер, русич... - произнес недоверчиво хан.

- Зачем мне хитрить? Разве это не честь - жениться на внучке твоего брата, великого Батыя, иметь сыновей, которые были бы не только моими сыновьями, но и потомками ханов.

- Складно говоришь... О твоей женитьбе подумаем, посоветуемся с диваном. Послушаем, что скажет первая жена Сартака. А у тебя что еще ко мне?

Теперь уже хан обращался к Невскому.

- Говорят, великий хан, ты принял Магометову веру, - спросил Александр Ярославич.

- Верно говорят. Но я не мешаю моим подданным исповедовать другие веры. Есть среди ордынцев поклонники наших прежних идолов. Есть и христиане. Понимаю, к чему ты клонишь. Не пора ли в Сарае открыть русский храм?

- И учредить православную епархию.

- Об этом мы тоже подумаем. Поживи пока у нас. Отдохни, пусть твои люди посмотрят наши базары, состязания конников. А когда мы примем решение, тебе его скажут.

Александр Ярославич и его спутники вернулись к себе. Потянулись долгие дни, недели. Промозглая осень сменилась первыми холодами со снегопадом. Глеб в сопровождении Власия Григорьева бродил по городу, по лабиринту кривых улочек и закоулков, заходил на базары. Его особенно удручало, что шла бойкая торговля живым товаром. Продавали невольников: кавказцев, хивинцев, половцев, русичей. Некоторые из них были закованы в деревянные колодки, чтоб не пытались бежать. Да куда убежишь от ордынцев! Кругом бескрайние степи...

Покупатели живого товара, если нуждались в рабочей силе, ощупывали мускулы у выставленных на продажу мужчин. Если желали приобрести молодую женщину в качестве наложницы, заводили ее в юрту, приказывали раздеться, дотошно разглядывали тело и потом торговались с продавцом. Торговались долго, до умопомрачения.

В числе сопровождавших Александра Ярославича спутников был владимирский священник, отец Максимиан. Он получил отдельную юрту под походную церковь, развернул с помощью одного из стражников великого князя, приданного ему в качестве служки, походный алтарь. Здесь стали проводиться регулярные службы. На эти службы приходили не только сопровождавшие великого князя русичи, но и другие люди с Руси, оказавшиеся по разным причинам в Сарай-Берке: купцы, князя со свитами и полоняне.

А сам Александр Ярославич в сопровождении двух-трех наиболее близких спутников посещал ханских родичей, братьев, племянников: одаривал подарками и вел хитрые речи, стараясь расположить к себе. Глебу Васильковичу потом говорил:

- Ищу сторонников. Хан Берке, кажется, смягчается. Хан и в самом деле смягчился. Настало время, когда он вспомнил об Александре Ярославиче и пригласил его в свой недостроенный дворец. Великий князь услышал от Берке:

- Пришли вести из Новгорода от моих людей. Жители не мешают вести перепись. А для меня отпала нужда в походе против Новгорода.

- Побоялись новгородцы, вот и смирились, - добавил хан после небольшой паузы.

- Ты прав, Берке. Всегда ведь можно полюбовно договориться и избежать войны, - ответил Александр Ярославич. Он ждал, что хан заговорит о женитьбе князя Глеба. Но на этот раз такого разговора не состоялось...

Зима подходила к концу. Началось таяние снегов, когда хан пригласил Александра Ярославича для очередной беседы. Берке пообещал ввести поощрительные меры для русских купцов, посещающих с товарами Сарай-Берке.

Напоследок хан спросил:

- Если я дам согласие учредить в Сарае русскую епархию, кто будет тот человек, который займет главное место?

- Уж этого я не знаю, великий хан, - ответил Невский. - Это решит глава русской православной церкви митрополит Киевский.

Берке перевел разговор на другую тему. Снова заговорил о привлечении в Сарай русских купцов, об открытии в ханской столице судостроительного производства. Посетовал, что сами ордынцы плохие корабельщики: без привлечения русских мастеров не обойтись. И когда весь разговор, казалось, был уже исчерпан, хан произнес:

- Мы посоветовались с ближними. Пусть молодые люди возрадуются. Приходи ко мне завтра и приводи молодого князя.

- Слушаюсь, великий хан, - с напускным подобострашием произнес Александр Ярославич.

- Как зовут-то его?

- Глеб Василькович.

- Он мне понравился. Немногословный, скромный.

На следующий день Александр Ярославич с Глебом и толмачом были у хана, в его тронном зале. Хан восседал на прежнем месте на подушках.

Через некоторое время вошли молодая женщина в сопровождении пожилой.

- Вот твоя невеста, князь Глеб, - сказал хан, расплывшийся в улыбке.

Глеб разглядывал молодую ордынку. Она была худощавой, гибкой, бледной, должно быть, от волнения. Темные волосы были собраны в пучок на затылке. А глаза ее были вовсе не темными, как показалось Глебу во время их первой встречи. Они оказались зелеными и какими-то бездонно-глубокими. Одетая ордынка была так же, как тогда, в далеком детстве, только побогаче. Шаровары из прозрачной восточной ткани, сквозь которую просвечивали стройные ноги, и бархатная, расшитая золотом жилетка, прикрывавшая нагрудную повязку. Массивные золотые кольца-серьги, украшенные рубинами, оттягивали мочки ушей. Девушка без робости, с любопытством рассматривала русских князей.

- Ну, здравствуй, красавица, - сказал Глеб. - Помнишь меня?

- Помню немного, - ответила она чуть слышно.

- А это твоя матушка?

- Матушка умерла давно, - ответила Боровчина, - это моя вторая мама.

Потом Глеб узнал, что пожилая женщина - вдова покойного Сартака, его первая жена.

Ну что станем делать дальше? - спросил хан Берке.

- По нашим обычаям, если русский женится на иноверке, ее крестят по православному обряду. А потом оба идут под венец, - сказал Александр Ярославич.

- Я допускаю в мои владения все религии. Пусть будет по вашим обычаям, - сказал благодушно Берке.

- Хотелось бы крестить мою невесту и венчаться с ней во Владимире, на глазах у моей матушки, - произнес Глеб. - Чтоб крестил ее и венчал нас мой духовный отец, владыка Кирилл.

Берке против этого неожиданно возразил.

- Я готов передать, князь Глеб, невесту в твои руки вот здесь, перед моими очами. И приготовил для вас покои в ханском дворце: не гоже, чтобы моя родственница шла в юрту. А в покои ты введешь уже не невесту, а жену.

- Какая же она мне жена, коли некрещеная и невенчанная, - вздохнул Глеб.

Выход из трудной ситуации нашел Александр Ярославич.

- Разрешите, Берке, я подскажу разумное решение. И молодого князя оно устроит.

- Говори, Искандер, коли это разумное решение, - милостиво кивнул

хан.

- Нас сопровождает здесь русский священник. Он может окрестить Боровчину и дать ей христианское имя. А потом и обвенчать молодых. Они придут в отведенные тобой дворцовые покои уже мужем и женой. Вот и не нарушим мы ни ваши, ни наши обычаи.

- Ваш Кирилл не будет за это в обиде? - спросил хан.

- Нет, Берке. Кирилл потом отслужит торжественный молебен во здравие молодых.

- Да будет так. Подойдите ко мне, молодые люди, возьмитесь за руки, - властно сказал хан. - Примите от меня свадебные подарки.

Один из ханских приближенных подошел и встал рядом с серебряным подносом, на котором лежали подарки. Берке протянул Боровчине массивный золотой браслет, украшенный крупными алмазами. Глеб получил кинжал кавказской работы в серебряных узорчатых ножнах с массивной рукояткой в виде фигурки какого-то странного сказочного существа.

Отец Максимиан приготовил в юрте-храме купель для крещения будущей княгини белозерской. Но в последний момент спохватились, что Боровчина не имеет русской одежды. Не в прозрачных же шароварах идти с ней под венец. Глеб отправил Власия на ближайший базар, приказав ему:

- Обойди русских купцов. Достань хоть из-под земли холщовую рубаху на девицу высокого роста и женское платье, в котором не стыдно невесту под венец вести.

- Слушаюсь, княже.

Власий оказался удачлив. На ближайшем базаре торговал всякой всячиной русский купец из Рязани, Захар. Он приехал в Орду с молодой женой Пелагеей. Выслушав Власия, Пелагея предложила свое суконное платье с вышивкой на груди и на обшлагах рукавов и исподнюю рубаху из тонкого холста. Когда Власий спросил про цену, Захар замахал обеими руками:

- Полно тебе, мил человек. За благое дело грешно деньгу брать. Скажи твоему князю - подарок наш...

Отец Максимиан заставил татарку обрядиться в длинную холщовую рубаху и окрестил, дав имя Феодоры. Купель была слишком мала для взрослого человека. Священник ограничился тем, что обмакнул голову новокрещеной в медный тазик, служивший купелью, зачерпнул пригоршню воды и обрызгал все ее тело.

- Отныне ты раба Божья Феодора, - возгласил отец Максимиан.

Память святой Феодоры падала на одиннадцатый февраль, как раз в

этот день и происходило крещение в юрте-храме. Крестным отцом вызвался быть сам Александр Ярославич. В юрте было холодно, несмотря на огонь очага: как только обряд закончился, Глеб накинул на плечи невесты полушубок.

На свадьбе Феодору обрядили в платье купчихи, покрыли голову белой фатой. Юрта набилась участниками свадебной церемонии. Собрались все спутники Александра Ярославича и Глеба, пришел купец Захар с женой. Про свадьбу проведал оказавшийся в ту пору в Сарай-Берке один из рязанских князей, пришел и он. С ордынской стороны были опекавшая Боровчину ее мачеха, вдова Сартака, с двумя не то служанками, не то подругами невесты и еще бессловесный ханский приближенный. Часть свидетелей свадебной церемонии оставалась на улице, так как юрта не могла всех вместить.

В тесной юрте пахло угаром от очага, свечным нагаром и людским потом. Отец Максимиан уверенно вел венчальную службу. К сожалению, не было хора, чтобы сопроводить ее торжественным песнопением. Один из стражников князя Александра Ярославича, приданный священнику в качестве служки, или пономаря, подпевал как мог, но всех свадебных песнопений он не знал. Закончил священник службу возгласом: «Исайя, ликуй».

Молодожены должны были обменяться обручальными кольцами. Феодора никак не могла понять, что от нее требуется. Тогда Глеб одел на ее палец обручальное кольцо, а другое одел на свой палец. Потом он поцеловал молодую жену, чем привел Феодору в большое замешательство.

Присутствующие подходили к молодым с поздравлениями. Мачеха что-то долго выговаривала Феодоре непонятной Глебу скороговоркой, отчего новобрачная смущалась и краснела. Александр Ярославич поздравил коротко:

- Счастья вам и всех радостей, дорогие мои. Живите в мире и согласии.
- Глеб, спохватившись, подозвал к себе купца Захара и спросил его:
- Можешь, купец, устроить свадебное угощение? Сейчас, здесь.
- Дай немного времени, устрою.
- Действуй.

Через некоторое время прибыла повозка, которую тянул длинноухий ишак. В повозке стояли два больших бочонка хмельной браги, бочонок медовухи, лежали копченая рыба, вяленая баранина и другие явства. Гости не расходились в ожидании угощения. Появились еще русичи, оповещенные Захаром: купцы, гребцы с баркасов, люди рязанского князя, какие-то затрапезные оборванцы, должно быть, полоняне со строек.

Александр Ярославич приказал стражникам никого не гнать.

В ожидании Захара Невский пригласил Глеба с молодой женой в свою юрту. Были приглашены священник, рязанский князь и сопровождавшие Феодору ордынцы, вдова Сартака и подруги - служанки новобрачной. Унылый ордынец покинул храмовую юрту, не дождавшись конца венчания.

Александр Ярославич обратился к молодым с напутственным словом, пожелал им счастливой и чадообильной жизни. Потом долго и многословно говорил рязанский князь. Он был не в духе. Уже долгое время сидел он в Сарай-Берке в ожидании ханского приема и никак не мог дождаться. Хан не был расположен его принять: вероятно, за что-то гневался.

Гостям вынесли большую зеленую бутылку с каким-то крепким питьем, разлили по чашам.

- Заморское вино. Еще с Новгорода, - сказал Александр Ярославич, - выпьем за здоровье молодых.

Гости выпили, похвалили вино. Только Феодора лишь пригубила - не привыкла. А вдова Сартака не отказалась и от второй чаши: вино ей понравилось.

Когда вокруг повозки с бочонками хмельного зелья и разной снедью столпился народ, Глеб вышел на двор. Поблагодарил гостей, что пришли по такому торжественному для него случаю, постоял из приличия среди гостей короткое время и удалился с Феодорой, сопровождаемый охраной.

Дворцовая комната, отведенная молодым, оказалась обширной и неудобной. Никакой мебели в русском понимании в ней не было, только мягкое ложе на полу, устланном бухарскими коврами, да разбросанные подушки вместо стульев. Перед подушками не то подносы, не то низкие столики из какого-то восточного дерева. Печи или камина в комнате не было. Их заменяли два треножника, поддерживавших медные чаши с раскаленными углями. Чаши давали совсем мало тепла.

В неудобной и прохладной комнате молодоженов ожидали кувшин кумыса, блюдо грецких орехов и еще тонкие приторно-сладкие лепешки.

Вдова Сартака распорядилась, чтобы принесли личные вещи Феодоры в трех больших берестяных коробах. В основном это была татарская одежда, которую не станешь носить на Руси. Еще было немного драгоценностей: коралловые бусы, две пары золотых серег с камнями и еще кое-что по мелочам. Позже Феодора призналась мужу, что ценных украшений у нее было значительно больше: дарил отец Сартак, человек добрый, особенно к детям. Но многим воспользовалась ее мачеха, женщина властная и жадная. Феодора ее не любила и побаивалась, поэтому и не захотела ссориться из-за каких-то там перстней и серег.

Когда наконец новобрачные остались одни, и Феодора почувствовала, что наступило неотвратимое время сближения, она испуганно забилась в угол и затравленно смотрела оттуда на Глеба. Он попытался заговорить с ней по-татарски, с усилиями подбирая слова.

- Чего ты испугалась, глупенькая?

Феодора ничего не ответила и продолжала смотреть на мужа со страхом.

- Я тебе не нравлюсь, противен?

- Не-т... Ты хороший.

- А если хороший, так не надо бояться меня. Иди же ко мне.

- Боюсь. Это больно...

- Напрасно боишься. Ведь хочешь, чтобы у нас с тобой были дети?

- Хочу.

- Так иди же ко мне. Дети не получаются от одних только слов - хочу детей.

Глеб не стал очень настаивать или* прибегать к грубой мужской силе. Он не спеша разделся и лег на пышный пуховый матрац, в котором, казалось, можно было утонуть. И накрылся таким же пышным пуховиком, не то одеялом, не то матрацем. Он не заметил, как уснул. Повернувшись среди ночи на другой бок, он почувствовал, что рядом с ним лежит, съездившись калачиком, тихо всхлипывая, Феодора.

- Прости... За день притомился, устал. Вот и заснул, - стал оправдываться Глеб. Говорил он сбивчиво, путая русские и татарские слова, и Феодора не понимала его. Тогда Глеб сжал девушку крепкой хваткой, покрывая лицо, глаза, плечи, грудь поцелуями.

- Тебе хорошо, моя радость?

- Хорошо.

- А что же ты плакала?

- Страшно стало. Думала, не нужна я тебе.

- Как это не нужна? Что ты говоришь? Разве женился бы, коли не нужна.

- Я думала...

- Что ты думала?

- Великий хан заставил тебя взять меня в жены. Ты и послушался хана, хотя я вовсе не была тебе угодна.

- Угодна, еще как угодна...

Позже Глебу захотелось спросить Феодору - почему она совсем не похожа на татарку. Лицо почти не скуластое, разрез глаз скорее русский. И цвет глаз - не черный, не карий, а совсем необычный, салатно-зеленый.

Феодора уразумела по отдельным словам Глеба, что его заинтересовало.

- Ты русич. Да? Я татарка? Нет, - говорила она короткими фразами. - Отец Сартак татарин, сын Батыя. Мать нет.

- Я так и думал. Ты в мать уродилась?

- Потом расскажу.

Феодора прижалась к Глебу, постепенно освобождаясь от робости. Страсть пришла не сразу. Сперва она подчинялась вынужденному чувству долга, необходимости терпеть мужнины ласки. Потом притерпелась и сама стала их желать. Пришла наконец и страсть, неистовая, пылкая, не характерная для сдержанных в любви русских женщин.

...В один из первых дней совместной жизни Глеб попросил Феодору показать ему весь свой гардероб, уложенный в берестяные баулы. Одежды у Феодоры было вроде бы и много, да вся она, по мнению Глеба, была типично бусурманской. В баулах лежали шаровары из тонкой прозрачной ткани разных расцветок, длинные не то кофты, не то халаты с яркими вышивками, которые и не застегнешь спереди из-за узости. Обувь - шлепанцы без задников, туфли с загнутыми носами, какие на Руси носят только скоморохи, бархатные туфельки для дома.

- Все это не для русской княгини, - произнес Глеб, закончив осмотр. - Нам такое негоже.

Он задумался. Надо было снарядить жену на русский лад, чтоб не стыдно было показать ее родне, брату, матери, ввести в кафедральный Успенский собор. А для этого надо искать портного и обшивать Феодору.

Ему неожиданно помог купец Захар, человек пронырливый, знавший в Сарай-Берке многих полезных людей, сумевший завести влиятельных друзей и среди знатных ордынцев.

- Тебе нужен хороший портной, который умеет шить женскую одежду. Так? - спросил он, выслушав Глеба.

- Нужен.

- Знаю одного такого. Зовут Каллистрат.

- Мне все равно, что Каллистрат, что Фома или Ерема.

- Сейчас им владеет один ханский вельможа, который отстраивает большую усадьбу. Ему каменщики, плотники нужны, а Каллистрат только и умеет, что платья да кафтаны шить. Вельможе он пришелся не ко двору: сделали беднягу землекопом.

- К чему ты мне это говоришь?

- А вот к чему. Купи Каллистрата, и пусть он шьет одежду для твоей Феодоры.

- Станет ли разговаривать со мной вельможа о покупке какого-то

землекопа?

- И не надо с ним разговаривать. Договорись с управляющим.

Захар свел князя Глеба с управляющим ордынского вельможи, маленьким шустрым татаринком. Договорились легко. Русич, не умеющий ни плотничать, ни класть кирпичи, ценности не представлял и поэтому был уступлен Глебу за совсем недорогую цену. Белозерский князь привел Каллистрата в юрту, где размещались его люди, и сказал:

- Размещайся здесь. Будешь обшивать мою княгиню, а потом поедешь со мной на Родину.

- Храни тебя Бог, княже, - благоговеющим шепотом произнес портной.

- И еще. Скверно от тебя пахнет, Каллистратушка. В бане-то когда мылся?

- Какая может быть баня у полонянина? Летом иногда в реке плескались.

- Пусть вскипятят для тебя воду на очаге. Помойся, а обноски свои сожги. Найдем тебе одежонку.

Каллистрат, не найдя слов, прослезился.

Задача с одеждой княгини разрешилась. Оставалось только закупить в лавке у Захара всяких тканей: сукна, шелка, тонкого льняного полотна.

Несколько раз Глеб встречался с Берке. Всякий раз хан спрашивал, доволен ли белозерский князь молодой женой. Глеб отвечал утвердительно. Однажды он спросил Берке - можно ли, когда реки откроются для плавания, отбыть на Родину. Хан ответил согласным кивком головы.

Еще задолго до начала навигации Глеб Василькович решил осуществить давно задуманный план - выкупить в Орде русских полонян. Опять помог ему вездесущий купец Захар. Он свел Глеба с разбитным моложавым татаринком, посредничавшим по продаже и скупке невольников. Звали этого татарина Бахмет. Он даже скверно и неграмотно говорил по-русски, научившись языку у полонян. Бахмет выслушал Глеба и сказал деловито:

- В Сарай-Берке много пленных русских, которые стали уже ненужными владельцам. Что-то строили и построили. Есть и такие хозяева, которые нуждаются в деньгах и готовы продать часть своих людей.

- В какой цене русские полоняне?

- Если покупаешь много, цена падает.

- Понятно. Поговорим о цене, Бахмет.

Захар предупредил Глеба, что среди ордынцев принято торговаться до седьмого пота. Если ордынец запрашивает одну цену, русский покупатель должен выразить чувство удивления и возмущения и согласиться только

дать половину запрашиваемой цены. Продавец также выразит чувство удивления и возмущения, станет причитать, что русич хочет его разорить и пустить по миру. Идет, можно сказать, традиционный спектакль с двумя действующими лицами. Когда-то спектакль надоедает его участникам: сходятся на средней цене. Князю Глебу удалось договориться с ордынским посредником о покупке семидесяти русичей. Всех их белозерский князь поставил в распоряжение Власия Григорьева, который занимался починкой дощаников и подготовкой их к летнему плаванию. Нужно было заделать течи, просмолить пазы между бортовыми досками. На головном дощанике обновлялась княжеская комната для молодоженов.

Князь Глеб вышел к выкупленным полонянам и сказал им краткое слово.

- Вы теперь свободные русичи. С полоном покончено. Кто пожелает поселиться в моем уделе, Белоозере, милости просим. Дам землю, отведу место для жилья, помогу отыскать семью, коли ваши близкие еще живы.

- Дай-то Бог тебе доброго здоровья, княже, - перебивая друг друга, заговорили бывшие полоняне.

Каллистрат взялся за дело, шил княгине Феодоре платья русского фасона. Он, как заметил Глеб, неплохо говорил по-татарски и легко изъяснялся с Феодорой. Глеб попросил портного:

- Вижу, ты неплохо владеешь татарским. Я должен обучить жену русскому языку. И ты мне поможешь.

- Как я могу помочь?

- А вот как. Сказал татарскую фразу, потом скажи ту же фразу по-русски. Объясняй ей значение всяких слов, названия предметов в русском звучании. Что-нибудь да усвоит.

- Постараюсь...

Волга открывалась для навигации в конце апреля. К этому времени последние льдины, плывшие с волжских верховьев и ее притоков, растворялись в волжской воде или, источенные и хрупкие, добирались до Каспия.

Начали собираться в обратный путь. Глеб Василькович посетил Александра Невского, поинтересовался - не думает ли он о дороге.

- Задержусь еще недельки на две, - ответил Александр Ярославич. - Занимаюсь выкупом полонян.

- Много ли рассчитываешь выкупить?

- Сотни две. На моих дощаниках столько не разместить. Пришлось подрядить корабелов сделать еще пару новых суденышек. Это меня и задерживает в Орде. Берке нанес прощальный визит?

- А надо?

- Обязательно. Благодарю его сверх всякой меры за милость великую, гостеприимство, невесту. Хан льстивые речи любит. Что скажешь Берке, коли спросит, доволен ли ты женитьбой?

- Он всякий раз об этом спрашивает.

- Тем более.

- Скажу, что доволен. Скажу без всякой хитрости. Феодора и в самом деле по душе мне пришлось. Мать-то у нее, оказывается, не татарка. Наверное, из каких-то полонянок.

- Любопытно. Порасспроси. Куда поплывешь, Глеб?

- Сперва в Ростов, к матушке, брату. Везу им подарки. Хочу с женой познакомиться.

- Кланяйся всем, Марье Михайловне особенно. Скажи доброе слово об ее батюшке, великомученике Михаиле Черниговском. Мог ведь избежать такой кончины, кабы рассуждал трезво.

- Мог бы, наверное, - согласился с Александром Ярославичем Глеб.

Накануне отъезда Глеб Василькович посетил хана Берке, рассыпался в чувствах благодарности, как учил его Александр Ярославич. Берке довольно кивал головой, улыбался и в который раз задал свой вопрос:

- Доволен, русич, молодой женой?

- Как же не быть довольным, великий хан? Такая красавица, - отвечал Глеб.

- Это хорошо, - удовлетворенно сказал хан. На этом высокая аудиенция закончилась.

Отплывал Глеб со своими спутниками ранним утром. Выкупленных полонян разместил по дощаникам. На них стало тесно, но люди не роптали. Погрузились с радостным чувством - вырвались из полона, из рабства, а в тесноте - не в обиде.

Вверх по течению Ахтуба, а потом Волги пришлось идти на веслах, сменяя друг друга. Против течения двигались не так быстро, как осенью шли под парусами вниз по течению.

Глава 8. КНЯГИНЯ ФЕОДОРА РАССКАЗЫВАЕТ

Из узкой и извилистой, растекающейся на рукава и протоки Ахтубы вышли в широкую и кажущуюся прямой Волгу. Низменные степные берега, ровные и унылые, едва-едва начинали зеленеть травами и чахлыми кустарниками. Кое-где ровная степь бугрилась невысокими холмами. А может быть, то были вовсе не естественные холмы, а древние скифские или хазарские курганы, насыпанные на месте погребения воинов. Изредка встречались стада скота, выпущенного после зимнего периода на подножный корм. Пастухи, в конусообразных бараньих шапках, вооружившись бичами, покрикивали на скотину и сгоняли ее в кучу, чтоб не разбредалась.

Князь Глеб с Феодорой стояли на палубе дощаника. Было прохладно: с севера задувал острый ветер. Глеб Василькович накинул на плечи жены меховую кацевайку. На днях она порадовала его. Ночью, тесно прижавшись, взяла его ладонь и положила к себе на живот. Глеб почувствовал внутри женского тела какой-то легкий толчок.

- У нас будет маленький. Слышишь, Глеб?

Этого не надо было и говорить. Глеб Василькович и сам понял, что жена его понесла. Несколько дней ее подташнивало, но вскоре тошнота прошла. Наоборот - появился аппетит. Теперь белозерский князь окружал жену всяческой заботой, подавал пищу, не позволял выходить на свежий воздух легко одетой.

Вдруг Феодора указала рукой на берег. Там, перед кустами тальника, у кромки воды стоял худой, оборванный человек, похоже русич, и отчаянно махал руками, чтоб обратили на него внимание. Он что-то кричал, но слов нельзя было разобрать.

- Он просит о помощи, - Глеб окликнул Власия, находившегося в кормовой части дощаника.

- Что угодно, княже - спросил Власий, подходя.

- Видишь человека на берегу?

- Похоже, русич. Беглый полонянин.

- Пошли на берег челнок, чтоб доставил его сюда.

- Дозволь мне самому сплавать.

- А вдруг татарин? Рисковать тобой не стану. Пошли кого-нибудь.

- Слушаюсь, княже.

Оборванца доставили на дощаник. Он еле держался на ногах от истощения.

- Кто таков? - спросил Глеб.

- Савелий Феогностов я, - слабым голосом ответил русич.

- Бежал от татарина?

- Бежал, батюшка. Неделю скитался. Питался кореньями. Молил Бога, чтоб своих встретить. Услышал Господь мою молитву.

- Что делал у татарина?

- Скотину пас.

- Бил тебя татарин?

- Другие бивали больше. Мой хозяин все улыбался, только кормил плохо. По дому я истосковался.

- Родом откуда?

- Из-под Костромы. Не знаю, живы ли мои родные. Когда Батыгина орда приблизилась, вся семья, жена, детишек трое, старик отец в лес убежали, а я замешкался. Хотел из скарба домашнего что поценнее попрятать. Да и попал в лапы бусурман: стал полонянином.

- Чем занимался на Руси, мужик?

- Хлебопашеством, охотой. Жил, как все.

- Власий, накорми его и приставь к делу. А ты, Савелий, запомни, коли татары спросят... Я выкупил тебя вместе со всей этой толпой в Сарае. Уразумел?

- Как не уразуметь, батюшка. А ты, небось, князь, коли можешь полонян выкупать у ордынцев?

- О Белоозере слышал?

- Как не слышать... Это вверх по Шексне.

- Я тамошний князь.

- Век буду молиться за тебя. Спас меня из неволи.

Однообразные путевые впечатления от унылых равнинных берегов располагали ко сну. Князь Глеб вместе с Феодорой уединился в устланной коврами кабине, слабо освещенной светом лампы.

- Если родишь сына, назовем его Михаил, - сказал Глеб, обнимая жену.

- Михаил... - повторила Феодора. - Кто такой Михаил?

- Это имя моего деда, убиенного по повелению хана Батыя. Хочу сделать приятное матушке, почтить память отца ее. А ты обещала рассказать о своей матушке.

- Это будет долгий рассказ. Ты, наверное, не все поймешь.

- Что не пойму, догадаюсь.

Феодора начала говорить. Действительно, князь Глеб далеко не все понял из ее сбивчивого, сумбурного рассказа, лишённого строгой последовательности. Татарский язык он усвоил не очень хорошо, многие слова, выражения, обороты были ему непонятны. Он пытался переспрашивать жену, но и ее разъяснения не всегда помогали. Глеб скорее интуитивным чувством улавливал суть рассказа жены, чем дословно понимал его.

Суть рассказа Феодоры была такова.

Ее мать была не ордынской татаркой, а полонянкой, представительницей одной из горных кавказских народов, ясов. Впоследствии этот народ стали называть осетинами.

Мать была зеленоглазая стройная красавица. Односельчане восхищались ее красотой, от женихов не было отбоя. Восхищались и ее умением скакать на коне, преодолевать препятствия, чему мог бы позавидовать самый резвый джигит. А пленил ее сердце молодой грузин, пришедший из-за хребта, по имени Вахтанг. Он называл яскую красавицу на свой грузинский лад Кетаван, или Кето, хотя родители - ясы - называли девочку как-то по-своему.

Земли ясов окружали горы и долины, заселенные другими кавказскими народами: касогами, кабардинцами... все названия она, Феодора, из рассказов матери не припомнит. Между племенами и народами случались конфликты. Дело доходило до вооруженных столкновений. Чаще всего причина была такова. Нагрянул отряд соседей касогов или кабардинцев на яское селение, угнал скот. Обиженные ясы призывают всех близких и родичей из других аулов и устраивают на обидчиков облаву, чтобы отбить угнанный скот, наказать похитителей. Конечно, подобные стычки не заканчивались мирно. Бывали потери с той и с другой стороны. Обычай кровной мести требовал мстить за убитых. Вахтанг получил тяжелое ранение в плечо: какой-то лихой кабардинец ударил его кинжалом. Вахтанг отлеживался в сакле, поправляясь. Кетаван навещала его. О них уже все селение говорило как о женихе и невесте. Дело шло к свадьбе.

Привычный ход жизни нарушило Батыево нашествие. Татаро-монгольские орды навалились с севера грозной лавиной на кавказские земли. Часть ясов ушла в недоступные горы или, перейдя горный хребет, укрылась в Грузии. А другая часть попыталась сопротивляться.

Нашествие завоевателей не было неожиданным для народов горного Кавказа. Жилища ясов выглядели неприступными крепостями: они были сложены из огромных, грубо отшлифованных каменных плит. И в таких

жилищах-крепостях обитатели отсиживались, если появлялся противник. Но Батыевы орды казались неисчислимыми. Они захлестнули все предгорье. Слабые силы ясов были сокрушены. Погибли от рук ордынцев грузинский юноша Вахтанг, мечтавший жениться на красавице Кетаван, ее отец, два ее брата и многие родичи и односельчане. Поплатились жизнью и те, кто пытался отсидеться в жилищах-крепостях: старики, женщины и дети. Ордынцы обкладывали жилые сооружения охапками сухого хвороста и поджигали. Обитатели таких жилищ если не гибли в пламени пожара, то задыхались от дыма.

А Кетаван досталась ордынцам в качестве добычи. Сперва молодого татарина в остроконечной бараньей шапке и ватном халате. Но ее красоту заметил военачальник, приближенный царского сына Сартака, отобрал девушку у татарина, повел в шатер ханского сына Сартака.

- Дозволь порадовать тебя подарком, о всемилостивейший.

Сартак был еще молод и не располагал обширным гаремом, как хан-отец, другие старшие родственники. Оставшись наедине с Кетаван, он стал разглядывать ее, коснулся рукой ее подбородка.

- Хороша! - восхищенно сказал он. - Хочешь быть женой ханского сына.

Кетаван не поняла его вопроса и поэтому ничего не могла ответить. Пришибленная случившимся, оплакивая потерю близких, она ощущала свою беспомощность. Понимала, что теперь она рабыня этого молодого знатного татарина. Всякое сопротивление, всякий протест были бы бессмысленны.

Она стала не то младшей женой, не то просто наложницей Сартака. По своему характеру Сартак был человеком мягким и добрым, ничем не похожим на отца, дядьев или братьев. К новой жене был внимателен и ласков, дарил ей подарки, хотя была у него и главная жена, властная и немолодая уже женщина, происходившая из ханской семьи. Батый принудил сына взять ее в жены из соображений политики. Были еще у Сартака две-три молодые наложницы. Но предпочтение он всегда отдавал Кетаван, получившей новое имя Сумбека.

Кетаван-Сумбека родила девочку, названную именем Боровчина. По мере того как девочка росла, становилось все более и более заметным ее сходство с матерью. Дочка стала любимицей Сартака, забавлявшегося с ней, задаривающего ее сладостями и разными ценными безделушками.

Недолго прожила Сумбека. Оторванная от родного очага, потерявшая родных, любимого Вахтанга, она тяжело переживала. Заболела быстро прогрессирующей легочной болезнью, стала харкать кровью и таять на

глазах. А тут еще добавился разлад с мужем. Сумбека почти привязалась к Сартаку. Человек добрый, выдержанный, он казался ей далеко не худшим среди ордынцев. А когда стала проявляться ее болезнь, Сартак нашел утешение в других молодых наложницах...

Сумбека умерла от чахотки еще при жизни Сартака, рассказав дочери про свои злоключения. Боровчина осталась на попечении старшей жены Сартака, пожилой и властной женщины, которую Глеб видел на свадьбе.

Таков был грустный рассказ Феодоры, который она неоднократно повторяла мужу. Иногда Глеб прибегал к помощи толмача, портного Каллистрата, находившегося среди пассажиров главного дощаника. Он быстро схватывал смысл сказанного, чтобы пересказать Глебу по-русски. Поэтому портной и вошел в круг приближенных белозерского князя.

Иногда Каллистрат подменял кого-нибудь из гребцов, чтобы размяться. Князь часто видел его в обществе Анны, княгининой подруги и служанки в одном лице. Анна была типичной татаркой - скуластой, чернявой, лет двадцати четырех-двадцати пяти. Покидая Сарай-Берке, Феодора выразила желание взять с собой одну из своих служанок. Глеб попросил отца Максимиана окрестить девушку. Священник охотно исполнил просьбу. Обряд крещения состоялся в юрте-храме. Свидетелями была княжеская чета. Из Закии татарка стала Анной.

Выйдя однажды на палубу, Глеб подозвал Каллистрата.

- Еще работы тебе прибавится, Каллистратушка, - сказал князь.

- Готов услужить, княже.

- Теперь Аннушку надо по-русски одеть.

- Оденем и Аннушку, - с радостными нотками в голосе сказал

Каллистрат.

- Смотрю, приглянулась она тебе.

- А почему бы не приглянуться? Девка справная.

- Рассказал бы, Каллистрат, о себе. Семья-то у тебя есть?

- Вдовец я. Женка Ксенюшка преставилась от неудачных родов.

- Стало быть, жениться вторично надумал?

- А почему бы нет? Коли дозволение с матушкой-княгиней дадите...

- Дадим, если поедешь с нами в Белоозеро и будешь обшивать нас. Да и княгине не хотелось бы расставаться с Аннушкой.

- Ну, это ж, коли пришелся ко двору, рад служить тебе, княже.

Вот и служи на здоровье. Детки-то от покойной жены остались?

- Сынок Владимир. Упрятал его за Волгу к родичам, когда орда к Ярославлю приблизилась. Совсем несмышленьш был, теперь, поди, взрослый уже.

- Думаешь, живой?
- Надеюсь, живой.
- А сколько годков тебе?
- Много уже. Третий десяток к концу подходит.
- А сколько годков Аннушке, разумеешь?
- Двадцать пятый.
- Не боязно на молодойке жениться? Рога не наставит?
- Я ведь мужик еще в полном соку. Заставлю деток нарожать, окружу заботой. Что ей еще надо?
- А она согласна на замужество?
- Прямого разговора об этом пока не было. Но засиделась в девках: почему не дать согласия?

Каллистрат был невысок ростом, бороду подстригал коротко. Проворный, подвижный, этакий живчик. Казался моложе своих лет, несмотря на перенесенный плен. Глеб проводил его словами:

- Все ж подумай еще. С Аннушкой поговори: как она. Если что - обвенчаем вас в Ростове. В Ярославле остановку сделаем. Ты про сына разузнай.

Когда Глеб Василькович уединялся с женой в своей кабине, Анна, ложе которой было отделено в углу плотной занавеской, обычно выходила на палубу. Она часто вступала в долгие разговоры с Каллистратом. Портной, прожив в Орде долгую жизнь невольника, не только свободно говорил по-татарски. Он умел вставить в разговор типично татарскую прибаутку, рассказать занятную историю, рассмешить собеседницу. Анне Каллистрат определенно нравился.

Нередко Глеб, беседуя с женой, попадал в затруднительное положение. Много из ее слов он не понимал, о многом только догадывался. Часто он никак не мог выразить нужную мысль по-татарски. Тогда призывался на помощь портной.

Вот и на этот раз Глеб не сразу понял, о чем завела речь Феодора.

- Позвать Каллистрата, чтоб помог нам?

Феодора отрицательно покачала головой. Она хотела спросить мужа о чем-то сугубо личном, интимном. Все-таки Глеб с усилием понял смысл ее вопроса. А звучал он так:

- Скажи, Глеб... Я у тебя единственная?

Глеб ответил поцелуем. А она продолжала спрашивать:

- Скажи, я единственная? Русич может иметь две жены, много жен, целый гарем?

- Князь Владимир сперва был язычником и имел много жен. А

крестившись, взял одну-единственную, греческую царевну. Наша религия запрещает многоженство.

Феодора поняла, вернее, догадалась, о чем идет речь. Она порывисто обняла мужа, стала целовать его.

- Я рада, мой князь... что ты у меня есть. Ты мой единственный. Ты вырвал меня из этого страшного мира, который зовется Ордой. Ведь жизнь там - рабство. Женщина там рабыня. Ее могут продать, выгнать, сделать наложницей, не считаясь ни с ее волей, ни с чувствами, не спрашивая ее согласия. Такая участь постигла мою маму. Такая же участь могла постичь и меня. Но ты вошел в мою жизнь, как добрый витязь из сказки, и взял меня. Спасибо тебе, добрый витязь, мой единственный.

Глеб Василькович вслушивался в торопливый шепот жены, не понимая ее слов, лишь в общих чертах улавливая смысл. Феодора рада, что покинула Орду. Она вспомнила мать и выразила удовлетворение, что ее не постигла горькая судьба матери. Ее вызволил он, Глеб, русский князь.

А Феодора продолжала:

- У тебя никогда не будет гарема с наложницами. Я твоя единственная. Как это прекрасно! Я нарожаю тебе много, много детей, сыновей и дочерей.

Глеб еще долго слушал прерывистый шепот жены. А когда Феодора умолкла, спросил:

- Говорят, твоего отца умертвили, чтобы угодить Берке, который сам хотел занять ханский трон. Это правда?

- Повтори, Глеб, я не все поняла.

- Может быть, позвать...

- Нет, не надо никого звать. Я уже поняла. Судьба моего отца, Сартака? Его умертвили люди Берке, который рвался к трону. Я даже знаю, кто это сделал.

- Кто?

- Один из приближенных Сартака, который обычно подавал ему напитки. Однажды он подал хану чашу с соком...

- И что?

- Первая жена Сартака, моя приемная мать, случайно видела, как приближенный подсыпал что-то в чашу. Очевидно, это был яд. Отец проболел несколько дней и умер. А вскоре тот приближенный, который подносил бокал, исчез. Теперь ты понимаешь, Глеб, с какой радостью я покинула этот страшный мир - Орду. Как я благодарна тебе...

Пошли лесистые берега. Миновали устье широкой Камы. Сделали остановку в Нижнем Новгороде, пополнили запас продовольствия. Двое вызволенных из плена уроженцев окрестных сел захотели покинуть

караван, надеясь отыскать своих близких. Глеб не стал их удерживать - скатертью дорога. Подавляющее большинство освобожденных полонян готово было сопровождать белозерского князя до его вотчины.

Мелькают приволжские города, городки, села: Городец, Юрьевец, Кострома... В Городце у одного из бывших полонян отыскалась жена с детьми. Другой узнал о смерти жены, но нашел дочь-вдову с двумя детьми. Оба попросили князя Глеба взять их в свой караван: видимо, надеялись, что в Белоозере их ожидает более сносное житье. Глеб распорядился потесниться и принять всех просителей. В тесноте - не в обиде.

В Ярославле Каллистрат принялся разыскивать сына Владимира. Но тщетно: Ярославль - город не самый малый, мужиков, кои носят имя Владимир, много. Те, к кому он обращался, говорили:

Ты, мил человек, хотя бы обличие своего Владимира описал. Мал или высок ростом? Борода рыжая ай какая?

- Откуда мне знать? - сокрушался Каллистрат. - Расстался с ним, когда парнишка был в двухлетнем возрасте. Наверное, на меня похож, коли он мой сынок.

- Ненадежно как-то. Ничего-то, дядя, нет в тебе примечательного.

- Может, были у твоего сына прозвища или клички?

- - Откуда у двухлетнего несмышленьша прозвища. Когда к Ярославлю приблизилось ханское войско, я переправил сынка к сестре за Волгу, в село Кокорино. Там все обитатели зовутся Кокоринными.

- Постой, постой. Говоришь, Кокорины?

- Точно. Все село Кокорины.

- Не Володька ли это Кокорин с Лодейного двора? Молодой еще. Бородка заметная пока не выросла. А корабел уже умелый. Женился на дочери старого мастера, правая рука у него.

- Может, это и впрямь мой Володька. Своди меня к нему.

Владимир Кокорин, молодой корабел, и впрямь оказался родным сыном Каллистрата. Даже внешне походил на него. Встретил сдержанно: отцовские черты в памяти не удержались.

- Как живешь, сынок? - робко спросил Каллистрат.

- Видишь, сыт, одет, обут. У хозяина на хорошем счету. Жена сынка родила.

- А я по старой части тружусь. Портняжничаю. Не желаешь с семейством своим в Белоозеро отправиться? Тамошний князь Глеб ко мне расположен. Будет и к тебе благосклонен, когда узнает, что ты мой сынок.

- Что я там стану делать, - возразил Владимир. - Спасибо за приглашение, отец. Но к Ярославлю я накрепко привязан, пустил здесь

глубокие корни.

- Понимаю. Коли так крепко прирос к Ярославлю, приезжай погостить.

- Если выберется время.

- А сынка покажешь?

- С превеликой радостью, отец. Валерьяном назвали... А тем временем Глеб Василькович и Феодора посетили княжеский терем. Незадолго до их приезда в Ярославле умер тамошний князь Константин Всеволодович, рано одряхлевший и бездетный. Не оставил сыновей и его старший брат Василий, княживший перед Константином. Единственный сын Василия, носивший то же самое имя, умер в раннем детстве. Оставалась только его дочь Марья, девушка на выданье лет пятнадцати.

Линия ярославских князей состояла в близком родстве с ростовскими Васильковичами. Ярославские князья, братья Всеволодовичи Василий и Константин, приходились Васильковичам двоюродными братьями и имели общего деда, князя Ростовского Константина Всеволодовича, сына Всеволода Большое Гнездо. Поскольку с кончиной последнего из ярославских братьев Всеволодовичей (сыновей Всеволода Константиновича) Константина мужская линия пресекалась, братья Васильковичи могли рассматривать ярославский удел как выморочный и претендовать на него. Правда, у Василия Всеволодовича осталась племянница Марья. Но можно ли считать ее наследницей ярославского стола? Не становился ли теперь ярославский удел общим достоянием всей ростовской ветви Рюриковичей?

Глеб Василькович рассчитывал не только выразить Марье Васильевне и ее матери Ксении соболезнование по случаю кончины князя Константина, но и разузнать - каковы намерения ярославской верхушки относительно дальнейшей судьбы удела. Глеб не спешил, как говорится, сразу брать быка за рога и вести нелегкий разговор. Сперва он посетил с женой кафедральный собор, где покоился прах князя Константина. Ему показалось, что княгиня Ксения, невестка покойного, и сопровождавшие ее ярославские бояре, принимали Глеба Васильковича настороженно, ожидая от него разговора о судьбе их удела.

Когда вышли из храма и устремились в княжеские палаты, Глеб сказал Ксении:

- У нас будет разговор семейный. Нужно ли это твоим боярам? Может быть, отпустишь их?

Ксения именно этого и боялась. Путано она объяснила свое нежелание отпускать бояр.

- Я слабая женщина. В серьезных вопросах не разбираюсь. Озабочена

лишь одним, как силы свои сохранить, не уйти вслед за князем Константином, не сделав добра для удела. В советчиках нуждаюсь. Пусть останутся.

- Твоя воля, матушка. Здесь ты хозяйка, а я только гость, - ответил ей сдержанно Глеб.

Расположились в палате. Вдоль стен стояли лавки, покрытые цветным сукном. Глебу и его жене предложили, как почетным гостям, дубовые кресла. Послала княгиня Ксения и за молодой дочерью Марьей Васильевной. По тому, как держалась сама княгиня-мать, постоянно оглядывалась на бояр, перешептывалась с ними, было очевидно, что не она представляла высокую власть в княжестве, а эти надменные бояре. Им в конечном итоге и принадлежало решающее слово.

Первым начал говорить Глеб Василькович. Ростов, Ярослав, Углич - вот три ветви единого, взаимосвязанного пространства, части Руси. Правителей этих княжеств связывает общее родство. Все они близкие родичи, потомки Константина Всеволодовича, его внуки. Если же один из уделов теряет правителя, не оставившего мужского потомка, удел становится выморочным. Священный долг ближайших родичей подумать о его судьбе. Справедливо?

- Что ты имеешь в виду, князь Глеб, - с каким-то надрывом спросила Ксения. Глеб Василькович уже знал, что княгиня-мать происходила из семьи очень влиятельного и богатого ярославского боярина. Этот боярин состоял в родстве с другими боярскими семьями Ярославля. И, конечно, боярская верхушка Ярославщины никак не желала, чтобы их влиянию был нанесен какой-либо ущерб.

- Наша общая задача задуматься над тем, кто будет управлять Ярославской землей, - спокойно ответил Глеб. - Что ты думаешь на этот счет, матушка? Что думаете вы, бояре?

- А есть ли причина для размышлений, - запальчиво выкрикнул один из бояр. - У нас есть законная княгиня Марья, дочь и племянница ярославских князей.

- Вы забываете, други мои, что в истории дома Рюриковичей еще не было такого случая, чтобы княжеский стол переходил к женщине.

- А княгиня Ольга? - выкрикнул все тот же боярин.

- Ольга правила именем малолетнего сына Святослава. Когда он повзрослел, вовсе отказалась от власти.

- Вот и у нас... - начал другой боярин. - Матушка Ксения правит княжеством от имени юной княжны-дочери.

Из дальнейшей перепалки с участием бояр князю Глебу стало понятно,

что княгиня-мать Ксения не спешит с замужеством дочери. А бояр устраивала такая медлительность. Это давало им возможность хозяйничать в своих вотчинах, не ощущая над собой никакой власти. Глеб призвал бояр к тишине и заговорил властно:

- Я плыву из Орды. Хан Берке неоднократно принимал меня. Позволил жениться на своей племяннице. Вот она, в крещении Феодора. Прошу любить и жаловать. Хан обеспокоен положением в Ярославле.

Последнюю фразу Глеб присочинил от себя. Никаких разговоров у него с Берке о ярославских делах не было. Хан еще не знал о кончине последнего ярославского князя Константина Всеволодовича.

- Что вас может ожидать, ярославцы? - задал вопрос Глеб.

- Что?

- Хан отдаст ярлык на ярославское княжение угодному ему человеку, которому интересы Ярославля, ваши интересы будут чужды, безразличны.

- Может и такое случиться, - сказал сокрушенно один старый боярин.

- Что ты предлагаешь, князь Глеб? - спросил другой старик.

- Я вижу два пути. Вот первый... Ярославский удел, как выморочный, переходит по наследству ростовскому князю. У вашей княгини Марьи нужда в муже. Она, надеюсь, легко решится. Такая пригожая девица легко найдет жениха, который увезет ее в свой стольный град. Вас это устраивает?

- Нет, нет... - загалдели возмущенные бояре.

- Ярославский удел уже сложился. Нам нужен свой князь.

- Тогда не придется ли вам по душе второй путь? Поищем для Марьюшки жениха. Желательно, чтоб это был безудельный князь. Для нас, потомков Константина Всеволодовича он станет названным братом. Ему и передадим ярославский стол как приданое за женой. Мы же с братом Борисом выхлопочем у хана для него ярлык на княжение. Так мы сохраним единство и общность наших уделов.

- Это мне нравится, - воскликнул старый боярин.

- И мне, и мне, - поддержали другие.

- Не рано ли Марьюшке о замужестве думать? - засомневалась княгиня Ксения.

- Совсем не рано, мать, - твердо сказал Глеб. - И для Ярославля лучший выход. Или хотите, чтобы хан прислал своего человека вопреки вашей воле и согласию? И Марьюшке тогда не быть княгиней ярославской.

Этого никто из бояр не хотел. Не хотела и боялась такого исхода и княгиня Ксения.

- Коли доверяете нам с братом Борисом, мы подыщем княжне

пригожего жениха. Проведем с ним переговоры. Согласны, ярославцы?

Молчание. Глеб истолковал его так:

- Молчите, значит, возразить нечего. Благословляйте нас с братом на поиски. Слышь, Марьюшка, постараемся ради тебя. Найдем тебе доброго женишка, богатыря. Деток ему нарожаешь.

Марья Михайловна раскраснелась и опустила в смущении голову, хотя в душе ликовала. Князь Глеб понравился ей: он поможет ей вырваться из-под материнской опеки.

Расстались дружелюбно. Ярославцы признали в Глебе Васильковиче человека умного и дальновидного. То, что он предлагает, было далеко не худшим выходом для боярской верхушки Ярославля. Отыщется какой-нибудь безудельный юнец. А боярская клика будет по-прежнему верховодить. Так рассуждали именитые люди Ярославля.

К отплытию каравана они собрались на берегу Волги. Пришла с дочерью и княгиня Ксения. Глеба она принародно обняла и сделала вид, что поцеловала в щеку, а на самом деле только чуть прикоснулась к ней губами.

- Ты ведь мне как сын, Глебушка. Как там поживает матушка твоя?

- Надеюсь, завтра свидимся.

- Низкий поклон ей от меня. От одной вдовы другой. Глеб не без неприязни подумал - хитра баба, ничего не скажешь. Матушка объявилась. Для матушки-то, пожалуй, возрастом не вышла, молода...

Из Волги караван дощаников вышел в волжский приток Которость, неширокую реку, окаймленную пойменными лугами. Весной река разливалась и становилась доступной для прохода дощаников с низкой осадкой. При приближении к озеру Неро, из которого река вытекала одним из своих истоков, гребцы с удвоенной силой налегли на весла.

Вот и озеро, совсем не великое. Не такое, как Белое, на берегу которого стоит Глебов стольный город. Там различишь противоположный берег в виде чуть видимой зубчатой кромки леса лишь с высокого холма или с колокольни. А озеро Неро - все как на ладони. На западном его берегу высятся городские стены. Над ними взметнулись в небо тяжеловесные купола Успенского собора, крыши княжеских и боярских палат. А за бревенчатыми стенами города рассыпаны слободки, в которых обитает всякий трудовой люд: рыбаки, мастеровые, корабелы. В каждой слободке свой храм, а то и два, увенчанные луковичными главками.

Глава 9. В СЕМЕЙНОМ КРУГУ В РОСТОВЕ

Приближение каравана судов было замечено с берега. Новость быстро распространилась по всему Ростову и его окрестностям, достигла княжеского двора и палат епископа, а также монастыря, где обитала княгиня-мать, в монашестве Марфа. Князь Борис с малолетними сыновьями и женой устремились к берегу, к тому месту, где обычно приставали корабли. Там уже собралась толпа.

Братья обнялись.

- Пошто рассматриваешь меня с удивлением, словно впервые зришь? - произнес Борис.

- Смотрю, седина стала пробиваться в твоей бороде. Не рано ли?

- Забот много на мою голову свалилось. Баскак лютует, коли несполна дань собрал. За тебя переживали с матушкой. Слава Богу, живой вернулся, а то ведь бывало и такое - возвращался князь из Сарая в дубовой колоде, убиенный. Матушка места себе не находила.

Княгиня-мать, осунувшаяся, исхудавшая, казалась бесплотной тенью. Как видно, изнуряла себя непрерывными постами и молитвами. Она не прерывала разговор сыновей, но ловила каждое их слово. Наконец подошла к младшему сыну, сдержанно обняла: монахине не положено бурно выражать свои чувства.

- Бог тебя хранил, сынок, - беззвучным шепотом произнесла княгиня-монахиня.

- Господь и молитвы твои хранили меня, матушка, - ответил Глеб. - Но и хан Берке обид не чинил, милостями одаривал. Дозволил на племяннице, сартаковской дочери, жениться. Вот супружница моя, в крещении Феодора.

Монахиня обняла невестку, пожелала ей счастливой супружеской жизни и много деток.

- За этим дело не встанет. Ждем прибавления семейства, - сказал Глеб хвастливо.

- А почему такая бледная невестушка?

- Должно быть, притомилась за дорогу.

Борис по-простецки приобнял невестку, чем поверг ее в величайшее смущение. Потом ее поприветствовала жена Бориса Марья Ярославна,

урожденная муромская княжна, - дружески расцеловала Феодору и спросила:

- По-русски-то разумеешь, Феодорушка?

- Пока не разумеет, - ответил за жену Глеб. - Коли что тебя интересует, невестушка, помогу вам объясниться.

- Хотела бы спросить... Когда наследника ждете? - спросила княгиня Марья.

- В конце осени.

- Матушка-то кто у нее? На чистокровную татарку вроде бы и не похожа.

- Она татарка только по отцу. Это долгая и горькая история, как-нибудь расскажу. Вы ведь летописцы, можете написать об этом занятный рассказ...

К Глебу не спеша подошел владыка Кирилл, рослый, величественный, совсем не сторбившийся, несмотря на преклонный возраст. Благословил белозерского князя и его супругу, протянув обоим руку для поцелуя.

- Сожалею, владыка, что не тебе, моему отцу духовному, пришлось окрестить Феодорушку и обвенчать нас. Так получилось не по моей воле.

- Кто венчал вас?

- Отец Максимиан, сопровождавший Александра Ярославича.

- Знаю такого. Достойный пастырь. Духовник великого князя.

- Князь задержался в Орде. Намеревался выволить побольше полонян.

- Бог ему в помощь.

- Я тоже выкупил, сколько смог. Видишь, владыка, все дощаники переполнены.

- Бог воздаст тебе за благое дело.

С братом Глеб Василькович договорился, что погостит у него в Ростове недельки две, а спутники его два-три дня отдохнут и отчалият, взяв курс на Белоозеро. В Ростове останется лишь один княжеский дощаник с командой гребцов, портным Каллистратом и прислужницей Анной. Глеб не оставлял себе специальной охраны: в случае надобности охрана возлагалась на гребцов. Они составляли две сменные команды по восемь человек каждая. Власий был за старшего в караване, возвращавшемся в Белоозеро.

Глеб приласкал племянников, пятилетнего Дмитрия и трехлетнего Константина, подивился тому, как малыши выросли за время его странствований.

С берега озера княжеская семья направилась в город, окруженная толпой горожан. Владыка Кирилл, шагая рядом с Глебом, расспрашивал:

- Что слышно о намерении хана разрешить открытие сарайской

епархии?

- Идет такой разговор, - ответил Глеб. - Александр Ярославич говорил мне, что уверен - епархия будет. Берке хотя и принял Магометову веру, но другие религии не притесняет. Кое-кто и из ханского окружения тянется к православию.

- Будет епархия - возрастет сия тяга. Князь Борис не поскупился, чтобы встретить брата обильным пиром с гусярами и дудошниками. Княгиня-мать перекрестила младшего сына и удалилась в обитель. Не по-монашески сидеть за столом, который ломится от обильных угощений, заморских вин, предаваться хмельным излишествам и слушать гусяров. Еще, того и гляди, появятся скоморохи в колпаках, обвешанные бубенчиками, и станут изощряться в непотребных шутках. А владыка Кирилл не отказался от участия в трапезе. За пиршеским столом оказались и Антип Евлампиев и другие именитые ростовские бояре.

Глеб Василькович заметил, что Антип с возрастом утратил прежнюю заносчивость, сословную чванливость. А когда-то он не скрывал высокомерия по отношению к своему заместителю Григорию Меркурьеву, выбившемуся из простолюдинов в бояре. Теперь Антип снизошел до того, что пригласил его сына Власия к себе в гости: все же боярин, хоть и из худородных.

Во время пира Кирилл сказал Глебу, что он, хотя и сожалеет, что не крестил ханскую дочь и не венчал молодых, готов отслужить торжественный молебен в соборе во здравие рабов Божьих Глеба и Феодоры. Все поддержали владыку - молебен надо отслужить.

Кирилл посоветовал князю Глебу:

- Обучи княгинюшку языку русичей с помощью игумена Иринея. Он неплохо освоил татарский.

- Обязательно воспользуюсь услугами отца Иринея, - ответил Глеб. - А для повседневных уроков у меня есть Каллистрат.

- Это кто таков?

- Портной. Выкупил я его. С самого Батыева нашествия в полоне пребывал. Татарским языком превосходно владеет.

- Пусть Иринея займется и духовным воспитанием княгини, преподаст ей суть Священного Писания, объяснит обряды. Какого вероисповедания была твоя Феодора до крещения?

- Скорее всего, никакого. У нее непростая история. Мать принадлежала к кавказскому народу ясов. Какая уж там была вера у этих ясов - не ведаю. Захватили ее ордынцы в качестве наложницы. От них-то и родилась Феодора.

- Тем более она нуждается в духовной пище.
- Кстати, у жены имеется служанка, точнее, подруга, крещеная татарка Анна. Она приглянулась Каллистрату. Хотели бы венчаться.
- Распоряжусь, чтобы священник Геронтий из соборного клира все сделал.

После трапезы гости разошлись по домам, а члены княжеской семьи удалились на отдых. На этот раз и Глеб Василькович не отказался от возможности соснуть пару часиков в роскошной палате, отведенной ему братом. Потом Феодора отправилась в обитель к княгине-матери: инокиня Марфа выразила желание поближе познакомиться с невесткой и побеседовать с ней. Оказывается, княгиня-мать неплохо усвоила татарский язык и могла не слишком быстро, но сносно объясняться без толмача. А Глеб вместе с братом удалились в одну из комнат княжеских палат и там повели неторопливую беседу.

Борис горько пожаловался, что Бурхан, с которым можно было ладить, больше не баскак. На его место хан прислал нового сборщика по имени Фатулла, человека жесткого, невероятно упрямого и к тому же корыстного. Все попытки князя Бориса приручить нового баскака, поладить с ним оказались безуспешными. Фатулла выколачивал всеми мыслимыми и немыслимыми средствами дань с населения княжества, проводил всеобщую перепись. Жестоко расправлялся с теми, кто уклонялся от переписи. Вслед за ростовской землей перепись проходила и на Ярославщине, но пока еще не дошла до Белоозера.

Фатулла принял мусульманскую веру и заставил всех своих подчиненных из прибывшего с ним отряда тоже принять ислам. На его дворе была возведена мечеть, где регулярно отправлял богослужения прибывший с Фатуллой мулла. Это вызывало недовольство ростовчан: проходя мимо мечети, они цедили сквозь зубы «У, бусурмане».

- А какова судьба старого Бурхана? - спросил Глеб.
- Бурхан остался на русской службе, крестился. Он теперь Богдан Баскаков, ростовский боярин. Два его сына также крестились и служат в отряде у Антипа Евлампиева. А остальные татары возвратились в Орду: Фатулла не захотел оставить их среди своих подчиненных.

- Как же ростовчане терпят этого Фатуллу?
- Да с трудом. Уже не единичный случай - его люди таинственно исчезают; Поодиночке боятся татары выходить за ворота города. Мои отговорки, что этого медведь задрал, этот в озере утонул, а на того кирпич с печной трубы свалился, не убеждают Фатуллу. Знаю, что пишет он на меня доносы хану. А народ негодует, страсти кипят. Боюсь, обернется взрывом.

И тогда нам не сдобровать. Карательный поход, погромы, расправы... Может, ты что посоветуешь?

- Да вот, кажется, надумал, что нам делать.

- Что же ты надумал?

- Поступим разумно, если станем взывать к мудрости Александра Ярославича. Он сумеет убедить хана.

- Ты же говорил, что Невский в Орде остался.

- Сейчас уже, вероятно, в пути: с вызволенными русичами. Он говорил мне, что из стольного города отправится в Новгород. Там опять неспокойно. Ярославич намерен увещевать новгородцев, мирить их с ханом.

- Думаешь, и нас помирит Невский с Берке, коли дело дойдет до больших волнений?

- С Александром Ярославичем хан считается. Надо у самого Невского спросить, что он может посоветовать.

- Согласен с тобой. Из Новгорода Невский будет возвращаться, скорее всего, через Ростов. Встретим его с почетом и честью.

Затем зашел разговор об обстановке в Ярославле.

- Мы вправе поступить с ярославским уделом, как с выморочным, - сказал Борис. - Поделили бы его по-братски: мне Ярославль с приволжскими землями, тебе земли по Мо-логе и Кубене... Да, запамятовал. У нас же еще угличская родня. И с ними поделимся.

- В мыслях-то все складно получается, брат, - с сомнением произнес Глеб. - Да не все так ладно в жизни. Не нравится мне положение в Ярославле.

- Чем же оно тебе не нравится?

- Ярославские бояре - сплоченная и своенравная свора. Обособились, своевольничают и рады. Княгиня-мать из их же среды. Думаю, что и с ханским окружением у них имеются связи: уж очень эти бояре самоуверенны. А хану единение Руси - кость поперек горла. Не позволит он, чтоб мы распорядились Ярославлем.

- Посоветоваться бы с Невским и насчет Ярославля.

- Посоветуемся. Теперь послушай меня, Борисушка. После кончины последнего ярославского князя, нашего двоюродного братца Константина, осталась племянница Марья Васильевна. Ее, вроде бы, вопреки традициям, тамошнее боярство считает своей княгиней. А на деле она игрушка в руках тех же бояр.

- И что?

- Надо найти ей жениха, дружественного нам князя без удела. Для нас

он бы был названным братом и союзником. Это лучше, нежели какой-нибудь ханский ставленник, навязанный Ордой.

- Неплохо рассуждаешь, Глебушка. А ведь у меня на примете князь такой есть.

- Кто же это?

- Федор Ростиславич из рода смоленских князей. Братья обделили его при дележе волостей, оставили без удела.

- - Возможно, это то, что нам надо. Где его можно найти?

- Он скитается по родичам. Сейчас, кажется, у тверчан обитает. Обещал и в Ростов наведаться.

- Каков он, этот Федор?

- Не так прост, как кажется на первый взгляд. Скрытен, хитер и упрям.

- Что ж, неплохие качества для князя. Если мы выступим сватами и сосватаем Федора за ярославскую Марью, будет в Ярославле княжить наш человек. Бояре, конечно, постараются сделать его «своим». А с другой стороны, возрадуются - вот, мол, сумели не потерять свое влияние, которое могло уйти от нас в руки ростовским боярам.

- А если князь Федор покажет характер и чем-то оттолкнет от себя ярославских бояр? - спросил Борис.

- И такое может случиться, - ответил Глеб. - А мы-то с тобой на что? Поможем Федору Ростиславичу. Ты, Борисушка, будешь продолжать считаться старшим над владельцем ярославского удела. А Федор, воспользовавшийся твоей помощью, должен будет это признать. Понадеемся и на поддержку Александра Ярославича.

- Мудро рассуждаешь, Глебушка. Кто тебя так учил?

- У нас с тобой общие учителя: владыка Кирилл, матушка-княгиня...

На следующий день перед большой службой в Успенском соборе, в боковом его приделе отец Геронтий, молодой священник, обвенчал Каллистрата и Анну. Пришли на церемонию и многие из спутников Глеба. После венчания состоялась большая служба во здравие князя Глеба и княгини Феодоры в присутствии всей княжеской семьи и именитых бояр Ростова.

Наступил день отплытия каравана. Глеб Василькович дал подробные напутствия Власию, чтоб его отец, Григорий Меркурьев, распорядился судьбой вызволенных из полона русичей.

- Пусть выявит среди них плотников, особливо корабелов, а также кузнецов, чеканщиков и оставит их в городе. Пусть подымет обывателей, чтоб помогли поставить им избы. А остальных, хлебопашцев, рыбаков, охотников, повелеваю расселить по деревням и селам по берегам Белого

озера, по рекам Кеме, Шоле, Ухтоме. Понятно тебе?

- Понятно, князь-батюшка.

- Да передай отцу. Пусть готовится к плаванию в Сарай-Берке. В казне княжества должна накопиться немалая сумма, собранная с новгородских купцов. Это пойдет на выкуп полонян. Приеду, поговорю с ним, дам наставление. Ну, с Богом, Власий.

- Дозволь молвить, княже...

- Что у тебя?

- Хорошая новость. Прежний полонянин Гаврюшка, кожевенник, встретил здесь женку свою с дочкой. Все они родом из Шуи. Женка прослышала, что князь Александр Ярославич выкупал из полона русичей. Вот и устремилась с дочкой во Владимир. Там муж не отыскался. Кто-то подсказал ей - поищи, матушка, в Ростове. Вот и повстречались.

- Кожевенник, говоришь?

- Точно.

- Кожевенники тоже нам нужны. Пусть батюшка твой оставит его в городе. И женку его с дочкой забирайте. Потеснитесь.

- Возрадуются обе, сердечные.

Глеб Василькович самолично проводил караван. А после проводов посетил мать в монастырской обители. Стену кельи украшал целый иконостас образов, тускло мерцали лампы. Полки были заполнены книгами в кожаных обложках. Инокля вновь заплакала. В последнее время она стала слезливой.

- Что ты плачешь, матушка, - выговорил ей Глеб. - Видишь, живой, невредимый и еще с молодой женой.

Не обращай внимания на мои слезы: это от радости. Опасалась за тебя, пошто так долго не возвращаешься? Ведь не возвращаются из ханского логова живыми. Вспомни судьбу деда твоего, Михаила Черниговского, да и батюшку Василька.

- Зачем ворошишь старое, сердечные раны тревожишь? Скажи-ка лучше, какое впечатление у тебя сложилось от новой невестки?

- Понравилась. Миловидная. Только почему такая бледная?

- Притомилась с дороги.

Нет, дело не в дороге. Я с ней по-татарски... кое-как поняли друг друга. Ее мать совсем молодой ушла из жизни от легочной болезни. Кровью харкала. А если хворь наследственная?

- Что же мне делать?

- Пусть чаще в бане парится. Свежие овощи, фрукты потребляет да еще пчелиный мед. Чахотка этого не любит. А я буду неустанно молиться за

здравие невестушки.

- Летописанием-то ты занимаешься по-прежнему?

- Не так усердно, как прежде. Старею, силы не те. И владыка Кирилл сдал, заметил? А все такой же неугомонный. Видел росписи в нашем Успенском соборе?

- Конечно.

- Почти все они обновлены. Владыка лично следил за работами...

Борис Василькович увлекался охотой и часто посвящал свой досуг облавам на зверей. В палатах красовались его охотничьи трофеи: медвежьи шкуры, лосиные рога и даже искусно изготовленное чучело рыси. Брату Борис похвастал, что чучело он сделал собственноручно, правда, под наблюдением опытного мастера. Его компаньоном по охотничьим вылазкам был Антип Евлампиев. Борис пригласил брата Глеба поохотиться вместе.

Спозаранку вереница всадников углубилась в лесной массив по узкой извилистой тропе. Братьев сопровождал Антип и несколько человек из ростовского войска. Задержавшись в убогой лесной деревушке, состоявшей из четырех изб, Борис спросил встречного:

- Озорует зверье лесное? Крестьянин подумал, почесал затылок.

- Кабан озорует, злыдень проклятый. Все огороды потоптал.

- Накажем злыдня. Укажи. Откуда приходит.

- Вот с той стороны.

Собаки легко взяли след, который привел к березовой рощице. Послышалось хрюканье, заглушаемое лаем собак. В березняке мелькнуло небольшое стадо во главе с крупным матерым секачем. Борис подал команду спешиться и окружить рощицу. Когда секач попытался вырваться из кольца, двое охотников одновременно выпустили в него стрелы из лука. Кабан яростно захрапел. Стрелы не причинили ему большого вреда, застряв в толстом слое жира. Разъяренный зверь бросился на ближайшего охотника, и плохо бы пришлось бедняге, если бы не пришел ему на помощь Антип, метнув в кабана копьё. Бросок оказался метким и точным, кабан присел, потом завалился на бок. Перебить самок и подсвинков не составило большого труда. Борис дал команду Антипу разделить добычу между участниками охоты.

В другой раз охотились на диких уток, гнездившихся в камышовых зарослях у побережья озера. Глеб увлекся охотой на птиц еще на Белоозере и поэтому с удовольствием присоединился к брату. Утки были напуганы охотниками и поэтому проявляли осторожность. При приближении лодки они с зычным кряканьем взлетали в воздух. Все же удалось подстрелить несколько птиц.

Посетил Глеб Василькович владыку Кирилла в его палатах. В специальном флигеле архиерейских палат трудились монахи-переписчики. Переписывали книги светского и духовного содержания: летописные своды, нравственные поучения, записи былин, военные повести, Жития святых, молитвенники, Новый и Ветхий Заветы и многие другие.

- Просвещай своих подданных, князь, - торжественно произнес владыка. - Отберу тебе книг. Убедишься, что мои писцы не зря трудились. Пусть каждый приходский храм обогащается.

- Благодарствую, владыка, - ответил Глеб. - Любовь к книге передали мне вы с моей матушкой.

- Старались во имя пользы чада нашего. А ты, помнится, говорил мне о намерении своем основать на Белоозере монастырь?

- Не только о намерении теперь могу поведать. Покидая Белоозеро, дал указание боярину Меркурьеву приступить к строительству монастыря - храма, настоятельских палат, келий человек на пятнадцать монахов и послушников. Это для начала. Увеличится число братии - расширим постройки.

- Похвально, князь Глеб. Когда строительство будет завершено?

- Уже завершено.

- Откуда известно?

- Встретил здесь одного белозерского купца, приехавшего в Ростов по своим торговым делам. Он и поведал мне, что монастырские постройки почти завершены. Осталась кое-какая мелкая доделка.

- Похвально, похвально.

- Подобрал бы игумена нам, владыка.

- А чем плох твой Иринеи? Сан имеет, хорошо образован, начитан, проповедник отличный. Пусть подберет монахов - грамотных переписчиков книг - и за дело.

Владыка Кирилл умолк, соображая что-то.

- Вот что, - произнес он после некоторого раздумья. - Поеду-ка я с тобой на Белоозеро. Освещу новый монастырь во главе с Иринеем. Дам ему наставления.

- Нужда великая в новых пастырях.

- Разве на Белоозере мало грамотных, велеречивых людей, из которых могли бы получиться хорошие пастыри?

- Есть, конечно, такие. Но их нужно готовить: на это требуется время. А население княжества пополняется людьми, выкупленными в Орде. Нужда в строительстве новых храмов, в открытии новых приходов.

- Разумно рассуждаешь. Двух священников я тебе дам, а остальных

пусть твой новый монастырь готовит.

- Я хочу в монастыре создать хорошее книгохранилище.

- Мы поможем. Пришлем тебе, князь, еще книг.

В летописи, в похвальном слове о Глебе Васильковиче есть упоминание о том, что князь построил много церквей, украсив их иконами и книгами. Эти слова могут характеризовать первого белозерского князя как деятельного строителя, продолжавшего традиции своего деда Константина. Заселение лесистых пространств Белоозера, появление по берегам рек и озер новых поселений вызывало необходимость церковного строительства. Приход был низшей административной единицей. Вокруг погоста с церковью группировались ближайшие мелкие селения. Погост был центром местной общественной жизни, где происходили сходы, отмечались народные и религиозные праздники. Несколько приходов объединялись в волость. Здесь мог находиться двор боярина или военачальника из княжеской дружины. Впоследствии волостные села становились центрами второстепенных уделов, на которые раздробится белозерская земля.

Любопытно упоминание о книгах. Князь Глеб «украшал» церкви иконами и книгами. Украшал - в смысле снабжал, одаривал. Из Ростова, старого гнезда русской культуры, рукописные книги не только религиозного, но и светского содержания направлялись в Белоозеро и далее на север и северо-восток. При князе Глебе и вообще в пору Глебовичей в белозерском крае еще не было таких значительных монастырей, как Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Воскресенский. Все они возникли позже, не ранее конца XIV века. Во времена же Глеба Васильковича очагами книжной письменности были церкви. Говоря о книгах, «украшавших церкви», летописец имел в виду не единичные богослужебные книги, а значительные по тому времени книжные собрания разнообразного профиля.

...Глеб Василькович уже собирался отправляться в свой удел, когда однажды к городским воротам Ростова подъехали пять всадников. В первом по осанке и одежде можно было узнать человека благородных кровей, остальные были похожи на слуг.

- Кто таков? Куда путь держишь? - остановила их стража.

- Князь Федор из рода князей Смоленских. Желая проведать родича моего, князя Бориса.

- Езжай, коли ты родич нашего князя.

Братья Васильковичи встретили Федора Ростиславича Черного приветливо. К серьезному разговору приступили не сразу. Сперва

ростовский князь пригласил гостя к столу, потом предложил отдохнуть с дороги. Распорядился, чтобы сытно накормили его спутников. И только после этого начали неспешный разговор, в котором принял участие и Глеб.

Федор Ростиславич был уже не юношей: зрелый широкоплечий мужчина, выше среднего роста. Излишне было спрашивать, почему он носит прозвище «черный» - густые черные волосы, такого же цвета вьющаяся борода. Производил гость впечатление человека не слишком многословного, вдумчивого.

Разговор начал Глеб, решивший «прощупать» смоленского княжича.

- Где княжишь, Ростиславич?

- Безудельный я. Скитаюсь в надежде, что кто-нибудь из князей возьмет на службу.

- Пошто без удела остался?

- С родичами не ужился, вот и обделили.

- Пошто обделили?

- Долго рассказывать. Как-нибудь потом...

- И что надумал делать, Ростиславич?

- Подамся в Новгород. Предложу там свои услуги.

- А если не договоришься с новгородцами?

- Тогда махну в Литву, к тамошнему князю.

- Чтоб ходить на русичей, земляков своих? Может быть, на поле боя сцепиться с братом родным? Разве это гоже? - с расстановкой произнес Борис.

- Предложите, князья, другое, - с явным недовольством отвечал Федор.

- Предложим. К этому и ведем разговор, - сказал Борис и обратился к брату: - Ты лучше знаком с ярославскими делами, Глебушка. Расскажи о них Федору Ростиславичу.

- В ярославской княжеской линии вымерло мужское потомство, - начал Глеб. - Это были наши двоюродные братья. У одного из них осталась дочь Марья, невеста. С собой не дурна. Ярославские бояре не хотели бы, чтоб их удел постигла судьба выморочного и чтоб их земля была поглощена соседними княжествами. Они готовы согласиться с тем, чтобы стол перешел к будущему мужу Марии.

Далее Глеб рассказал о непростой обстановке в Ярославле, засилии честолюбивых бояр.

- Не воспрепятствуют они все-таки моей женитьбе на княжне? Не воспрепятствует ли хан? - высказал сомнение Федор.

- Все возможно, - пожал плечами Глеб. - И бояре власть из своих рук упускать не желают. И хан может дать ярлык на княжение своему

ставленнику.

- Зачем же тогда пустые усилия?

- Желанна тебе невеста с хорошим приданым? Приданое - ярославский стол.

- Если скажу вам «желанна», что из этого следует?

- А вот что следует, - начал речь Глеб. - У меня сложились добрые отношения с вашим князем Александром Ярославичем Невским. С ним считается и хан. Ярославич сумеет убедить хана дать ярлык на княжение тебе, а не кому-нибудь другому.

- И если бояре Ярославля чересчур распояшутся, мы с братом придем к тебе на помощь, - добавил Борис.

- Как я должен буду расплачиваться? Ведь вы этого ждете?

- Признай в нас названных братьев. Все мы родственники, Рюриковичи, - произнес весомо Глеб. - Ростов, Белоозеро, Ярославль, Углич - единое целое. Мы всегда придем на помощь, коли возникнут у тебя какие-либо распри с боярами. А коли родит твоя супружница дочь, выдашь ее за одного из наших сыновей.

- Всем хорош ваш замысел, - задумчиво произнес Федор.

- Мы с братом могли бы выступить сватами, - предложил Борис.

- Завтра я отбываю в свою вотчину, Белоозеро, - сказал Глеб, - путь лежит через Ярославль. Постараюсь прощупать почву. Коли не встречу явного противодействия, приедем с братом в Ярославль в качестве сватов. Даешь добро, Федор?

- Как не дать добро, коли такое славное дело замыслили, - с удовлетворением произнес Федор Ростиславич...

Наутро Глеб Василькович отбыл на своем дощанике. Владыка Кирилл, располагающий собственным судном, собирался вскоре отправиться вслед за Глебом.

В Ярославле белозерский князь сделал остановку и посетил княгиню Ксению. Рассказал ей о встрече с безудельным князем из рода князей смоленских Федоре Ростиславиче.

- Впечатление произвел хорошее, - сказал Глеб о Федоре. - Высок ростом, плечист, волос черный курчавится. Был бы хороший жених для Марьюшки.

- Не рано ли о ее замужестве толковать, - снова возразила Ксения. - Она же совсем ребенок.

- Сколько ей годков? Я считал, что шестнадцать: самый свадебный возраст.

- Не шестнадцать, а только шестнадцатый.

- Пока сватовство, пока обговорим все дела свадебные, станет невеста совсем взрослой.

- Я же не возражаю: когда-нибудь придется дочку замуж отдавать. Повременить бы годик-другой.

- Повременим, пока все обсудим. Не возражаешь, княгиня, коли мы с братом Борисом сватами к тебе наведаемся? А потом и жениха представим. Посмотришь, каков молодец.

- Какой ты скорый, князь Глеб. Надо бы с дядьями моими посоветоваться, с другими боярами.

- Разве не твое решающее слово? Твоя дочь или дядина?

- Я женщина: в советах опытных людей нуждаюсь.

- Дождешься, княгиня, беды великой.

- Какой беды?

- Говорил ведь тебе - какой. Хан узнает, что ярославский удел без князя, и пришлет своего, удобного человека. Тогда и ты, и доченька твоя в Ярославле будете ничто.

- Страшные вещи говоришь, князь Глеб. Пугаешь.

- Зачем мне тебя пугать? Зови своих бояр - им скажу то же самое.

Состоялся еще один разговор Глеба с ярославскими боярами. Белозерский князь повторил им те же слова, что говорил и княгине Ксении.

- А как на сватовство Федора Ростиславича смотрит владыка Кирилл? - спросил престарелый боярин, один из дядьев Ксении.

- Владыка направляется к вам, и вы можете сами спросить его, - ответил Глеб. - Мне известно, Федор посетил владыку в Ростове и произвел на него хорошее впечатление. Кирилл тоже опасается, как бы ярославский удел, часть его епархии, не ушла в чужие руки.

- Есть над чем задуматься, князь Глеб, - сказал боярин. - Подумаем.

- Когда желаете видеть сватов? - спросил напрямик Глеб.

- Когда? - обратился старый боярин к остальным.

- Приезжайте после Рождества, - произнес кто-то.

- Будь по-вашему. Наверное, завтра приплывет владыка со своими людьми. Посоветуйтесь с ним: человек он мудрый, опытный.

Глеб упомянул о приезде владыки, так как был убежден, что Кирилл поддержит планы сватовства к Марье Васильевне смоленского княжича.

Глава 10. ПРИЕЗД МОЛОДОЖЕНОВ В БЕЛООЗЕРО

Весь город столпился на берегу Шексны, встречать княжеский дощаник. Во главе толпы стояли Григорий Меркурьев, остававшийся за управляющего и игумен Ириной. Глеб проворно сбежал по трапу на берег, приветливо помахав рукой. Речи произносить не стал. Вслед за мужем спустилась на берег и Феодора, вызвав любопытство толпы: какова она, ордынка, молодая княгиня? Но Феодора разочаровала. Татарских черт в ней почти не было: ни скуластости, ни характерного разреза глаз. Вот другая женщина, которая шагала позади, должно быть служанка, типичная татарка: скуластая, коренастая, крепко сбитая.

Поняв любопытство толпы, Глеб Василькович зычно выкрикнул:

- Белозерцы! Видите, связал себя семейными узами. Любите и почитайте княгиню вашу, Феодору. Вот она перед вами.

Толпа ответила приветственными возгласами.

Княжеская чета направилась к своим палатам. Палаты белозерского князя намного уступали княжеским палатам в Ростове и по размеру, и по архитектурному великолепию. Но все же они казались среди других построек Белоозера самыми примечательными. Бросались в глаза гульбища с высокими лестницами, витыми колонночками, башенками, шпилем и луковичные главки дворовой церкви. В ожидании приезда княжеской четы управляющий распорядился, чтобы все помещения отмыли до зеркального блеска. Пол в опочивальне застелили большим бухарским ковром. Для парадного зала, где Глеб Василькович имел обыкновение принимать именитых гостей, столяры изготовили новые дубовые кресла.

Белозерский князь осмотрел все сделанное к его приезду, похвалил управляющего и повел с ним такой разговор.

- Много ли денег скопил в казне?

Григорий назвал сумму, поступившую в основном в результате взносов купцами пошлин и оплаты услуг, оказанных их судам. Названной суммой Глеб был удовлетворен.

- Этого, я думаю, достаточно, чтобы выкупить сотню, а то и полторы сотни полонян. Власий говорил о моем намерении послать тебя в Орду с серьезным поручением?

- Говорил. Тебе, княже, угодно, чтобы я занялся выкупом полонян.

- Вот именно. Назову тебе имена людей, с которыми будешь иметь дело. Старайся выкупать тех, кто помоложе и не женат. Эти угнаны в Орду уже после Батыева нашествия. Найдем для них русских и весянских девок. Пусть население Белоозера растет.

- Я же по-бусурмански не разумею. Как я буду там обходиться без языка?

- Ты подбери себе из тех мужиков, кого мы вызволили, толмача. Небось найдешь таких, которые подолгу в Орде пребывали.

- Найду, конечно.

- И возвращайся к осени, не задерживайся. Возьми четыре дощаника.

- Влаську позволяешь взять с собой?

- Не позволяю. Власий здесь будет нужен. Возьми в дорогу священника. Кого именно, пусть игумен посоветует.

- А правда, что хан собирается епархию в Сарае учредить?

- Идут такие разговоры. К нашей религии хан вроде бы милостив.

Глеб Василькович заговорил с игуменом Иринеем.

- Готовься встречать высокого гостя.

- Не владыку ли нашего?

Его самого. Намерен освятить монастырь и тебя назначить настоятелем.

- Воля владыки.

- Строительство монастыря завершено?

Коли не считать мелких недоделок, монастырь готов к приему братии.

- Много ли наберется братии?

- Пока не слишком: человек десять - двенадцать. В том числе прежний наместник Белоозера Феодор Ефросиньин. Совсем обветшал, опустился старче. Остальные вдовцы, потерявшие сыновей в Ситской битве. И только один молодой, церковный служба.

- Что ж, отец Иринеи... Начало положено. Отведу землю под монастырские угодья, луга, огороды. Разводите скот, выращивайте овощи, заведите пасеку.

Затем завели разговор и о княгине Феодоре.

- Выполни еще один долг. Обучи мою княгинюшку языку русичей. Ведь ты и по-татарски изъясняешься.

- Бурхан меня обучал.

- Владыка говорил мне - языкам ты зело способный.

- Вроде бы. Латынь, древнегреческий, сейчас за весянский принялся.

- Объясни княгине суть нашего языка. Дай основу. А для повседневной

речи у нас есть Каллистрат. Много лет был полонянином, по-татарски болтает как на родном языке.

После сытного обеда княжеская чета отправилась на отдых. После сна Глеб Василькович долго расспрашивал управляющего, как поступили с выкупленными в Орде полонянами. Управляющий ответил, что все полезные мастера оставлены в городе. Для них уже рубятся избы на южной окраине города. Есть среди них холостяки, не успевшие жениться до полона, или свидетели гибели жен и других близких во время Батыевого нашествия. Многие выражают желание обзавестись семьями.

- Найди свах, - распорядился Глеб. - Пусть подыщут им подходящих невест, русских или всянок.

- Остальные рассеялись по окрестным деревням.

Григорий рассказал любопытную историю. Один из бывших полонян, Евсей, потомственный волжский рыбак, неожиданно встретил на Белоозере семью. Он, участвуя в Ситской битве, попал, раненный, в плен к ордынцам. Жена его с детьми при приближении к Ярославлю ханского войска покинула город и устремилась вверх по Шексне в рыбацкой лодке. Добрались до Белоозера, да там и остались, не имея никаких сведений о главе семьи. Дочь впоследствии вышла замуж за мастерового, чеканщика. Оба сына, по примеру отца, стали рыбачить...

Через день Глеб Василькович провожал караван дощаников во главе с Григорием Меркурьевым. Перед отплытием дал ему последнее напутствие.

Осмотрел Глеб свежие срубы монастырских построек, пахнувших свежей смолой, зашел в небольшой храм с многоярусным иконостасом, работой белозерских богомазов. Потом обошел знакомых купцов, среди которых было немало новгородцев. У ювелира купил янтарное ожерелье, подарок для жены. После ювелира посетил Хрисанфа, приказчика богатого новгородского купца Гусельникова.

- С приездом, князюшка, - обрадовался приказчик. - Мой хозяин не раз интересовался, не приехал ли князь.

- Как видишь, приехал. Зачем я ему нужен?

- По тому же старому делу. О канале на сухонской излучине.

- Мы же толковали с Гусельниковым об этом. Поддержали его другие купцы, готовы они оплатить земляные работы?

- Стало быть, готовы.

Приказчик вытащил из-под прилавка кованый сундучок, отомкнул его и протянул Глебу увесистый холщовый мешочек.

- Вот задаток. Хозяин велел передать. А будет канал прорыт, получишь еще такой же мешочек.

- Передай Гусельникову, к началу осени канал на излуине будет готов. Сам стану следить за работами. Будущей весной, как пройдет ледоход, ваши купчишки смогут плавать, минуя излуину.

Глеб Василькович решил, что выедет на Сухону с землекопами при первой возможности, но сперва уделит время Феодоре. Пусть почувствует себя белозерской княгиней. Потом дождетя приезда владыки Кирилла, чтобы непременно быть свидетелем освящения Белозерского Свято-Троицкого монастыря, владыка посоветовал назвать монастырь именно так.

Возвратившись в свои палаты, Глеб отыскал жену в одной из комнат. Порадовал ее подарком, янтарными бусами.

- Теперь это твой дом, - сказал он, делая широкий круговой жест. - И ты здесь хозяйка.

Он принялся показывать ей палаты, одну за другой: парадный зал для приема гостей, трапезную, свою рабочую комнату, комнату для будущих детей, домашнюю молельню, библиотеку, комнаты для гостей. Пытался что-то объяснить, но бросил, убедившись, что княгиня почти не понимает его русскую речь.

Они спустились с парадного крыльца и вышли на соборную площадь. На площади находился главный храм Бело-озера, соборная церковь Успенья, срубленная из толстых сосновых бревен. Ее увенчивали расположенные ступенчато луковичные главки, крытые лемехом. Зашли в храм. В нем было полутемно. Пахло свечным нагаром и ладаном. Слабо мерцали две-три лампы перед иконостасом. Их свет терялся в сумеречной пустоте.

После храма Глеб свел Феодору на одну из башенок княжьих палат. Башенка возвышалась над третьим этажом и заканчивалась остроконечным шпилем. На верхнюю площадку вела крутая винтовая лестница. Стоило больших физических усилий преодолеть ее и подняться на самый верх. Из оконца открывался великолепный вид на Белое озеро, светло-голубое, покрытое легкой рябью. Небо было тоже светло-голубое, безоблачное. Казалось, озеро являлось продолжением небесного пространства. С высоты просматривался противоположный берег, крыши крохотных домиков и сельская церковь на месте, которое когда-то в давнишние времена было местом города Белоозера. По преданию, это была резиденция князя Синеуса, одного из братьев Рюрика.

Над озером с надрывным криком летали чайки, иногда появлялись гуси или небольшие стайки уток, охотившихся на мелкую рыбешку.

- Красиво? - спросил Глеб жену. Феодора не поняла. Тогда Глеб перешел к языку жестов, стараясь выразить свое восхищение. На это

Феодора с улыбкой закивала в знак согласия.

На прогулку по озеру Глеб решил взять Каллистрата. Обычный разговор он мог переводить без больших затруднений.

- Дозволь, князь-батюшка, Аннушку с собой взять, - попросил Каллистрат. - И княгиня будет рада подружке.

- Дозволяю.

Глеб знал, что Белое озеро, на первый взгляд такое спокойное, ласковое, на самом деле обладает изменчивым характером и иногда, особенно в осеннюю пору, может показать свой нрав. Коли задуют резкие осенние ветры, легкая рябь на поверхности озера быстро превращается в бушующие волны. Озеро начинает штормить, гибнут суда и люди. Такое случалось на памяти Глеба.

Плыли, держась восточного берега, не удаляясь далеко от береговой кромки, вдоль которой тянулась зеленая полоса тальника и кустарниковой ольхи. Иногда из кустарника взлетали с громким кряканьем утки. Встречались на пути рыбацкие лодки, в них копошились еще живые огромные судаки, лещи, осетры и всякая другая рыба, которой так богато озеро.

- Каллистратушка, объясни княгине, - начал Глеб.

- Слушаю.

- Скажи ей... Это озеро, что зовется Белым, богато всякой рыбой. По моему вкусу, лучшая рыба - судак. На зиму здешние жители замораживают судака и держат его в погребе.

- Я не знаю, как будет по-татарски «погреб». Наверное, У них нет такого слова.

- Обходись без погреба.

Каллистрат бегло переводил на татарский слова Глеба, редко испытывая затруднения. А князь продолжал свои рассуждения об озере и его богатствах.

- Хорош еще и карась, особенно в сметане. А из мелкой рыбешки белозерцы любят сметку. Хорош суп из него.

Глеб внезапно прервал свою речь о рыбах. На берегу, где прибрежный кустарник расступался, мелькнуло несколько убогих избушек с односкатными кровлями, крытыми корой. Болью в сердце отозвались воспоминания об этой неприметной деревушке, о весянке Василисушке, его непродолжительном, прерванном счастье. Знать, не судьба. Благо разумно ли теперь корить себя за то, что не удержал порыв молодой страсти. Но ведь и она потянулась к нему, не сдерживая себя. Разве не оба виноваты? Пусть Бог обоих и рассудит.

А теперь его любовь, его судьба - Феодорушка. Она тоже видела много страшного в ордынской жизни, много горького слышала от матери.

Глеб Василькович отвернулся от берега и дал команду гребцам:

- Нажми на весла, ребяташки. Сделаем остановку в Ухтоме.

Село Ухтома по местным понятиям было немалое: десятка полтора-два дворов. Среди них выделялась усадьба тиуна. В селе церковь, срубленная в северных традициях. Это шестигранный столп, переходящий в покупольный барабан, увенчанный луковичной главкой. Село стояло при впадении в озеро речки Ухтомки. Глеб принялся объяснять Феодоре, что эта речка вытекает из озерца Волоцкого. От него до другого озерца, Долгого, не ахти какое большое расстояние. Лодки могут преодолеть его волоком. А из озерца Долгого прямой путь малыми реками до большого озера Боже или Чарондское. Из него идет речной путь в другое большое озеро Лаче, из которого вытекает большая порожистая река Онега.

Феодора невнимательно слушала это отступление в географию белозерского края. Упомянутые Глебом названия рек и озер ей ни о чем не говорили. Она перебила портного, пытавшегося передать смысл рассказанного князем, неожиданным вопросом:

- А что такое волок?

Каллистрат и сам затруднился перевести это слово. Должно быть, в татарском языке его просто не было. Глеб попытался объяснить его значение своими словами.

- Слушай, Каллистратушка. Попытаюсь растолковать, - начал Глеб Василькович. - Представь, плывет по реке купец с товарами. Надо ему попасть в другую реку, которая близко подходит к первой, но не сливается с ней. Что делать купцу?

Он приказывает своим спутникам перетаскивать лодки по суше из одной реки в другую. Это место и называется волоком - от слова «волочить». Что-нибудь поняла, Феодора?

Приближение княжеской лодки заметили с берега и сообщили сельскому тиуну Проклу. Он неоднократно бывал в Бе-лоозере по разным делам и знал князя Глеба в лицо. Прокл вышел к берегу встретить Глеба и его спутников.

- Здешний тиун? - спросил белозерский князь.

- Правильно, тиун я. Рад, что ты пожаловал. Дело до тебя имею.

- Говори, какое у тебя дело?

- Второй месяц, как пастырь наш, отец Спиридон, преставился. Прислали бы нам нового батюшку.

- Разве нет дьякона, чтобы рукоположить?

- Какой дьякон в бедном приходе? Всегда без дьякона служили.

- А причетник?

- Совсем молод. Не подходит к священническому сану. Приход-то наш сложный. Среди прихожан больше весян, чем русских. А весяне, можно сказать, двоеверы. В храм ходят, но капища свои не забывают. Покойный отец Спиридон пытался их вразумить, да не вразумил до конца. Нам нужен пастырь опытный и разумный.

- С сей просьбой не ко мне обращайтесь. Жду приезда владыки Кирилла. Обещал мне двух священников для Белоозера прислать. Может, одного отдаст на ваш приход.

- Дай-то Бог. Я ведь о благе прихожан пекусь. Не только тиун я, но и церковный староста. Не желаете ли молочка парного?

- Не откажемся.

Прокл приказал прислужнице-весянке принести молока и собственноручно налил князю и каждому из его спутников по берестяному бурачку. А потом предложил полакомиться черной смородиной со своего огорода. Когда Глеб протянул тиуну крупную серебряную монету, тот долго отказывался. Но, в конце концов, взял после слов князя:

- Я ведь с тобой не за угощение расплачиваюсь, а как приходскому старосте на храм жертвую.

Еще спрашивал Глеб о языческих обрядах у веси и убедился, что, хотя те и считают себя христианами, христианская религия легла на их души поверхностной оболочкой, никак не искоренив старых верований. Потом Глеб Василькович спросил:

- Скажи мне, Проклушка, пользуются ли в наши дни вот этим речным путем из Белого озера на Онегу с волоком между озерцами Волоцким и Долгим?

- Редко. Можно сказать, почти не пользуются.

- Почему же?

- Реки на этом пути мелководны. Да и Онега малопригодна для плавания. Бурна, порожиста. Это не Сухона и не Двина.

- Понятно разъяснил...

Владыку Кирилла встречали торжественно. На берегу Шексны, где обычно приставали суда, собралось все духовенство Белоозера и окрестных сел во главе с игуменом Иринеем и княжеской четой. Столпились горожане. Прибывший епископ благословил Глеба Васильковича и княгиню Феодору, а потом по очереди все духовенство в порядке старшинства, начиная с Иринея.

Пребывание владыки в Белоозере было до предела насыщено. Сперва

он отслужил архиерейскую службу в соборной Успенской церкви. Посетил церкви города, знакомясь с их состоянием, одаривая книгами, переписанными ростовскими писцами. Поинтересовался, как идет переписка светских и церковных книг в самом Белоозере и пожелал встретиться с писцами. Их оказалось только двое. Кирилл выразил Глебу и Иринею неодобрение. Разве в Белоозере мало грамотных людей с хорошим почерком?

Потом состоялось проведение церемонии возведения в должность настоятеля игумена Иринея и освящения монастыря. Одного из двух священников, прибывших вместе с владыкой из Ростова, иеромонаха Исидора, владыка ввел в штат обители в качестве монастырского священника. Другого, отца Зиновия, светского пастыря, прибывшего с семьей, Кирилл по просьбе князя Глеба назначил приходским священником в Ухтому.

Большое внимание владыка уделил белозерской иконописи. Мастерская иконописцев помещалась во флигеле княжеских палат, примыкавшем к дворовой церкви. Всех иконописцев, которых обычно называли богомазами, было четверо. Один из них, степенный и способный, Феогност считался старостой. У каждого было по два ученика, которые выполняли всякие вспомогательные работы: шлифовали доски, предназначенные для икон, грунтовали их поверхность, растирали краски и присматривались к работе учителей. Понемногу они допускались и к живописным работам, закрашивали общий фон, наносили краску на одежду изображаемых святых.

Владыка придирчиво осмотрел уже готовые работы. Особенно ему понравились Богоматерь с младенцем, распятый Христос, святой равноапостольный князь Владимир и Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём змия. Давая наставления Феогносту, Кирилл сказал, указывая на понравившиеся ему иконы:

- Вот эти зело хороши. Сделайте с каждой по несколько копий. В монастыре не хватает малого настоятельского храма. Будете украшать будущий храм своими работами. В городском храме Ильи Пророка плох иконостас, надо обновить его. А помещение ваше никуда не годится: тесно и темно.

- Скажи, владыка, об этом князю Глебу. Он тебя послушает, - молвил Феогност.

- Скажу непременно.

Покончив с белозерскими делами, владыка Кирилл посетил несколько местных приходов, в том числе побывал в Ухтоме, где представил

прихожанам нового священника, отца Зиновия. Отслужили в ухтомской церкви литургию в сослужении Зиновия и сопровождавшего его в поездке в белозерский край протодиакона Тимофея.

Возвратившись из кратковременной поездки по приходам, Кирилл услышал от князя Глеба Васильковича такой вопрос:

- Скажи, владыка, что нам делать с остатками язычества? Живучи, ох, как живучи они. Волхвы вроде бы перевелись. Но остались старцы, колдуны, ворожеи.

- Не простой вопрос задаешь, князь.

- Храмы строим, прихожан окормляем, в том числе и весян. А увидишь весянина... На груди - крестик на шнурочке, в храме усердно молится. И наговорит тебе три короба всякой непотребной всячины. Почитает лесного дедушку, делает жертвоприношения скотом...

- Можешь не рассказывать, князь. Все это мне ведомо. Остатки язычества не легко быстро искоренить. В таком деликатном деле сила, гневный окрик не есть средство успешной борьбы.

- В чем же средство?

- В неустанном труде наших пастырей, просветительстве, распространении грамотности.

- На севере во многих храмах можно увидеть рядом с иконами деревянные статуи или человекоподобные фигуры святых. Среди них встречается даже Христос. Я знаю, что среди духовенства идет великий спор. Кое-кто сравнивает такие фигуры с языческими идолами и утверждает, что наша религия может признавать только плоскостные изображения святых, суть иконы.

- Все верно, князь Глеб. Ведется такой спор. Я не принадлежу к сторонникам крайностей. Весяне не забывают своих языческих идолов, но ходят в православные храмы и молятся христианским святым. Значит, тянутся к нашей вере. Это все же лучше, ежели они были бы чистыми язычниками.

- А как мы, владыка, должны отнестись к появлению в храме человекоподобных фигур, пусть они и создают образы почитаемых святых?

- Все-таки святые почитаются, хотя бы и в образе деревянных статуй. Закроем глаза на то, что это статуи, а не иконы. Это все же лучше, чем поклонение языческим идолам. Язычество так быстро не отомрет, по одному мановению моей руки или твоей. Запретный плод, говорят, сладок. И с этим придется мириться.

- Как же я должен относиться к статуям в храме? Закрывай на них глаза, коли они тебе не по душе.

- А что я должен делать, коли весянин вспоминает с благоговением не Богородицу, а своего языческого бога Белеса?

- Скажи ему - почитай. Только ты весянин ошибаешься: то не бог Велес, а святой Власий, покровитель скота. А ошибаешься потому, что имена схожие - Велес, Власий.

- Так ты призываешь, владыка, приспособить православие к язычеству.

- Вовсе нет, князь. Я рассуждаю так. У весянина стихийно зарождаются в уме зачатки истинной веры. В его язычестве мы улавливаем образы, похожие на наших святых. Церковь должна снять с представлений весянина весь этот налет искаженности и привести его к истинной вере, придать его представлениям благоразумный вид. Понятно я говорю?

Глеб убедился, что владыка Кирилл является искусственным и гибким политиком, считавшимся со сложными условиями жизни и деятельности церкви на русском севере. Сложность эта определялась живучестью языческих представлений веси, да и не только веси. По существу, здесь господствовал причудливый сплав православия и язычества. Владыка Кирилл выступал как поборник мирного вращивания православной веры в языческую среду без применения каких-либо насильственных мер. Достиг ли он своей цели?

(Чтобы ответить на этот непростой вопрос, обратимся к свидетельствам замечательных русских фольклористов, братьев Соколовых, составителей капитальной книги «Сказки и песни Белозерского края». Книга была издана в итоге двух поездок собирателей фольклора в белозерский край в начале прошлого века. В предисловии к книге ее составители писали о живучести языческих пережитков в крае. Подчеркиваем - речь идет, казалось бы, о не слишком далеком от нас времени. «Взгляды крестьянина на мир веют далекой стариной. Сколько в том крае неизжитого язычества, частью сохраняющегося только в крестьянской среде, но частью еще поддерживаемого другими условиями, между прочим сельским духовенством»).

Владыка Кирилл отбыл в Ростов, провожаемый всем белозерским духовенством. На следующий день князь Глеб разослал тиунам ближайших волостей распоряжения собрать команду землекопов на сухонскую излучину. Через некоторое время и сам отправился туда, чтобы самолично следить за работами.

Низменная излучина поросла кустарником: тальниками, ольхой и березками. Кое-где заросли сменялись невысокими голыми песчаными холмами. В самом узком месте ширина излучины не достигала и одной версты. Здесь Глеб Василькович и дал команду рыть канал, достаточный

для того, чтобы свободно могли разойтись два вместительных дощаника.

Работа двигалась без промедлений, так как каждый землекоп стремился поскорее вернуться к своим близким и к своему хозяйству. К концу сентября канал короткой протяженности был открыт. Оставалось лишь разрушить неширокие земляные перемечки, закрывающие вход и выход в Сухону.

Как-то внимание Глеба привлек немолодой землекоп, неопрятный, обносившийся.

- Чьих будешь?

- С Волги.

- А как к нам попал?

- Долгая история. Вряд ли тебе князь интересно будет слушать.

- Это уж мне дозволь судить. Назови свое имя.

- Филат я.

В другой раз землекоп назвался Фофаном.

- Так кто же ты все-таки, Филат или Фофан?

- Сам не знаю, - с вызовом ответил землекоп. Или дурил мужик, или подталкивал князя на резкий окрик. Но Глеб сохранил выдержку и все-таки сумел разговорить землекопа. В действительности он оказался не Филатом или Фофаном, а Феоктистом. Жил в приволжском селении, занимался земледелием и рыбной ловлей. Селение располагалось к востоку от Нижнего Новгорода. Вблизи кончались владения нижегородского князя, дальше начинались подвластные Орде булгарские и чувашские земли. Селение неоднократно подвергалось набегам ордынских отрядов, хотя ордынцы вроде бы и не вели прямых военных действий против Нижнего Новгорода. Возможно, отдельные отряды занимались стихийным разбоем. Житье было трудное. Баскак обложил княжество данью, вся тяжесть легла на плечи подданных князя. За Феоктистом числились недоимки, поэтому ордынцы забрали у него корову и лошадь. А тут пришли с юга еще какие-то конные люди, не то татары, не то булгары, пограбили то, что еще оставалось в хозяйстве. Дочь Феоктиста увели грабители, что с ней сделали, он не знает. Хорошо еще, если угодила в гарем какого-нибудь богатого хозяина. А могли и надругаться всем скопом и потом прикончить. Случалось и такое. Жена Феоктиста с горя умерла.

- Как же ты надумал сюда податься? - спросил его Глеб, выслушав печальный рассказ.

- Захотелось уйти в дальние края и попробовать начать жизнь сызнова. Убедился, на Кубене рыбалка отменная. Прокормиться можно. И про тебя, князь, люди говорят...

- Что же обо мне говорят?

- А то, что бывают князья хуже. Ты хотя бы от татарских набегов свой край избавил.

- Рад это слышать. Из семьи-то у тебя кто-нибудь остался?

- Сын и дочь малолетки. В селе на берегу Кубены оставил у добрых людей...

Земляные перемычки были разрушены, и вода из Сухоны хлынула в канал. Глеб распорядился, чтобы землекопов накормили, выставили им бочку хмельной браги.

А Феоктисту сказал напоследок:

- Не хотел бы, Феоктистушка, перебраться с детками своими ко мне в Белоозеро?

- За что такая милость?

- Волжанин, небось рыбалил?

- Приходилось.

- Поступил бы в рыбачью артель и поставлял к моему столу судака, осетра и всякую другую рыбу. Дал бы я тебе землю под огород и избу. Хозяйством бы обзавелся.

- Согласен, княже.

Не раздумывая долго, Феоктист перебрался в Белоозеро, получил большой участок земли на окраине города, срубил с помощью соседей избу...

К середине осени возвратился из Сарай-Берке Григорий Меркурьев и доложил князю Глебу о выполненном поручении. Он смог выкупить из полна сто двадцать человек. Возвращение оказалось благополучным, если не считать того, что в пути умер один еще не старый муромчанин от какой-то непонятной хвори. Онд вызвала внезапный озноб, лихорадку, потом полный упадок сил. А в Нижнем Новгороде на берегу одна женщина опознала среди выкупленных освобожденного мужа. Он стал просить Меркурьева отпустить его к жене, в родное селение, которое располагалось на берегу Оки, недалеко от Нижнего. Григорий Меркурьев оказался в затруднении. Он не получал от князя Глеба указаний на подобный случай. Но человек его так слезно просил, что Григорий внял мольбам на свой риск. Из других освобожденных только двое нашли свои семьи, один в Костроме, другой в приволжском селении между Костромой и Ярославлем. Семьи пожелали следовать за освобожденными в Белоозеро.

.. В начале зимы в семье Глеба Васильковича произошло событие. Феодора почувствовала приближение родов. Нашлась опытная повитуха, которая деловито осмотрела княгиню и бесцеремонно выпроводила Глеба

из опочивальни.

- Не взыщи, батюшка. У нас обычай таков. Не гоже, коли отец зрит, как матушка разрешается от бремени.

Князь подчинился воле повитухи и вышел в соседнюю комнату, оставив дверь в опочивальню приоткрытой. Сперва он слышал тяжелый стон роженицы, переходящий в надсадный крик. Потом крик прекратился и лишь изредка доносились короткие отрывистые стоны.

Повитуха показала в дверях, чтобы успокоить Глеба.

- Никак не разродится... Должно, плод идет неправильно. Такое бывает. Я уже ей говорю - кричи, матушка, кричи. А она, гордая, не хочет показать свою слабость. Губы в кровь искусала.

К концу дня княгиня Феодора наконец разродилась мальчиком. Он оказался слабеньким, пискливым. Повитуха обмыла его теплой водой в лохани, перевязала пупок. Новорожденный долго не брал материнскую грудь. По совету той же повитухи князь был против того, чтобы княгиня с ее слабым здоровьем сама кормила младенца. Отыскалась в Белоозере дородная кормилица, только что потерявшая своего новорожденного младенца.

Грудь кормилицы новорожденный взял более охотно. Повитуха отвела князя Глеба в сторону и сказала ему шепотом:

- Слаб младенец-то. Боюсь, не жилец на этом свете. Поспешит окрестить князь: как бы не представился некрещеным.

- Ты уж, матушка, об этом никому не говори, - горестно вздохнул Глеб.

Новорожденного окрестили через неделю, когда княгиня немного оправилась. Она охотно брала ребенка на руки, прижимала к груди, мешая татарские и русские ласковые слова. При крещении младенца назвали Дамианом, в просторечьи Демьяном. Обряд крещения совершил игумен Ириней, за крестного отца был Григорий Меркурьев.

Оправившись от родов, княгиня Феодора оставалась все такой же бледной, бескровной. Для поправления здоровья князь Глеб заставлял жену пить парное молоко с медом.

Весной княжескую чету постигло горе. Умер, тихо угас маленький Демьян. С момента рождения он был, что называется, нежизнеспособный. Это сразу подметила опытная повитуха. В последние дни младенец совсем перестал принимать грудь кормилицы и неустанно плакал тихим, слабеньким голосом. А потом и вовсе смолк.

Глеб, как мог, успокаивал жену.

- Не горюй, Феодорушка. Мы с тобой молоды, будут у нас еще дети. Много детей.

Феодора улыбалась вымученно.

- Думаешь, будут?

- Непременно будут...

С открытием летнего плавания по рекам и озерам к Бело-озеру устремились ладьи и дощаники новгородских купцов. Везли разнообразные товары своего и заморского изготовления, плыли за пушниной, заготовленной промысловиками на Двине, Пинеге, Мезени. Часть купеческих судов бросала якорь у истоков Шексны и наполняла амбары Белоозера. Другая часть через волок попадала в систему речек и малых озер, затем в Кубенские озера, а оттуда в Сухону, минуя вырытый прошлой осенью канал на речной излучине, спрямлявший путь. Новгородские купцы пополняли казну князя Глеба, внося плату за услуги лоцманов на Белом озере и зрителям шекснинского волока.

Подсчитав доходы, Глеб Василькович решил продолжать выкупать полонян в Орде. На этот раз он надумал отрядить не Григория Меркурьева, а сына его, Власия.

- Получи, Власик, полное наставление у батюшки твоего, - сказал ему Глеб. - У него прошлогоднее плавание в Орду прошло удачно: много полонян вызволил...

Через некоторое время прибыли из Сарай-Берке дощаники, заполненные вызволенными из полона людьми. Всего человек восемьдесят.

Искусных мастеров оказалось среди этой партии мало. Больше земледельцы и рыбаки. Глеб распорядился расселить их по правому притоку Шексны, реке Суде, и по западному берегу Кубенского озера.

Глеб Василькович задался целью побывать во всех волостях своего княжества, чтобы составить приблизительное представление об общем числе подданных, о количестве населенных пунктов. Он побывал на реках Суде и ее притоке Андоге, подымался вверх по течению по всем рекам, впадавшим в Белое озеро. Наиболее протяженной и обжитой из этих рек была Кама. Побывал Глеб на западном побережье Кубенского озера, обследовав перед этим заселенное пространство между верхней Шексной и Кубеной. Затем он направился к северному выступу белозерских земель, к большим озерам Боже и Лаче, из которого вытекала река Онега. Далее начинались земли, заселенные новгородцами. Сопровождали Глеба четверо воинов-телохранителей и Власий, которого князь заставлял вести записи на листе пергамента.

Глеб был обеспокоен известиями из Ростова о намерении ростовского баскака Фатуллы учинить подробную перепись населения в белозерском крае. С этой целью ордынец собирался отправиться в Белоозеро самолично

или послать туда с частью своих людей одного из ближайших помощников.

Глеб Василькович молил Бога, чтобы это был кто угодно, кроме Фатуллы. Он уже знал со слов брата, что тот - дотошный и педантичный служака, мелочный придира, всеми способами выкачивающий дань. Человек упрямый, напористый, он никак не поддавался усилиям Бориса Васильковича наладить с ним дружественные отношения, как это удалось с прежним баскаком Бурханом, который теперь служил ростовскому князю. Поэтому Глеб вспоминал наставления Александра Ярославича Невского, умного и хитрого политика, на которого белозерскому князю хотелось походить.

Да, на твоём севере, при его широких просторах и редкой населенности, обилии лесов и непроходимых болот легко обвести вокруг пальца любого самого дотошного баскака. Можно неделями водить его по лесам и болотам, тропам, ведомыми только надежному проводнику, и не показать ему и половины селений. Только делай это продуманно, промаха ордынцы не простят. Именно так говорил Александр Ярославич.

- Попробую обмануть ордынца, - твердо сказал себе Глеб Василькович.

Но Фатулла сам не поехал на Белоозеро. Он уже имел понаслышке представление, что это обширный лесной и болотистый край с редким населением, где проведение переписи потребует немалых усилий. Поленился баскак и послал вместо себя помощника Файзуллу с отрядом воинов.

Файзулла оказался молодым и покладистым. Он клюнул на щедрые угощения и на подарки. Глеб вызвался сам сопровождать ханских людей по просторам белозерской земли.

- Из уважения к хану, из уважения к тебе, Файзулла, - льстиво говорил Глеб. - Я ведь породнился с великим ханом Берке, женился на его племяннице. Берке мне как отец.

Файзулла, выслушивая речи князя Глеба, улыбался и кивал головой.

Отряд Файзуллы, сопровождаемый Глебом, провел перепись во всех прибрежных деревнях и селах вдоль Шексны и крупного шексинского притока Суды, уже этого никак нельзя было избежать. Из Суды направились в основной ее приток Андогу. Приандожские селения охватили только в низовьях реки.

- Дальше плавание затруднено, - объяснил Глеб.

- Есть ли селения выше? - спросил Файзулла.

- Не знаю. Никогда там не был. И, наверное, никто не знает, - уклончиво ответил Глеб. - Коли хочешь, Файзулла, поплывем дальше. Только там река теряется в болоте. Не ведаю, сумеем ли мы преодолеть его.

- Не надо дальше, - сказал Файзулла. Князь Глеб знал, что в верховьях Андоги расположена целая волость из нескольких приходов, оставшаяся недоступной для ханских чиновников.

Потом обследовали пространства между верхней Шекс-ной и Кубенским озером. Эта местность была довольно густо заселенной, и Глеб не стал хитрить. Объехали все прибрежные поселения на Белом озере, где Файзулла и его люди продолжали перепись.

Здесь Глеб схитрил. Начали плавание ранним утром, когда над озером еще стоял туман. Северо-западный угол озера образовывал губу, в которую впадали реки Ковжа и Кема. Они как бы сливались воедино и становились губой.

Глеб решил рискнуть и дал команду гребцам сразу плыть к Ковжу, минуя Кему, как будто ее и вовсе не было. Основная масса селений на Ковже располагалась ближе к волоку на ковжинско-вытегорском междуречье. Но это уже были владения Великого Новгорода. На белозерской части Ковжи селений располагалось не так много.

Таким образом Глеб укрыл от внимания ханских людей всю обширную Кемскую волость с десятками поселений.

Оставалась еще часть территории Белозерского княжества к северо-востоку от Белого озера с большими озерами Боже и Лаче. Глеб Василькович рассказал о тяжелом пути к этому краю. Сплошное бездорожье, мелководные реки, труднодоступные даже для малых судов болота.

- Готовы вы отправляться к тем большим озерам? - спросил Глеб.

- А это далеко? - Файзулла явно не был готов.

- Далеко. И путь туда труден. Придется преодолеть долгий путь только ради того, чтобы переписать каких-нибудь две-три сотни тамошних обитателей.

Файзулла не выразил желания отправляться к дальним озерам и прибавил со слов Глеба к переписанным жителям Белоозера еще две сотни человек. В действительности же проживало там достаточно большое число жителей: русичей и вепсов.

С этим Файзулла со своей командой и отбыл в Ростов. Глеб Василькович вздохнул с облегчением: кажется, на сей раз пронесло. Удалось обвести татарина вокруг пальца.

Глава 11.

ЧЕСТВОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РОСТОВЕ

Наступила ранняя осень. Начали желтеть деревья. Солнечные дни иногда прерывались мелким дождичком. В один из таких дней из Ростова приплыл гонец с посланием от ростовского князя Бориса Васильковича брату Глебу. В послании сообщалось, что через некоторое время, возвращаясь из Великого Новгорода, князь Александр Ярославич Невский остановится в Ростове. Борис делился с братом своим намерениями встретить Невского достойным образом и устроить ему торжественное чествование. Как-никак славный победитель шведов на Неве и тевтонских рыцарей на Чудском озере, мудрый политик, удерживающий татар от военных набегов на Русь. Он, Борис Василькович, приглашает брата принять участие в чествовании Невского. Будут приглашены и другие ближайшие родичи.

От себя гонец добавил, что Александр Ярославич проезжал Ростов в начале лета с небольшим конным отрядом, но не задержался, так как спешил в Новгород, чтобы улаживать дела с новгородцами. Они опять противились ханской политике и могли вызвать карательные действия со стороны ордынцев.

Глеб Василькович отпустил гонца с наказом передать брату, что непременно прибудет.

- Едем в Ростов, - сообщил Глеб жене.

Феодора в последнее время чувствовала себя получше. Исчезла постоянная бледность и темные круги под глазами.

Феодора попыталась объяснить мужу, что не хотела бы быть ему обузой. Ведь у него будут там, в Ростове, свои дела. Она лучше осталась бы дома.

- Я не могу расстаться с тобой надолго, - возразил ей Глеб. - А потом мои родственники теперь и твои родственники. Они хотели бы повидаться с тобой.

Слова Глеба убедили Феодору. Времени на сборы оставалось мало.

Если Невский прибудет в Ростов в середине сентября, как обещал, то они только-только успеют добраться туда ко времени.

Григорию Меркурьеву Глеб приказал снарядить дощаник, выделить десяток гребцов-охранников, позаботиться о дорожных припасах.

- Поедешь со мной в Ростов.

Плыли вниз по Шексне на парусах, потом по Волге до Ярославля и, когда вступили в правый волжский приток Которость, взялись за весла.

Встреча братьев была сердечной. Феодору расцеловала княгиня Мария Ярославна и увела к себе.

- Никаких известий от Ярославича пока нет. Должно быть, едет, - сказал Борис.

- А гостей много? - спросил его Глеб.

- Только кое-кто из ближайших родичей. Угличские князя Андрей и Роман Владимировичи, ярославская княгиня-мать Ксения со своим старым дядюшкой, ярославским боярином. Дочку свою Марью, однако, взять с собой не пожелала. Своенравная баба, эта Ксения.

- А по-моему, не столько своенравная, сколько безвольная. Идет на поводу у бояр. Как думаешь, братец, может быть, обсудим ярославские дела с Невским?

- Конечно, обсудим, - согласился Борис. - Как там у тебя в Белозерье?

На этом разговор братьев был прерван появлением княгини-матери, инокини Марфы. Услышав о прибытии младшего сына с женой, инокиня покинула монастырь и поспешно прибежала в княжеские палаты. Обняла сына, прослезилась.

- Повитуха сразу сказала - хиленький уродился. Не жилец.

- А как Феодорушка?

- Сперва убивалась, конечно. Но помаленьку пришла в себя. Не горной, матушка. Мы с Феодорушкой молоды. Будут у нас еще детки. И ты порадуешься внукам.

- Дай-то Бог.

- Давайте сменим разговор, - предложил Борис. - Младенчика слезами и оханьями не вернешь. Пусть Глебушка расскажет нам о делах белозерских.

- Недавно подвергся ордынскому нашествию, - начал Глеб.

- Это ты о людях баскака?

- О ком же еще? Перепись учинили.

- И ты, конечно, помог им в белозерских болотах заблудиться.

- Не могли они заблудиться. Я сам сопровождал Файзуллу. А мог ли я показать ему все селения, коли Белоозеро край обширный, лесной,

болотистый. Сам не везде побывал, не все дороги знаю.

- А баскак недоволен переписью. Говорил мне, что ты хитрил с его людьми. Желает с тобой потолковать. Учти, Фатулла упрям, неглуп и мстителен. На подарки не клюнет.

Нанес Глеб визит владыке Кириллу, рассказал о своих делах, пожаловался, что не хватает сельского духовенства. Он встречал несколько приходских церквей без священника. Служба ограничивалась тем, что собирались в храме прихожане, чтобы послушать, как грамотей читает псалтырь. А для совершения треб приходилось обращаться в соседний приход, расположенный на большом удалении.

- Вижу единственный выход помочь тебе, - сказал владыка.

- Какой?

- При вашем монастыре надо создать духовную школу. Подобрать для этого грамотных пономарей, причетников, мирян, пожелавших посвятить себя священнической службе. Напишу послание игумену Иринею. Пусть подберет для начала человек пять способных грамотеев и обучает их священному писанию, правилам литургии, знакомит с творениями отцов церкви, историей.

Посетил Глеб и Фатуллу. Он и внешне совершенно не походил на своего предшественника, Бурхана. Сухопарый, весь какой-то заостренный, в разговоре желчный, ершистый, недоверчивый. И очень, очень недобрый.

Разговор с баскаком Глеб начал с того, что похвалил Файзуллу.

- Старательный у тебя помощник. Я почел своим долгом помочь ему. Объехал с ним все селения Белоозера.

- Все ли? - спросил испытующе Фатулла.

Глеб понял, что утверждать то, во что недоверчивый баскак не верил, бесцельно. И взял тон этакого простачка.

- Мы с Файзуллой объехали все селения, какие можно было объехать, какие мне были известны.

- Значит, не все.

- Видишь ли, Фатулла... Белозерский край обширен, лесист. Я сам не знаю многие его уголки. Возможно, в недоступных лесах живут люди, которых я никогда не видел. Есть и не имеющие постоянного места жительства, ведущие бродячую жизнь. Это охотники, рыбаки, мастеровые.

- Сколько таких назвали тебе?

- Немного. Основные-то селенья мы посетили и жителей их переписали.

- Сколько же осталось неучтенных?

- Самая малость. Думаю, сотни две-три мы упустили. Врешь, князь.

Будем считать, упустил ты сотни четыре. Вот с них ты также будешь платить десятину.

Глеб выразил недовольство, но в душе был рад. Он-то скрыл от ордынцев, проводивших перепись, не четыре сотни жителей, а много больше.

На этом придирки Фатуллы не закончились.

- Белоозеро - торговый город?

- Торговый, Фатулла, - ответил Глеб, еще не понимая, к чему баскак клонит.

- Торговля идет хорошо?

- У кого как.

- Тебе, князь, от торговли идет прибыль?

- Какая мне прибыль... Иной купец по доброте своей принесет мне отрез сукна или безделушку для жены, племянницы вашего великого хана Берке.

- А на какие доходы ты выкупил полонян в Орде?

- Много ли я их выкупил. Копим, копим деньги. Вот и накопили самую малость.

- Прибедняешься, князь Глеб. Учти, ханской десятиной облагаются все доходы: землевладельцев, и рыбаков, и купцов. Подашь мне к весне подробные сведения о доходах каждого из твоих купцов с указанием, чем он торгует, чтобы мы могли определить размеры его десятины. И не потакай нечестным людям, не пытайся покрывать тех, кто скрывает доходы.

- Зачем же так? Ведь я верноподданный хана и к тому же ближайший родственник твоего господина, великого Берке.

- Таких родственников у хана много. Берке ничего не говорил мне, что я должен потакать тебе.

- А я и не прошу об этом.

Разговор Глеб мог бы вести самостоятельно. Однако он предпочел пользоваться услугами толмача, того же Каллис-трата, которого он взял в плавание в Ростов. Это давало Глебу возможность лучше сосредоточиться, обдумывая каждый ответ.

Беседа с Фатуллой оставила у Глеба тяжелый осадок. Баскак, действовавший именем хана, старался взвалить на княжество тяжелое бремя поборов, ограничить возможности белозерского князя получать доходы.

Приехал в Ростов еще один гость, муромский князь Ярослав Святославич, тесть ростовского князя Бориса. Муромская земля считалась

младшим уделом Рязанского княжества. Глеб Василькович имел возможность познакомиться и поговорить с князем Ярославом. Муром неоднократно подвергался жестоким нашествиям ордынцев, его население пряталось в окрестных лесах. Марья Ярославна была единственной дочерью своего отца, не имевшего мужского потомства. А после смерти князя Ярослава, человека уже немолодого, Муромское княжество, как и Ярославское, могло стать предметом княжеских раздоров.

В ожидании князя Александра Ярославича прошло еще несколько дней. Наконец дождливым сентябрьским вечером к воротам Ростова приблизилась кавалькада всадников. Это Александр Ярославич Невский со своей свитой, двумя ближайшими советниками и двумя десятками воинов-охранников. Великий князь гарцевал во главе кавалькады на крупном белом жеребце.

Как заметил князь Глеб, Александр Ярославич оставался все таким же стройным, поджарым и молодцеватым. Он легко спрыгнул с коня, передав поводья одному из своих спутников. Теперь Глеб увидел, что короткая борода Невского стала заметно отливать сединой, чего раньше не было, а на голове засеребрилась прядь седых волос. Александр Ярославич сперва подошел под благословение владыки, потом пожал руку всем князьям, начиная с хозяина, ростовского князя.

Борис Василькович сообщил Невскому, что ужин готов и для него, и всех его спутников, потом можно отдохнуть с дороги: путь, вероятно, был долог и утомителен.

- Путь как путь. Нам привычный, - весело ответил Александр Ярославич и выразил желание сперва посетить Успенский собор.

Владыка Кирилл со всем клиром отслужил заздравный молебен. После ужина великий князь пригласил к себе для беседы в узком кругу епископа и братьев Васильковичей.

- Тяжелая была поездка, - начал свой рассказ Невский. - Казалось бы, договорился с новгородцами, уговорил их не ершиться, не лезть на рожон. Обязал их выплачивать ордынцам дань. Василия из Новгорода удалил за то, что пошел на поводу у тамошних бояр. Прошло совсем немного времени, и опять новгородцы взяли за старое. Не будем платить хану дань, и баста. Не дозволим проводить перепись.

- Уговорил-таки упрямых новгородцев? - спросил Борис.

- Если бы вы знали, чего мне это стоило. Я им про Фому, они мне про Ерему. Глаголят мне об новгородских вольностях, вечевой практике. Мы, мол, никогда данниками не были, никакой десятины не знали. Даже Рюрика вспомнили. Я их на этом Рюрике в лужу посадил. Это же чужеземный

наемник, варяг, захвативший власть силой. Уж он-то никак не был носителем вольностей.

- Убедил?

- Не столько убедил, сколько припугнул. Располагаю, говорю, достоверными сведениями, что татарские полки готовы выступить против Новгорода. Вы этого хотите? Тогда и немчура не станет смиренно наблюдать, тут же захватит Псков и Капорье. А как я должен буду поступить, коли хан прикажет присоединиться к его войску?

- Что ответили новгородцы?

- С большой неохотой, но согласились на проведение переписи. Я ответил им - можно ли вам верить, коли однажды вы не сдержали данное слово. Могу ли я быть уверенным, что снова не поступите так же? Оставляю у вас своего человека, мое всевидящее око. Коли и на этот раз нарушите слово, воспротивитесь переписи, я ханский, а не ваш союзник. Вот с этим и уехал из Новгорода.

Глеб рассказал Александру Ярославичу о своих делах. Успешно выкупил в Орде несколько партий полонян, которых расселил по княжеству. Наиболее искусных мастеров-умельцев оставил в стольном городе. Татары провели перепись населения княжества. Проводил ее не сам Фатулла, а его помощник Файзулла, который оказался человеком покладистым и сговорчивым. Его удалось обхитрить. А сам баскак давит на княжества и изыскивает все новые и новые возможности для поборов.

- Помни мои наставления, Глеб. Как ты должен вести себя с ордынцами, - произнес многозначительно великий князь.

- Помню, Александр Ярославич, - отозвался Глеб. - Помню: обводи ханских людей вокруг пальца, но делай это хитро и не попадайся.

- Вот именно. Вижу, что хорошо все усвоил.

Заговорили о другом. О засилии бояр в Ярославле. Княгиня-мать Ксения состоит в родстве со многими боярами. Замуж единственную дочь выдать не спешит. Мужское потомство в роде ярославских князей пресекалось со смертью князя Константина Всеволодовича.

- Почему это вас так волнует? - спросил Александр Ярославич, выслушав братьев Васильковичей.

- Ярославль важный торговый пункт на Волге, - сказал Глеб.

- Несомненно, - согласился Невский.

- Хан не станет долго терпеть неопределенность с ярославским столом. Княжней считается Марья Васильевна, не имеющая ханского ярлыка на княжение, хотя, вероятно, такого ярлыка у нее никогда и не будет. А тем временем подвернется какой-нибудь прощельга и заполучит ярлык

на ярославское княжение. А если он человек семейный с чадами, Марья и ее матушка Ксения окажутся никому не нужными.

- Спросишь, Ярославич, нам-то с Глебом что за забота? - вмешался в разговор Борис. - О родне печемся. Ксения --вдова нашего двоюродного брата, а Марьюшка - наша двоюродная племянница.

- У вас есть на примете жених? - деловито спросил Александр Ярославич.

- Есть. Федор Ростиславич, прозванный Черным, из рода князей Смоленских. Безудельный княжич. Братья при разделе наследия лишили его удела.

- Каков этот Федор?

- Видный из себя, неглупый.

- Хорошо, поговорю с княгиней Ксенией.

- Мы с братом уже согласились выступить сватами, - сказал Борис.

- Вам-то какая выгода от этой женитьбы? - вьедливо спросил Александр Ярославич.

- Самая прямая. Сосватаем Марьюшку, муж ее станет нашим собственником, названным братом. Тогда можно говорить о единстве ярославской земли с Ростовом и другими его уделами. Хорошо ли, коли Ярославль уйдет в чужие руки? Ростов и Белоозеро, братские владения, будут расколоты землями какого-нибудь чужого князя.

- С княгиней Ксенией я обязательно поговорю, - пообещал Александр Ярославич. - Сколько лет ее дочери?

- Семнадцать, - ответил Глеб.

- Так в чем же дело? Самое время для замужества. Почему же они противятся?

- А вдруг этот князь - примак - окажется человеком властным и честолюбивым, не захочет быть покорным боярской верхушке. Это их пугает. А сейчас там каждый боярин бог и князь.

- Разумно мыслишь.

- Я так понимаю, что толковать с одной княгиней Ксенией бесцельно, - убежденно сказал Глеб Василькович. - Она живет с оглядкой на других, сама ничего не решает. Для беседы полезно было бы пригласить и ее старого дядю. Он человек в Ярославле влиятельный.

- Поговорим и с ним, - кивнул Невский...

На следующий день для гостей устроили большое зрелище на поляне на берегу озера Неро. Всадники преодолевали препятствия, прыгали через рвы, заграждения, земляные барьеры. Крепкие мускулистые мужики сходились в кулачном бою. Силачи поднимали тяжести. Потом выступали

скоморохи в пестрых колпаках и кофтах, канатоходцы. Ростовчане окружили поляну плотным кольцом и выражали свой восторг приветственными возгласами.

Для именитых гостей соорудили возвышение, над которым натянули полотняный тент: под ним были расставлены кресла.

Центральным событием была схватка силача с быком. Бык был еще молод и, как видно, не очень искушен в таких выступлениях. Силач, рослый, плечистый кузнец, вышел на платформу в белой холщовой рубаше, подпоясанной цветным кушаком. Он смело шагнул навстречу быку, который сперва побежал мелкой рысцой в направлении человека, а потом остановился, разглядывая его с недоумением. Казалось, животное было настроено на мирный лад. Воспользовавшись замешательством быка, кузнец крепко ухватил животное за рога и с усилиями повернул его голову несколько раз направо и налево. Бык взревел густым низким рыком и, вырвавшись, побежал прочь с площадки той же мелкой рысцой.

Зрелища продолжались в княжеских палатах, когда именитые гости расселись за длинным столом и приступили к обильной трапезе. Выступали гусли, гудошники, сказители. Под плавные звуки гуслей сказители напевали слова былин, рассказывавших о подвигах славных богатырей, о пирах князя Владимира Красное Солнышко. А участники пира поднимали чаши с напитками. Пили за здоровье великого князя Александра Ярославича, победителя шведов и тевтонских рыцарей. Потом пили за хозяина Бориса Васильковича и его семью, пили за гостей. В конце слово взял Александр Ярославич.

- Подыдем, дорогие мои, полные чаши за единство русичей, за единство всего дома Рюриковичей. Пусть сей дом не разрушается враждой и распрями, соперничеством и усобицами. Грех великий совершит тот, кто подымет руку на брата своего, ближнего своего. Вот добрый пример, братья Васильковичи, живущие в мире и согласии, дружбе и добрососедстве. Пусть подобно Васильковичам в том же мире и согласии, дружбе и добрососедстве живут остальные Рюриковичи.

На следующий после обильного застолья день князь Борис предложил гостям отправиться на охоту. Накануне егеря обследовали окрестные леса и обнаружили стадо лосей.

Борис Василькович был заядлым охотником, предпочитавший травлю крупного зверя: лося, медведя, рыси. Его привлекала опасность такой охоты, требовавшей сноровки и определенного риска. Охотился он обычно в сопровождении большой команды егерей, загонщиков, псарей. С гостями Борис любил заводить разговор на охотничьи темы. Его комнату украшали

рога и чучела разных зверей.

Когда утром Александр Ярославич вышел из опочивальни, Борис Василькович спросил:

- Не поохотиться ли нам сегодня? Мои люди присмотрели стадо сохатых. Самцы дерутся смертным боем, время случек у лосей.

- Нет, уволь, Борис. После такой трапезы не до охоты. Дай возможность гостям отдохнуть.

- Можно отложить на завтра. Сам-то увлекался когда-нибудь охотой?

- Как тебе сказать... - неопределенно ответил Александр Ярославич. - Сейчас времени на это нет. А в молодости, когда княжил в Новгороде, бывало, и на медведя хаживал.

- А для меня охота давно стала страстью. Особенно люблю травить крупного зверя.

- Брат твой тоже охотник?

- Не такой, как я. Он любит стрелять уток и Гусей. К этому располагает природа Белоозера. Куда ни глянь, реки, озера, болота. Водоплавающей птице там раздолье.

- А ты большую псарню держишь, как погляжу. Какой породы собачки?

- Нашей русской породы. Лаечки. Народ простое прозвище сей породе придумал: раз лает, значит, лайка. И вынослива и смела. Дичь хорошо отыскивает. На крупного зверя, например на медведя, смело бросается, успевая увернуться от его смертельных ударов.

- Ты, я вижу, большой знаток в своем деле. Александр Ярославич все же согласился принять участие в охоте, чтобы поддержать компанию. Отказался ярославский дядя княгини Ксении, сославшись на свой преклонный возраст, и муромский князь Ярослав по причине нездоровья: переел за трапезным столом и страдал желудком. Не пожелали поехать и женщины, хотя в те времена теремное затворничество еще не было всеобъемлющим и неременным. И среди княгинь находились женщины, которые неплохо владели луком и копьем, выезжали вместе с мужьями на охоту, ходили на кабана и медведя. Не часто встречались такие женщины, но все-таки иногда бывало.

Кавалькада всадников углубилась по извилистой тропе в глубь лесного массива. Лес был здесь смешанным. Ели и сосны чередовались с липами, тополями, кленами и березой, иногда попадались и толстоствольные, разлапистые дубы. Листва деревьев начинала уже желтеть и золотиться. Послышались лосиные крики, ни с чем не сравнимые. Словно переругивались в злобной ярости два сказочных существа. Это было не

ржание, не мычание, а свои специфические звуки.

- Бьются... - Борис Василькович прислушался к голосам сохатых. Он дал команду псарям спустить с поводков собак, которые дружной стаей устремились на шум.

Всадники спешили и, оставив лошадей на попечение конюших, двинулись вперед по тропкам. Вскоре заметили двух рослых самцов с ветвистыми рогами. Теперь они уже не дрались друг с другом, а отбивались от наседавшей на них стаи собак. Одна из собак с перебитым ударом лосиного копыта хребтом корчилась на земле в предсмертных судорогах. Борис Василькович взял из рук сопровождавшего его егеря копье и точным, рассчитанным броском метнул его в грудь зверя. Копье глубоко вонзилось в туловище животного, из раны хлынула кровь.

- Добывайте, - скомандовал егеря.

Второго лося поразила также копьем угличский князь Андрей Владимирович. Александр Ярославич оставался пассивным зрителем: азарт охотника он, как видно, уже утратил. Распоряжался всем Борис Василькович. Он приказал псарям взять собак на поводки и оттащить от лосиных туш. Егерям было поручено с помощью слуг освежевать туши убитых животных и выбрать куски мякоти, чтобы зажарить здесь же, на костре.

Оставшуюся лосятину уложили в кожаные мешки, приторочив их к седлам, чтобы угостить тех, кто в охоте не участвовал.

После возвращения с охоты Александр Ярославич выразил желание побеседовать с княгиней Ксенией и ее дядюшкой, державшимся молча и обособленно. Пригласил и обоих братьев Васильковичей.

- Жаль, дочку свою не привезла, - обратился Александр Ярославич к Ксении.

- Нездоровится ей.

- Рано в таком возрасте поддаваться хвори, - Невский явно не верил в искренность княгини-матери.

- Разве хворь-то спрашивает нас, приставать ей к человеку или нет, - поддержал племянницу ярославский боярин.

- Собираешься Марью замуж отдавать?

- Как не собираюсь... Каждой матери хочется для чада родного счастья. И внучков нянчить хотелось бы.

- Так в чем же дело?

- Счастья дочери хочется: отдавать в чужие руки боязно.

Александр Ярославич пересказал княгине Ксении и ее дядюшке все, что слышал от Глеба Васильковича и с чем сам был согласен. Княжна

Марья Васильевна становится женой князя-изгоя и приносит ему в приданое ярославский удел. Стало быть, оба супруга будут княжеской четой. Новый князь войдет в семью ростовских Константиновичей, станет их названным братом. И у него не будет оснований осложнять отношений с местными боярами и князьями - соседями. И такая женитьба, возможно, исключит ханское вмешательство.

- Исключит ли? - с сомнением спросил ярославец.

- Пока я еще имею некоторое влияние в Орде, - убежденно ответил Невский. - Постараюсь выхлопотать ярлык на княжение для мужа Марьи Васильевны. Поверьте, это для всех будет лучше.

Последние слова были обращены к старому боярину.

- Наверное, лучше, - согласился он и сказал с усилием: - Мы долго думали, толковали меж собой... Наверное, ты, Александр Ярославич, и князь Глеб правы. Мы готовы принять сватов.

- А ты, Ксения? - спросил испытующе Невский.

- Готова, - согласно кивнула княгиня.

- Приедем с братом как сваты, - произнес Глеб.

- Сперва обговорим условия женитьбы. А потом привезете нам жениха. Посмотрим, что за птица, - сказал старый боярин.

- Из себя видный, статный, - убежденно сказал Борис. - Уверен, что невесте понравится.

- Коли договорились, решайте, когда приглашаете сватов, - сказал Александр Ярославич. - Я буду на свадьбе. Если не смогу приехать в Ярославль, буду в отъезде, то пришлю одного из братьев.

Старый боярин кивнул головой в знак согласия.

- Вопрос решен, - подвел итог Александр Ярославич. - Ждите сватов, ярославцы.

- Когда покажете нам жениха? - спросила княгиня.

- Договоримся во время сватовства, - ответил Борис. Он знал, что Федор Ростиславович жил в последнее время у одного из своих братьев, так и не договорившись с ними о выделении ему удела в Смоленской земле.

...Перед отъездом в свой стольный град Владимир Александр Ярославич собрал всех князей, находившихся в ту пору в Ростове, и обратился к ним с вопросом:

- Поведайте мне, други, что больше всего тревожит и осложняет вашу жизнь?

- Баскаки, - почти в один голос ответили князья. Угличский князь Андрей Владимирович даже не воздержался от непотребных слов в адрес

ханских людей. Перебивая друг друга, князья приводили случаи бесчинств и злоупотреблений. Ханские люди не ограничивались сбором предписанной ордынскими властями десятины, а всячески приумножали поборы в свою пользу. Нередко десятина удваивалась или утраивалась.

- Опасное положение складывается, - произнес Борис Василькович. - Народ негодует, возмущается поборами. Он смотрит на баскака как лютого врага, грабителя. Не дай Бог, начнется избиение ханских людей. Не удержать тогда людского гнева.

- Не удержать, - согласились братья Владимировичи.

- И у нас на Муромской земле кипят страсти, - сказал, вздыхая, Ярослав Святославич. - Приходит баскак в село за данью, жители покидают жилища, угоняют скот, прячутся по лесам.

- Все это может обернуться для нас тяжелым исходом. Бывало уже такое, - мрачно сказал Борис.

- Где видите выход, князья? - спросил Александр Ярославич.

- Вижу на сей вопрос лишь один ответ, - ответил Глеб Василькович. - Пусть хан удалит всех баскаков и отдаст право собирать десятину в руки самих князей.

- Согласен, - поддержал Глеба Борис.

- Легко сказать - удалить баскаков, - высказал сомнение Андрей Угличский. - Для ханских людей - это золотая жила. Возможность безнаказанно грабить русичей и обогащаться.

- Васильковичи правы, - убежденно произнес Александр Ярославич. - Вся Золотая Орда держится за счет грабежа покоренных народов. На сегодняшний день мы должны пытаться сдерживать этот грабеж. А где выход? Князь Глеб Василькович нам правильно подсказал. Повтори, Глебушка.

- Переложить сбор дани на плечи князей без участия ханских людей, - сказал Глеб. - Это принесло бы некоторое облегчение русичам, избавило бы от произвола баскаков, смягчило бы недовольство.

- Считайте, други мои, что белозерский князь высказал и мои мысли, - сказал Александр Ярославич.

- Но согласится ли Берке на отмену баскачества, - усомнился Андрей Угличский.

- Не знаю, - ответил великий князь. - Неисповедимы ханские намерения. Но убедить Берке я попробую. Под лежащий камень, как говорят, вода не течет. Но та же вода капля за каплей камень точит.

- Бог тебе в помощь, - проникновенно сказал Борис.

- Убедить хана все же попробую, - повторил Невский. - Пока что хан ко

мне хорошо относится. Всегда выслушивает, не прерывая: не со всеми он таков. Приведу ему свои доводы. Прямо так и скажу - большинство баскаков раздражают население. Если вспыхнет взрыв народного возмущения, польется кровь, и это будет не нужно ни тебе, хану, ни нам, князьям. Дай нам в руки право сбора десятины, отзови баскаков, и возмущения подутыхнут. Если же все оставить по-старому, не избежать кровопролития. Придется тебе, хан, посылать на Русь войска. А из похода не все воины возвращаются живыми. Надо ли это тебе? Опустошенная Русь принесет тебе меньше доходов, чем Русь мирная.

- Разумно рассуждаешь, - произнес уважительно муромский князь. Угличский Андрей опять засомневался:

- Поддастся ли увещеваниям Берке?

- Может и не поддастся. Он стареет и стал большим тугодумом. Быстрых решений не принимает. Но повлиять на него постараюсь. Не при Берке, так при его преемниках мы добьемся отмены баскачества.

Заговорили о другом. Александр Ярославич поделился известием из Киева. Посланцы главы русской православной церкви, киевского митрополита, посетили Золотую Орду и встречались с Берке. Хан вроде бы склоняется к тому, чтобы дать согласие на открытие в Сарай-Берке епархии и на строительство храма. Встречая посланцев митрополита, хан опять говорил о своей веротерпимости. Однако срока открытия епархии пока не установил: все ограничилось общими разговорами.

- Что еще вас волнует, князь, - обратился Александр Ярославич к собеседникам и, не дождавшись ответа, продолжал:

- Хан имеет обыкновение вызывать русских князей в Орду и принуждает их участвовать в своих походах против других народов. Обычно требует прибыть с военной дружиной.

- Знамо, - отозвался муромский князь. Ему пришлось участвовать в одном из ханских походов.

- Нужно ли такое участие русичам? - продолжал Александр Ярославич. - Нужно ли скрещивать мечи с народами, которые никогда не были твоими врагами? Ведь каждый такой поход будет стоить нам людских жертв.

- Коли ты можешь повлиять на Берке, убеди его избавить нас от участия в походах ордынцев, - сказал Глеб, перебивая Невского.

- Опредил ты меня, - укоризненно ответил Александр Ярославич. - Да, буду просить, убеждать хана, чтоб не принуждал русичей участвовать в походах и военных действиях против других народов.

...Отъезжающего Александра Ярославича во Владимир провожали

собравшиеся в Ростове князя, владыка Кирилл и все население города. В глазах народа великий князь Александр, победитель шведов и немцев, умевший ладить с ханом и не раз предотвращавший ордынские карательные походы, был воплощением героизма и мудрости. Владыка распорядился, чтобы великого князя провожали под колокольный звон. Он благословил Невского не традиционно, а обнял и расцеловал.

Вереница всадников, во главе которой скакал на белом жеребце сам великий князь, миновала городские ворота и вытянулась цепочкой по дороге. Лишь когда всадники скрылись из виду, ростовчане стали расходиться. По знаку Кирилла смолкли колокола собора и других городских церквей.

Вслед за Александром Ярославичем стали разъезжаться и участники его чествования. Первыми покинули Ростов двоюродные братья Васильковичей угличские князья Андрей и Роман Владимировичи. Ростов связывала с Угличем не ахти какая протяженная дорога по обжитой местности. Вслед за ними отбыла княгиня-мать Ксения с дядюшкой и небольшой свитой. Их водный путь до Ярославля был также коротким. Последним покинул Ростов муромский князь Ярослав Святославич, тесть Бориса Васильковича. Он пожелал провести несколько дней с дочерью Марьей, ростовской княгиней и малыми внучатами. Он очень сожалел, что единственным его чадом была дочь.

Борис с Глебом уединились в одной из комнат княжеских покоев, чтобы обсудить свои домашние дела.

- Что будем делать, сватушка? - спросил Борис младшего брата.

- Решай, сватушка, по праву старшего, - в тон ему ответил Глеб.

- Я так думаю... скоропалительно плыть в Ярославль вслед за Ксенией негоже. Надо выдержать приличествующее время.

- Ты прав, братец. Мы на ярославцев не давим. Предлагаем товар. А им, ярославцам, решать, гожд сей товар или не гожд. Но не будем слишком затягивать дело. Меня ведь ждут дела белозерские. Я и так загостился в Ростове.

Условились отложить визит в Ярославль на неделю. А тем временем сообщить Федору Ростиславичу о готовящемся сватовстве. Пусть приедет в Ростов, чтобы быть под рукой. И еще решили Васильковичи выработать программу сватовства.

- Тебе приходилось когда-нибудь выступать сватом? - спросил Глеб Бориса.

- Никогда не приходилось.

- Вот и мне тоже. Как же мы поступим?

- Очень просто. Подыщем сведущего в таких делах человека. И пусть он нас научит, как должен вести себя сват.

Нашелся один немолодой ростовский боярин, по имени Софрон, который не раз выступал в роли свата и, похоже, любил эту церемонию.

Софрон на протяжении нескольких вечеров рассказывал братьям, как должны вести себя сваты с родными невесты. Те же будут делать вид, что никак не догадываются, с какой целью появились сваты. Разговор должен вестись долгий, неторопливый. Можно вспоминать разные назидательные истории, если они имеют отношение к теме разговора. Когда все карты, как говорят, уже раскрыты, дело сватов нахваливать жениха на все лады.

- А не поехать ли тебе, Софронушка, с нами? - предложил боярину Борис. - Будешь нас поправлять, коли что не так.

- Коли я так вам полезен, князя... - нерешительно согласился боярин.

Перед отъездом в Ярославль братья испросили благословения владыки Кирилла. Сперва епископ хотел было сопровождать их, но потом от своего намерения вынужден был отказаться: ему нездоровилось. Торжественные службы в соборе в честь Невского утомили уже старого Кирилла. Ограничился напутственными словами к братьям.

Глеб вместе с Феодорой побывал у матери в монастыре. Игуменья встретила их словами:

- Как здоровье, Феодорушка? Когда порадуешь наследником?

Глеб перевел слова матери жене. И без перевода она поняла, о чем спрашивала ее свекровь, но затруднилась ответить. Поэтому ответил за жену муж.

- Будет, будет наследник. Пусть сперва получше поправит здоровье.

- Буду молиться за вас, чтобы во второй раз Феодорушка разродилась удачно и сына родила здоровенького.

- Молись, матушка.

- О чем я вас, мои родные, попрошу... Родится сынок, назовите его Михаилом. В память прадеда, князя Михаила Черниговского, великомученика убиенного.

- Назовем, как просишь, - ответил Глеб.

В Ярославль братья отправились с пышной свитой. В свите были старый боярин, дававший Борису и Глебу наставления по части сватовства, ростовский воевода Антип Евлампиев, еще несколько именитых ростовчан и дюжина воинов.

По дороге братья договорились, что после сватовства Глеб с женой возвратятся в свою вотчину, а Борис посетит Ярославль вторично, уже вместе с женихом, чтобы представить его невесте и невестиной родне.

Борис Василькович высказал сожаление, что брат не будет сопровождать его во второй поездке.

- Дела, дела ждут, братец, - ответил Глеб. - Один представишь Феодора. Покажи, что ты старший и среди братьев, и среди сватов.

Глава 12. ДЕЛА ЯРОСЛАВСКИЕ

Осень выдалась холодная, дождливая, ветреная. Некоторые деревья еще золотились осенней листвой, но большинство уже чернели голыми стволами. Глеб и Феодора укрылись в кабине дощаника, плохо согреваемой раскаленными углями в ящике с землей. Глеб Василькович бережно кутал жену в теплую баранью шубу, предусмотрительно взятую в дорогу.

Бросили якоря при впадении реки Которость в Волгу у Ярославля. Из-за дождливой погоды на берегу было пусто. Никто гостей не встречал, а шествовать в княжеские палаты без сопровождения братья посчитали неудобным. Поэтому Борис приказал десятнику из своей стражи отправиться в палаты и известить княгиню Ксению о прибытии гостей из Ростова.

Уже скоро к берегу Волги примчались несколько крытых повозок. Сватов встречали сама княгиня Ксения, один из ярославских бояр, ее родственник, и с ним несколько дружинников. Князь Борис встретил княгиню-мать приветливыми словами:

- Почел своим долгом, княгинюшка, нанести тебе ответный визит. Соседи все же и родня. Муженек твой покойный Василий и брат его Константин, последний ярославский князь, приходились нам с Глебом двоюродными братьями. Одна семья, одни корни.

- Верно говоришь, Борисушка, - отвечала Ксения. - Гостям завсегда рады, особливо родне. Вот с погодой не повезло. Холодно, слякотно.

- Что-то не вижу твоего дядюшки.

- По причине нездоровья остался дома. Вот зато другой дядюшка.

- Сколько же их всего у тебя?

- Много: всего семеро. Забирайтесь, гости, в повозки, чтобы не промокнуть. Кто еще с вами?

- Мы с братом Глебом, его жена, именитые люди Ростова, Антип Евлампиев, воевода и Софрон, боярин.

После короткой трапезы, к которой была приглашена и молодая княжна Марья, Борис Василькович предложил:

- Давайте теперь, соседушки, потолкуем не спеша о наших делах. Соседям и родичам всегда есть о чем потолковать.

- Дело хорошее предлагаешь, князь Борис, - отозвалась Ксения, отослав Марью. - Разговор наш будет деловой, доченька, тебе совсем

неинтересный. Займи княгиню Феодору. Покажи ей свои вышивки.

Когда Марья и Феодора вышли из трапезной, Ксения пригласила гостей и нескольких своих родичей, дядьев и братьев, в парадный зал. Там все расселись по старшинству за длинным столом.

- Решили вот нанести ответный визит ярославской родне, - начал Борис и запнулся. Продолжил за него Глеб, более речистый и находчивый.

- Ходят слухи, у вас имеется товар хороший. У нас нашелся бы покупатель, человек положительный, стоящий.

- О каком товаре говоришь, князь, - тоном непонятливого простака произнес один из родичей Ксении. - Разве мы купцы, чтобы толковать о купле-продаже?

- Вестимо, не купцы, а достопочтенные бояре, - ответил Глеб. - У вас в клетке завелась птаха-горлинка. Выпустите ее на волю, чтобы добрый молодец смог ее поймать в свои сети.

Софрон поощрительно улыбнулся, довольный тем, как князь Глеб усвоил его наставления. Ксеньин родич продолжил словесную игру:

- О какой горлинке толкуешь, князь? Разве у нас здесь птичник. О каком добром молодце идет речь?

- А ты сообрази, о какой горлинке толкую. Оглянись вокруг и увидишь ее. А добра молодца мы вам покажем...

Еще долго сваты говорили с невестиной родней иносказаниями и намеками, пока князь Борис не прервал эту игру словами:

- Давайте ближе к делу, други. А то мы здесь до второго пришествия сидеть будем.

- Какое же дело у вас, князь? - спросила Ксения.

- Сватовство. Вот какое дело, - ответил Борис, начиная раздражаться.

- Добро пожаловать, сватушки, - нарочито громко и нараспев протянула Ксения. - Конечно, ждали мы сватов. Невесту вам показали, что скажете про нее?

- Мила твоя доченька, ликом красива, - ответил Борис. - Вот только худощава, но телеса дело наживное.

- Невеста зело пригожа, - поддакнул брату Глеб.

- А что вы скажете нам о женихе? - спросил один из дядьев.

- Жених Федор Ростиславич из рода смоленских князей, потомок Ростислава Владимировича, сына Владимира Мономаха, - начал рассказывать Глеб. - Нам он приходится весьма дальним родственником, как говорится, седьмая вода на киселе. Так что церковь не станет препятствовать женитьбе Федора на ярославской княжне. Вы знаете, что Рюриковичи разветвились на множество ветвей, которые теперь отошли

друг от друга до дальней степени родства. Поэтому мы имеем много примеров, когда Рюрикович женится на княжне из другой ветви Рюриковичей.

- А каков из себя этот Федор? - спросил кто-то.

- Высок, статен, в плечах широк. Ликом красив, черняв, должно, в мать.

- Кто она? Тоже из рода Рюриковичей?

- Нет, какая-то смоленская боярышня.

- И Федор рассчитывает получить в приданое за невестой ярославский стол?

- Естественно, - категорично ответил Борис.

- А не устроило бы его такое... Княгиней остается Марья Васильевна, а Федор становится при ней супругом.

- Такое не традиционно, - возразил Глеб.

- Не скажите. Сын Андрея Боголюбского Юрий женился на грузинской царице Тамаре, но не получил престола Грузии. Он оставался только мужем царицы, а правила страной она.

- Нам этот пример не гож, - возразил Глеб. - Грузинская царица в конце концов не ужилась с Юрием Андреевичем и прогнала его. Мы даже не знаем, где и как кончил жизнь этот неудачник.

- Дело не только в этом: хан Берке никогда не даст ярлыка на княжение женщине, - добавил Борис.

- Борис Василькович прав, - согласилась с ним Ксения. - Пример царицы Тамары нам не годится.

Больше возражений со стороны княжеской родни не последовало. Княгиня-мать высказалась в заключение:

- Чтобы молвить вам, сватушки, наше окончательное слово, мы должны увидеть жениха. Понравится ли он нам, а главное, понравится ли невесте. Если да, свадьбу сыграем после Великого поста и Пасхи.

На следующий день повторился разговор за большим столом. Уточнялись детали. Пригласили и невесту.

- Это сваты, Марьюшка, - сказала дочери княгиня. - Хочешь ли ты замуж?

Марья зарделась от смущения и ничего не ответила.

- Хотела бы жениха посмотреть, чтобы знать, кто к тебе сватается? - снова обратилась к дочери княгиня-мать.

- А он красивый? - наивно спросила Марья.

- Сваты говорят, красивый, видный. Тебя малость постарше. Давай на слово не поверим, а убедимся своими глазами.

- Коли прикажешь, матушка, готова взглянуть на жениха.

- Вот и хорошо. Привозите, сваты, к нам Федора.

На том и завершился визит. Борис возвратился в Ростов, чтобы встретить там Федора Ростиславича, рассказать ему о сватовстве. А Глеб Василькович, распрощавшись с братом, отправился вместе с женой в свой удел.

Плыть с Белоозера против течения по Волге и Шексне было трудно, тем более что встречный ветер был резким, порывистым. На поверхности воды вздымались гребни волн. Гребцы, налегая на весла, быстро уставали и вынуждены были часто менять друг друга. С продвижением на север пожелтевших деревьев, еще не сбросивших листву, становилось меньше. Только ели по-прежнему зеленели яркой хвоей.

У встреченного прибрежного села Глеб дал команду подойти к берегу и бросить якорь.

- Отдыхаем, - сказал он спутникам, те поспешили разжечь костры, чтобы согреться у огня.

Глеб припомнил это село, в нем ему довелось бывать, объезжая пределы княжества. Это был волостной центр с церковью и двумя десятками изб. Среди них выделялись два дома, украшенные резными наличниками и крыльцами-гульбищами. Один принадлежал местному тиуну, другой священнику.

Глеб Василькович выбрал дом священника, окруженный хозяйственными постройками, и отправился туда, сопровождаемый княгиней Феодорой и Григорием Меркурьевым. Священник, плотный невысокий человек средних лет с клинообразной бородкой, встретил князя и его спутников, шумно высказывая свой восторг.

- Батюшка, Глеб Василькович... Радость-то какую великую нам принес. Порадовал и утешение принес в бедах наших.

- Какой я тебе батюшка, - остановил его Глеб. - Ты сам батюшка.

- Вестимо... Для прихожан я батюшка.

- Дозволь погреться у тебя. Погода...

- Осчастливь нас, княже.

В доме священника было тепло, в печи потрескивали березовые плахи. В отличие от курных крестьянских изб, его жилище отапливалось печью с дымоходом. Когда Глеб и его спутники вошли, дом был наполнен невообразимым гвалтом. Его создавала куча ребятишек разных возрастов.

- Цыц, злыдни. Сгиньте, - прикрикнул священник. Детвора попрыгала за занавеску и притихла.

- Прошу, гости дорогие, к столу, - сказал, суетясь, священник. Не

взыщите, коли что не так. Богатыми закусками угостить не смогу. С такой оравой живем скромно. Да и приход наш не из богатых. А молочка горячего предложу. Попейте с дороги. И медку. У меня своя пасека.

- От горячего молока с медком не откажемся, - ответил Глеб. - Давно ли служишь на приходе, отец... как тебя.

- Зосима. Зосимой нарекли. А приход я получил не слишком давно. Я ведь приказчиком у купца служил. Много странствовал с товарами по поручению хозяина: и в Новгород, и в Вологду, и в Устюг ходил. А в зимнее время, когда дальние мои хождения прекращались, пел на клиросе. Бывало, старого причетника подменял, когда тот хворал. В грамоте-то я был горазд. Какой же приказчик неграмотный?

- Как же ты из приказчиков Божьим пастырем стал? - поинтересовался Глеб.

- А вот так... Это было в ту пору, когда владыка Кирилл и княгиня Марья Михайловна с детками во время нашествия Батыги укрывались на Белоозере. Услышал как-то владыка, как я читал акафист и тропарь, и пригласил меня для беседы. Испытал мои знания в Священном Писании, проверил грамотность и говорит: «Послужить бы тебе пастырем в храме Божьем. Хочешь?» - «А почему бы не хотеть, отвечаю. Я человек грамотный, богомольный, с церковной службой знаком». Рукоположил меня сперва в диакона, потом во священника.

- С тех пор и служишь в здешнем приходе?

- С тех пор и служу. Здешний-то батюшка к тому времени помер, упокой душу раба Божьего Якова.

Молодой парень с едва пробивающимися усами над верхней губой, поразительно похожий на Зосиму, поставил на стол большие глиняные кружки с горячим молоком и тарелку с медом.

- Сынок?- спросил Глеб священника, указывая на парня.

- Старшенький. Помогает мне за пономаря. Грамоте его обучил.

- А почему с хозяйкой не познакомил?

- На сносях она. На последнем месяце ходит. Стесняется выйти.

- Сколько же всех деток у тебя?

- Бог не обидел. Живых девять.

- Молодец, отче. А старшего пошли на Белоозеро. Пусть определится в учение к игумену Иринею. Он школу создает. Подбирают грамотеев, чтобы выучить их на пастырей. Как звать-то тебя, парень?

- Викентий.

- Хотел бы ты учиться у отца игумена, изучать каноны церкви, Священное Писание, жития великих святых, правила богослужения?

- Как батюшка прикажет, - ответил Викентий.

- Князь тебе великую честь оказывает, - сказал священник сыну. - Слышь, Викешка?

- Можем взять тебя с собой, коли быстро соберешься, - сказал Глеб.

- А как же храм останется без пономаря. Я же еще и звонарь.

- Не твоя забота, сынок. Корней заменит, - ответил священник и пояснил: - Это мой второй. Всего-то помоложе Викешки на полтора годика.

Глеб Василькович спросил про здешнего тиуна, но того на месте не оказалось. Уехал в дальний край волости.

Село носило весяньское название «Карговесь». Весяньские названия сел или деревень с окончанием «весь» (Луковесь, Череповесь и др.) в белозерском крае встречались часто. Они указывали на весяньское происхождение. От священника князь Глеб узнал, что в его приходе примерно половину населения составляли русичи, а другую половину - народ веси и полукровки. Берега реки Шексны в среднем ее течении считались местом бойком, заселенным. Почти все весяне прилично говорили по-русски, а многие русичи, особенно те, кто был женат на весяньках, понимали язык веси. Здесь выработался свой своеобразный диалект языка русичей с большой примесью слов из языка весянь. Здешний тиун был когда-то десятником в белозерской военной дружине, еще до того времени, когда Глеб Василькович появился здесь в качестве удельного князя. Преследуя по реке Суде шайку новгородских ушкуйников, грабивших местные поселения, десятник был серьезно ранен. По ранению он был вынужден оставить службу в военной дружине. Преподобный наместник Белоозера, ставший теперь иноком, определил его за заслуги волостным тойоном. Волость состояла из четырех приходов.

- Много ли, отец Зосима, в твоём приходе грамотеев? - поинтересовался Глеб.

- Не скажу, что много. Трое певчих при храме. У тиуна писец зело грамотен. Еще человека два-три на селе, и отдельные грамотеи встречаются по деревням.

- Учи грамоте прихожан, отец Зосима, особливо молодежь. Я тебе кое-что привез полезного. Сбегай, Гриша, на дощаник. В моей кабине найдешь большой кожаный мешок. Притащи его сюда, - приказал Глеб Меркурьеву.

Григорий Меркурьев быстро вернулся с увесистым мешком. Глеб Василькович извлек из мешка стопку рукописных книг, исписанных четким почерком ростовских писцов. При отъезде из Ростова владыка Кирилл снабдил белозерского князя новыми книгами.

- Вот, отец Зосима, это для твоего храма, - сказал Глеб Василькович

священнику. - Книги - свет знаний и мудрости. Здесь Библия, молитвенники, творения отцов церкви, былины о русских богатырях, летописи. В них история нашего народа. Читай сам, давай читать прихожанам. Пусть люди просвещаются. И учи грамоте тех, кто способен осилить сей луч разума. Человек, не разумеющий чтиво, подобен слепцу, блуждающему в потемках.

- Спасибо тебе, князь, - сказал растроганно отец Зосима. - Мое собрание книг при храме пока скудно. С радостью пополню его твоими дарами.

- Не меня благодари, а владыку Кирилла. Ученый человек, великий книжник.

Расставаясь с отцом Зосимой, Глеб протянул ему пригоршню серебряных монет.

- Это на храм тебе, отче.

Князь Глеб и его спутники продолжили свой путь вверх по Шексне. На исходе плавания на низменном берегу реки показались шпили башенок княжеских палат и луковичные купола соборной церкви, а потом и длинная вереница строений, растянувшаяся по берегу, купеческие хоромы, амбары, лавки, церквушки, мастерские ремесленников, жилища. К берегу прижимались дощаники, лодки, баркасы, плоты, расположившись на зимовку. Не сразу удалось найти свободное место у берега, куда можно было приткнуться.

Тем временем на берегу собирались белозерцы. Впереди рослый, в черной рясе, игумен Иринея, рядом с ним Власий Григорьев, знакомые купцы.

- Вот мы и дома, - радостно произнес Глеб Василькович, спускаясь на берег по шаткому трапу и подавая руку Феодоре. Принял благословение игумена Иринея, приветливо помахал рукой толпе...

Зима наступила ранняя и снежная с обильными снегопадами. Реки и озера сковал крепкий лед. Если выбирался досуг, князь Глеб отправлялся охотиться на куропаток. Стайки белых куропаток слетались на проезжую дорогу и копались в конском навозе, выискивая непереваренное зерно. Куропатка птица не пугливая, подпускает к себе человека близко. Остается только прицелиться и выпустить стрелу. Домой Глеб обычно приходил с богатой добычей.

Однажды морозным зимним утром Глеб Василькович был удивлен прибытием неожиданных гостей. Перед княжескими палатами остановилась пара коней, впряженных в сани-розвальни, сопровождаемые

несколькими всадниками.

Стражник у парадного крыльца остановил было прибывших. Но из розвальней поднялся князь Борис Василькович.

- Доложи князю, брат, мол, погостить приехал. Встреча братьев была теплой: обнялись, облобызались.

Борис заговорил приветливо:

- Ты не раз навещал нас в Ростове. А я вот никак не мог собраться нанести тебе ответный визит. Есть для тебя новости.

- Заходи в палаты, братец. С какими новостями?

- Дойдем и до новостей. Сперва разоблачусь. И распорядись, чтобы моих спутников обогрели и накормили.

- За этим дело не станет.

Глеб вызвал Власия и распорядился, чтобы тот занялся спутниками брата.

Борис скинул тяжелую шубу и верхний кафтан, доходивший почти до колен, прислонился спиной к изразцовой печи, чтобы отогреться, и заговорил:

- Визит мой к тебе, братец, связан с двумя целями. Во-первых, хочу поставить тебя в известность о делах ярославских. Представил я жениха, Федора Ростиславича, ярославцам. Держался он тихо, смиренно, больше помалкивал, слова лишнего не молвил. Думаю, что это была его внешняя личина. А Федор отнюдь не прост, ох как не прост. Себе на уме мужик, властолюбив и ходить на поводу у бояр не станет. Но рта до поры до времени не раскроет. Это я своим нутром почувствовал. А невесте жених понравился: это по всему было видно. Бояре его, видать, не раскусили и препятствовать свадьбе не намерены.

- Поздравляю, братец, с успехом нашего дела. О сроках договорились?

- Договорились. Свадьба будет сыграна весной, после Великого поста и Пасхальной недели, как обычно заведено. Приезжай к тому времени в Ярославль.

- Как себя чувствует владыка Кирилл? Готов обвенчать молодых?

- Плох наш владыка. Одряхлел. Жалуется на слабость в ногах. Все же попытается собраться с силами и приехать в Ярославль.

- Дай Бог ему сил и здоровья. Ты сказал о двух целях визита ко мне.

- А вторая цель проста. Захотел тебя повидать, братец, и вместе с тобой поохотиться. Псарню-то большую держишь?

- Да нет у меня никакой псарни. Держу лишь четырех псов, хватит и их. Летом стреляю уток, зимой куропаток.

- А на крупного зверя не ходишь?

- Редко.

- А я любитель медведя, лося, кабана. Ты сам был участником нашей охоты на лосей. Бывает, крупный зверь портит посадки. Земледельцы приходят ко мне с жалобой, просят помощи. Тогда я подымаю моих дружинников, чтобы проучить зверя.

- Могу пригласить тебя, братец, на куропаток. Развилось их...

- Ты бы еще на воробьев поохотиться предложил. Разве это княжеская охота?

- Чего ж хочешь, братец?

- Хотел бы обложить медвежью берлогу.

- Для тебя найдем берлогу. В селе Карголоме, что к западу, народ жалуется. Медведи потравили посевы, задрали двух коров и даже подходили к избам.

- Поможем карголомцам избавиться от сей напасти, - весело воскликнул Борис Василькович. - Составишь компанию?

- Ради тебя, братец...

Глеб послал человека в село Карголом, расположенное невдалеке от города на южном берегу Белого озера, чтобы собрать необходимые сведения. Местные жители, занимавшиеся охотой, могли указать, где появились медведи и где, скорее всего, они могли залечь в зимнюю спячку.

А Борис тем временем захотел посмотреть Глебовых собак. Три кобелька были лайками, не отличающимися от обычных собак этой породы, коренастыми и длинношерстными рыжеватой масти с лисьими мордочками. А четвертый отличался более крупными размерами и длинными лапами. Не собака, а скорее волк. Только морда напоминала, как у всех лаек, лисью.

- Откуда сие чудо? - спросил Борис, указывая на странного пса, державшегося, впрочем, миролюбиво.

- Откуда? Это занятная история. Принесли мне как-то из леса волчонка. Худой, заморенный, ребра торчат. Выкормили его, выходили. Молодой был, вроде вполне добродушного характера, даже ласкового. А повзрослел, стал лютым зверем с волчьими повадками, зубами щелкает, покусал одного, другого. Особенно мой повар пострадал. Пришлось приказать моим дружинникам пришибить зверюгу. А зверюга перед этим успел свое мужское дело сделать. У одного дружинника сучка оценилась такими вот ублюдками. Не собака и не волк. Пока смирно себя ведет, характер материнский усвоил.

- Любопытно.

Борис с интересом разглядывал эту помесь волка с собакой, гладил.

Животное миролюбиво уткнулось в колени гостя.

Стали советоваться насчет подарков, какие следовало бы приподнести молодым в день свадьбы.

- Что думаешь подарить? - спросил Глеб брата.

- Невесту хотелось бы одарить песцовой шубой. Да песец редко встречается у ростовских купцов.

- Зато найдешь песца у нас. Новгородские купцы везут его с севера. Зима наступила ранняя и некоторые из купцов с добычей застряли на Белоозере. Познакомлю вас и будет у тебя отменный песец.

- И скорняк найдется?

- Первостатейный. А что жениху?

- Хотелось бы кинжал. В дорогих ножнах с драгоценными камнями.

- Неплохая задумка. А я хочу заказать для Федора кольчугу с серебряным нагрудником. А что невесте - пока не надумал.

- Подари янтарные бусы.

- Бусы из янтаря дарил жене. Не хочу повторяться.

- Если не янтарное ожерелье, подари парчовый пояс, украшенный изумрудами или яхонтами.

- Подумаю.

- Своди-ка меня к купцам, - попросил Борис. Прошлись по торговым рядам, зашли к оружейнику. Борис присмотрел роскошный кинжал в серебряных ножнах, украшенных гравированным узором и драгоценными камнями.

- Восточной работы вещица, - убежденно сказал Глеб.

- Откуда ты знаешь, что восточной? - спросил его Борис.

- Такой кинжал мне хан подарил к женитьбе.

У купца, торговавшего пушниной, можно было купить и песцовые шкурки. А с мастером-скорняком князь Борис повел переговоры о пошиве шубы.

- Сошьешь добрую шубу из песца на подкладке? - спросил Борис Василькович.

- Почему не сшить? - ответил с достоинством скорняк. - А на кого шить?

- На молодую невесту не слишком высокого роста.

- Покажите мне ее, чтоб в размерах не ошибся.

- Вот этого не могу сделать: невеста в Ярославле.

- Тогда выбери девицу такого роста, как невеста, и приведи ее сюда.

- Хорошо.

Девушка невысокого роста, и даже лицом похожая на ярославскую

невесту, нашлась среди княжеской челяди. Ее и привели к скорняку, который снял размеры.

От скорняка зашли к кольчужному мастеру, трудившемуся с двумя сыновьями-подмастерьями. Подмастерья изготавливали металлические кольца, а мастер собирал их вместе в плотную сеть, составлявшую горизонтальные ряды. Так делалась кольчужная рубаха, защищавшая воина от удара мечом или копьем. Мастер пожаловался князьям, что его продукция пользуется малым спросом и поэтому дает мало дохода.

Вся постоянная дружина белозерского князя Глеба Васильковича состояла из пятидесяти человек. Он противился дальнейшему увеличению, так как считал это обременительным для княжества.

Кольчужными рубахами были снабжены менее половины дружинников, только десятники и воины передней шеренги. Изготовление одной кольчуги обходилось дорого, а князь Глеб был бережлив, если не сказать скуповат.

- Изготовишь кольчугу с красивым нагрудником? - спросил Глеб.

- Конечно, батюшка, - угодливо ответил мастер. - Укажите только на кого изготовить?

Глеб приказал Григорию Меркурьеву выстроить на площади перед княжескими палатами всю белозерскую дружину. Выйдя с Борисом на площадь, он обратился к брату.

- Кто, на твой взгляд, из моих дружинников ростом с Федора?

- Пожалуй, вот этот, длинный, что слева, - ответил, подумав, Борис.

- Гриша, веди мне вон того, долговязого, - приказал Глеб воеводе.

- Точно, Федор такого роста, - сказал Борис, вглядываясь в рослого дружинника. - Только пошире в плечах.

По росту и заказали кольчугу кольчужному мастеру.

Затем Борис Василькович все-таки вытащил брата на медвежью охоту.

С помощью собак отыскали берлогу, подняли молодую медведицу и удачно убили копьями. После долгих поисков обнаружили в глухом ельнике вторую берлогу. В ней оказался крупный и, как видно, старый медведь. Борис хотел было взять зверя на рогатину, но тот не поддавался: никак не хотел подняться на задние лапы. Зверь, угрожающе рыча, двигался на людей. Сильным ударом лапы он вышиб рогатину из рук егеря, другим ударом лапы отбросил далеко в сторону собаку. Другие псы почувствовали в медведе грозную силу и не решались нападать, а лишь оглашали лес яростным лаем.

- Бей копьями! - подал команду Борис.

Одновременно четыре копыя вонзились в медвежью тушу.

После недолгого пребывания в гостях у брата Борис Василькович вернулся к себе в Ростов, еще раз напомнив Глебу, чтобы тот прибыл в точно установленное время к свадьбе Ростиславича.

- Привезешь песцовую шубу. Скорняка не торопи. Пусть трудится тщательно. Работу я оплатил вперед.

После отъезда брата с Глебом Васильковичем произошло знаменательное событие. Однажды князь посетил кольчужного мастера, чтобы справиться, как идет работа, и, возвращаясь, встретил на северной окраине города Феоктиста. Того самого немолодого волжанина, с которым познакомился на Сухоне при рытье канала.

- Как живешь, Феоктистушка?

- Твоими молитвами, князь, - ответил Феоктист неопределенно.

- Давненько тебя не видел.

- И не мог видеть. Я теперь перебрался из города на погост Кинсема, что на северном берегу озера.

- Что тебя заставило перебраться?

- Дела семейные.

- Женился, что ли?

- Точно угадал, княже. Одному без хозяйки, с детьми малолетними тягостно.

- А почему не захотел на Белоозере остаться?

- Жена молодая с норовом оказалась. Захотела остаться в Кинсеме, меня уговорила перебраться к ней.

- Да кто она такая, чтобы тебе условия ставить.

- Весянка. Из себя пригожа. Какие-то распри с родителями получились, покинула их и перебралась к вдовой тетке. А мне все равно, где трудиться, хлеб свой насущный добывать. Я теперь рыбаком заделался. Местные рыбаки меня в свою ватагу взяли.

- А как зовут-то твою весянку?

- Василиса.

- Василиса? - непроизвольно воскликнул Глеб, подумав: «Она, все совпадает. Значит, жива моя Василисушка, не наложила на себя руки. Феоктист уловил растерянность Глеба и спросил испытующе:

- О чем-то напомнил?

- Да нет. Запоминающееся имя. Представь, в одной семье вдруг оказываются Василий и Василиса.

- Никогда не встречал такого совпадения.

Глеб, сказав Феоктисту что-то незначительное, зашагал прочь. И не удержался, чтобы не оглянуться. К рыбаку подходила легкой быстрой

походкой молодая женщина. Никакого сомнения не было - Василиса. Глеб узнал ее не только по походке и по гибкой фигуре, но еще и по сафьяновым сапожкам, которые когда-то подарил ей. Теперь она жена пожилого, обремененного детьми рыбака из селения Кинсема на северном побережье Белого озера. Предание говорит, что первоначально город Белоозеро находился там, на месте этого селения. Там же была резиденция окутанного легендами и домыслами князя Синеуса с дружиной.

Дай Бог Василисушке счастья с Феоктистом, человеком, как видно, непростым, ершистым, много в жизни испытывавшим. Знает ли он об их прежних отношениях? Вряд ли, конечно.

Князь Глеб вспомнил о своих намерениях посетить селение Кинсему. Его давно интересовали предания о прежнем местонахождении города Белоозера. Старожилы утверждали, что невдалеке от этого селения находился варяжский городок, от которого не осталось никаких следов. Там якобы обитала дружина князя Синеуса. А бывает, волны Белого озера выбрасывали здесь разные предметы: кусочки стекла, глиняные черепки. Следы жизни людей прежних веков.

- Не поеду в Кинсему, - сказал мысленно князь Глеб. - Нельзя, негоже смущать Василисушку. Дай Бог ей счастья...

На исходе зимы Глеб Василькович задумал совершить поездку в волость, которую он так искусно упрятал от взора дотошного баскака. Ехал в легких санках, сопровождаемый четырьмя конными дружинниками. Путь лежал по северному побережью Белого озера, где часто попадались села и деревушки.

Вот и волостное село Кинсема: десятка полтора дворов и скромная церковь, увенчанная луковичным куполом на коньке крыши. Миновали Кинсему, не делая здесь остановки. И все же, помимо своей воли, Глеб вглядывался в ломаную шеренгу невзрачных изб - не появится ли? Не появилась. Село осталось позади.

Когда проходил ледоход, открывалась глубокая и многоводная река Кема, доступная в нижнем течении для речных судов с глубокой посадкой. Такой она была верст на двадцать. Выше река сужалась, мелела, становилась неудобной для плавания из-за мелей и перекатов. Теперь же, в зимнее время, скованная льдом река становилась удобной проезжей дорогой. По ней Глеб Василькович и его спутники добрались до большого села Кемского с населением наполовину русским, наполовину весянским.

Среди построек села выделялся небольшой деревянный храм, возведенный в традициях северного церковного зодчества. Постройка была щедро разукрашена резными карнизами. Подкупольный барабан украшали

главки с куполами, центральная поболее и четыре меньших размеров.

Князя Глеба и его спутников принял тиун Кемской волости, молодой, но какой-то бесцветной внешности человек. Оказалось, что мать его была весянской, сам он более походил на мать, чем на отца, русского. Тиуном был и его отец, внезапно скончавшийся. В то время Глеб был в отъезде, и замещавший его управитель княжества распорядился, чтобы сын покойного, человек грамотный, заменил отца.

По распоряжению князя тиун пригласил приходского священника Дионисия, приходившегося тиуну родным дядей. Как отец Дионисий, в просторечье Денис, стал священником и получил приход, было обычной историей. При старом священнике он пел на клиросе, подменял, бывало, причетника, женился на поповне и унаследовал приход, когда тесть его совсем одряхлел и не мог больше служить.

От священника Глеб узнал, что в волости всего два прихода и еще около десятка сельских часовен. Небольшие деревушки и выселки рассеяны по всему течению реки Кемы и ее притоков. В соседнем приходе служил немолодой священник, отец Ипполит.

Глеб Василькович не поехал в другое приходское село, а распорядился, чтобы тиун вызвал отца Ипполита в волостное село.

Когда прибыл отец Ипполит, Глеб пригласил обоих священников для беседы. Начал с того, что подарил каждому по стопке богословских и светских книг.

- Украшайте ваши храмы книгами. И просвящайте прихожан, - произнес Глеб. - Много ли среди них грамотеев?

Грамотеев оказалось совсем немного, меньше, чем в приходах на Шексне. Значительную часть прихожан составляли весяне, вообще не владевшие грамотой.

Оба священника в один голос пожаловались, что два прихода на такой обширный район, протянувшийся вдоль течения реки Кемы, маловато. Два храма не в состоянии окормить все население обширной волости. Отсюда и язычество чувствует себя вольготно. Язычник охотнее посетит свое капище, нежели храм Божий.

- Какой вы ждете от меня помощи, отцы?

- Еще бы один приходский храм возвести на Кеме, - высказался отец Ипполит.

- А еще лучше бы два, - поддержал его отец Дионисий.

- Передам ваше пожелание владыке и его викарию, игумену Иринею.

Возвратившись в Белоозеро, князь Глеб стал готовиться к весеннему плаванию в Ярославль. Приказал корабелам отделать на дощанике свою

кабину дубом и устроить надежный очаг, обновить помещения для свиты в трюме, изготовить новые паруса. Вниз по течению Шексны и Волги можно было идти под парусами.

Портной Каллистрат получил задание обновить княгине Феодоре парадные наряды, чтоб на свадьбе белозерская княгиня была не хуже других гостей.

А в Ростове все более и более поддавался старческим хворям епископ Кирилл II. У него почти совсем отнялись ноги, и он не мог продолжительное время совершать службы. Приходилось прерывать ее, передавая соборному протопопу. Поддерживаемый под руки служками, владыка удалялся в алтарь и там опускался в приготовленное для него кресло.

Как ты, владыка? - участливо спрашивал его иногда князь Борис. - Сможешь ли отправиться со мной в Ярославль и обвенчать молодых?

- Попытаюсь, - отвечал неопределенно Кирилл. А архимандрит Игнатий, настоятель ростовского Богоявленского монастыря, внушительно говорил:

- Не утруждал бы себя. Сердце кровью обливается, как вижу твои страдания. Это старческое: ничего не поделаешь.

- Наказание Божие за мои грехи, Игнатушка.

- Полно, владыка! Много ли ты грешил? Все бы столько грешили...

- Не утешай... Князя Василька не уберег...

- Сие от тебя не зависело. Дозволь мне вместо тебя в Ярославль отправиться, коли тебе не вмоготу поездка. Обвенчаю Федора с княжной Марьей.

Архимандрит Игнатий был, по сути дела, вторым лицом в церковной иерархии Ростова. Он определенно хотел занять епископскую кафедру, когда Кирилл уйдет из жизни.

Готовились к поездке в Ярославль и ростовский князь Борис Василькович с женой Марьей Ярославной. С ростовской княжеской четой должен был прибыть и жених, Федор Ростиславич.

Прошла Пасха. Князь Глеб Василькович вместе с княгиней Феодорой выехали со свитой водным путем в Ярославль. В княжьей свите были Власий Григорьев и портной Каллистрат, который занял положение княжьего приближенного. Жена Каллистрата Анна не могла сопровождать мужа, так как должна была скоро родить. Год тому назад она уже разрешилась сыном, названным Прокопом. В качестве служанки для жены князь Глеб взял другую женщину, приходившуюся женой одному из

дружинников, Агриппину, или Пину.

В Ярославле тем временем собирались гости, пожелавшие быть участниками торжеств. Андрей Владимирович Угличский не смог прибыть из-за болезни. Вместо него прибыл младший брат Роман, который фактически управлял Угличем из-за тяжелой болезни бездетного Андрея. Великий князь Александр Ярославич, занятый своими делами, прислал вместо себя костромского князя Василия Ярославича.

За день до назначенного дня свадьбы прибыли в Ярославль Борис Василькович с женой и женихом. Владыка Кирилл до последнего момента надеялся сопровождать ростовского князя. Но при восхождении на дощаник он почувствовал себя плохо. Сопровождавшие его монахи подхватили владыку под руки и вынесли на берег. Тогда Кирилл подозвал к себе архимандрита Игнатия и сказал с горечью:

- Видать, не судьба... Благословляю тебя, Игнатий. Поезжай вслед за князем Борисом в Ярославль.

Прибыл в Ярославль и незваный гость, баскак владимирский Амраган, державшийся сдержанно и высокомерно. Он возглавлял всю иерархию баскаков и молодых ханских чиновников на Руси. Себя называл ханским родственником. Так это или нет, было неизвестно.

Баскаки не ограничивались сбором дани, так называемой ханской десятины. Они, особенно сам великий баскак, вмешивались во внутренние дела княжеств, в княжеские усобицы. Великий баскак и подчиненные ему малые баскаки зорко следили за поведением князей, вступали в их распри и докладывали обо всем хану.

Глеб Василькович, усвоивший уроки князя Александра Невского, при встрече с великим баскаком заговорил льстиво:

- Рад встречи с тобой, Амраган.
- Что же тебя так радует, князь?
- Говорят, ты ханский родственник. Так и я великому Берке прихожусь внучатым племянником по жене.

Амраган хмыкнул и ничего не ответил. Держался он надменно и не был расположен поддерживать разговор. Глеб все-таки решил продолжать.

- Порадуй меня, достопочтенный Амраган.
- Чем еще могу порадовать тебя?
- Позволь мне по родственному сделать тебе небольшой подарок.
- Не мне делаешь подарок. Великому хану, поскольку все мы служим ему.

- Правильно говоришь. Все мы служим великому Берке, ставшему мне отцом. Прими от меня вот эту малость.

Глеб протянул баскаку серебряную шкатулку, украшенную рельефным узором и драгоценными камнями.

- Твоих мастеров работа? - спросил Амраган, принимая шкатулку.

- Господь с тобой. В моем бедном княжестве не добывают серебра. И нет искусных мастеров, которые сумели бы изготовить такую шкатулку. Приобрел у новгородского купца.

- А ты, князь, свободно говоришь по-нашему. Великий баскак снова хмыкнул, и на этом разговор закончился.

Забегая вперед, скажем, что присутствие баскаков на Руси продолжалось недолго. После известий о великом баскаке Амрагане летописи перестают упоминать о баскачестве. Князья сами стали собирать с населения дань и отсылать ее в Золотую Орду. Этого добивался великий князь Александр Ярославич Невский. Но удаления баскаков он при жизни не смог добиться. Это произошло позже.

В день венчания в Ярославле появились еще два гостя, братья жениха из рода князей смоленских. Отношения Федора Ростиславича с братьями оставались натянутыми. Хотя Федор из приличия и пригласил братьев на свадьбу, они до последнего момента колебались - принимать приглашение или нет. В последний момент все-таки приняли.

Венчание молодых происходило в главном городском соборе. На венчание допускались только именитые гости: приезжие князья, бояре и воеводы, богатое купечество. Помещение собора застелили коврами, гости облачились в парадные платья. Венчал молодых архимандрит Игнатий в сослужении всего ярославского духовенства. Ожидали, что в роли посаженного отца выступит Алексанр Ярославич Невский. Пришлось выступить в этой роли Василию Ярославичу Костромскому.

Невеста Марья Васильевна рядом с рослым женихом выглядела совсем ребенком. Возникло затруднение, когда два участника свадебной церемонии должны были поднять над головами врачующихся свадебные венцы. Тот, который держал в руке венец жениха, никак не мог дотянуться до его головы из-за его могучего роста. Пришлось спешно заменить этого держателя венца долговязым детиной из купцов.

Венчание проходило по полному чину, без спешки. Среди присутствующих в храме находился и великий баскак Амраган. Не считаясь с общепринятыми обычаями, он вошел в храм в шапке, не удосужившись снять ее при входе. Никто не решился сделать баскаку замечание и попросить его снять головной убор. Но все же Амраган уловил косые, недружелюбные взгляды, обращенные в его сторону, и понял, что ведет себя противно православным обычаям, и снял шапку.

Когда венчание подошло к концу, игумен трижды благословил венчавшихся и трижды произнес слова молитвы: «Господи Боже наш, славою и честью венчай я».

Жених и невеста обменялись обручальными кольцами и поцеловались. Жениху пришлось низко пригнуться, чтобы запечатлеть на устах невесты своей поцелуй. Потом все присутствовавшие в храме в порядке старшинства подходили к жениху и невесте, поздравляли новобрачных добрым словом и поцелуем. Лишь баскак оставался безучастным зрителем.

Из собора новобрачные выходили, сопровождаемые родственниками, гостями, духовенством, окруженные почетной стражей. Во главе шествия шли жених в новом, отороченном беличьим мехом кафтане и невеста в белой фате и в длинном до земли белом атласном платье. Толпа народа приветствовала молодых радостными криками.

Прежде чем выйти в большую трапезную залу, все гости могли осмотреть подарки жениху и невесте, выставленные на столах в соседней малой зале. Среди подарков была и кольчужная рубаха с серебряным нагрудником, изготовленная белозерским мастером по заказу Глеба. Здесь же лежал широкий парчовый пояс, расшитый жемчугом и украшенный драгоценными камнями, предназначенный для невесты. Рядом с подарками князя Глеба красовались подарки от его брата Бориса - песцовая шуба и кинжал в серебряных ножнах, украшенный пестрыми камнями. На соседних столах лежали подарки поскромнее от остальных родичей.

Рассаживал за праздничный стол гостей в строгом порядке специальный распорядитель, один из братьев княгини-матери. В центре стола, конечно, жених и невеста. По правую руку от жениха князь Васильковичи с женами и их родня. По левую руку от невесты княгиня-мать Ксения, ее родственники. Напротив четы новобрачных Василий Ярославич Костромской. Посаженный отец и великий баскак Амраган. По другую руку от костромского князя игумен Игнатий. Левее Игнатия усадили смоленских братьев жениха. Те сперва было обиделись: едва не вспыхнул спор. Родные братья жениха все-таки. Разве не вправе претендовать на места более почетные и близкие к молодым. Распорядитель проявил выдержку и объяснил смоленским братьям: «Вы на самых почетных местах после посаженного отца Василия Костромского и великого баскака, представляющего за этим столом самого хана Берке. А по рангу Амраган, великий баскак, выше любого из русских князей». Умолкли смоленские, выслушав такие доводы...

Свадебный пир в Ярославле проходил шумно и суетливо. Пили русскую брагу-медовуху, всякие ягодные настойки, заморские вина,

привезенные из Новгорода. Проворные слуги меняли блюда с закусками: индейками, молодыми поросятами, куропатками, белозерским судаком, маринованными грибами, сдобными пирогами - все закуски и не перечислишь. Кричали молодым «горько» и желали им всех благ. Многие из гостей, захмелевшие, не выдержавшие такого обилия вин и закусок, роняли голову на столешницу да так и засыпали, зычно посапывая. Другие выходили по нужде из-за стола и не было у них сил возвратиться обратно. Свалившись где-то на пути, в переходах княжеских палат, засыпали прямо на полу. Проворные слуги подбирали их безжизненные тела и укладывали на постели.

Только жених пил мало и сохранял ясность мысли. Но такого здоровяка мудрено было бы свалить и самой обильной выпивкой. Он, как казалось, приглядывался к сидевшим за столами, особенно к великому баскаку и к невестиной родне, прислушивался к застольным разговорам. Великий баскак Амар-ган тоже почти ничего не пил и не ел, держась настороженно.

Первым покинул стол игумен Игнатий. Напоследок он размашисто перекрестил молодых и произнес извинительно:

- Простите меня, честная компания. Мой сан не позволяет мне разделять застолье. Нарушил, однако, сей запрет из уважения к молодым.

Провожали молодых до опочивальни уже почти за полночь. Мать Ксения, ее брат, распорядитель и посаженный отец, князь Василий Ярославич Костромской.

Ксения многозначительно подмигнула Марье и сказала ей таинственным шепотом:

- Не робей, дочка. Это только поначалу страшно. Сама испытала.

А князь Василий хлопнул Федора по спине ладонью и скороговоркой произнес:

- Не робей, Федюша. Делай свое мужское дело. И Бог вам в помощь.

Федор Ростиславович пропустил вперед в опочивальню княгиню Марью, сникшую и съезжившуюся, а вслед за ней вошел и сам, закрыв дверь на засов.

Вышли молодые к гостям только в середине дня. Княгиня Марья была бледна, с темными кругами вокруг глаз.

- Как, доченька? - спросила Марью пытливо мать Ксения.

- Как видишь, мать, жива твоя дочка, - ответил за жену Федор. - Не съел ее.

- Тогда надо соблюсти старый обычай...

- Какой еще обычай? - переспросил недоуменно Федор.

- Разве не знаешь? После первой брачной ночи простыня, на которой спали молодые, выносятся гостям на обозрение.

- Это еще зачем?

- Обычай таков. Не нами придуман. Коли жена девственница, и муж повредил ее девичье естество, гости узрят кровь на простыне и убедятся в добрачной невинности.

- Зачем это? Не хочу на чужое обозрение постельное белье выставлять.

- Пеняй на себя, князь. Коли не поддержишь старый обычай, чем убедишь людей, что Марьюшка досталась тебе девственницей?

- Чтоб вам всем было неладно, - огрызнулся Федор. Но сам пошел на хитрость.

Все дело в том, что, оставшись наедине с женой в опочивальне, князь Федор понял состояние девушки и не тронул ее и не попытался силой овладеть ею. Он вышел из затруднительного положения следующим образом. Взял в руки кинжал, подаренный ему Борисом Васильковичем Ростовским, порезал об его остро отточенное лезвие указательный палец на левой руке и измазал кровоточащей ранкой простыню. Вынес сам простыню со словами:

- Любуйтесь, коли вам приятно копаться в чужом белье.

- Убедились, что Марьюшка целомудренной Федору досталась? - сказала мать.

Свадебный пир продолжался. И снова некоторые гости упились, как принято говорить, до положения риз. И снова родня провожала молодых до опочивальни торжественным шествием. Оставшись наедине с мужем, Марья прижалась к нему и дала волю слезам.

- Что ты плачешь, глупенькая? - спросил ее Федор, бережно раздевая.

- От радости плачу. Ты пожалел меня, не снасильничал. А меня не надо жалеть, я вся твоя, Федор. Поступай со мной, как считаешь нужным.

- А если тебе будет больно?

- Нас Бог соединил, Феденька. Бог обязывает и терпеть вместе все невзгоды.

- Верно, Марьюшка. Это только споначалу будет тебе больно. Разве не хочешь, чтобы у нас были детки?

- Хочу, конечно.

На следующее утро Марья и Федор вышли к гостям довольные и умиротворенные. Так началась супружеская жизнь новой княжеской четы, занявшей ярославский стол.

Напоследок распорядители свадебного торжества устроили для гостей лодочные гонки по Волге. Отыскали среди рыбаков и лодочников

Ярославля самых проворных и крепких парней, али команду, сесть в легкие челноки, снабженные одним веслом, и пуститься вниз по Волге до опознавательного знака на берегу. Потом гребцы должны были повернуть вспять и плыть против течения до городского причала. Зрители располагались на высоком берегу Волги, куда были вынесены кресла. Победителем в гонках вышел худой и невзрачный на вид рыбак Герасим. Он получил из рук жениха приз - серебряную кружку, украшенную выгравированным узором.

- Поступай ко мне на службу, парень, - сказал ему князь Федор, вручая приз.

- Благодарствуем, Подумаем, - степенно ответил Герасим.

Свадебные торжества закончились. Гости разъезжались. Первым покинул Ярославль архимандрит Игнатий. Обратился к Федору и его новой родне:

- Простите великодушно. Рад бы еще погостить, да тревожусь за моего духовного отца, владыку Кирилла. Плох он стал, совсем плох.

Игнатий благословил молодую чету и отбыл в Ростов. Вслед за ним отъехали братья Федора, смоленские князья. Один из них, Михаил Ростиславич, сказал дружелюбно Федору:

- Мы, твоя смоленская родня, рады за тебя, Феденька: ты теперь с уделом. Не взыщи, если что промеж нас было не так, и прости нас. Давай поклянемся на Евангелии, что не причиним зла друг другу.

Федор, выслушав брата, сказал сдержанно:

- Бог всем нам судья, братец. И я не поп, чтобы ты передо мной в своих грехах исповедовался.

Расстались братья, по существу, не примирившись. Уехал и угличский князь Роман. Прощаясь с Федором и братьями Васильковичами, он сказал:

- Ждут дела в Угличе. Старший братец мой, Андрей, совсем немощен стал. Все дела по управлению передал мне и сделал своим наследником.

Вслед за Романом уехал и костромской князь Василий Ярославич. Федору Ростиславовичу и Марье сказал на прощание:

- Как считаете, мои дорогие, посаженный отец справился со своими обязанностями.

- Справился, князь Василий, - ответили разом оба супруга.

- Я тоже так думаю, что справился, - сказал самодовольно Василий Ярославич, - свадьба прошла удачно. Сытная, хмельная. Желая вам поскорее деток нарожать. А меня вот Господь детками не порадовал. Все в младенчестве помирали.

Князь Василий тяжело вздохнул.

Собрался отбыть во Владимир и великий баскак Амраган. Братья Васильковичи вместе с князем Федором посетили его.

- Разреши, Амраган, поблагодарить тебя. Рад, что моя свадьба прошла с твоим участием, - сказал льстиво Федор, как учил его Глеб. Говорил он по-русски, так как языком ордынцев не владел. Толмачил белозерский князь привычно и бойко.

- У вас что-то есть ко мне, русичи? - надменно произнес ордынец.

- Позволь мне молвить, - сказал Борис Василькович. - Ярославль, как и Белоозеро, как и Углич, отделились в качестве младших уделов от Ростова. Все князья этих уделов связаны родственными узами. Мы единое целое. Князь Федор, женившись на нашей племяннице, стал нашим названным братом и таким же верноподданным великого хана, как и мы.

- Это хорошо, коли ты, Федор, считаешь себя верноподданным великого хана, - отозвался Амраган.

- Скажи нам, должен ли князь Федор сейчас отправляться в Орду, в гости к хану и получить из его рук ярлык на ярославское княжение? - закончил Борис.

- Хан очень одряхлел и одержим старческими хворями, - подумав, ответил Амраган. - Поэтому ярлыки на княжение он больше не дает. Придет к власти новый хан, отправляйся тогда, Федор, к нему за ярлыком. А пока я, великий баскак, представляю для вас ханскую власть. Считаю, князь Федор, что ярлыком на княжение в Ярославле ты располагаешь. До нового хана.

На этом разговор и закончился.

Прежде чем разъехаться по своим уделам, Борис и Глеб Васильковичи вызвали Федора Ростиславича на откровенный разговор.

- Что думаешь, Федор, о твоих боярах? - спросил его Борис.

- Считаю себя главной силой в Ярославле, - ответил Федор. - Это я уже почувствовал.

- Почему так думаешь?

- Явились ко мне как-то княгиня-мать Ксения с целой стаей родственников, братьев и дядьев. «Давай, - говорит, - княже, потолкуем». «Отчего же не потолковать», - отвечаю. Заговорили об ярославских традициях, о том, что мне, новому человеку, трудно будет сразу эти традиции постичь. Вспомнили, что последние ярославские князья Василий Всеволодович, отец Марьи, и его брат Константин всегда советовались с боярами. В общем, предложили мне создать боярскую думу, вроде малого вече, и решать с ее участием все сложные дела.

- Ты возмутился? - спросил Глеб.

- Представьте, братья мои названые, не возмутился, а промолчал. Потом ответил - подумаю.

- Так, по существу, ничего не ответил?

- Что я мог ответить? Бояре располагают силой. А на силу надо отвечать силой, которой у меня пока нет.

- Сколько у тебя княжеских дружинников?

- Всего два десятка человек. Несут охрану княжеских палат. Появится в округе разбойная шайка, нет воинов, чтобы устроить на них облаву. Да и эти два десятка подбирал покойный князь Константин. У каждого боярина-вотчинника своя дружина. Если их всех собрать воедино, наберется не одна сотня. Где мне совладать с ними?

- Совладаешь с нашей помощью, Федор, - убежденно сказал Глеб. - Начни с того, что укрепи твою личную дружину за счет надежных людей. Привлеки этого лодочника, победителя на состязаниях. Пусть он приведет к тебе своих парней, готовых служить в дружине. На первых порах мы с Борисом поможем тебе, пришлем на время своих людей.

- Брат верно говорит. Поможем, - согласился с Глебом Борис. - А окрепнешь, покажи свои зубы, Федя, боярам. Припугни их. Отыграйся на самом задиристом, отбери у него волость.

- Легко рассуждаете, братья. В жизни-то все не так просто получается.

- Будешь в одиночку воевать с недругами - все не просто, - наставительно сказал Глеб. - А почувствуешь локоть друзей, сообщников - все станет проще.

- С нами и с Божьей помощью и одолеешь недругов, - сказал Борис в заключение.

Глава 13. НОВАЯ ЕПАРХИЯ

Покидая Ярославль, братья Васильковичи решили сделать местным боярам, многочисленной родне княгини-матери деликатное предупреждение. Чтоб не зарывались.

Бояре собрались в большой палате, той самой, где проходило свадебное пиршество. Начал князь Борис Василькович:

- Позвольте, други мои, сказать вам благодарственное слово. Свадьба прошла достойно, щедро.

- Старались, как могли, - самодовольно произнес самый старый дядя Ксении, который почитался за старшину боярского рода.

- А теперь, мои дорогие, выслушайте и доброе предупреждение. Есть хорошая русская пословица - каждый сверчок знай свой шесток. Теперь ваш князь и господин Федор Ростиславич. Его власть над Ярославем подтвердил великий баскак Амраган. Слово Амрагана равноценно ханскому ярлыку.

- Поднять руку на вашего законного князя - значит поднять руку на человека великого хана, - добавил Глеб. Бояре хмуро молчали, не ожидая такого оборота разговора.

- В Ярославле свои вековые традиции. Мы напомнили князю о них и высказали пожелание считаться с нами, - запальчиво выкрикнул молодой боярин, брат княгини Ксении.

- О каких традициях вы говорите? - перебил его Глеб. - Возомнили себя новгородским вече, а князя безвольным наместником. Не бывать этому. Князь всему голова, хозяин княжества, а вы его подданные, такие же, как и все остальные.

- И не забывайте, други мои, - добавил Борис. - Ярославль один из уделов Ростовской земли. Мы с братом всегда найдем возможность прийти на помощь вашему князю, коли столкнется он со смутой или неповиновением. Если надо, пошлем войско. Помните, мой братец Глеб Василькович женат на ордынке, ханской дочери. В семье хана, стало быть, свой человек. Так что ссориться с нами не советую.

- Круто берете Васильковичи, - недобрый тоном произнес старый дядюшка княгини Ксении.

- Хотим доброго взаимопонимания с вами, бояре, - сказал спокойно Борис. - Оттого и напоминаем - каждый знай свое место.

Князь Федор Ростиславич присутствовал на встрече сватов с боярами, слушал разговор, помалкивал. И лишь когда бояре разошлись, он сказал братьям Васильковичам недоверчиво:

- Не слишком ли круто?

- В самый раз, Федюшка, - успокоил его Борис. - Если возникнет какое осложнение, зови нас. Поможем.

- И, главное, наращивай свое войско. Подбирай для него верных людей, - добавил Глеб...

С братом Борисом Глеб поделился намерением посетить Ростов.

- Хотел бы навестить владыку. Говоришь, совсем плох?

- Плох.

Они поехали до Ростова вместе. Там их ожидала новость: у епископа Кирилла был гость из Киева, игумен Афанасий, посланец Киевского митрополита, тоже Кирилл, глава русской православной церкви.

- Подвел, подвел я своего киевского тезку, - сокрушался владыка, встречая князей Бориса и Глеба. Исхудавший, бескровный, он лежал в постели. Рядом сидел монах в дорожной рясе.

- Вот ведь какая история получилась... - слабым голосом начал владыка и, не договорив, умолк. Каждое слово давалось ему с трудом и стоило больших физических и нравственных усилий.

- Не утруждай себя, - остановил его Афанасий. - Я объясню князьям... Митрополит надеялся, что владыка сможет отправиться в Сарай на торжественное открытие епархии. Наш владыка Кирилл рукоположил во епископы Сарайской епархии своего надежного человека, Митрофана. Он сейчас находится в пути.

- Вот ведь какая история получилась... - повторил ту же фразу Кирилл. - Ноги отнялись. Словно прирос к постели. Не то что до Сарая, до нужника не доберусь.

- Отдохни, владыка. Не утруждай себя, - остановил его Афанасий. - Велено мне было сопровождать тебя в Орду. Вижу, что это невозможно при твоих хворях. Поплыву один.

- Поговори, Афанасьюшка, с князем Глебом. Он бывал в Орде, долго жил там, к тому же женат на ордынке, ханской родственнице. Он тебе много расскажет полезного.

Кирилл закрыл глаза, давая понять, что хотел бы отдохнуть.

Братья Васильковичи с игуменом Афанасием тихо вышли в просторную комнату, служившую приемной, и здесь продолжили разговор.

- Я знаю, что об открытии в Орде православной епархии говорил Александр Ярославич, - вспомнил князь Глеб. - Хан выслушал доводы

Невского, не отказал, но долго тянул с разрешением.

- Это нам известно, - ответил Афанасий. - Недавно хан Берке дал свое милостивейшее согласие на открытие епархии. Нас интересует, каково вообще отношение ханского окружения к нашей церкви, к ее служителям.

- Большой вопрос. Отвечать на него можно долго, - протянул Глеб.

- Вот и ответ не спеша.

- Хан проводит политику веротерпимости, хотя он и его близкие родственники исповедуют мусульманство. Православным не препятствует. Среди ханского окружения есть отдельные влиятельные люди, принявшие православие, но пока таких немного. Если Сарай-Берке посещает какой-либо русский князь со свитой, в которой имеется священник, ставится церковь-временка, в ней совершаются обряды.

Глеб вспомнил и рассказал, как князь Александр Ярославич приказал поставить в своем лагере юрту, в которой разместилась походная церковь. В ней, кстати, происходило крещение княгини Феодоры и венчание ее с белозерским князем. Иногда на богослужения собиралось немало богомольцев. Это были не только спутники Александра Яросла-вича, но и русские купцы, оказавшиеся в ордынской столице, русские полоняне. Малая юрта не вмещала всех молящихся, многие толпились на воле, вокруг. А теперь еще среди богомольцев будут и ордынцы, принявшие православие, так называемые «выкресты». Их будет все больше и больше.

- Ты полагаешь, князь, отношение ханской власти к епархии будет дружелюбным?

- Что дружелюбным, затрудняюсь сказать. Но уверен, что терпимым. Александр Ярославич уверен, что епархия принесет ханской власти свои выгоды.

- Какие же это выгоды?

- При посредничестве епархии возможны связи Золотой Орды с Византией.

- Любопытно. А с ярыми противниками православия мы столкнемся?

- Как только Магометова вера пустила корни в Золотой Орде и стала распространяться среди ордынцев, стали высказываться крайние взгляды. Некоторые объявили ислам единственно правильной верой и стали призывать к гонениям на приверженцев всех других религий. Официальная ханская власть не поддерживает их и придерживается веротерпимости.

- Сейчас придерживается, пока жив хан Берке. А мы можем поручиться, что, когда придет к власти новый хан, он не станет симпатизировать лишь последователям Магометовой веры?

- Затрудняюсь ответить на твой вопрос, игумен. Не знаю, кто будет

нашим следующим ханом, будет ли он таким же, как и Берке.

- Вот и я не знаю, князь.

- Где же ты видишь выход?

- В активном укреплении наших позиций в Орде, в строительстве храмов на их земле, в вовлечении в лоно церкви Христовой всех тех, кто тянется к нам.

Князь Глеб поделился с игуменом Афанасием своим намерением вновь послать в Сарай-Берке своего человека для выкупа полонян. Пусть трудятся на белозерской земле.

- Не взял бы меня твой человек, чтобы я оказался в ордынской столице? - попросил игумен Афанасий.

- Конечно, возьмет. Почтет за честь; - ответил ему Глеб. После разговора с игуменом Глеб вызвал к себе Власия Григорьева.

- Поплывешь снова в Сарай-Берке выкупать полонян.

- Прямо сейчас, из Ростова?

- Какой приткий. Нет, не из Ростова. Сперва вернемся на Белоозеро. Повидаешься с родными, снарядишь два дощаника, получишь от меня деньги и поплывешь.

- Не мало два дощаника?

- Нет, на этот раз хватит двух. Выбирай полонян помоложе, сведующих в ремеслах. Наберешь человек с полсотни.

- Можно и поболее.

- Пока Фатулла, ирод окаянный, в Ростовской земле ба-скачит, придется прибежаться. Пустишь потом слушок, что хотел бы, мол, князь Глеб и поболее людишек выкупить, да пуста его казна. У новгородских купцов деньжонок подзаянл да и снарядил два дощаника. На большее не хватило. Если когда-нибудь допрос баскак тебе учинит, говори ему то же самое. С грабителями и разбойниками только так и обходиться следует.

Перед отъездом из Ростова Глеб вместе с Феодорой посетил больного владыку Кирилла. На этот раз владыка, встав с постели и опираясь на палку, пытался ходить по келье, преодолевая боль. Слова Глеба он воспринимал как-то безучастно и только, когда белозерский князь с женой решили уходить, видя, что разговора не получилось, сказал:

- Деток рожайте. Не тяните с этим...

В келье было душно, воздух был спертый. Пахло свечным воском, настоем каких-то трав. Глеб пожелал владыке выздоровления, хотя и не очень верил в это.

Игумен Афанасий оказался человеком общительным, разговорчивым. Он рассказал Глебу о своих делах, митрополите Кирилле, тезке ростовского

владыки...

Митрополит Кирилл возглавлял Киевскую митрополию после почти столетнего пребывания в митрополичьем качестве чужеземцев-греков. На Руси этот период назывался «грековластьем». Известный историк русской церкви А. В. Карташев так объясняет эту перемену: «Вероятно, эта уступка русскому национализму прежде всего объясняется простой боязнью греков идти на Русь опустошенную и угнетенную азиатскими завоевателями».

Близкий к князю галицкому Даниилу Романовичу, Кирилл (бывший до этого игуменом или архимандритом), обязанный этому князю своим выдвижением, был утвержден Константинопольским патриархом в роли митрополита Киевского примерно в 1248 году. В отличие от своих предшественников-греков, почти безвыездно остававшихся в кафедральном Киеве, новый митрополит оказался человеком непоседливым. Он часто появлялся во Владимире и других городах Северо-Восточной Руси. Как пишет А. В. Карташев: «Киев после своего умаления в политическом смысле и оскуднении во всех других отношениях, после опустошения 1240 года превратился в жалкий поселок, малоудобный даже для простого проживания по своей незащитности. Оставаться здесь митрополиту стало неуютно, да и установившиеся традиции тянули митрополичью кафедру к столу великого князя».

Перенесение митрополичьей кафедры из Киева во Владимир произошло уже после кончины митрополита Кирилла, но он подготовил это перенесение. В летописных источниках мы находим свидетельства о том, что он посещал не только Владимир, но и Новгород, Суздаль и другие земли северо-востока Руси. Вместе с тем летописи не содержат упоминаний о посещении митрополитом Кириллом Юго-Западной Руси, Галиции. Это можно объяснить охлаждением отношений Кирилла с Даниилом Галицким. Даниил проводил политику лавирования между православием и католицизмом, одно время явно склонялся к союзу с папским престолом. А. В. Карташов так объясняет эти колебания в политике Даниила: «Очевидно, великий князь Юго-Западной Руси делал ошибочную ставку в борьбе за свою независимость от татарской власти на союз с Западом, включая сюда и признание римского первосвященника». Эти колебания Даниила в сторону папского Рима оттолкнули митрополита Кирилла от галицкого князя и усилили его стремление перенести митрополичью кафедру во Владимир.

...Выслушав пространный рассказ игумена Афанасия о делах церковных, князь Глеб спросил:

- Почему после гибели владимирского епископа Митрофана

митрополит в течение многих лет не назначал ему преемника?

Афанасий подумал.

- Полагаю, что эта медлительность владыки связана с его намерением перенести митрополичью кафедру во Владимир. Митрополит считает, что было бы благоразумнее, если б град Владимир стал его резиденцией, а не местопребыванием епархиального владыки.

Перед отплытием в Белоозеро Глеб договорился с игуменом Афанасием, что тот будет ожидать в Ярославле дощаника Власия Григорьева и вместе с ним отплывет в Сарай-Берке.

Во время обратного плавания до Белоозера князь Глеб, притомившийся на свадебных торжествах в Ярославле, спал на протяжении почти всей дороги. Иногда вспоминал, как прощаясь с сыном, сетовала мать-инокиня.

- Так и останешься бесплодной смоковницей, сынок? Что жenuшка твоя не в состоянии родить жизнеспособного наследника?

- Не знаю, матушка. Какая-то она болезненная, Феодора.

- Посмотри на семью брата твоего Бориса. Растут сынки здоровенькие, озорные. Глядеть любо.

Глеб признался матери, что Феодора после смерти их первенца вскоре понесла еще раз, но выкинула недоношенный плод на третьем или четвертом месяце. Повитуха, опытная и поднаторевшая в таких делах старуха, посоветовала:

- Не трожь женку годик-другой. Ей надо прийти в себя.

С тех пор Глеб Василькович не прикасался к жене. Следил за тем, чтобы Феодора потребляла питательную пищу, пила вдоволь парное молоко, чтобы на столе не переводились фрукты и ягоды. Мало-помалу Феодора выправлялась, исчезла на лице бледность, темные круги под глазами. Даже телом княгиня несколько округлилась, исчезла прежняя худоба.

По прибытии в Белоозеро Глеб дал напутствия Власию, снабдил его необходимой суммой денег.

- Коли встретится на твоём пути Фатулла, прибудняйся, - внушал Глеб.

- Говори, князь, мол, не собрал много денег, в долги влез. Что возьмешь с такого бедного удела, как Белоозеро. Это не Ростов, не Ярославль, не Суздаль.

- Не такой уж он и бедный.

- Слушай, не перебивай. Говорю то, что ты должен сказать баскаку, коли прицепится.

Глеб Василькович самолично проверил снаряжение дощаников,

пожелал Власию благополучного плавания и проследил за отплытием. Затем посетил монастырь, побеседовал с игуменом Иринеем. Возле монастырского храма появился сосновый восьмиконечный крест, какие обычно ставят на северных погостах.

- Кого проводили в последний путь? - спросил Глеб, указывая на свежую могилу.

- Старца Феодора Ефросиньины. Тихо угас, - ответил Иринеи.

Князь перекрестился перед крестом, еще не успевшим потемнеть от дождей.

Решили, что Иринеи возобновит уроки с княгиней Феодорой и начнет читать с ней Священное Писание.

Потом игумен показал Глебу Васильковичу монастырскую школу. В ней обучалось шестеро молодых людей. В их числе был Викентий, сын священника Зосимы с пришекснинского села.

- Из этой шестерки у двоих оказался неплохой почерк, - сказал Иринеи. - Привлекаю их к переписыванию книг для пополнения монастырской библиотеки. И среди монастырской братии отобрал двух грамотеев. Тоже засадил в качестве писцов.

- Разумно поступил, отец Иринеи.

Глеб Василькович поведал о своих ростовских впечатлениях, о встречах с владыкой Кириллом.

- Плох наш владыка. Боюсь, долго не протянет.

- Кто придет ему на смену?

- На то воля митрополита. Сам владыка хотел бы передать кафедру архимандриту Игнатию и высказывал свою волю близким.

- Дай Бог, чтоб было так.

Иринеи пожаловался Глебу на трудности пастырской службы в белозерском крае.

- Слишком глубокие корни пустило здесь язычество. Не верю, что при ближайших поколениях удастся его искоренить.

- Что же нам остается делать, отец игумен?

- Трудный вопрос. Прежде всего нужны грамотные, одержимые пастыри.

- Разве нет таких?

- Есть, конечно, но мало. Какой он, обычный священник, настоятель бедного прихода? Малограмотный человек, в прошлом церковный певчий или причетник, а то и служка. Священное Писание знает по верхам. Полный канон литургии не ведает. Может ли такой пастырь быть решительным ратоборцем против язычества?

- Наверное, нет. Где же выход?

- Здравый смысл нам подсказывает единственный выход. Мы должны поднять грамотность низшего духовенства, дать ему хорошую подготовку в монастырской школе, обучать его Священному Писанию, литургике, истории церкви, гомилетике.

- Чему?

- Гомилетика - это искусство составлять проповеди, делать логичными, доступными.

- Ты же обучаешь своих учеников этим наукам.

- Это капля в море. Шесть учеников, шесть будущих священников. А нужно их по крайней мере в десять раз больше. Язычество живуче. От него остаются суеверия, соседствующие с православием. Весянин посещает храмовые службы и поклоняется лесным духам, верит во всякую нечистую силу, обращается к услугам колдунов, ворожей, прорицателей. Да это можно сказать не про одних только весян. И русичи не избавились от древних языческих представлений.

Игумен Ириной умолк, раздумывая. Потом продолжил:

- Коли тебя заинтересовали язычники, советую повидать старца Карга. Живет он в лесном выселке невдалеке от села Карголом. Любопытный старик.

- Откуда у него такое странное имя или прозвище - Карг? По-весьянки карг означает «медведь».

- Не знаю откуда. А христианского имени он, кажется, никогда не носил.

Прибрежное село Карголом расположилось невдалеке от истоков Шексны на южном берегу Белого озера. Оно вытянулось изломанной линией изб, в центре которой возвышался столпообразный деревянный храм, увенчанный луковичной главкой. Когда в XIV веке после страшной эпидемии чумы был опустошен прежний город Белоозеро, его перенесли к западу от истоков Шексны. Новый город тогда поглотил село Карголом, ставший его пригородной слободой.

Глеб Василькович предложил княгине Феодоре отправиться на прогулку в район Карголома. Отплыли на лодке в сопровождении Каллистрата и двух гребцов из числа дружинников. Плыли, не отдаляясь далеко от берега, низменного, поросшего кустарником. Место было заселенное и освоенное. Деревушки попадались часто. Россыпь неказистых изб подступала к берегу озера. На жердяных оградах были развешаны рыбацьи сети с поплавками. Наконец показался граненый столп храма с луковицей.

От берега далеко протянулось мелководье. Лодка зацарапала килем о песчаное дно. Гребцы, скинув сапоги, выпрыгнули в воду и, придерживаясь за борта лодки, потянули ее к берегу. Когда вода достигла глубины по щиколотку, Глеб Василькович шагнул в воду, подхватил Феодору на руки и вынес ее на берег. Вслед за ним гребцы и Каллистрат вытащили лодку на прибрежный песок.

Князь Глеб остановил проходившего по берегу белобрысого мужика, скорее всего всеянина или полукровку.

- Старик Карг тебе ведом?

- Кому же он не ведом? - отозвался мужик.

- Проведешь к нему?

- Проводил бы, да вот... обещал соседу помочь сеть зачинить.

- Ты знаешь, мужичина, кто с тобой говорит? - прикрикнул на мужика Каллистрат. - Это же сам князь белозерский, Глеб Василькович.

- А не врешь? По одежке-то не скажешь, что князь.

- Человек мой правду тебе сказал, - вмешался Глеб. - Проводишь до Карга, получишь от меня за труды.

- Да разве я отказываюсь?

Один из гребцов остался при лодке, другой вместе с Каллистратом пошел с княжеской четой. Шли лесной дорогой, уходившей на юг от побережья Белого озера. Миновали выселок и расчищенную от леса поляну, засеянную рожью. Потом дорога раздвоилась. Повернули" влево и вышли к другому выселку, состоявшему всего из трех изб, разбросанных по опушке ельника. Крайняя из изб, совсем неказистая, с односкатной кровлей, пробитой дымовым отверстием, и была обиталищем Карга. Можно было уловить признаки того, что жил здесь человек хозяйственный. Крепкий тын окружал пасеку с ульями-колодами. Под навесом - поленницы дров - все отменная береза. Перед избой чисто, земля присыпана песком.

На зов проводника вышел невысокий сутулый старичок с редкой бородкой и глубокими залысинами.

- Здравствуй, Карг, - приветствовал его князь Глеб. - Наслышан о тебе, вот и решил самолично тебя поведать.

- Гостям завсегда рады. Хоть ты и князь, а снизошел до старика... - сказал он глухим надтреснутым голосом.

- Откуда, старик, ты узнал, что я князь? - спросил с любопытством Глеб.

- Голос подсказал мне, что ты важная птица. Осанка-то княжеская.

«Врешь старик, - подумал князь Глеб. - Видел когда-нибудь меня в Белоозере, вот и запомнил».

Чтобы убедиться в правильности своего предположения, спросил испытующе:

- Так вот всю жизнь и сидишь в лесной берлоге, как настоящий медведь?

- Нет, отчего же? - возразил старик. - Бывает, и в Белоозеро выбираюсь. Медок свой продаю. Я ведь давненько пчелами занимаюсь, пасеку держу. Не желаете полакомиться?

- Потом. Расскажи-ка лучше, дед, какому Богу ты молишься?

Пока Карг собирался с мыслями, чтобы ответить, Глеб подумал, что старый отшельник довольно чисто говорит по-русски, с едва заметным акцентом и лишь иногда вставляет в свою речь всянские слова. Это могло свидетельствовать о том, что он много общался с русичами. Князь Глеб встречал в глухих деревнях немало всян, которые почти не понимали русскую речь или изъяснялись на невообразимой смеси языков.

- Спрашиваешь, какому Богу молюсь? А разным приходилось молиться, - наконец заговорил Карг. - Был помоложе - и в русскую церковь хаживал. Русскому Богу молился. Коли он защищает бедных людей, почему бы ему не помолиться. А еще молюсь всяким добрым и недобрым силам, добрым, чтоб помогли, недобрым, чтоб не навредили.

- Расскажи-ка, что это за силы, добрые и недобрые.

- Великое множество этих всяких существ крутится вокруг нас. Главный-то среди них лесовой дедушка.

- Леший что ли?

- У русичей леший, а у нас лесовой дедушка. Он главная сила в лесу.

- Ты когда-нибудь видел его в глаза? Каков он?

- Нет, не довелось видеть. Он не может людям на глаза показываться. Но я чувствовал его: дыхание, прикосновение рук, бороды. Приходил он ко мне не раз и во сне. Помолишься ему, произнесешь заклинания, лесовой принесет тебе удачную охоту, отвратит встречу с тобой хищного зверя.

- А кто еще водится на свете, кроме лесового?

- Всех и не перечислишь. В озере, в реке, в болоте живет водяной. Это тоже великая сила. Может тебе хороший улов принести, а может оставить без единой рыбешки. В каждом доме живет домовый, покровитель домашнего очага. Бывает, отнесется хозяин к домовому без почтения, взъярится домовый, накличет на хозяина беду. Может дом рухнуть, а может сгореть дотла.

- Кто еще встречается у вас?

- Есть еще полуверница. Это вроде вашей ведьмы. В бане живет хозяин бани, вроде домового.

- Как же вы поступаете, чтобы все эти силы не причинили вам вреда?

- На это есть ворожеи, колдуны, знахари, прорицатели. Они умеют задобрить злые силы, отвратить их от всяких козней.

- Как же можно задобрить нечистую силу?

- Принести ей в жертву обещанную скотинку. При прежнем батюшке это делалось так. Бычка или барана закалывали на паперти церкви. Мясо поджаривали на костре и съедали всем приходом. Самый большой и жирный кусок доставался батюшке. Считалось, что это угодно лесовому, водяному и другим силам.

- Этот обычай сохраняется?

- Новый батюшка запретил закалывать скот на паперти. Говорит, это язычество, противное православию...

От дальнейшего разговора Карг уклонился. Но все же из его отрывочных слов можно было понять, что где-то в лесу существуют следы древнего языческого капища, где и совершаются обряды жертвоприношений. Он дал неопределенный ответ на вопрос Глеба - занимается ли он лично колдовскими заговорами.

Глеб Василькович обратил внимание, что под навесом, рядом с поленницами березовых дров висели на жердях связки сухих трав. Видимо, старик занимался знахарством и врачеванием. Князь попытался расспросить старика и об этом.

- Собираешь целебные травы и врачуешь? - спросил он, указывая на связки.

- Да так... От отца научился травами пользоваться, - неохотно ответил старик.

- И помогают твои травы от хворей?

- Кому как.

- Вот, к примеру, меня хворь прихватила, в дугу согнула, пройдет это, коли стану пить настой из твоих трав?

- Одного настоя мало. Надо еще произнести заклинания, обращенные к лесовому дедушке или к водяному, если ты рыбачишь. А какова твоя хворь, князь?

- Да нет, это я к слову...

Потом Глеб Василькович часто вспоминал старого Карга. Подобных целителей, знавших всякие заклинания против болезней, он не раз встречал и среди русичей, в основном престарелых стариков и старух.

Возвратились к Белому озеру, когда день уже клонился к закату. Яркий оранжевый диск солнца спускался к линии горизонта сквозь клочковатую, рваную массу облаков. Над поверхностью озера низко пролетела с

гоготанием небольшая стая гусей - не поймешь, диких или домашних.

Глебу захотелось освежиться, и он предложил Феодоре тоже принять участие в купании. Княгиня ответила согласием, произнесла что-то по-татарски. Глеб понял смысл ее слов:

- Только не здесь. Пойдем туда, - Феодора указала на конец села, за которым начинались прибрежные кустарниковые заросли.

Глеб отпустил своих спутников, наказав им дожидаться у лодки. А сам с женой зашагал по песчаной кромке берега вдоль изломанной линии изб. За пределами села начинались густые заросли ивняка и ольхи. Озеро было спокойно, почти без всякой волны или ряби. Вода спокойно накатывалась на берег и растекалась по песку.

Феодора не умела плавать. Скинув верхнее платье и обувь, она вступила в воду, дошла до той черты, где вода достигала ей до поясницы, присела на корточки, окунулась и стала со смехом барахтаться, поднимая брызги. А Глеб скинул одежду и устремился крупными шагами вперед. Преодолев мелководье, он плыл, рассекая воду размашистыми движениями рук и ног. Глеб Василькович был сильным человеком, хорошим пловцом и легко уплыл далеко от берега. Феодора совсем потеряла его из виду и, перепугавшись, стала кричать, путая русские и татарские слова.

Когда наконец Глеб вернулся на берег, Феодора напустилась на него с упреками:

- Пошто пугаешь меня? Пошто так далеко заплыл?

- Думала, что переплыву озеро до противного берега? Сие мне пока не под силу, - отшучивался Глеб.

Потом, когда Феодора немного успокоилась, они выбрали травянистую полянку и полежали под лучами заходящего солнца. Вернулись в Белоозеро уже к ужину.

Ночью, тесно прижавшись к мужу, Феодора тихо всхлипнула. Вдох перешел в неудержимые рыдания.

- Ты это что, Феодорушка? - спросил, недоумевая Глеб.

- Боялась за тебя. Не утонул бы... Озеро, как говорят, с норовом.

- Глупенькая, я же хороший пловец.

- Никогда больше не пугай меня так.

Феодора заговорила быстрым прерывистым шепотом на своем языке. Глеб уловил, что речь шла о ее переживаниях, когда он заплыл далеко от берега и вовсе пропал из виду.

- Коли ты такая пугливая, обещаю, - отвечал князь Глеб. - А хочешь, научу тебя плавать?

- Нет, не хочу. Боюсь озера.

Феодора умолкла и как будто бы успокоилась. Но через некоторое время спросила:

- Ты счастливый, Глебушка?

- Конечно, счастливый, коли рядом со мной ты.

- Разве мы вполне счастливы, коли у нас с тобой нет деток?

- Будут детки, непременно будут, - успокаивал жену Глеб. - Повитуха говорила, надо повременить годик.

Утром, после завтрака, в княжеские палаты пришел Каллистрат. Он занимался с княжной разговорной практикой, получая наставления от игумена Иринея. Игумен давал Каллистрату темы для каждодневных бесед. Одна - обеденный стол, другая - прогулка по саду, третья - устройство палаты и т. п. Наставник был неистощим по части выдумывания. Советовал:

- Беседуя с княгиней, употребляй простые короткие фразы. Проверяй всякий раз, запомнила ли она звучание русских слов.

Сам же Ириной занимался с Феодорой основами Закона Божьего, заставлял заучивать молитвы, рассказывал события церковной истории. К урокам Ириной иногда подключался и Глеб.

- Скажи, Феодорушка, почему твоего мужа назвали Глебом, а брата моего Борисом? Кто такие Борис и Глеб?

- Борис и Глеб - сыновья великого князя Владимира, убиенные Святополком, прозванным Окаянным. Почитаются церковью, - бойко отвечала Феодора.

- Правильно. Почитаются церковью и причислены к лику святых. Мы с братом названы этими именами в их память.

Из Новгорода прибыл караван судов купца Гусельникова, отправляющийся на северные реки для промысла пушнины.

На этот раз сам Гусельников не приплыл, занимаясь торговыми делами с немцами и датчанами. Послал вместо себя старшего сына Дорофея. Об этом сообщил Глебу гусельниковский приказчик Хрисанф.

- Передай Дорофею мое приглашение, - сказал Глеб Хрисанфу. - Отобедаем вместе, о деле потолкуем.

Дорофей, крепкий, плечистый тридцатилетний мужик, не замедлил явиться.

- Батюшка кланяется тебе, князь, - приветствовал он Глеба. - Вот просил передать.

- Что это?

- Ожерелье для княгинюшки твоей. Черный янтарь. В природе встречается редко.

- Благодарствую. Княгиня будет рада подарку. Как здоровье батюшки?
- Непоседлив, неугомнен, как всегда. Отплыл с товарами к датчанам.
- Бог ему в помощь.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Дорофей с командой промышленников намеревается отправиться на реку Мезень, впадающую в Белое море. Там в прибрежных лесах еще не перевелись соболь и горностаи.

- Не возьмешь ли с собой двух моих промысловиков? - спросил князь Глеб. - Мне бы мезенская пушнина также сгодилась.

- Можно бы взять, - ответил с расстановкой Дорофей. - Да нам-то, Гусельниковым, какая от сего выгода?

- По-купчески рассуждаешь, Дорофей.

- А я и есть купец. Так ответь, какая выгода будет?

- Самая прямая. Освобожу твой караван от всяких сборов, когда будешь плыть из Кубены в Сухону. А ты возьмешь с собой трех моих промысловиков.

- Ты прежде сказал двух.

- Передумал. Ты мне не платишь сборов, я на этом теряю большую сумму. Вот и хочу возместить ее соболинами и горностаевыми шкурками.

- Батюшка говорил мне... - Дорофей запнулся.

- Что тебе говорил батюшка?

- Да так, пустое...

- Напомню, Дорофей, что говорил про меня твой батюшка. Князь Глеб Василькович, мол, расчетлив, прижимист. Из него получился бы неплохой купец.

- Ты прямо прочитал мои мысли.

- А я умею читать мысли. У здешних прорицателей научился, - пошутил Глеб.

С Дорофеем договорились. Белозерский князь отправил с новгородцами на Мизень трех промысловиков, опытных охотников на пушного зверя.

Наступила осень. Погода становилась слякотной, дождливой. Белое озеро хмурилось, покрывалось рябью, переходившей в волны. В конце сентября приплыли дощаники с людьми во главе с Власием Григорьевым.

- Прибыл, княже. Как видишь, жив, здоров, - бойко приветствовал он князя Глеба. - Задание твое выполнил, можно сказать, сполна. Привез шестьдесят семь человек. Могло бы быть шестьдесят восемь, да один, сердешный, отдал Богу душу в пути. Должно, не вынесло сердце радости освобождения. Да еще двое женок сыскали по дороге и прихватили с

собой. Обе нижегородские.

- Потом, потом, Власушка, - перебил Глеб. - Пусть люди отдыхают с дороги. Прикажи моим именем, чтоб сытно всех накормили. А сам - в палаты ко мне. Расскажешь ордынские новости.

Глеб Василькович узнал из рассказа Власия следующее.

Белозерский караван достиг Сарай-Берке, когда туда уже прибыл со свитой назначенный митрополитом глава сарайской епархии Митрофан. Хан после долгих обещаний дал, в конце концов, свое согласие на учреждение в Орде православной епархии. Глава русской православной церкви митрополит киевский Кирилл не замедлил воспользоваться этим и рукоположил во епископы сарайские одного из своих приближенных.

Золотоордынский хан Берке, заметно одряхлевший, неохотно принимал далее своих близких. Все же епископа Митрофана он принял и говорил с ним не менее часа. О чем шла речь во время этой встречи, Власий не знал. Игумен Афанасий при встрече с ним сказал многозначительно:

- Успешный был разговор. Хан подтвердил свою веротерпимость.

Митрофан, который теперь официально назывался епископом Сарайским, получил в городе, в некотором отдалении от ханского дворца, обширный участок земли. Здесь епископу было разрешено строительство храма, собственных палат и помещений для свиты. Свита состояла из нескольких священнослужителей разных рангов, включая и игумена Афанасия, и монахов-прислужников. Хан даже приказал передать Митрофану с десятков русских полонян, которых он мог бы использовать в качестве слуг, церковных служек, сторожей, конюхов. Все они согласились с предложением владыки Митрофа-на принять монашеский сан. Русичи были рады освобождению из полона, приносившего жестокие унижения, побои, голодное существование, и охотно стали служить владыке.

Епископ распорядился спешно возвести глинобитную церковь-временку, архиерейские палаты с домовою церковью и поставить юрты для свиты. Все эти сооружения должна была окружать высокая кирпичная стена. Постепенно стала возводиться из кирпича и камня кафедральная церковь во имя Христа Спасителя. Вот собственно и все сооружения Сарайской епархии. Создания других приходов за пределами золотоордынской столицы пока не предвиделось. Да и территория епархии пока оставалась неопределенной. По существу, она ограничивалась городом Сарай-Берке.

Но и возведение храма-временки, и появление постоянного православного духовенства привело к заметному оживлению христианства

в ордынской столице. Увеличилось число именитых ордынцев, склонявшихся к православию. В дни церковных служб к храму тянулись русичи, оказавшиеся по тем или иным причинам в ордынской столице. Среди них были князья со свитами, по доброй или недоброй воле оказавшиеся в ханской столице, русские купцы, обосновавшиеся в Сарае, полоняне и сами ордынцы, принявшие православие.

Небольшой храм-временка не мог вместить всех богомольцев. Поэтому наиболее многолюдные службы проводились на воле, перед храмом. Для таких служб был сооружен переносной алтарь. Вскоре владыка Митрофан убедился, что одних только церковных праздников, для того чтобы удовлетворить чаяния всех, недостаточно. Службы стали проходить ежедневно. Сам епископ со всем клиром служил в дни больших церковных праздников, а в остальные дни служили по очереди рядовые священники. Они совершали краткую литургию, а потом отправляли различные требы, исповедывали верующих.

Однажды игумен Афанасий, который за время плавания сдружился с Власием, пришел к нему и поведал:

- Отправляюсь на днях в Царьград, или, как называют его греки, Константинополь.

- Один?

- Нет, конечно. Со мной будут два духовных лица и служба из бывших полонян. И еще ханский человек.

- Ханский-то человек к чему?

- Не понимаешь разве? Сарайская епархия понадобилась хану, чтобы выступить посредницей между Ордой и Византией. Нам велено разузнать, как византийский император отнесется к Орде, возможны ли добрые торговые связи Орды с Византией? Как император отнесется к военным походам ханских войск против кавказских народов: ясов, ка-сого и иных. А у епархии свои интересы - добиться помощи от единоверцев.

Вскоре после этого разговора игумен Афанасий отбыл. А Власий продолжил уже привычное дело, выкуп полонян. Поднаторев, приобретая опыт, он неторопливо торговался с владельцами живой силы, и не с одним, а сразу с несколькими. Это заставляло продавцов сбивать цены, идти на уступки, чтобы покупатель отдавал предпочтение ему, а не конкуренту. В результате Власий смог выкупить на ту сумму, которой снабдил его князь Глеб, не полсотни, а шестьдесят семь человек, если считать и умершего в дороге.

- Все рассказал? - спросил Глеб, когда рассказчик умолк.

- Нет, еще не все. Владыка Митрофан перед моим отплытием

благословил меня и напутствовал. «Скажи, - говорит, - доброе слово своему князю. Благородно, мол, поступает: полонян вызволяет из ханской неволи. Дай Бог ему доброго здоровья». И вот еще этот пакет просил передать.

Власий вынул из-за пазухи пухлый пакет, завернутый в лист пергамента.

- Что это такое? - спросил Глеб.

- Послание сарайского владыки Митрофана нашему ростовскому владыке Кириллу. Надо переслать его в Киев, тамошнему Кириллу. Я так понимаю, что это отчет о том, как складывается дело в Сарае.

- Эту просьбу сарайского владыки мы уже не выполним. Наш Кирилл совсем плох. До меня дошли слухи - ноги совсем отказали у бедняги, не встает. Боюсь, что скоро преставится владыка. Передадим пакет Игнатию. Он уже управляет епархией.

- Я еще не все тебе сказал, князь.

- Что еще?

- В Ярославле повстречался ирод, змей подколодный, аспид...

- Фатулла, что ли?

- Кого бы еще я стал так честить?

- И что Фатулла?

- На дощаники пожаловал. На обоих побывал. Говорит мне: «Людишек из Орды везешь? И много выкупил?» «Немного, - отвечаю. У князя моего удел бедный, одни леса, болота. После выплаты дани совсем обезденежел князь Глеб».

- Это ты хорошо придумал. И что Фатулла сказал?

- «Любит прибедняться твой князь. Откуда же у него деньги, чтоб всех этих людишек выкупить?» Говорю: «К новгородским купцам влез в долги. Коли не веришь, Фатулла, проверь. Всех взаимоотношений тебе не назову. Сие не мое право, в княжеские дела вступать. А одно имя мне ведомо. Гусельников. Именитый купец. Его весь север знает».

- Фатулла не стал пересчитывать людей.

- Не стал.

- Слава Богу.

После отдыха прибывших Глеб Василькович самолично побеседовал с каждым, выявляя умельцев, знакомых с различными ремеслами, искусных в звероловстве, скорняжном деле, корабелов. На этот раз умельцев оказалось немного. Большинство было пахарями, промышлявшими иногда охотой и рыбной ловлей.

Закончив беседы, князь Глеб вызвал Григория Меркурьева.

- Трех оставляю в Белоозере. Столяр и два кожевника. Выдели им

землю под избы и огороды. Пусть соседи помогут поставить жилища.

- Дозволь, батюшка, молвить... Есть еще трое, хорошие кузнецы. Не оставить ли их в городе?

- Нет, Гриша. Здесь и без них много кузнецов. А эти пригодятся любой волости.

- Что будем делать с остальными людьми?

- Расселим по рекам Суде и Андоге. Там много неиспользованной земли. К тому же хорошие охотничьи угодья.

- Как скажешь, князь...

Не прошло и десяти дней с момента прибытия Власия, как к белозерскому берегу пристал парусник с Файзуллой, помощником ханского баскака. Это был тот самый Файзулла, который уже однажды проводил перепись в Белозерском княжестве.

«Слава Богу, Файзулла, а не Фатулла, - сказал себе с удовлетворением Глеб. - С этим-то поладим». Ордынца князь встретил приветливо.

- Вижу старого знакомого! Какие дела привели ко мне?

- Твой человек привез много людей из Орды...

- Верно, привез. Но не так уж много.

- Фатулла приказал, чтобы я сделал дополнение к прежней переписи.

- Делай на здоровье. Но сперва отдохни с дороги. И пусть твои люди отдыхают.

Глеб не спешил знакомить Файзуллу с пополнением, сытно кормил, возил на охоту на уток, заваливал подарками. Наконец представил ему оставшихся в Белоозере столяра и двух кожевников, даже показал наспех возведенные их избы. Потом свозил Файзуллу в Ухтому и Карголом, где поселились кузнецы из вновь выкупленных ордынских полонян.

- Это, конечно, не все твои новые люди? - спросил Файзулла.

- Нет, конечно. Остальные земледельцы и охотники поселились по рекам Суде и Андоге. Могу свозить тебя туда. Только учти... Осенью этот болотистый край становится непроходимым.

Глеб уговорил Файзулу не ехать на Суду и Андогу, а удовлетвориться его рассказом о новых полонянах, - конечно, он значительно преуменьшил число выкупленных полонян! Не один человек в дороге умер, а целых семеро. Случилась какая-то непонятная эпидемия. А доброму десятку не понравилось Белоозеро, и они ушли на север, на Онегу, в новгородские владения. Где их теперь сыщешь.

Глеб Василькович хитрил, изворачивался, делал все, чтобы убавить возможные поборы с княжества, которые баскак Фатулла грозился увеличить в связи с появлением на Белоозере новых выкупленных в Орде

полонян.

Как только Файзулла покинул Белоозеро и отплыл в Ростов, к Глебу Васильковичу явился с докладом его управляющий Григорий Меркурьев.

- Вот ведь какая история получается, княже... - начал пространно рассуждать Григорий.

- Что там у тебя получается? - прервал его Глеб.

- Волостные тиуны докладывают. Людишки бегут в твое Белоозеро и поодиночке, и целыми ватагами.

- Откуда бегут?

- Из Ярославской, Костромской, Нижегородской земли. Даже из Рязанской. Еще и из Ростовского княжества.

- Отчего бегут?

- Известно отчего. От бесчинств баскачьих, от набегов шаек ордынцев. А чем свой боярин лучше алчного баскака? Ярославские родные княгини Марьи Васильевны тому пример. Прибрали к своим рукам лучшие села и волости на Волге. Ханскую десятину давай, ханскому человеку дай, боярину, владельцу села или волости, тоже дай. Что же земледельцу или рыбаку остается? С гулькин нос. Самая малая толика от урожая или добычи.

- Считаешь, что по этой причине бегут к нам на Белоозеро?

- Не токмо на Белоозеро. Бегут в Вятскую землю, в верховье Ветлуги, Унжи, на север, подалее от боярских вотчин и баскаков.

- Много ли беженцев осело в нашем княжестве?

- По донесениям тиунов, более двух десятков. А еще много не выявленных. Некоторые беженцы задерживаются на белозерской земле временно, чтобы потом уйти далее на север, на Онегу, Вагу, Двину.

- Как полагаешь, Гриша, почему так привлекает Белозерская земля?

- Не трудно объяснить. Белоозеро лежит в стороне от больших проезжих дорог и набегам ордынцев не подвергалась. Боярское племя у нас пока не расплодилось, как в Ростовской или Ярославской земле.

- Не любишь ты свое боярское племя, боярин Меркурьев.

- Не того я рода-племени... Белозерский мужик.

- Ну, ну... не прибедняйся, боярин. Что еще скажешь?

- С некоторыми беглыми я толковал. Нарастает в народе великий гнев и против ордынцев, и против бояр. Не дай-то Бог, коли дело дойдет до побоища. Полетят головы. А это вызовет ответ ордынцев. Опять польется кровь, запылают города и села.

- Типун тебе на язык.

- Люди предвидят такие страсти. Непокойно в Ростовской земле. Брат

твой, небось, об этом помалкивает?

- Приведи-ка ко мне, Гриша, пару беглых. Хотелось бы побеседовать с ними.

- Не советую этого делать, княже.

- Это почему же?

- Люди зело напуганы. Узнают, что князь повелел явиться к нему, перепугаются еще более. Подумают, что ты решил силком возвратить их на прежние местожительства, и скроются на севере. Нужно ли это? Всякий рост населения княжества приносит свою выгоду. Хотя бы за счет беглых.

- Ты прав, Гришенька. Согласен с тобой. Что посоветуешь?

- Лучше самому появиться невзначай в том селении, где обитают беглые. Два брата, выходцы из Ростовской земли, поселились на берегу Кубены. Не выдержали тяжкой опеки со стороны Антипа Евлампиева.

- Знаю такого. Сынок Евлампия Неофитова.

- Евлампий приказал долго жить. Теперь Антип - правая рука у князя Бориса. Не токмо главный воевода, но и ближайший советник.

После беседы с Григорием Меркурьевым Глеб Васильевич в сопровождении небольшой охраны отправился к западному побережью Кубенского озера. Здесь в одном из селений он отыскал местного тиуна и приказал провести к месту жительства братьев, выходцев из Ростовской земли. Оказалось, что братья поселились не в волостном селе, а на выселке, в убогих, наспех срубленных избах.

Братья, Варлаам и Евлогий были встревожены появлением Белозерского князя, сопровождаемого тиуном и воинами. Ожидали подвоха или выдворения обратно на Ростовскую землю.

- Решил проведать, как живете-можете на новом месте, - сказал миролюбиво Глеб.

- Живем, - неопределенно ответил старший Варлаам.

- Семья-то велика ли?

- У меня семеро деток. У брата, младшего, пока двое.

- Дай Бог им всем здоровья. Оставайтесь на новом месте, коли берег Кубены вам по душе. В этом году освобождаю вас от всяких сборов. Слышишь, тиун? А дальше посмотрим. Что заставило покинуть Ростовскую землю?

- Жить стало невмоготу, - сдержанно ответил Варлаам. - Хану плати, ханским людям плати, боярину нашему плати. Не выплатишь - отберут скот, последние запасы из амбара. А детишек полон дом. Чем их кормить.

- Всю скотину забирал изверг боярин, - добавил Евлогий. Последнее время питались только рыбой да грибами. Да иногда удавалось утку

подстрелить. Хорошо, Волга-кормилица была рядом. Не выдержали мы такой жизни...

- Старший-то кто у тебя? Сын или дочка? - спросил, подумав, Глеб у Варлаама.

- Сынок. Пятнадцать годиков ему.

- Грамотен?

- Не умудрил Господь.

- Отдай в монастырскую школу. Пусть грамоту осваивает, Священное Писание учит. Игумен Ириной хороший наставник. Выучит парня и сделает из него хорошего пастыря.

Потом Глеб Василькович обратился к обоим братьям:

- Есть у вас какие-нибудь нужды?

- Есть, конечно, - ответил Варлаам. - Детишкам малым молоко нужно. А последнюю корову боярин забрал.

Глеб протянул полотняный мешочек с монетами.

- Вот вам, братцы, детишкам на молочишко. Здесь достаточно, чтобы каждый из вас купил по корове. Это не подаяние, а пособие. Летом отработаете на волоке и тем самым погасите долг. Бревенчатый настил там совсем обветшал, почините. Надо его обновлять.

Князь Глеб встречался также с другими беглецами. Один из них с семьей поселился вблизи села Ухтома на восточном берегу Белого озера. Он был выходцем из-под Рязани. Двое других - выходцы из-под Костромы - поселились у озера Воже к северо-востоку от Белоозера. Остальных переселенцев Глеб не сумел посетить и знакомился с их судьбами по словам Григория Мерькурьева. Это были судьбы обиженных, ограбленных, запуганных людей, устремившихся на север в поисках лучшей доли.

Глава 14. СНОВА ДЕЛА РОСТОВСКИЕ

В Ростове умер после продолжительной болезни престарелый епископ Кирилл II.

Князь Глеб Василькович узнал об этом от гонца, прискакавшего по скованному льдом зимнику, по рекам Волге и Шексне.

От гонца же белозерский князь узнал подробности. В последние месяцы владыка совсем не вставал с постели - отнялись ноги. Умер он спокойно: уснул и не проснулся. Во сне остановилось, перестало биться сердце.

- Хорошая смерть. Дай Бог каждому так уйти в мир иной, - изрек архимандрит Игнатий, заменявший больного владыку.

Он постоянно напоминал, что покойный епископ возглавлял кафедру в течение тридцати лет - срок по тем временам немалый.

Игнатий, мечтавший занять освободившуюся кафедру, и ростовский князь Борис энергично взялись за оповещение высоких светских и духовных лиц, приглашая их на похороны. Первым был оповещен митрополит Киевский Кирилл, тезка покойного, глава русской православной церкви. Игнатий распорядился направить в Киев со свитой одного из близких к себе духовных лиц в чине иеромонаха. Князь Борис Василькович позаботился об оповещении князей, чьи владения входили в состав ростовской епархии. Кроме Глеба, князя Белозерского, были приглашены князь угличский Роман Владимирович, княживший в Угличе после бездетного брата Андрея, и князь ярославский Федор Ростиславич. Одним из первых получил известие великий князь владимирский Александр Ярославич Невский.

Глеб Василькович выехал в Ростов в сопровождении игумена Иринея и неизменного Власия Григорьева санным путем. Когда они достигли своей цели, услышали мерные удары большого соборного колокола без праздничного перезвона, возвещавшего о грустном событии.

Кончина владыки была грустным событием для всего города, для всей Ростовской земли и всей епархии. Неутомимый труженик, просветитель, летописец, он был любим паствой. К нему привыкли за его долгие годы управления епархией.

Гроб с телом был выставлен в кафедральном соборе, и туда длинной цепочкой стекались ростовчане. Если не было службы отпевания, многие,

сменяя друг друга, читали над гробом псалтырь. От гроба не отходила княгиня-мать, инокиня Марфа, заплаканная, исхудавшая. После гибели мужа Василька, а потом отца, черниговского князя Михаила, кончина владыки Кирилла, ее духовного отца и наставника, была для нее очередной тяжелой утратой.

Митрополит Кирилл прибыл в Ростов не один. Его сопровождал епископ Брянский и Черниговский Митрофан (распространенное в то время среди духовных иерархов имя). Прежде его епископия называлась Черниговской и Брянской. Но опустошенный и разоренный Чернигов, как и Киев, представлял из себя удручающую картину упадка и запустения. Поэтому в 1240 году митрополит распорядился перенести епископскую кафедру из Чернигова в Брянск. В результате этого переноса сам владыка Митрофан стал называться епископом Брянским и Черниговским. Кроме него митрополита сопровождали несколько священников и иноков.

Почти одновременно с митрополитом Кириллом в Ростов прибыл великий князь Александр Ярославич, также со свитой из родственников и бояр.

Сперва Борис Василькович попытался предоставить митрополиту лучшие покои в княжеских палатах. Но митрополит Кирилл деликатно отказался и удовлетворился архиерейскими палатами. Борису пришлось потесниться, чтобы разместить великого князя и других сановных гостей. Вслед за князьями нахлынула толпа бояр, ярославских, владимирских, нижегородских. Разместились по особнякам знакомых ростовских бояр и купцов. Особенно многочисленной оказалась толпа из Ярославля. Все они стремились не столько отдать дань уважения покойнику, сколько себя показать, попасть на глаза великому князю Александру Ярославичу.

Отпевание митрополит Кирилл проводил по полному чину в сослужении епископа брянского и сонма духовенства белого и черного. Среди лиц, участвующих в отпевании покойного, оказался и игумен Иринея, сопровождавший белозерского князя.

Торжественные службы отпевания проходили ежедневно в течение недели. После каждой многолюдной службы у гроба покойного оставались три монаха, сменявшие друг друга за чтением псалтыря.

Александр Ярославич после первой же службы уединился для беседы с митрополитом Кириллом: они были старыми знакомыми. Митрополит не любил разоренного Киева и предпочитал проводить время в поездках по восточным епархиям. Несколько раз он навещался во Владимир и встречался там с Невским.

Вот и сейчас Александр Ярославич вернулся к старой теме в беседе.

- Дозволь, владыка, полюбопытствовать... - начал с вопроса Невский. - Сколько годков прошло с тех пор, как погиб блаженной памяти владимирский владыка Митрофан?

- Без малого двадцать пять годков.

- И все эти годы владимирская епархия без своего владыки. Будет ли когда-нибудь во Владимире свой епископ? Все же стольный город великого княжества.

- Помнится, мы как-то уже толковали об этом. Владимир заслуживает того, чтобы учредить в нем не епархию, а митрополию. Не один год пекусь о том, чтоб перенести кафедру из Киева в твой стольный град.

- Так в чем же дело, владыка? Киев потерял свое былое значение. Владимир теперь центр Руси.

- Ты спрашиваешь - в чем дело? Не простой вопрос, чтобы его решить легко. Некоторые западные епископы упрямятся против переноса кафедры. Не легко уломать их, доказать, что от Киева осталось одно имя да груда пепелища и руин. И еще нужна поддержка Константинопольского патриарха. Я уже обращался к нему. А он что-то медлит с ответом.

- Могу тебе лишь одно сказать, владыка. Настало время для переноса твоей кафедры во Владимир. Ох, как настало.

Постоянно встречался Александр Ярославич и с князьями, собравшимися на похороны ростовского владыки. Темой для разговоров с князьями была тревожная обстановка в некоторых княжествах Северо-Восточной Руси. Безудержные поборы баскаков, разорявших население, мздоимство бояр, которые старались не отставать от баскаков, вызывали глухое недовольство и брожение в народе. Иногда это прорывалось в открытые вспышки людского гнева. Уже имели место случаи сопротивления русичей ханским сборщикам дани, нападения на них. Особенно беспокойной была обстановка во Владимире, Ростове, Суздале, Переяславле и Ярославле.

Александр Ярославич пригласил для беседы и братьев Васильковичей, стал расспрашивать об обстановке в ростовском и белозерских уделах.

- Тревожно, - пожаловался Борис Василькович, а всему виной Фатулла, жаден, жесток, коварен. Его отряд уже не досчитался нескольких человек. Исчезают при загадочных обстоятельствах. Мне стоило больших трудов убедить Фатуллу не валить их исчезновение на ростовчан. Заблудились, мол, в лесу, напоролись на хищного зверя.

- Поверил?

- Вряд ли. Знаю, что послал жалобу главному баскаку во Владимир.

- А что ты скажешь, князь Глеб? - спросил Александр Ярославич

белозерского князя.

- Обстановка-то спокойная, - ответил Глеб Василькович. - Сложность в другом - массовое бегство людей от гнета ханских людей в белозерскую землю. Бегут к нам с Ростовской земли, Ярославской, Костромской, Нижегородской.

- Ас Владимирской земли к тебе бегут? - въедливо спросил великий князь.

- Тоже бегут.

- И как поступаешь с беглецами?

- Что мне делать с ними? Расселяю по уделу, даю землю. Встречался и беседовал Александр Ярославич и с другими князьями, выслушивал их жалобы на баскаков. Федор Ростиславич, из Ярославля, пожаловался на Фатуллу и своих бояр.

- Пытался приструнить бояр. Земледелец должен десятину выложить ханским людям. Да и князь должен что-то положить к себе в мошну, чтобы содержать двор и дружину. А бояре твердят свое - не уложимся, коли только десятину с людишек соберем на свои нужды. Надо и хоромы содержать, и челядь немалую, и дружинников. Некоторые бояре ухитряются отбирать у земледельца не десятину, а всю половину урожая. Что же останется крестьянину?

- А почему боярин должен содержать дружину? - спросил Александр Ярославич. - Дружина должна быть у князя.

- Вот и я то же говорю. Распорядился, чтобы боярин держал для личной охраны не более десятка человек.

- Подчинились твоему распоряжению?

- На словах подчинились, хотя и поворчали. А на самом деле хитрят, продолжают свое. Трудно мои отношения с боярами складываются. Особенно с многочисленной родней княгини-матери: все с гонором.

- Смотри, не перегни палку, князь, - предупредил Александр Ярославич. - Ты в княжестве хозяин, всему голова. Заставь подданных почувствовать твердую руку. Но не забывай, что бояре твоя опора. Старайся ладить с ними.

- Стараюсь. Да не всегда это получается.

Погребли останки покойного епископа в подвале кафедрального собора. На следующий день после похорон состоялось рукоположение во епископа ростовского игумена Игнатия. Совершая церемонию рукоположения, митрополит киевский произнес проникновенную речь. Он вспомнил добрым словом покойного, книжника, просветителя, летописца, неумоимого труженика, и выразил надежду, что новый ростовский

владыка будет достоин своего предшественника и преумножит добрые его деяния.

В день погребения епископа Кирилла в Ростов прибыл из Владимира со свитой великий баскак Амраган. Если бы не скуластое лицо и не характерный восточный разрез глаз, Амрагана можно было бы принять за богатого русского боярина. На нем были суконный длиннополый кафтан, отороченный соболиным мехом, пояс, расшитый жемчугом и сафьяновые сапоги. Все это были подарки Александра Ярославича, умевшего ладить с татарами.

Амраган держался начальственно, стараясь подчеркнуть, что он, ханский наместник, главное лицо во Владимире, а великий князь только его подчиненный. Впрочем, главный баскак был с Александром Ярославичем вежлив, позволял себе иногда соглашаться с его мнением и идти на уступки.

Амраган пожелал встретиться со всеми князьями, съехавшимися на похороны. Александр Ярославич представил ему нового ростовского епископа.

- Владыка Кирилл будет окормлять и владимирскую епархию, пока нет во Владимире своего епископа, - пояснил Невский.

Амраган покивал головой. Он немного понимал русскую речь, улавливая ее общий смысл, хотя всегда имел при себе толмача, на случай, если встретятся затруднения.

- Хотел бы воспользоваться благоприятным случаем, когда здесь собралось много русских князей, - обратился к великому баскаку Александр Ярославич. - К тебе поступает, я знаю, много жалоб на русичей. Мол, вспыхивают споры, ссоры между русичами и ханскими людьми.

- Ты прав, князь Искандер, много жалоб было. Были жалобы на ростовчан, ярославцев. Уже не припомню всех.

- Ко мне также поступают жалобы на баскаков и их людей. Обычно они не удовлетворяются установленной ханом десятиной. Требуют большего. Бывает, силой отбирают скот, имущество. Многие русичи не выносят таких поборов, бросают насиженное жилье, уходят в леса.

- Это плохо, если это правда, князь Искандер.

- Зачем я бы тебя обманывал? Давай, Амраган, вместе поразмыслим, что мы могли бы сделать, чтоб не поступало жалоб и к тебе и ко мне.

- А ничего мы не сделаем. Если русич выплачивает хану десятину, он этим уже недоволен.

- Если бы дело ограничивалось десятиной... Каждый баскак увеличивает десятину ради собственной выгоды. Таков, например,

ростовский Фатулла. Все ростовчане, ярославцы говорят о нем со злостью. А с прежним, Бурханом, русичи ухитрились ладить.

- Смени, Амраган, Фатуллу. И большой беды избежим, - поддержал Феодор Ростиславич.

- Князь Феодор прав, - согласился и Борис Василькович.

- Прислушайся к словам князей, великий баскак, - произнес Александр Ярославич. - Мы опасаемся, что в Ростовской и Ярославской земле могут вспыхнуть беспорядки. Люди слишком обозлены на Фатуллу.

- Вы забываете, что все вы подданные великого хана Берке, - сердито возразил князьям Амраган. - И коли вызовите гнев хана, на ваши земли обрушатся ханские войска.

Запылают города, люди превратятся в полонян, которых толпами погонят в Орду.

- Нам такое ведомо, Амраган, - спокойно заговорил Алесандр Ярославич. - Но давай порассуждаем, принесет ли это большую выгоду Орде? Сможет ли ограбленное, запуганное, попрятавшееся по лесным углам население исправно выплачивать ханскую десятину?

- В чем-то ты прав, Искандер, - согласился Амраган. - И где ты видишь выход?

- Выход очень простой.

- Поведай.

- Баскачество изжило себя. И зачем хану использовать такую массу людей, которые лишь осложняют добрые отношения между русскими князьями и великим ханом?

- Ты предлагаешь отказаться от баскачества?

- А почему бы нет? Пусть сами князья собирают дань со своих жителей и посылают ее хану. Хан свое получит. Злоупотреблений со стороны таких, как Фатулла, больше не будет.

Все участники встречи горячо поддержали Александра Ярославича. Пусть хан возложит сбор дани на самих князей, и тогда не понадобятся никакие баскаки. Все они мздоимцы и вымогатели.

Нельзя сказать, что великий баскак не прислушивался к голосам. Говорят, вода капля за каплей точит камень. Амраган послал донесение хану о настроениях князей, предлагавших передать сбор дани в их руки. Подобные предложения хан получал и позже от преемников Александра Ярославича, его братьев Ярослава и Василия, занимавших последовательно великокняжеский стол после кончины Невского. В конце концов институт баскачества был упразднен и сбор дани был передан в руки самих князей. Но это произошло позже, когда белозерского князя Глеба уже не было в

живых. Великий баскак же, Амраган, человек неглупый и хитрый, понимал, что нужно иногда прибегать к маневрам и уступкам, чтобы ладить с князьями. И в конце концов он решил удалить Фатуллу, вызывавшего всеобщую ненависть населения. Ростовский баскак был отозван в Сарай-Берке, а его место занял помощник Файзулла, человек более покладистый.

Князья поздравили нового ростовского владыку Игнатия с рукоположением на епископскую кафедру. Приняв поздравления, Игнатий пообещал объехать в ближайшее время все основные города епархии. А Александр Ярославич продолжил беседовать с каждым из князей, собравшихся в Ростове, стремясь выяснить, вылилось ли недовольство баскачеством в открытые волнения и бунты жителей.

Ситуация оказалась тревожной почти во всех княжествах, за исключением Белоозера. Еще не покинул Ростов великий князь, как прискакал гонец из Ярославля и сообщил, что за Волгой появился вооруженный отряд повстанцев, воспрепятствовавших сбору дани. В столкновении с отрядом было ранено два баскака из числа людей, собиравших ханскую десятину. Ордынцы были вынуждены спасаться бегством, побросав подводы с собранной данью. Повстанцы воспользовались добычей и раздали ее местным жителям, особенно пострадавшим от сборщиков.

Побитые сборщики укрылись в ближайшем боярском имении, принадлежащем Донату, одному из братьев княгини Ксении. Донат, несмотря на суровое распоряжение князя Федора Ростиславича сократить боярскую дружину до десятка личных телохранителей, продолжал держать большой отряд вооруженных дружинников. Выслушав жалобы ордынцев, военачальник дружины, верный человек Доната решил устроить облаву на повстанцев и сурово наказать злоумышленников. Он объявил во всеуслышание, что зачинщики будут повешены. Но повстанцы расселились по окрестным лесам. А преследователи рыскали по тем же лесам, нигде не встречая ни одного злоумышленника. А тем временем, пока дружина Доната бесцельно обшаривала леса, злоумышленники спалили боярскую усадьбу, оставленную без надежной охраны.

Ярославский боярин Донат находился в то время в Ростове в числе участников похорон владыки Кирилла. Новость, привезенная гонцом, привела его в состояние растерянности и гнева. Донат обратился к великому князю Александру Ярославичу.

- Рассуди, княже. Беда-то какая нас постигла. Взбунтовавшаяся чернь бесчинствует. Вместо усадебного дома со всем нажитым добром осталось пепелище. Покарай злоумышленников.

Александр Невский спокойно сказал:

- Не дело великого князя путаться в делах удельных князей. У меня самого случались беспорядки во Владимирских землях. У тебя есть свой князь Федор. Пусть он и заботится о Ярославской земле.

- Грешно жаловаться на своего князя, тем более что родня он, племянницы муж, мне зять, выходит, - продолжал Донат. - А не могу молчать. Князь Федор вольно или невольно попустительствует бунтовщикам.

- Серьезное обвинение. Что скажешь, Федор Ростиславич, в свою защиту? - насмешливо спросил Александр Ярославич.

- Отвечу, - неторопливо произнес ярославский князь. - Я решительно против того, чтобы каждый боярин располагал личными дружинами. Дружина в княжестве должна быть одна и находиться в руках князя. А боярин, коли хочешь служить князю, служи в княжеской дружине воеводой. Это вызвало резкое противодействие бояр. Многие не посчитались с моим распоряжением. Одним из них является Донат. Как видите, бунтовщиков он не успокоил, а недовольство населения вызвал.

- Что скажешь на это, боярин? - обратился Александр Ярославич к Донату.

- Видел угрозу бунта. Вот и не спешил расстаться с дружиной.

- Твоя дружина, однако, с бунтовщиками не справилась, - вспылил Федор Ростиславич.

- Попробуй справиться... Рассеялись по лесам. Где их сыщешь?

- Бунтовщиков, в конце концов, можно переловить и вздернуть на осины. А кто будет дань платить ордынцам, содержать барскую челядь, приход?

- Разумно рассуждаешь, - согласился с Федором Невский. - Наверное, надо разобраться в том, что вызвало недовольство людей, заставило их бунтовать.

- Известно что. Неумеренные поборы, - вступил в разговор Глеб Василькович.

- Тебе легко рассуждать, Глебушка, - произнес Федор Ростиславич. - Фатулла от тебя далеко. Бояре не расплодись, как клопы в грязной избе. Нет и причин для бунта.

- Вот и поручим князю Глебу разобраться в том, что произошло в Ярославском княжестве. Кто виноват в возникновении бунта? Баскак, бояре, князь или все вместе взятые, - принял решение Александр Ярославич.

Выяснилось, что бунты против ханских поборов происходили и в

других княжествах. Жаловался на волнение, охватывающие Костромскую землю, брат великого князя Василий Ярославич. Серьезные выступления против ордынцев прошли в районе Суздаля и Переяславле: под Переяславлем был убит сборщик дани.

Ростовский князь Борис Василькович долго отмалчивался, не желая выносить сор из избы. И разговорился только тогда, когда Александр Ярославич спросил его напрямик:

- А почему князь Борис помалкивает? В ростовском уделе все благополучно?

- Как у других, - уклончиво ответил Борис Василькович.

- Что значит, как у других?

- Бунтуют, прячут урожай, бегут.

Когда Александр Ярославич все же заставил Бориса Васильковича разговориться, тот признался - большая группа повстанцев действует между Ростовом и Угличем. Они встречают ханских людей с оружием в руках, прячут в тайные закрома продукты питания. Были случаи избиений и даже убийств сборщиков дани. А еще произошел неожиданный случай. Отряд бунтовщиков напал на усадьбу боярина Анти-па Евлампиева, ближайшего советника ростовского князя, попотрошил его амбары, побил слуг, которые пытались оказать сопротивление бунтовщикам.

Подводя итоги бесед с князьями, Александр Ярославич сказал:

- Перед нашим разговором, князь, я провожал главного баскака Амрагана. Он прекрасно осведомлен о том, что происходит в княжествах, обо всех бунтарских выступлениях.

- И что же нас ждет, братец? - спросил Василий Ярославич, князь костромской.

- Амраган признался мне, что по долгу службы обязан известить хана Берке обо всех случаях неповиновения ханским людям, их избиений и убийств.

- Господи, помилуй нас грешных, - воскликнул угличский князь Роман, набожный и богомольный человек, которого близкие почитали за блаженного и поэтому посмеивались над ним.

- Бог-то бог, только будь и сам не плох, - многозначительно произнес Александр Ярославич. - Что нас ожидает?

Великий князь не сразу ответил на поставленный вопрос и выдержал большую паузу.

- Среди ордынских сановников существуют две партии, - начал свой пространный ответ Александр Ярославич. - Одна партия состоит из людей воинственных, жестоких. Это преимущественно военачальники, темники,

тысячники. Среди них есть влиятельные ханские родственники. Они сторонники крутых мер. Полагают, что на бунты русичей надо отвечать огнем и мечом. Коли прольется кровь одного ордынца, а уже пролилась кровь не одного, а многих, надо отвечать жестокими карательными мерами, захватом полонян, разграблением городов, казнями строптивых князей. Другая партия состоит из вельмож, придворных, купечества. Они сторонники мирных отношений с русичами. С ними можно толковать о взаимных уступках, даже о ликвидации баскачества.

- К какой же из партий склоняется сам Берке? - спросил Борис Василькович.

- Хан прямо не высказывает свою позицию. Видимо, прислушивается к обоим партиям и своей позиции еще не определил. Вижу настоятельную необходимость опять ехать в Орду для встречи с Берке. Надо убедить его отказаться от нового похода на Русь, сохранить с князьями мирное сотрудничество. Убедить, что это выгодно для самой Орды. А заодно стану убеждать Берке вообще отказаться от баскачества. Пусть он отдаст сбор дани в руки самих князей.

- Когда ты, брат, намерен в Орду направиться? - спросил Василий Костромской.

- Весной. Когда пройдет по Волге ледоход.

Князья разъезжались по своим уделам. Уехал Александр Невский, сопровождаемый братьями Ярославом и Василием. Митрополит Кирилл и вновь рукоположенный епископ Игнатий, по приглашению великого князя, отправились вместе с ним во Владимир. Пока митрополит не назначил самостоятельного епископа на владимирскую кафедру и не добился переноса митрополии во Владимир, Игнатий должен был окормлять и Владимирскую область.

С братьями Васильковичами остался только ярославский князь Феодор Ростиславич. Борис, заядлый охотник, принялся настойчиво звать на медвежью охоту.

- Мои егеря выследили берлогу матерого медведя. Составьте, братцы, компанию. Славно поохотимся.

- Не до охоты сейчас, - решительно отказался Феодор. Глеб тоже высказал нежелание участвовать в облаве на медведя.

- Поговорим лучше о делах семейных.

Он признался, что его княгиня Феодора понесла. Ходит на третьем месяце. Оттого-то он и не рискнул взять с собой супружницу в эту поездку.

- И моя Марьюшка забрюхатела, - самодовольно сказал Феодор Ростиславич.

- Братцы, а мне в голову пришла удачная мысль, - сказал интригуяще Борис Василькович. - Кого ждешь, Глебушка, сынка или доченьку?

- Кого Бог пошлет. Хотелось бы сынка, - ответил Глеб. - Негоже коли белозерская ветвь пресечется, как это случится с угличской. Уйдет из жизни блаженная душа, Роман Владимирович, и потомства не оставит, подобно бесплодной смоковнице.

- Вот, вот. Достоинно поступаешь, Глебушка, коли не берешь пример со святоши. Дай Бог тебе сынка.

- Хочу матушку порадовать. Коль сынок родится, назову Михаилом - в честь деда, великомученика Михаила, князя черниговского.

- А если у Марьи родится дочь - мы их и сосватаем с малолетства. Ты, Федорушка, не против? - спросил Борис.

- Почему я должен быть против? - отозвался Федор. - Такая женитьба была бы с нашей стороны мудрым шагом. Укрепила бы мое положение на ярославском столе. И приструнила бы смутьянов.

Февраль подходил к концу, когда Глеб и Федор со своими людьми покидали Ростов. Белозерский князь задержался в Ярославле, навестил княгиню Марью Васильевну, пожелал ей доброго здоровья и благополучных родов.

- Погостил бы у нас подольше, Глеб, - предложил Федор Ростиславич.

- Некогда гостить. Надо выполнять указание великого князя: разбираться, что же произошло на Ярославщине, в волости боярина Доната.

- Уж этот мне Донат...

- С него и начну.

- Дам тебе сильную охрану.

- А вот это ни к чему. Мне нечего опасаться. Я ведь ничего плохого не делал.

- Делал или не делал - бунтовщикам все едино. Коли князь или боярин - значит, враг. - Непременно буду тебя сам сопровождать с десятком надежных людей.

- Не советовал бы. Людской гнев может обрушиться и на тебя.

- Я ведь пока князь ярославский. И могу поступать, как считаю нужным.

- Разве я оспариваю твои права, князь Федор? Я только высказал свое мнение.

- Вот и договорились. Буду тебя сопровождать, коли своего отряда у тебя нет.

- Со мной Власий и конюший.

- Не густо. Рискуешь напороться на разбойников.

- Я твоим ярославцам ничего плохого не делал, поэтому и не вижу причин опасаться разбойников. Да и разбойники ли они? Наверное, просто обиженные, ограбленные люди.

- И куда ты хотел бы направиться?

- Сперва в усадьбу Доната. Ту самую, которую пожгли бунтовщики.

- Воля твоя. Едем в усадьбу.

Глеб Василькович уместился в одни сани вместе с Власием и конюшим. А конного Федора Ростиславича сопровождали десять всадников, хорошо вооруженных. Преодолели Волгу по ледяному покрову, далее двинулись противоположным берегом в направлении верховьев. Достигли устья левого протока Волги, небольшой речки Соты, и поднялись вверх по ее течению. Местность была лесная. Ели, запорошенные снегом, подступали хвойной стеной к самому берегу. Здесь и находилась главная вотчина боярина Доната, дяди княгини Марьи.

Было бы преувеличением сказать, что от донатовской усадьбы осталось одно только пепелище. Сгорели главный дом и изба для стражников. Ограждавший усадьбу частокол был наполовину разобран. Сохранились хозяйственные постройки, избы для челяди и усадебная столпообразная церковь вместе с домом священника.

Одну из людских изб занимала теперь часть отряда стражников, другая часть осталась при боярине Донате. Старший дружинник, узнав князя Федора, начал жаловаться ему на бунтовщиков, учинивших погром и поджог усадьбы, на их неуловимость. У Глеба Васильковича постепенно сложилось представление, что стражники не слишком-то стремились отыскать в лесу бунтовщиков и разоружить их: это привело бы к кровопролитному столкновению. А во-вторых, стражники сами недолюбливали хозяина и не слишком-то радели за него.

- Прикажи своим людям потесниться в избе. Пусть мои дружинники отдохнут с дороги, - сказал князь Федор стражнику.

Глеб Василькович тем временем зашел к священнику, отцу Никифору, рослому светловолосому человеку, скорее похожему на воина, чем на пастыря. Встретил он белозерского князя настороженно.

- Чьих будете?

- Князь белозерский Глеб. Слышал про такого?

- Как же, слышал. Брат ростовского князя Бориса. Бегут наши людишки к вам на Белоозеро?

- Случается.

- Говорят, там у вас райское житье.

- Не райское, конечно. Но народ не бунтует.
- Значит, нет причин бунтовать, как у нас.
- Расскажи-ка, пастырь, что послужило причиной. Почему дело дошло до поджога барской усадьбы?

- Разве не понятно? Неимоверные поборы. Баскак и его люди не довольствуются десятиной. Давай им еще и еще. И боярин наш тоже...

Священник умолк, запнувшись. О боярине, от которого зависело его благополучие, говорить ему не хотелось или было боязно. Глеб Василькович уловил его мысль.

- Чтоб построить такую усадьбу, нужны силы, деньги. Вот и состязались в лихоимстве баскак и здешний вотчинник?

- Вестимо.

- Кто же главный бунтарь?

- Известно кто, Яшка Барсук. Барсук Яшкино прозвище. Выбрал время, когда дружина была в отлучке и попалил усадьбу. И снова как в воду канул. Ищи его в лесных дебрях.

- И велика ли у него ватага?

- А кто его знает. Не один, конечно.

- Хотел бы встретиться с ним. Посоветуй, отче, как это сделать?

- Не знаю. Яшка осторожен. Небось подумает, что ты ему западню готовишь.

- Мне какая от того выгода? Хочу разобраться получше, что заставило людей бунтовать, уходить в леса. Могу поклясться тебе, отец Никифор, перед образами, что никаких недобрых замыслов против Яшки не имею.

- Ты-то, может быть, и не имеешь. А ты уверен, что Яшка отпустит тебя по-хорошему? Не любит он ни бояр, ни князей. Как бы не решил, что ты с ними одного поля ягода.

- Я же безоружный, без дружины. Сопровождают меня только два человека.

- А как же князь Федор с дружинниками?

- Они останутся здесь и сопровождать меня не будут.

- Ну, коли так... Поклянись еще раз, что других намерений против Якова и его людей не имеешь.

- Вот тебе истинный крест... - Глеб размашисто перекрестился перед образами.

- В лесном выселке, что версты три отсюда, вверх по ручью, притоку Соти, живет Яшкина сестра. Возможно, она знает, где можно найти Барсука. Или сама отыщет его.

- Спасибо, отче. Как звать сестру?

- Варвара. Она сторожила при часовенке.

Глеб Василькович воспользовался тем, что Федор Ростиславич и его люди отдыхали с дороги. Он вместе с Власием и конюшим углубился в чащу леса, двигаясь по скованному льдом извилистому ручью. Лесная опушка чередовалась с заснеженными полянами, служившими летом сенокосными угодьями. Версты через три лес отступил от ручья. Здесь стояли три убогих избушки с односкатными кровлями и малая часовенка с крестом на коньке крыши.

Заслышав скрип санных полозьев, из крайней избы вышла пожилая женщина.

- Вам кого? - спросила она, внимательно разглядывая пришельцев.

- Тебя, коли ты Варвара, - ответил Глеб.

- И что тебе от меня надобно, путник?

- От тебя ровным счетом ничего, - ответил сдержанно Глеб. - Хотел бы повидать твоего брата.

- Нет у меня никакого брата.

- Запомнявала, Варвара. Есть у тебя брат Яков по кличке Барсук. Видишь, нас только трое. И все мы безоружные. Встреча с нами Якову ничем не грозит. Сообщи ему это. А если хочешь нам удружить, принеси по кружке молока. Вот тебе монета.

- Нет у меня коровы. Была, да барин забрал за недоимки.

- У соседей есть?

- У одного.

- Вот и добудь у него молока. Вот тебе еще монета. Соседу отдашь за молоко, а себе возьмешь за труды.

Молоко Варвара принесла и куда-то исчезла. Но ее отсутствие продолжалось не слишком долго. В избу ввалились трое мужиков, вооруженных луками и самодельными кинжалами. Все были в лаптях и холщовых онучах, выдавших виды полушубках и бараньих шапках, нахлобученных по самые брови. Державшийся за старшего был невысок ростом, но коренаст и плечист. Он и повел речь.

- Ну, я Яшка по прозвищу Барсук. А ты кто таков? По одежке, видать, боярин.

- Ошибаешься. Не боярин, а князь.

- А не врешь? Князя нашего Федора я однажды видел. Пovyше тебя ростом будет и в плечах пошире.

- Я не ярославский князь, а белозерский. Глебом меня зовут. Слышал о таком?

- Слышал. Не люблю ни князей, ни бояр. Все вы душегубы. Разорили

народ, заставили голодать. А ты не побоялся ко мне без дружины пожаловать? Ведь можем и не выпустить.

- Понадеялся на здравый смысл, Яков. Поэтому и пожаловал к тебе. Ты что-нибудь плохое от меня видел?

- Да пока вроде нет.

- Беженцев на Белоозере принимаю. Это тебе ведомо?

- Слышал.

- Коли жить тебе на Ярославщине стало невтерпеж, перебирайся к нам на Белоозеро. Дам тебе землю, жильё.

- Ишь, какой добренький. После того как мы спалили боярскую усадьбу, остается одна дорога - на край света. Если убегу с Ярославщины, то на север, на Двину или Мезень.

- Воля твоя, Яков.

- Так зачем ты к нам пожаловал, князь Глеб?

- По воле великого князя Александра Ярославича. Повелел он, чтобы я выяснил, отчего бунтуете, чем недовольны. Что нужно сделать, чтоб такого не случалось впредь.

- Еще одна добрая душа нашлась. Думаешь, князь Александр сумеет перебороть все злоупотребления: баскаков, бояр, князей? И кругом воцарится доброта и справедливость? Так?

- Не знаю, сумеет ли. Конечно, найдутся те, которые воспротивятся ему. Но князь Александр намерен добиваться перед ханом, чтобы не стало баскачества, а сами князья собирали ханскую дань. Тогда не будет прежних злоупотреблений.

- Почему ты уверен, что не будет?

- Баскак и его люди всегда норовили не ограничиваться положенной десятиной, а еще урвать изрядный куш в свою пользу. Разве не так?

- Чем бояре, такие, как наш Донат, лучше баскаков?

- Князь Федор пытается приструнить бояр. Вы бы помогли ему.

- Как ему поможешь, когда у бояр сила, власть, дружины.

- Это уж вам решать, как.

Яшка Барсук рассказал князю Глебу, что пережили жители волости, принадлежавшей Донату.

Заносчивость и корыстолюбие боярина резко возросло с тех пор, как его сестра Ксения выдала дочь свою Марью за князя Федора Ростиславича. Теперь Донат при каждом удобном случае не переставал напоминать, что он как ближайший княжеский родственник вправе жить на широкую ногу: содержать дружину, строить роскошные хоромы. Это стремление легло тяжким бременем на крестьян. Донат заставлял их трудиться над

возведением боярских палат, кормить обширную дворню и дружину, заготавливать лес. Непрерывно росли поборы с каждого крестьянского двора. Если крестьянин был не в состоянии выплатить повинности, у него отбирали скот, птицу, ульи, домашнее имущество. Было немало случаев, когда разоренные, ограбленные люди покидали насиженное место и уходили в поисках лучшей доли в далекие северные края, в Белоозеро, в Вятскую землю, на Северную Двину. А отдельные, доведенные до отчаяния люди, шли в леса и становились разбойниками. Нападали на купеческие караваны, барские усадьбы.

- Спасибо тебе, Яков, за грустный рассказ, - сказал Глеб Василькович. - Ты дал мне тему для беседы с великим князем.

- Будет ли прок от такой беседы?

- Этого я не знаю, - искренно сознался князь Глеб. - Могу только одно тебе пообещать. Не найдешь здесь справедливости, можешь рассчитывать на пристанище в Белоозере.

- Лучше подамся на север, на Двину или Мезень. Там бояре не отыщут меня, коль задумают мстить за мои дела.

Распрощался Глеб Василькович с Яковом мирно. На обратном пути дважды встречались ему вооруженные люди из ватаги Барсука, охранявшие подступы к высылке от возможного появления нежеланных гостей.

- Ты куда запропастился, Глеб, - взволнованно встретил его Федор Ростиславич. Я тут все узнал. Взять бы этого Барсука за хвост...

- Не горячись, - остановил его Глеб. - Барсук и его сообщники были доведены до крайности. Я их не виню. Вот послушай.

Глеб Василькович подробно пересказал Федору содержание своего разговора с Барсуком.

Князь Федор молча выслушал Глеба и мрачно задумался.

- Что скажешь, сосед? - спросил его Глеб Василькович.

- А что бы ты сделал на моем месте? - уклончиво ответил Федор.

- Не легко ответить.

- А что-то делать надо. Ты не ответил на мой вопрос, Глеб. Как бы ты поступил на моем месте?

- Наверное, пошел бы на крайние меры.

- Какие же?

- Отобрал бы у Доната его волость в назидание другим. На том основании, что боярин своим неумелым хозяйствованием вызвал взрыв недовольства жителей. А это опасный пример для других волостей.

- Я на такое пока не решусь. Да и ты, уверен, на моем месте не решился бы. На словах-то все легко...

Беседа Глеба с Федором была прервана неожиданным появлением боярина Доната, владельца волости. О приезде князей старший дружинник счел своим долгом известить хозяина и послал для этого гонца в Ярославль.

Донат заговорил запальчиво, даже дерзко.

- Любуетесь, князья, моим пепелищем?

- Любоваться нечем. Сочувствуем, - ответил Федор Ростиславич.

- И стараемся разобраться, в чем причины бунтарских выступлений, - добавил Глеб.

- Известно в чем. В людской неблагодарности, зависти, - продолжил в прежнем тоне Донат.

- Неверно рассуждаешь, боярин, - прервал его Глеб Василькович. - Всякий бунт имеет свои причины. Не выдюжили мужики поборов и повинностей. Тебе захотелось по богатству палат состязаться с князем?

- Ну и что? Я все же в родстве состою с князем Федором.

- Ничего ты не понял, Донатка, - вздохнул Федор Ростиславич. - Что же нам теперь делать?

- Известно что, - с вызовом ответил боярин. - Помоги, князь, изловить Барсука. А уж это мое дело, как с ним далее поступить, вздернуть на осине или утопить в болоте.

- А у князя Глеба иная мысль на сей счет.

- Ты, Донат, оказался неспособным управлять имением, - убежденно произнес Глеб. - Подтолкнул население к бунтарским выступлениям, которые могут перекинуться на другие волости.

- Уже перекинулись, - вставил Федор.

- Будь я твоим князем, я бы лишил тебя волости, - честно закончил Глеб.

- Слава Богу, не ты мой князь. Или князь Федор согласен с этим?

- Подумаем, - неопределенно ответил Федор.

Глеб Василькович задержался в Ярославле еще недели на две. Он узнал за это время, что и в других боярских вотчинах вспыхивали волнения. Правда, нигде не жгли усадеб: были нападения на обозы, поджоги стогов сена и хлебных скирд, избиения боярских челядинцев и стражников. Причины были везде одни и те же - тяготы поборов.

Князь Глеб записывал все эти случаи, составляя пространное донесение для великого князя Александра Невского. Прежде чем возвратиться домой, на Белоозеро, Глеб Василькович должен был посетить Владимир.

От предложения отправиться вместе для встречи с великим князем Федор Ростиславич сперва отказался.

- Зачем я поеду? Ярославич меня не приглашал.

- Но ведь речь пойдет о твоём уделе, - возразил Глеб. Все же ему удалось уговорить Федора поехать.

От Ярославля до Владимира и полутора верст не будет. Ехать можно через Ростов. Но Глеб Василькович решил, чтоб не было соблазна задерживаться у брата, выбрать другой путь, оставив Ростов в стороне.

Во Владимире Александра Невского не застали. Накануне стольный град покинули митрополит Кирилл и сопровождавший его новый ростовский владыка Игнатий. Иерархи направлялись в Суздаль, а затем намеревались посетить Ярославль. Великий князь, отдавая дань вежливости, решил проводить иерархов до Суздаля, расположенном недалеко от Владимира.

Пришлось Глебу Васильковичу и Федору Ростиславичу дожидаться возвращения великого князя. В домово́й церкви при княжеских палатах Глеб встретил старого знакомого, священника отца Максимиана. Он был духовником княжеской семьи и обычно сопровождал Александра Ярославича в его поездках. Это он венчал в ордынской столице князя Глеба с ханской родственницей, получившей имя Феодоры.

- Как поживает моя крестница? - поинтересовался священник.

- Ждет появления чада.

- Дай-то Бог.

От священника Глеб узнал, что Александр Ярославич собирается в Орду, как только Волга вскроется ото льда и пройдет ледоход. Отец Максимиан, как обычно, будет его сопровождать.

Вскоре возвратился из Суздаля Александр Ярославич. Прискакал на вороном жеребце в сопровождении дюжины вооруженных всадников. Легко соскочил с коня, легкий, поджарый, проворный, несмотря на свой возраст.

Глеб и Федор доложили о положении дел на Ярославщине.

- Ничего неожиданного вы мне не сообщили, - усмехнулся Невский, выслушав князей. - Бунтуют и в Рязанской земле, и в Муромской, и в Костромской, и даже у меня под боком, на Владимирщине.

- Что же нам делать, Александр Ярославич, - пытливо спросил князь Глеб.

- Что делать? - задумчиво переспросил великий князь. - Буду добиваться у хана: пусть сбор дани передаст в руки самих князей. Злоупотреблений, самостоятельных поборов станет меньше.

- А такие, как Донат? Что с ними поделаешь? - проговорил Федор. - Князь Глеб предлагает свое решение. Отбирать у таких вотчину в

наказание за то, что вотчинник неумеренными поборами способствовал волнениям и беспорядкам.

- Не знаю, не знаю, - неопределенно ответил великий князь. - Должны ли мы воздействовать на бояр такими мерами? Они наша опора, сук, на котором сидим. Переусердствуешь - и сук обломится.

- Значит, мириться с бесчинством бояр?

- Я этого не сказал. Князь должен укреплять свою власть, опираясь на дружину, строго контролировать бояр: не позволять зарываться, определить нормы поборов с населения. Князь Глеб предлагает крайние меры, хотя в исключительных случаях можно и их... Но подчеркиваю - в исключительных случаях..

- Я с этим не сталкивался, - заговорил Глеб Василькович. - В моем княжестве бояре покуда не расплодились так, как у Федора на Ярославщине.

- Давайте вернемся к нашему разговору позже. Сперва решим одну задачу - постараемся избавиться от баскачества. В ханском окружении у меня есть сторонники, готовые поддержать. К сожалению, имеются и противники. Они призывают хана послать на Русь войско. Я должен уговорить Берке не делать этого. Вернусь из Орды, поговорим обо всем.

На этом разговор с великим князем, не слишком продолжительный, закончился. Он оставил впечатление какой-то незавершенности, недосказанности. Глеб Василькович и, особенно, Федор Ростиславич были не удовлетворены итогом. Вряд ли Александр Ярославич не знал, что бояре провоцируют своими действиями разоренное население на волнения и бунтарские выступления. А если жертвами таких выступлений становились ханские люди, то это могло иметь опасные последствия.

Глава 15. РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА. КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Уже находясь в Ярославле на обратном пути в свой удел, Глеб Василькович узнал последние новости. Великий князь Александр Ярославич изменил свое намерение дожидаться открытия навигации на Волге. Он решил отправиться в Орду немедленно, зимним путем. Причиной послужили известия, привезенные из Орды во Владимир людьми великого баскака Амрагана. В ханском окружении были встревожены бунтарскими выступлениями против сборщиков дани. Сторонники крутых мер готовили полки для карательного похода в русские земли и ждали согласия хана Берке на выступление.

- Отврати, Господи, от нас беду лихую, - произнес князь Глеб, выслушав тревожную новость и перекрестился.

Он поспешил к себе на Белоозеро. Погода стояла мягкая, зима подходила к концу. Днем на солнцепеке появлялись лужицы, подмерзавшие к ночи. Глеб Василькович не мог заснуть в санях из-за невеселых дум, одолевавших его. Если ордынцы решатся на карательный поход, избежит ли на этот раз Белоозеро опустошительного нашествия, останется ли в стороне от кровавых событий?

С такими мыслями князь Глеб достиг своего стольного города.

Княгиня Феодора, заметно округлившаяся, порывисто обняла мужа, не сдерживая слез радости.

- Ну, что расплакалась? Видишь, вернулся живым, здоровым, - утешал ее Глеб.

- Долго-то как пропадал. Уж я переволновалась. Всякое думалось.

- Дела серьезные были. Хоронили владыку, утверждали нового. Потом пришлось совершить поездку во Владимир, к великому князю. Он в Орду отправился. Татары грозят нам военным походом.

- Неужели и на нас обрушится беда великая?

- Будем надеяться, что Господь нас избавит. Случались на Руси беды великие, становились города пепелищами, угонялись русичи в полон. Но Белоозеро сие миновало. Край наш далекий от проезжих дорог, лесной. Ханские полчища не решались углубляться в наши леса и болота.

Потом состоялась встреча Глеба Васильковича с игуменом Иринеем.

Обсуждали тревожные новости.

- Я верю в мудрость великого князя Александра Ярославича, на его умение влиять на хана и распутывать самые сложные узлы, - сказал убежденно Глеб. - Он великий политик. Но исключать худший исход не будем.

- Какой худший исход? О чем ты, князь?

- Представь, на Белоозеро пришла ханская рать...

- Ты в это веришь?

- Не очень. На Белозерскую землю еще ни разу не ступала нога ордынца, если не считать людей баскака. А все же меры предосторожности будут совсем не лишними.

- Я разошлю послание по приходам. Пусть пастыри молятся за предотвращение беды, - решил Ириней.

Глеб Василькович все же принял некоторые меры. Тиунов всех прибрежных сел, расположенных по реке Шексне, обязал вести зоркое наблюдение за южными подступами. Если появятся ордынские отряды, тиун должен был немедленно посылать донесение князю в стольный град. А местные жители при приближении ордынцев пусть уходят в леса, дабы избежать полона. Еще князь Глеб направил Григория Меркурьева с командой верных людей на крайний север Белозерской земли, на дальнейшее озеро Лаче, из которого вытекала северная река Онега. И поручил подготовить на всякий случай в сельце вблизи озера избы для княжеской семьи и для дружины. На всякий случай! Уж сюда-то ордынцы никогда не доберутся.

Но хлопоты князя Глеба оказались напрасными. Хан Берке не одобрил планы своих воинственно настроенных вельмож, и поход против Руси не состоялся. Под влиянием доводов Невского хан отказался от военного решения дел. Но об этом стало известно позже.

Ранней весной княгиня Феодора родила сына. На этот раз роды проходили легко, а младенец оказался крепким и здоровеньким. Через несколько дней после родов игумен Ириней окрестил его в домовый церкви. Новорожденный был назван Михаилом в честь прадеда, князя черниговского Михаила Всеволодовича.

На следующий день после крестин князь Глеб послал гонца в Ростов, чтобы сообщить матери Марье Михайловне о рождении внука, нареченного при крещении Михаилом. Пусть порадуетя матушка: он выполнил ее пожелание и отдал дань памяти убиенного.

Долгожданное рождение сына стало для князя Глеба великой радостью. Он подолгу сидел рядом с люлькой, вглядываясь в черты

младенца, и старался определить, в кого же уродился сын, в мать или отца. Что-то в ребенке было материнское, а что-то отцовское. Материнское - овал скуластого лица, отцовское - глаза, сине-голубые.

Княгиня Феодора не доверила младенца кормилице и взялась кормить его сама. Отец заказал столяру детскую колясочку и сам катал ее, выходя с женой на прогулку.

В разгар лета пришло известие из Ярославля от тамошнего князя Федора Ростиславича, что княгиня Марья родила дочку. Назвали ее Анастасией.

- Теперь у Михаила есть невеста, - весело сказал князь Глеб жене, вспоминая об уговоре с князем Федором.

А на исходе лета в Белоозеро пожаловали гости, ярославская княжеская чета с дочкой, которой пошел третий месяц.

- Скрепим наш сговор, Глебушка, - торжественно произнес Федор Ростиславич. - Прикажи людям, чтоб подали медовухи. По такому случаю и выпить не грех.

По случаю приезда гостей Глеб устроил пышное пиршество с гуслирами и сказителями.

- Как обстановка в Ярославской земле? Не утихомирились смутьяны? - поинтересовался он в разговоре.

- Главные смутьяны, в том числе Яшка Барсук, подались на север, - ответил Федор. - След их простыл. Остальные попритихли. Притих и Донат. Мужик он неглупый. Уразумел, что перегнул палку. Усадьбу стал восстанавливать, но без прежнего размаха.

Глеб приглашал Федора несколько раз поохотиться на уток и гусей. Вечерами толковали о поездке великого князя в Орду. Каких успехов добьется Александр Ярославич? С чем вернется на Русь?

Обе княгини уединялись в светелке и вели свои женские разговоры. Феодора уже довольно свободно изъяснялась по-русски, хотя и с акцентом и иногда путала окончания слов. Марья, казавшаяся в девичестве какой-то забитой, бессловесной, словно задавленной гнетом властной и деспотичной матери, теперь ожила. С князем Федором они жили дружно, в его спорах с боярами, иногда очень резкими, Марья всегда принимала сторону мужа.

Помолвку Михаила и Анастасии отметили молебном в домово́й церкви. Маленький Михаил рос горластым и неугомонным ребенком. Когда подходило время кормления, начинал зычно реветь. Двухмесячная Анастасия, наоборот, была спокойна и сонлива.

Уехали гости. Перед отъездом Глеб Василькович одарил их подарками: соболиными шкурками, изделиями белозерских умельцев-ювелиров и

косторезов.

Проводив гостей, князь Глеб отправился в Усть-Шехонский Троицкий монастырь к игумену Иринею. Монастырь находился на некотором отдалении от Белоозера и был уже обстроен всякими постройками: новыми братскими корпусами, хлевами, амбарами. Появилось и новое здание монастырской школы. Игумен Ириней был деятельным человеком и неустанно привлекал в число послушников и учеников монастырской школы все новых и новых людей.

- Что посоветуешь, отче? - обратился Глеб Василькович к игумену. - Хотел бы отметить рождение сына богоугодным делом.

- Что посоветую? - задумался игумен. - Поставь новый монастырь, чтоб нес Божью благодать, просвещая язычников.

- О каком монастыре ты говоришь?

- Тебе что-нибудь известно об обители на Каменном острове в Кубенском озере?

- Что-то слышал.

- На острове поселилась группа отшельников. Никто их в монашеский сан не посвящал, постриг не предлагал. Отшельники сами по себе. Ведут монашеский образ жизни, просвещают язычников.

- Ты думаешь, эти отшельники могут послужить ядром будущего монастыря?

- Почему бы и нет.

- В чем они нуждаются, чтоб стать монашеской обителью?

- В храме и келейном корпусе. Пока вырыли себе землянки и поставили убогую часовенку.

- Направлю-ка я на Кубенское озеро Власия Григорьева с командой плотников. А окрестному населению pošлю предписание заготовить потребное количество сосновых бревен. Пусть плотники срубят небольшой храм и братский корпус. Сам бы отправился на Кубенку, да княгиню с малым дитем не хочу оставлять.

- Доброе деле затеял, князь.

Затем князь Глеб встретился с белозерскими богомазами и выбрал из готовых уже работ полный комплект икон на липовых досках для алтаря будущего монастырского храма. Потом дал напутствия Власию. У одного из плотников, обычно возглавлявших строительные бригады, нашлась подборка чертежей храмов, выписанных чернилами на листках пергамента. Каждый чертеж сопровождался и рисунком сооружения.

Глеб долго просматривал листки пергамента и, приняв решение, сказал:

- Можешь соорудить вот этот или этот храм. Простой сруб с главкой на коньке крыши и алтарным прирубом. Действуй.

В середине осени Власий прислал в Белоозеро своего человека с докладом - храм соорудили, остался иконостас. Идет строительство братских келий.

Вскоре после этого на Белоозеро пожаловал из Ростова владыка Игнатий с небольшой свитой. Отслужил молебен в соборной церкви, посетил Усть-Шехонский Троицкий монастырь и монастырскую школу. Остался доволен рачительным хозяйствованием игумена Иринея и его просветительской деятельностью.

Встретившись с Глебом, епископ Игнатий произнес внушительно:

- Главное в пастырской службе в вашем крае - борьба с язычеством.

- Нелегкая задача. - возразил Глеб. - Язычество легко не искоренишь. Живуче оно.

- А кто говорит, что это задача легкая? Решать ее по мере наших сил и возможностей надо.

- Пытаемся. Вот задумали монастырь на Кубенском озере ставить. Там уже имеется для этого основа: остров отшельников.

Глеб рассказал Игнатию об отшельниках на Каменном острове, о строительстве там небольшого деревянного храма, который мог бы послужить основой нового монастыря. Владыка Игнатий одобрил инициативу белозерского князя и предложил ему съездить вместе на Кубену.

- Надо освятить монастырь, рукоположить настоятеля. Дать добрые советы, как вести борьбу против язычества.

Глеб согласился сопровождать епископа.

Погода стояла осенняя, холодная. Дул резкий колющий ветер. Ехали сухопутной дорогой, покрытой раскисшей грязью. Возок то и дело застревал в трясине, еще не успевшей промерзнуть. Тогда всадники, сопровождавшие князя с владыкой, спешивались и общими усилиями вытаскивали возок из грязи. В селах, попадавшихся на пути, Игнатий встречался с местными священниками, осматривал храмы, качал головой, высказывался нелицеприятно:

- Убого. Не вижу благолепия. Образ Богородицы никуда не годится. Закажите новый. На Белоозере есть прекрасные иконописцы. За чистотой храма не следите. Храм Божий у вас или конюшня?

Священник пытался оправдываться: ктиторша, которая обычно убирает храм, на сносях. Вот-вот должна разродиться. Так что убирать храм некому.

- Как это некому? - возмущался владыка Игнатий. - Ктиторша пусть рождает на здоровье. А у тебя должны быть помощники из прихожан. Коли не найдешь помощников, сам бери в руки метелку. На обратном пути заеду, узрею такое непотребство - наложу епитимью. Не возрадуешься.

Вот и Кубенское озеро, вытянувшееся длинной серо-свинцовой лентой. В его северной части, недалеко от устья реки Уфтюги лежит небольшой продолговатый низменный островок. Носит он название Каменного, не густо зарос кустарником и отдельными деревьями. Теперь здесь возвышается свежесрубленный храм с луковичной главкой на коньке крыши. Еще белеют и смолятся свежие сосновые бревна стен.

На остров через неширокий и мелководный пролив перебрались на лодке. Нежданных гостей встретил Власий.

- Показывай творения рук своих, - обратился Глеб к Власию и его людям.

Владыка Игнатий и князь Глеб внимательно осмотрели храм: обошли снаружи, заглянули вовнутрь. В храме завершалась работа над иконостасом. А по соседству с храмом плотники возводили кельи для братии.

Епископ собрал всех отшельников во вновь построенном храме. Их набралось около двух десятков. Беседуя с каждым, владыка выяснял, что привело его на путь отшельничества. В одних случаях убежденная религиозность и стремление нести язычникам слово Божье. В других - желание укрыться от людских невзгод. Было два случая: потеряв семьи еще во время Батыева нашествия, люди избежали полона, укрывшись в лесах, после долгих блужданий достигли Кубе-ны и здесь примкнули к группе отшельников. Сперва отшельники встретили на берегу озера каких-то людей, не ясно, весян или русичей. Попытались вести с ними душевспасительные беседы, говорить о Боге, но те проявили строптивость и крепко побили отшельников. Эта встреча и заставила побитых перебраться на Каменный остров.

Жили обитатели острова впроголодь, собирали грибы и ягоды да промышляли рыбной ловлей.

Оказался среди отшельников и беглый костромской крестьянин, вдовец Лука. Он участвовал в бунте против боярина, поджег у него хлебные скирды. Боярин был zelo корыстолюбив и жаден, довел своих крестьян до нищеты. Пришлось Луке покинуть боярскую вотчину, опасаясь возмездия и уйти на север.

Владыка осветил храм и весь монастырь и обратился к его обитателям со словами:

- Теперь ваша отшельническая обитель становится мужским монастырем, который назовем по имени острова Спасо-Каменным. Теперь вы монахи. Как я выяснил из бесед, один из вас, Лука, из Костромской земли, человек грамотный, знает церковную службу. В своем приходском храме он не один год был причетником. Отпущу ему грехи и рукоположу во диаконы. Проведу службу по случаю освящения храма. Лука будет помогать мне за диакона. Коли со службой справится, завтра рукоположу его во священники.

Службу во вновь освещенном храме епископ Игнатий отслужил по полному чину. Лука был за диакона, правда, раза два спотыкался и выслушивал подсказки. После окончания службы Игнатий сказал поощрительно:

- Для первого раза неплохо. Наберешься опыта - станешь пастырем не хуже других.

Он вручил Луке комплект богослужебных книг. Когда князь Глеб спросил владыку наедине, можно ли считать вновь рукоположенного пастыря настоятелем монастыря, Игнатий, подумав, ответил:

- Пожалуй, слабоват для настоятеля. Грамотен не зело, да и священное писание усвоил по верхам.

- Как же поступить, владыка.

- Пусть Лука замещает настоятеля, временно. Посмотрим, нет ли подходящего инока в Усть-Шехонском монастыре у Иринея. Он сам был бы отличным настоятелем. Но ведь не захочешь расставаться с ним, отпускать на Кубену?

- Он мой учитель еще с малолетства. Добрый наставник и советник.

- Ладно... Не стану лишать тебя наставника. Может быть, найдется среди его иноков достойный пастырь.

Но печальное событие неожиданно поломало все планы и князя Глеба Васильковича, и владыки Игнатия. Как только они возвратились в Белоозеро, их встретил гонец от князя Бориса из Ростова. Он привез горестную весть.

14 ноября (1263 года по современному летоисчислению) на обратном пути из Орды в приволжском селении Городце скоростижно умер великий князь Александр Ярославич Невский. Летописец напишет о нем «умер, много потрудившись за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение отдавал живот свой и за православную веру».

Князь Борис Василькович передавал через гонца повеление митрополита прибыть во Владимир на похороны. Митрополит Кирилл находился в это время в поездке по приволжским городам. Узнав о кончине

Александра Ярославича, он поспешил во Владимир, куда к тому времени доставили останки Невского.

Глеб с епископом Игнатием незамедлительно выехали во Владимир. Стоял конец ноября, преддверие зимы. Дорога была присыпана ранним снегом, хотя сильные морозы еще не наступали, и лед на Шексне был тонким и ломким. Поэтому ехали берегом на лошадях.

Всю дорогу Глеб Василькович предавался тревожным размышлениям. Достиг ли цели своей поездкой Александр Ярославич? Сумел ли умиловить хана? Предотвратил ли новое нашествие ордынцев на Русь? Что он унес с собой в могилу и что станет известно о ходе его переговоров с ханом? Кто теперь будет на высококняжеском столе?

- Думаю, что результаты поездки Невского в Орду нам станут известны, - убежденно сказал владыка Игнатий. - Его всегда сопровождал личный духовник отец Максимиан.

- Знаком с ним. Отец Максимиан крестил мою супружницу и венчал нас.

- От Максимиана мы и узнаем результаты переговоров великого князя с ханом.

Глеб припомнил, что Александр Ярославич свободно владел языком ордынцев и мог обходиться без толмача в переговорах с ханом и его приближенными. Но он всегда соблюдал протокольную сторону: на ответственные переговоры брал с собой в качестве толмача отца Максимиана, также свободно владеющего языком.

Когда Глеб Василькович с владыкой Игнатием достигли Владимира, митрополит Кирилл, глава русской православной церкви был уже там. В стольном граде было многолюдно. Съезжались князья, ближние и дальние родственники покойного, церковные иерархи. Из Новгорода прибыли архиепископ и большая делегация местных бояр. Во Владимире у гроба великого князя Глеб встретил брата Бориса и других знакомых князей.

Тело Александра Ярославича было выставлено в Успенском соборе на возвышении, покрытом черным сукном. Службу вел сам митрополит в сослужении сонма духовенства, епископов, игуменов, священников. Среди них Глеб заметил и отца Максимиана. Через собор проходила нескончаемая вереница посетителей, жителей города Владимира и приезжих. Люди склоняли голову перед гробом, крестились, вытирали слезы. Монахи-служки следили за тем, чтобы поток простолюдинов не задерживался в храме. А перед собором стражники старались сдерживать толпу и придать ей вид ровной цепочки. Князья, родственники покойного, бояре, богатые купцы окружали возвышение с гробом плотным кольцом. Ближе к

возвышению стояли братья покойного, вдова, сыновья. Среди них выделялся тверской князь Ярослав Ярославич. Он держался начальственно, отдавая распоряжения. Рядом с ним находился главный баскак Амраган.

Ярослав Ярославич Тверской, как ближайший по возрасту брат Невского, явно претендовал на роль его преемника и готовился занять великокняжеский стол. Уже состоялся разговор между Ярославом и Амраганом. Главный баскак высказался категорично:

- Конечно, ты ближайший родич покойного. Но воля ханская неисповедима. На ком остановит свой выбор великий хан, кому пожалует ярлык на княжение - мы не знаем. Занимай владимирский стол. Временно. А там добивайся ярлыка. Для окончательного утверждения на столе необходим ханский ярлык. Берке стар и болен, делами почти не занимается. Придется тебе ждать воцарения его преемника и ехать к нему в Сарай за ярлыком.

Митрополит произнес надгробное слово. Начал он его так: «Чада мои мила, разумеете, яко заиде солнце русской земли». Глава русской церкви называл покойного великого князя солнцем русской земли. Слова митрополита прерывались несдерживаемыми рыданиями.

Две недели продолжались торжественные службы в кафедральном соборе. Когда службы прерывались, князья и бояре расходились для кратковременного отдыха. Княжеские палаты оказались переполненными. Глеб с братом Борисом смогли остановиться в доме одного знакомого купца.

Далеко не сразу Глебу Васильковичу удалось пригласить отца Максимиана для беседы.

- Как поживает моя крестница? - любопытствовал отец Максимиан.

- Жива, здорова крестница твоя. Принесла мне наследника. Назвали Михаилом, - ответил Глеб. - А у тебя, отче, есть семья, дети?

- Жену похоронил три года назад. Сын служит дьяконом в одной из церквей Владимира. Уже трое внуков.

- Послушай, отец Максимиан... - начал издалека Глеб Василькович, еще не зная, как подступить к деликатной теме.- Ты ведь вдовец. Не собираешься принять монашеский сан?

- Собираюсь.

- Мы создали на Кубене новый монастырь. Владыка Игнатий освятил его. Назван Спасо-Каменным по имени Каменного острова, на котором он стоит. Монастырю нужен настоятель, опытный и грамотный пастырь, такой, как ты. Уверен, что владыка одобрит твой выбор.

- Нет, не решусь покинуть Владимир.

- Это окончательно?

- Посуди сам, князь. Я привязан всей душой к Александру Ярославичу, к памяти его. Он мне как родной. Хочу быть рядом с ним, с его останками, молиться на его могиле. Нет моих сил покинуть сей град.

- Понимаю тебя, отче, и не настаиваю.

Разговор повернулся в сторону недавней поездки в Орду. Глеб Василькович попросил отца Максимиана рассказать о результатах переговоров с ханом. Удалось ли великому князю предотвратить угрозу ордынского нашествия на Русь? К просьбе Глеба присоединился и Борис. Вот что рассказал Максимиан.

Хан Берке в обычной для него манере не спешил. Принял Невского только недели через две после приезда. Состоялись обмен подарками, расспросы о здоровье, так сказать, неизбежная протокольная часть.

- А на тебя жалуются, князь Искандер, - внезапно сказал Берке и впился взглядом колючих глаз в Александра Ярославича.

- Кому же я не угодил, великий хан?

- Прежде всего мне. Жалобы идут от баскаков. Твои русичи бунтуют, проявляют неповиновение.

- Дань мы, однако, выплачиваем тебе исправно.

- Многие из моих людей настаивают, чтобы русичам я преподал урок и послал против смутьянов войска.

- Зачем такие крайности, великий хан? Поход нужен не тебе, а тем военачальникам, темникам, которые хотели бы пограбить русские земли, увести людей в полон.

- Да, они этого хотят.

- А какую выгоду от этого получишь ты? Люди, которых не перебьют или не уведут в полон, разбегутся по лесам или уйдут далеко на север. Дань перестанет поступать. Тебе же убыток.

Александр Ярославич долго рисовал картину тех последствий, которые принесут хану военные действия.

- Подумаем, князь Искандер, над твоими словами. Подумаем и решим, - наконец ответил Берке. - А сейчас иди. Мне нездоровится. Мы еще встретимся, поговорим.

Проходила неделя, другая, и хан снова приглашал Александра Ярославича для нудного и, казалось, безрезультатного разговора. Речь шла о том же. Великий князь получал сведения от надежных людей, что тем временем некоторые приближенные хана из воинственной партии, навещая его, настаивали на походе на Русь. Хан выслушивал, отмалчивался и никакого решения не принимал. Александр Ярославич, встречаясь с Берке,

продолжал приводить свои доводы.

- Есть надежный способ, великий хан, чтобы смягчить недовольство русичей и избежать волнений.

- Какой способ, князь?

- Упраздни баскачество. Баскаки корыстолюбивы. Они превышают полномочия, которые ты им дал. Каждый не ограничивается десятиной, а старается приумножить поборы ради собственной выгоды.

- У тебя есть примеры, чтобы обвинять моих людей?

- Есть, великий хан, и множество. Отдай сбор дани в руки самих князей. Сбор дани всегда будет вызывать недовольство, но теперь оно будет обращено не против твоих людей и Орды, а против самих князей. С этим недовольством мы как-нибудь справимся сами.

- Возможно, ты прав, князь. Подумаем, подумаем...

- И еще дозволю молвить, великий хан.

- Говори. Что еще у тебя на уме?

- Ты требуешь, чтобы русские князья со своими дружинами участвовали в твоих походах.

- Разве они не мои подданные?

- Конечно, все мы твои подданные. Но посуди сам... Твои люди - опытные воины. Нам ли тягаться с ними. Мы земледельцы, ремесленники, рыбаки, лесорубы. Если мы оторвемся от земли, от промыслов, привычных занятий, ты не получишь с нас большую долю ханской десятины. Выгодно ли тебе такое?

- Подумаем, подумаем, - слышал Александр Ярославич от хана. И опять беседа прерывалась до следующей встречи. Но все-таки, чувствовал великий князь, Берке медленно, со скрипом, но поддавался его уговорам.

И вот первая серьезная уступка. Берке согласился не привлекать русских князей для ханских походов. Но при этом сказал Александру Ярославичу не без издевки:

- Прибедняешься, Искандер. Вот ты говоришь - нам ли, русичам, тягаться с вами, ордынцами? Какие убогие! А шведов и немцев разбили? А кто были твоими воинами? Русичи.

Александр Ярославич действительно прибеднялся, хитря и лстя хану. И умный Берке это понимал. Он дал понять великому князю, что к предложению упразднения баскачества относится одобрительно. Пусть дань собирают и доставляют в Орду сами русские князья. Но с решением такого серьезного вопроса не следует спешить. Сперва все следует взвесить, обсудить с ближайшими советниками.

Встречи Александра Ярославича с ханом продолжались. Берке

продержал великого князя до глубокой осени. Было очевидно, что хан не предпримет военного похода на Русь: не были настроены большинство из его родственников и вельмож. Не до того им было. В ханском окружении шла непрерывная борьба за власть. Соперники грызлись между собой, претендуя на ордынский престол после Берке. Осторожный хан мог предвидеть, что военачальник, оказавшийся во главе войска, мог воспользоваться своей силой и совершить переворот: захватить власть в Орде, свергнуть и умертвить старого, немощного хана.

Напряженная обстановка при ханском дворе, долгие беседы с Берке расшатывали здоровье Александра Ярославича, никогда не жаловавшегося до этого на свое физическое состояние. Приехал он в Орду человеком здоровым, бодрым и выносливым, а выехал из ханской столицы совсем больным и разбитым.

Умер Александр Ярославич на обратном пути в возрасте всего сорока трех лет. Стариком его никак не назовешь.

О внезапной кончине Невского сразу же поползли слухи. Не отравили ли его недруги? Да, надо признаться, недруги у Александра Ярославича были. Недруги сильные и влиятельные среди ханских вельмож и даже членов ханской семьи, принадлежащие к воинственной партии, стоявшей за поход на Русь. Порой они проявляли открытое недовольство влиянием Александра Ярославича на Берке, уступчивости хана в некоторых вопросах. Могли они положить в пищу великого князя медленнодействующий яд? Конечно, могли.

Но это были только предположения. Бесспорных свидетельств об отравлении Александра Невского нет и, вероятно, никогда не будет.

Выслушав отца Максимиана, Глеб Василькович поблагодарил его за обстоятельное повествование и спросил, верит ли он в отравление.

- Александр Ярославич знал, что в Орде он встретит не только сторонников, но и заведомых недругов, - сказал священник. - Поэтому всегда был предельно осмотрителен и осторожен. Пищу принимал только из рук надежных людей. Я не очень верю в отравление.

- В чем же тогда причина его преждевременной кончины? - спросил Борис Василькович.

- Слишком тяжелой была поездка. Утомительно нудные и вроде безрезультатные переговоры с ханом. Угрозы со стороны недругов. До последнего момента не было полной уверенности, что ханские полчища не двинутся на Русь. Сердце не выдержало волнений. Александр Ярославич выехал из орды совсем больным.

- А как умер Невский? - задал вопрос Глеб.

- Это было в Городце, небольшом приволжском городе. Великий князь стал жаловаться, что покалывает сердце. Потом почувствовал себя немного лучше и попросил свиту, чтобы все оставили его одного. Видимо, попытался уснуть. Когда я через некоторое время вернулся к его постели, чтобы проведать, Александр Ярославич был уже бездыханным. Это случилось в доме городецкого воеводы...

Погребальный звон колоколов стоял над Владимиром. Гроб с телом Александра Ярославича Невского брата и ближайшие родственники взвалили на плечи и понесли в усыпальницу в подвале собора. Монашеский хор исполнял траурные песнопения.

Едва прошли похороны, как разгорелся спор между старшими из оставшихся в живых братьев покойного, Ярославом Тверским и Андреем Суздальским. Оба претендовали на наследие Невского. Летописные документы и родословные не сообщают дат рождения этих князей. Поэтому трудно сказать, кто из них был старшим по возрасту и больше имел прав на великокняжеский стол. Оба брата Александра Невского были сыновьями Ярослава Всеволодовича и Ростиславы-Феодосьи, дочери Мстислава Мстиславича по прозвищу Удалой, княжившего одно время в Новгороде.

Братья надеялись решить спор, взывая к главному баскаку Амрагану. Но ордынский представитель, как говорится, умыл руки и не стал вмешиваться в распри князей. Пусть разбираются и решают спор сами. Взывали князя Ярослав и Андрей и к митрополиту Кириллу, остававшемуся еще во Владимире, приводя в свою пользу разные доводы. Ярослав Ярославич доказывал, что владеет Тверским княжеством, более влиятельным, обширным и заметным государственным образованием, чем Суздальская земля. Андрей Ярославич уверял, что был близок к покойному великому князю, который как-то с глазу на глаз высказался:

- Ты моя правая рука, Андрей. Тебе я передам великокняжеский стол.

Говорил ли Невский такие слова, никто подтвердить не мог. Свидетелей не было. Андрей во всеуслышание заявлял, что может поклясться на Евангелии, что Александр Ярославич ему такие слова говорил.

Митрополит Кирилл не разрешил спора братьев. Напрашивается вопрос - почему? Летописные источники и родословные, как известно, не донесли дат рождения братьев. Историки высказывают предположение - а не были ли Ярослав и Андрей братьями-двойняшками, близнецами? Если это так, то спор из-за великого княжения осложнялся.

Кирилл в конце концов сказал братьям:

- Пусть хан решит вашу тяжбу. Поезжайте оба в Орду. Кто приедет с ярлыком, тот и великий князь.

Андрей из-за болезни не рискнул поехать в Орду, чтобы оспаривать у брата великое княжение. Поехал Ярослав, Андрей остался во Владимире фактическим хозяином.

Забегая вперед, скажем, что Ярослав Ярославич вернулся в следующем году от хана с ярлыком на великое княжение. Андрей Ярославич к тому времени умер. Политической фигурой он был малозаметной, бесцветной. Похороны его прошли незаметно, на них не приехали многие из родственников, в том числе братья Васильковичи. Со смертью Андрея вопрос о великом княжении сам собой решился. Наследником Невского стал Ярослав Ярославич.

А Глеб Василькович стремился поскорее возвратиться в свою вотчину к семье, увидеть жену, сына. Но оставался нерешенным вопрос с настоятелем Спасо-Каменного монастыря.

Князь Глеб обратился к владыке Игнатию.

- Ты обещал, владыка, подобрать настоятеля на Кубену.

- Не забыл еще обещание. Но видишь, придется задержаться во Владимире, пока пребывает здесь митрополит, - сказал Игнатий. - А настоятеля непременно подберем.

Игнатий представил Глеба митрополиту Кириллу, который, благословив князя, стал расспрашивать его о положении дел в Белозерской земле, о церковной жизни. Глеб Василькович пожаловался, что язычество пустило слишком глубокие корни и преодолеть его невероятно трудно.

- Искоренить язычество трудно. Ты прав, князь, - согласился митрополит. - Надо готовить грамотных, деятельных пастырей, которые несли бы в народ слово Божье. Пусть каждый приход, каждый храм станет очагом грамотности, духовных знаний. Что ты для того делаешь?

- По мере сил своих стараемся. Открываем новые приходы, строим храмы, украшаем их книгами. В Усть-Шехонском монастыре стараниями игумена Иринарха открылась монастырская школа. А недавно владыка Игнатий освятил монастырь на Кубенском озере...

Братья Борис и Глеб выехали из Владимира в Ростов вместе. Глеб Василькович намеревался повидаться с матерью.

Инокня Марфа ссутулилась, постарела, но держалась еще бодро.

Между молитвами и церковными службами занималась рукоделием или читала богоугодные книги, которых в ее келье всегда было много.

Мать обняла сыновей, выслушала их рассказ о похоронах Александра Невского.

- Достойный был человек, - перекрестилась инокиня. - Многие его деяния мы с покойным владыкой Кириллом занесли в летописный свод.

- Я уже сообщал тебе, матушка, о рождении сына, - сказал Глеб. - Как ты меня наставляла, окрестили его Михаилом в честь великомученика, твоего батюшки и моего деда.

- Доброе дело сделал, сынок: уважил память убиенного, - кивнула удовлетворенно монахиня. - Буду молиться за здоровье внука.

- Здоровенький, крепкий растет малыш, голосистый. Наверное, уже начал самостоятельно ходить. Подрастет немного, привезу его тебе показать.

- Дай-то Бог, чтобы Михаил был не последним у тебя. Видишь, у брата твоего трое. И все сынки.

Глеб проведал племянников. Старший Дмитрий уже осваивал грамоту. А были еще меньшие Константин и Василий, ползунки.

- Догоняй, братец. Видишь, я как все Рюриковичи, плодовит, - самодовольно сказал Борис.

Наступила зима, холодная, вьюжная. Распрощавшись с братом и его семьей, Глеб тронулся в путь.

Волга и Шексна были уже накрепко скованы, и можно было ехать по льду реки. Ярославль Глеб Василькович миновал, не заезжая туда. Спешил домой, к семье. Сопровождавшие его четверо стражников из белозерской княжеской дружины уместились в санях-розвальнях. Верховых коней оставили в Ростове.

Остановились на ночлег в селе на берегу Шексны, в доме, который выглядел попросторнее и побогаче других. Когда-то Глеб уже останавливался здесь. Вспомнил, что здешнего священника, немолодого и многодетного, зовут Зосимой. Наведался к нему.

- Мир дому твоему, отче.

- Удружили, порадовал, князюшка. Не забыл. Не хочешь ли молочка парного с медком? - в смущении залопотал священник.

- Ничего не надо, отец Зосима. Молоко ребятишкам оставь. Тиун уже накормил и напоил меня. Сынок-то твой Ви-кентий подает весточки?

- Как же. На Рождество обещал приехать. Грызет науку парень. А еще переписыванием книг занимается. Переплетное ремесло освоил.

- Рад за тебя и твоего сына.

- Отец игумен обещал ему: овладеешь всеми науками, усвоишь церковную службу - сделаю тебя для начала дьяконом в одной из городских церквей. Только сперва придется жениться.

- Невеста-то есть на примете?

- За этим дело не встанет. Вот хоть поповна из соседнего прихода.

На исходе следующего дня в сумерках показались строения Усть-Шехонского Троицкого монастыря. В монастырском храме игумен Ириней с иеромонахом и иеродиаконом служили вечернюю службу. Глеб Василькович вошел в освещенный свечами храм, сделав знак игумену, чтобы не прерывал службу, подходившую к концу. После завершения службы Ириней пригласил князя в свои покои и стал расспрашивать его о похоронах великого князя, о встрече с митрополитом, другими церковными иерархами.

- Не думаешь ли расширять монастырскую школу, отец Ириней? - спросил игумена Глеб.

- Уже расширяю. Сейчас у меня восемь учеников-грамотеев. Четырех привлекаю к переписыванию книг. Изучают и переплетное дело.

- Нет ли среди твоих иноков грамотного и толкового человека, который мог бы стать хорошим настоятелем монастыря на Кубене?

- Почему нет? Надо подумать.

Подъезжал князь к своему дому уже за полночь. Вьюга утихомирилась. Небо очистилось от туч и покрылось звездами. Выщербленный диск луны тускло золотился. Долго стучал колотушкой в ворота, пока не прибежал стражник и не впустил княжеский возок, подъехавший к парадному крыльцу.

На шум, доносившийся с улицы, выбежал комнатный слуга. Он сообщил княгине о прибытии князя. Феодора, накинув на себя легкую соболиную шубку, выбежала на крыльцо, порывисто обняла мужа, произнесла что-то, путая русские и татарские слова.

Глеб Василькович скинул тяжелый дорожный тулуп и поспешно устремился в дом.

- Первым делом хочу на сынка взглянуть.

Детская находилась рядом с опочивальней. Обе комнаты отапливались общей изразцовой печью, жарко натопленной по случаю сильных морозов. В детской стояла люлька-качалка с маленьким княжичем, рядом с ним - широкая скамья, застланная медвежьей шкурой. На ней спала пожилая нянька Агафья. Уловив шаги князя и скрип дверей, она проснулась и живо вскочила со скамьи.

- С приездом, князюшка, - Агафья отвешивала низкие поклоны.

- Не идолопоклонствуй, старая, - Глеб склонился над люлькой сына.

- Спит сладко, Михальчик, - сказал он с умилением, разглядывая сына.

Слуги суетились, чтобы накормить князя с дороги. Но Глеб от ужина отказался и попросил только крынку горячего молока с медом. Пил

маленькими глотками, смакуя. Феодора хвалилась.

- Вторая неделя, как встал на ноги и пошел...

Проснулся Глеб Василькович поздно, когда солнце уже высоко поднялось над землей: истосковался за поездку по ласкам жены, которая после рождения Михаила стала ненасытной.

В рабочей палате князя дожидался управляющий Григорий Меркурьев.

- Что нового, боярин? - ответил Глеб на его приветствие.

- Боярин! Слово-то до сих пор непривычное. Какой я боярин. Гришка... да и все тут.

- Ишь ты, сирый, убогий... Не прибедняйся. Разве не ты получил от меня поместье со слугами? Разве не ты возвел в городе палаты, которые уступят только княжеским?

- Так-то оно так, княже...

- Разве не ты стал моей правой рукой, моим управляющим?

- Стараюсь.

- И разве сынок твой Власька не женился на богатой купеческой дочке, которая принесла в ваш дом хорошее приданое?

Власий недавно женился на дочери богатого купца и промышленника из Новгорода и вошел в его дело. Тесть торговал и промышленял пушного зверя в северном крае на Двине и Мезени.

- Дозволь, княже, доложить все по порядку, - начал Григорий. - Как управлялись без тебя. Что произошло на Белоозере за то время, что ты хоронил великого князя.

- Приходи с докладом завтра. Выслушаю тебя. А сегодня хочу отдохнуть с дороги и провести время с сынком.

- Воля твоя, князь. Можно и завтра.

Проводив Григория, Глеб решил заняться сыном. Обув его в крохотные валенки, обрядив в зимнюю шубку и ушанку, вышел с ним во двор. Стал катать Михаила на санках, потом отыскал во дворе небольшой пригорок, затаскивал санки с ездоком наверх и сталкивал их вниз. Катанье с горки маленькому Михаилу понравилось. Свой восторг он выражал громкими радостными возгласами.

Среди белозерских умельцев был искусный резчик по дереву. Глеб заказал ему вырезать из дерева фигурки различных зверюшек: медведя, собаки, рыси, лошади. С сыном Глеб Василькович ежедневно гулял, коли не было снегопада и сильного ветра. А если погода не позволяла идти на прогулку, катал его в коляске по комнатам и залам княжеских палат или показывал вырезанные из дерева игрушки и называл животных.

В течение всей зимы и ранней весны Глеб Василькович не покидал

Белоозера и оставался дома. Принимал торговых людей, а больше возился с маленьким Михаилом - катал на санках или показывал игрушки:

- Это собака... Со-ба-ка. А это медведь. Это лошадка.

Михаил еще не мог постигать смысл слова. Он только машинально повторял некоторые звуко сочетания: «Бака», что значило «собака».

К собакам маленький княжич был явно равнодушен. В усадьбе князя Глеба обитало несколько пушистых рыжих лаек, добродушных и игривых. Иногда они проникали в дом, Михаил тянулся к животным и с восторгом восклицал: «Бака, бака!» Кроме лаек у Глеба был еще огромный пес, родившийся от волка и домашней сучки. В отличие от своего отца, которого за агрессивный нрав князь Глеб повелел уничтожить, этот зверь в большей мере унаследовал материнские черты. Он отличался спокойным и миролюбивым нравом, никого ни разу не укусил, не задирали других собак. Но на всякий случай князь Глеб строго-настрого приказал слугам и стражникам его в помещение палат никогда не пускать. Если князь Глеб с сыном выходили на прогулку и им встречался во дворе огромный серый зверь, маленький Михаил пугался, указывал ручкой на животное и, произнося свое обычное «бака», добавлял: «У-у!» Это было выражением детского страха.

Но постепенно Глеб Василькович отучил сына от страха перед огромным псом. Он подзывал его к себе, ласкал, гладил, чесал за ушами. Огромный Пес вел себя спокойно, добродушно. А чтобы окончательно подавить страх ребенка, Глеб впрягал животное в детские санки, сажал в них сына и отпускал. Сильный пес легко тащил санки с маленьким Михаилом.

Кончилась эта история неожиданно. Глеб Василькович, пригласив за компанию Власия Григорьева и одного из старожил, отправился поохотиться на куропаток. Взяли с собой всех княжеских собак, трех лаек и метиса. Охота прошла удачно. Настреляли целую дюжину птиц. Когда Глеб засобирался возвращаться домой, все три лайки на его сигнал, звук рожка, прибежали к хозяину. Метис не появился. Не откликнулся он ни на звуки рожка, ни на голоса охотников.

- Что же случилось с нашей псиной? Куда сгинул? - с горечью сказал Глеб.

- Зверь есть зверь, - сказал уверенно Власий. - Почувствовал родной дом и сбежал.

Князь Глеб не согласился:

- Домовитый был, вполне ручной. Не могу поверить, чтобы он бежал в волчью стаю. Скорее другое. Встретились ему волки, узревшие чужака. И

растерзали его.

- Может быть, и так, - согласился Власий...

Ранней весной приехал на Белоозеро епископ Игнатий. Благословил Глеба и сказал ему:

- Прервалась тогда наша поездка на Кубенское озеро из-за кончины Александра Ярославича. Потом ездил по епархии, знакомился с приходами, освещал новые храмы, рукополагал пастырей. Вот добрался снова и до твоего Белоозера.

- Располагайся в моих палатах, владыка. Занимай флигель, - предложил Глеб.

- Благодарю, княже. Я уже остановился в монастыре у Иринея.

- Как тебе угодно, владыка.

Епископ совершил службу в соборной церкви, в сослужении местного клира. Помянул за упокой великого князя Александра Ярославича Невского и своего предшественника, владыку Кирилла. Потом выразил желание посетить несколько приходов. Князь Глеб сопровождал епископа в его поездках в Карголом, Ухтому, села на левобережье Шексны.

Намеревался Игнатий посетить и село Кинсему на северном побережье Белого озера. Глеб уклонился от этой поездки, опасаясь встретить там свою старую зазнобу. Встречаться с весяжкой, ставшей теперь замужней женщиной и, может быть, матерью, он никак не хотел. Отговорился болезнью жены Феодоры и необходимостью оставаться дома. Княгиня действительно прихварывала.

Посетив Кинсему, владыка Игнатий собрался в Спасо-Каменный монастырь, чтобы утвердить его настоятеля. Среди иноков Усть-Шехонского монастыря он подобрал одного грамотного иеромонаха, которого долго и дотошно испытывал на звание Священного Писания, общий кругозор, умение вести церковную службу.

- Этот, пожалуй, подойдет, - сказал он Глебу и Иринею. Отправившись на Кубенское озеро, епископ Игнатий взял с собой Власия.

- Возможно, на Каменном острове понадобятся строительные работы. Ты можешь оказаться полезным.

Вернулся он из поездки недели через две. Пригасил к себе для беседы князя Глеба и игумена Иринея, повел речь об обстановке на Белоозере, которая его тревожила.

- Слишком вольготно чувствуют себя язычники, - начал он. - До посещения вашего города я посетил ваши приходы в южной части удела, в низовьях Шексны и по ее притокам Согоже и Угре. Там я ничего такого не обнаружил. Но по мере продвижения на север языческие корни стали

проявляться все более и более отчетливо.

- Это есть, владыка, - согласился с ним Глеб.

- Монахи Спасо-Каменного монастыря пожаловались мне, что пока они еще не удалились на Каменный остров, они пытались нести слово Божье в среду обитателей побережья Кубенского озера. Их усилия вызывали противодействие: отшельники подверглись побоям.

- Если они столкнулись с весянами, то я их знаю как людей миролюбивых, смиренных, - возразил Глеб. - Вероятно, отшельники чем-то обидели весян, надругались над их обычаями.

- Защищаешь богохульников. Зря защищаешь. Побывай там и разберись.

- Постараюсь разобраться, владыка.

- Я так полагаю, что лесистая местность к северу от Кубенского озера суть рассадник неверия. Мне сообщали, что некоторые приходские священники потворствуют язычникам. Во всяком случае, мирятся с ними, не ведут должной борьбы.

- Так просто и поспешно эти корни не выкорчуеть. Если чересчур давить, можно легко оттолкнуть людей от Христовой веры. Пусть пока в голове у этих весян остается мешанина, но все же тянутся они к храму Божию, церковь посещают, детей крестят. И на том спасибо.

- Ты, князь Глеб, как я погляжу, хорошо усвоил взгляды покойного владыки Кирилла. Он часто повторял мне, что в борьбе с язычеством негоже перегибать палку. Крутые меры, принуждение могут оттолкнуть весян от храма Божьего, заставить его потянуться к тайному лесному капищу.

- Разве не так? Я согласен с покойным.

- Не знаю, прав ли он был. Не переусердствуй, князь, в своей терпимости. Побывай на севере удела. Присмотрись. Вероятно, узришь немало возмутительного и кощунственного.

- Непременно побываю на озерах Воже и Лаче. Там живет много весян.

- Там, по сути, двоеверие, - высказался игумен Ириной. - Язычество живуче, очень живуче. От одного крика или призыва оно не исчезнет.

- А надо, чтобы оно исчезло, - произнес Игнатий. - Что вы делаете для этого?

- Ты сам видишь, владыка, - ответил Ириной. - Готовим грамотных пастырей, разъясняем им суть Христова учения, переписываем и распространяем церковные книги. Вот возникли два монастыря. Разве этого мало?

- Наверное, мало, - сказал в раздумье Игнатий.

- Что ты считаешь необходимо еще? - спросил Глеб.

- Вот этого я сам не знаю. Побывай, князь, на севере удела, осмотришь. И будем вместе думать.

Было начало марта. Зима еще держалась прочно, хотя днем на солнцепеке образовывались лужицы, а на Шексне кое-где открывались черные полыньи.

Владыка Игнатий со свитой возвращался в Ростов еще санным путем. Держался побережия, чтобы не угодить в полынью. Глеб с Иринархом провожали владыку до первого ночлега, ехали в одном возке. Дорогой продолжали разговор, переходивший временами в спор. Что же делать с язычеством, как искоренить его. Но ответа не находили.

Глава 16. ЖИЗНЬ БЕЛОЗЕРСКАЯ

В течение нескольких лет Глеб Василькович жил на Белозерье, не предпринимая поездок за пределы удела. Исключение составляли визиты в Ростов с целью повидаться с матерью и братом с заездом по пути в Ярославль. В пределах же своего княжества князь Глеб совершал частые поездки в разные уголки белозерской земли. Когда сын его Михаил немного подрос и пошел ему четвертый год, Глеб Василькович свозил его в Ростов, чтобы показать матери и брату с племянником. Родня была в восторге от белозерского княжича, подвижного и неутомимого. Первым делом отец свел мальчика в женский монастырь, чтобы показать его бабке-инокине.

- Это твоя бабушка, - сказал Глеб, указывая на высохшую, сгорбленную старушку в черном монашеском одеянии.

- Ты моя бабушка? - удивился Михаил.

- Родная бабушка. Мама твоего отца.

- А почему ты такая черная?

- Это оттого, что я в монашеском платье. Инокиня я.

- А что такое инокиня?

- Инокиня значит монахиня, обительница монастыря. Служу Богу.

- А что такое...

Маленький Михаил запнулся, не зная, о чем еще спросить. Как все дети его возраста, он был почемучкой и досаждал взрослым бесконечными вопросами.

Феодора не сопровождала мужа и сына в поездке в Ростов: она снова была на сносях.

На обратном пути Глеб Василькович заглянул на пару дней в Ярославль, погостить у Феодора Ростиславича. Михаил носился по всем комнатам вместе с маленькой Настей, своей невестой.

- Смотри-ка, Глебушка, понравились друг дружке наши ребятки, - сказал с умилением Феодор.

- Дай-то Бог, чтоб до свадьбы чад наших мы с тобой дожили, - вздохнул Глеб.

- Почему не доживем? Доживем с Божьей помощью. И на свадьбе погуляем вволю.

Дважды Глеб Василькович снаряжал дощаники и отправлял Власия в

столицу Орды для выкупа полонян. Оба раза тот привозил человек по пятьдесят.

Продолжался приток на Белоозеро беглых людей. Со Средней и Верхней Волги, из-под Костромы, Ярославля, Нижегородской земли, Рязанщины. Некоторые из них оседали на Белозерской земле, другие уходили далее на север, освоенный новгородцами.

С удалением из Ростовской земли прежнего баскака Фатуллы, стихийные бунты постепенно утихли. Файзулла, сменивший удаленного, оказался человеком более гибким и покладистым. С князьями он ухитрялся ладить и сдерживал явное корыстолюбие своих починенных. Он предпочитал не навещать самолично в белозерский край за сбором дани, а довольствовался тем, что собирал князь Глеб с помощью своих людей. Это было отступлением от той обычной практики сбора дани, какая существовала при прежнем баскаке: его люди рыскали по поселениям, требовали с жителей ханскую десятину, не забывая при этом и о своей выгоде. Князь Глеб, собирая дань, все же знал меру. Поэтому жители княжества почувствовали некоторое облегчение.

При первой возможности Глеб Василькович совершил поездку в северный край белозерской земли, к озерам Воже и Лаче. Край этот лесистый, болотистый, малонаселенный.

Редкие населенные пункты обитаемы главным образом весью и в меньшей степени русичами.

Князь, сопровождаемый четырьмя дружинниками, отправился на север водным путем. Его постоянного спутника Власия на этот раз с ним не было: он отбыл в Орду выкупать полонян.

Весельная лодка Глеба, управляемая гребцами, двигалась вдоль восточного берега Белого озера до впадения в него речки Ухтомки. Отсюда поднялись вверх. Плыли, пока позволяла глубина и киль лодки не уперся в песчаное дно. Далее начинался водораздел между Ухтомкой и более значительной рекой Ухтомой, принадлежащей уже к Онежскому бассейну. На волоке еще сохранились следы полусгнившего бревенчатого настила. Этим путем теперь пользовались редко, и поэтому он был почти заброшен. Местами просека с гатью заросла кустарником.

С усилием пробилась к верховьям реки Ухтомы, вышли к озеру Воже или Чарондскому с низменными болотистыми берегами.

На западном берегу озера раскинулось небольшое село Чаронда, которое охватывало изогнутой дугой опушка ельника. Подплыли к селу. Оно не было волостным центром и поэтому не имело собственного тиуна. Главой села считался староста, выбранный жителями. Его изба, как и

соседние избы, русские и весяньские, были обычными невзрачными жилищами, топившимися по-черному.

Священник, немолодой отец Гурий, жил возле церкви, названной во имя Преображенья Господня. Ему прислуживал в качестве причетника старший сын, тридцатилетний Евдоким.

Князь Глеб познакомился со священником.

- Завтра девятнадцатое августа. Большой церковный праздник, день Преображенья. Так? - спросил князь.

- Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, - произнес нараспев священник.

- Как отмечаете праздник?

- Отметим службой по полному чину. Соберется весь приход. А после службы прихожане станут веселиться согласно древним обычаям.

- Поясни, отче. Что это значит - согласно древним обычаям? Каким обычаям? Языческим?

- Как тебе сказать, княже... - священник запнулся.

- Так и скажи.

- Народное празднество это. У людей много всяких празднеств. Они связаны с древними верованиями в силы природы, лесовиков, домовых.

- Ты не считаешь, что такие празднества или обычаи суть проявления язычества и находятся в противоречии с Христовой верой?

- Не знаю, что и сказать... Мне эти празднества и обычаи не мешают отправлять мои пастырские обязанности. Люди, и русские, и весяне, в храм Божий ходят, младенцев крестят, брак церковью освещается. Правда, бывает, некоторые весяне не сразу идут под венец, а сперва сожительствуют в блуде. Таких увещаю и привожу в храм.

- Выходит, миритесь с язычеством?

- Смотря что усматривать в язычестве..

- Да многое из того, чем грешат твои прихожане. Веру в лешаков, водяных, нечистую силу, например. А еще в священные деревья, камни.

- Я не спорю, княже... А храм Божий прихожане все-таки посещают. И молятся усердно. А потом... - отец Гурий задумался, подбирая нужные слова. - У всякого человека могут быть свои привычки, пристрастия, кои выходят за пределы его религии. Если он перенял их по наследству от старших, впитал с молоком матери...

Священник опять умолк.

- Понятны твои доводы. С тем, что впитал с молоком матери весянин, приходится мириться. Хорошо и то, что он посещает храм, молится на образа. А надавишь на него - отпугнешь от церкви. Потеряешь паству. И

пострадаешь от этого ты, отче? Разве не так?

Священник забормотал что-то невразумительное. Глеб понял общую обстановку, в которой бедному приходскому священнику предстояло жить.

Глеб не принял приглашения ни священника, ни сельского старосты переночевать у них. Уж очень непривлекательными казались их курные избы с прокопченными стенами. Он предпочел заночевать у костра.

Звонницей с набором колоколов храм еще не обзавелся. Возле паперти на столбе было подвешено церковное било - продолговатый кусок железа, выкованный из болотной руды. Сын священника Евдоким, причетник был и за звонаря. Вооружившись металлической колотушкой, он ударял по висевшему на столбе куску железа, созывая прихожан к праздничной службе. Гулкий звон разносился по окрестностям.

Утром собрались прихожане, русские и весяне, которых было большинство, жители села, окрестных деревень и выселков: всего около сотни человек, не считая детворы. Небольшой храм представлял собой простой прямоугольный сруб с главкой, увенчанной крестом на коньке крыши. Он заполнился до предела. Священник пожаловался Глебу, что в другие дни, когда проходили обычные службы, такая масса богомольцев не собиралась.

Отец Гурий отслужил праздничную литургию в сослужении сына - причетника. Потом богомольцы подходили к нему под благословение. Снова послышались удары церковного била, возвещающие об окончании богослужения.

Священник, разоблачившись в алтаре и оставшись в одной поношенной рясе, подошел к Глебу.

- А теперь, княже, узри, как прихожане наши отметят праздник Преображения общей трапезой.

- Это христианский или языческий обычай? - сердито спросил Глеб.

- Религиозная часть праздника закончилась.

- Значит, начинается языческая часть?

- Я этого не сказал. Нигде в Священном Писании не сказано, что всякие праздничные пиршества запрещены, коли они не совпадают с днями Великого поста.

Тем временем вышедшие из храма люди явно что-то затевали. В стороне разожгли большой костер, над которым подвесили котел с водой. К толпе подошли двое парней, ведя на поводу молодых быков.

- Обещанный скот, - пояснил священник.

- Что значит обещанный? - спросил с удивлением Глеб.

- Это значит - скот, предназначенный на заклание для общей трапезы.

Роль распорядителя взял на себя сельский староста Капитон. Он же был и церковным старостой. Капитон приказал людям принести скамью для князя, покрытую домотканым ковриком.

- Порадовал нас князь своим приездом. Вот тебе почетное место, - произнес он, указывая Глебу на скамью.

Празднование затянулось надолго. Сперва два крепких, коренастых мясника закололи быков точными ударами ножа в шейные артерии. Раздался надрывный рев животных, мигом оборвавшийся. Быки осели на колени и завалились на бок. Из ран животных обильно хлынула кровь.

Быков быстро освежевали. Туши разрубили на куски, требуху бросили собакам, ожидавшим своей добычи. Пока мясо варилось на костре в огромном котле, Капитон занимал князя Глеба разговорами.

- Давний обычай. Не нами выдуман. Старики говорят, в те времена, когда этого храма еще не было и весян еще не крестили, обещанный скот вот так же закалывался на капище. Считалось, что его мясо становится угощением для богов и лесных духов.

- Как же потом поступали с мясом обещанного скота? - спросил Глеб.

- А делили между собой и съедали.

- Значит, вы сохраняете старый языческий обычай жертвоприношений.

- Какие же это жертвоприношения? Устраиваем общую трапезу по случаю праздника Преображения. Вот и батюшка так считает. Праздник-то церковный.

Мясники, убедившись, что мясо сварилось, доложили об этом Капитону. Тот, прежде чем подать рукой сигнал к началу трапезы, приподнес большой кусок лучшего мяса на деревянном блюде гостю, князю Глебу. Потом подал по куску дружинникам. Большой кусок, целая ляжка, предназначался священнику, отцу Гурию: он был отцом большого семейства. Матушка пришла с большой плетеной корзиной, чтобы унести домой свою долю.

Потом староста подал знак, и прихожане один за другим подходили к котлу с деревянной тарелкой или деревянной дощечкой, заменявшей тарелку. Мясники вылавливали им из котла куски мяса, сваренные с луком и зеленью. Люди с едой расходились по поляне, располагались на траве. Все с жадностью набрасывались на молодую телятину, как будто давно не ели ее, обглаживали кости. Когда общая трапеза завершалась, к котлу подошла старая женщина, похожая на нищенку. Когда-то у нее была семья. Муж утонул в озере во время осенней непогоды, дети умерли от какой-то внезапно нахлынувшей на селение хвори. А сама женщина тронулась рассудком и превратилась в нищенку. Ей позволили выскрести со дна котла

остатки еды.

Во время поездки в северную часть белозерского удела Глеб Василькович выяснил, что еще, по крайней мере, в двух селах, одно из них было волостное, церковные празднества сопровождались общественными трапезами с забоем скота. Забитый скот частично поедали прихожане, частично отдавали духовенству. Это напоминало языческие жертвоприношения дохристианских времен.

Возвратившись в Белоозеро, Глеб Василькович поделился своими впечатлениями с игуменом Иринархом.

- Как нам реагировать на сие? Ты vikарий владыки на Белозерской земле. Тебе и решать.

- Давай вместе думать, князь. Ты увидел еще одно подтверждение того, что пережитки здесь зело живучи.

- Нужны меры осторожные и терпеливые, чтобы не оттолкнуть двоеверцев от православного храма.

- И что же ты предлагаешь?

- Для начала один маленький запрет. Лишить язычников права забивать обещанный скот недалеко от церковной паперти, осквернять ее кровью животных. Пусть ищут для такой цели другое место.

- Согласен с тобой. Этот нелепый обычай идет вразрез с принципами Священного Писания.

Во время очередного посещения Ростова князь Глеб нанес визит владыке Игнатию. Епископ был неутомим: много разъезжал по епархии, и не всегда его можно было застать в резиденции. Но на этот раз белозерскому князю повезло. Владыка оказался на месте.

Глеб рассказал о поездке на север и о том, как он стал свидетелем праздника в селе Чаронда на берегу озера Воже. Игнатий выслушал и задумался.

- Не знаю, что и сказать тебе, князь. Язычество надо искоренять или хотя бы ограничивать. Но как? Сразу и не скажешь. А бороться с ним надо.

- Мы с отцом Иринеем решили запретить забивать скот во время церковных праздников рядом с папертью храма.

- Это, конечно, малая и недостаточная мера. Но начнем с этого...

Почти одновременно произошло два семейных события. Белозерская княгиня Феодора родила мальчика, названного при крещении Романом. Глеб по этому случаю пошутил:

- Что же ты одних мальчишек рожаешь? Будем надеяться, что в следующий раз принесешь мне дочку.

Феодора на этот раз рожала тяжело. Младенец родился слабенький, а у

матери сразу пропало молоко. Пришлось прибегнуть к кормилице. А Михаил носился по княжеским покоям с торжествующим видом и кричал каждому встречному:

- А у меня братец появился.

Чуть позже, недели через две, ярославская княгиня Марья Васильевна, супруга Федора Ростиславича Черного тоже родила мальчика. По желанию отца новорожденного назвали Михаилом.

Обрадованный Федор послал в Белоозеро гонца к князю Глебу. Передавал через гонца - будут когда-нибудь княжить в двух соседних княжествах, Белоозере и Ярославле, два Михаила. Марья тоже рожала тяжело, болезненно и после родов заболела родильной горячкой.

Глеб Василькович известил мать о рождении еще одного сына, Романа. Имя Роман было одним из самых распространенных среди князей Рюриковичей.

Тем временем князь Федор Ростиславич засобирався в Орду. Его отношения с боярами опять осложнились. Один из братьев княгини-матери, Ксении, когда Федор Ростиславич резко оборвал его в споре, сказал вызывающе:

- Ты не показывай свой нор, пришлый князь. Теперь у нас есть свой княжич Михаил. Если что, мы Михаила посадим на ярославский стол, а тебе укажем путь-дороженьку.

Федор Ростиславич смолчал, но подумал про себя - а ведь могут и указать, чтобы самим править Ярославлем именем малолетнего Михаила.

И он решил отправиться в Орду, чтобы заручиться поддержкой хана, получить из его рук ярлык на княжение. Перед дальней дорогой Федор посетил Ростов, чтобы посоветоваться с князем Борисом Васильковичем.

Но Борис не посоветовал ему ехать в Орду. Хан Берке болен и делами уже не занимается. На роль его преемника претендует один из его родственников, внуков Батыя, Менгу Темир. Он постепенно прибирает власть к своим рукам, но пока предпочитает оставаться в тени. Вряд ли он станет слушать Федора. Надо ждать.

Но Федор Ростиславич не послушался Бориса Васильковича и все-таки выехал в Орду. Об этой поездке он рассказал впоследствии князю Глебу.

Хан Берке был прикован к постели и никого из посетителей не принимал. Текущими делами занимался Менгу Темир. Он не принял князя Федора, который заявил ему о своем желании получить ярлык на ярославское княжение.

- Это право хана давать ярлык на княжение, - заявил Менгу Темир.

- Но хан тяжело болен. Никого не принимает, - возразил Федор.

- Значит, наше дело набраться терпения и ждать, пока хан не выздоровеет или не отдаст Богу душу, - ханский родственник повторил многозначительно: - Ждать.

Менгу Темир послал ярославского князя к своей первой жене, пользовавшейся в Орде немалым влиянием.

- Если тебе, князь, необходимо решить какие дела, обращай к моей жене. А у меня из-за болезни хана много дел. Не могу уделять тебе внимания.

Жена Менгу Темира приняла Федора приветливо, кормила его фруктами и сладостями. А ярославский князь добился ее расположения тем, что умело льстил, хвалил ее мужа, высказывал надежды, что если Менгу Темир станет ханом после кончины Берке, то это будет мудрый правитель. И он, князь Федор, был бы счастлив оказаться слугой такого правителя.

Будущая ханша попалась на льстивые речи русского князя и неожиданно предложила ему жениться на ее дочери, будущей ханской дочери. Федор ответил льстиво:

- Великую честь оказываешь. Польщен твоей добротой. Но вот ведь какое дело... Я уже женат. А у нас, православных, нет такого обычая, чтобы иметь больше одной жены. Вот если бы я был вдовцом...

Вернувшись в Ярославль, князь Федор был поражен новостью. За время его отсутствия умерла его молодая жена Марья. Ксения и вся ее боярская родня пришли толпой к князю, и старший из дядьев повел такую речь:

- Мы больше не нуждаемся в тебе, княже. Приехал к нам из Смоленской земли и уезжай в свою Смоленскую землю. А у нас остается князем младенец Михаил.

- Дозвольте подумать, бояре, - уклончиво ответил Федор.

Он решил тянуть время, окружив свои палаты дружинниками. Маленького сына Михаила не допускал до родичей, опасаясь, как бы его не похитили. А сам ждал известия из Орды о состоянии здоровья старого хана. Известие пришло из Владимира от главного баскака Амрагана: хан Золотой Орды Беркай, или Берке, скончался. По мусульманскому обычаю прах покойного был предан земле.

Князья съезжались во Владимир выразить соболезнование главному баскаку как ханскому представителю на Руси. Великим князем был Ярослав Ярославич, бывший князь тверской, брат Александра Невского. Он первым из русских князей пришел к Амрагану с выражением

соблезнования.

Федор Ростиславич тоже отправился во Владимир. От великого князя он узнал, что преемником покойного хана стал Менгу Темир.

Возвратившись из Владимира, Федор сам собрал всех ярославских бояр и повел перед ними такую речь:

- Бояре! Вам было угодно, чтобы я оставил Ярославль, княжеский стол. Но не вам сие решать. Не по вашей воле будет, а по воле великого хана. Еду в Сарай-Берке к новому хану Менгу Темиру за ярлыком на княжение. Советую, бояре, не делать глупостей. Коли вы меня на то вынудите, приглашу ханское войско и жестоко покараю смутьянов. Если что, пеняйте на себя.

Бояре молчали, понимая, что князь Федор не шутит. Никто не выразил несогласия, не стал возражать или задавать вопросов. Молча разошлись.

А в Орде Федор Ростиславич был принят и обласкан новым ханом и главной ханшей. Теперь он мог жениться на их дочери. Ничего уже этому не препятствовало. Ханша отнеслась благосклонно к словам Федора, когда он сказал:

- Для меня великой честью было, когда ты предложила мне жениться на твоей дочери.

- Ты же сказал, что это невозможно. По вашим обычаям ты не можешь взять вторую жену, - возразила ханша.

- Пока я добирался до Сарая, моя жена Марья умерла после тяжелых родов. Теперь я свободен.

- Это меняет дело.

- Давай устроим смотрины. Покажи мне невесту.

Смотрины состоялись. Ханская дочь, чернявая, скуластая, с раскосыми глазами, склонная к полноте, с любопытством разглядывала русского князя.

- Невеста мне понравилась. Проси согласия на мою женитьбу у великого хана.

Федор Ростиславич лгал. Невеста ему совсем не понравилась. Но жениться на ханской дочери было необходимо, чтобы удержаться на ярославском столе.

Сарайский епископ окрестил невесту в местном православном храме. Она получила при крещении христианское имя Анна. На следующий день в той же церкви состоялось венчание молодых.

Вернувшись в Ярославль вместе с новой женой - ордын-кой, князь Федор опять созвал всех бояр.

- Говорю с вами, бояре, как ханский родственник, зять великого хана Менгу Темира. Он утвердил меня князем Ярославской земли. Вот ярлык.

Коли идете против меня, вашего князя, значит, идете против воли великого хана. А тебе, боярин, повелеваю.

Федор обратился к старшему дяде княгини Ксении, признанному главе всего ярославского боярского клана. Это он подбивал всех требовать от князя Федора покинуть ярославский стол.

- ...покинуть пределы Ярославщины. А имения твои забираю в казну, - закончил Федор.

- Смилуйся, княже, - взмолился старик: с него мигом слетела вся спесь.
- Смилуйся. Во имя покойной Марьюшки, пощади. Она же тебе деток оставила.

- А почему я должен щадить первейшего недруга своего, злыдня? - спокойно спросил Федор. - Ты понял мое повеление, боярин?

- Как не понять.

- Вот и отлично. Чтоб через пару недель духа твоего не было на Ярославщине.

- Куда же прикажешь мне деваться, князь, коли имения меня лишаешь?

- Куда, куда... В монастырь, грехи замаливать. Грехов-то небось накопилось много. Лопатой не выгребешь. И тебе, матушка, советую иночество принять и под ногами здесь не путаться.

Последние слова относились к княгине Ксении. Они заставили ее поджать губы в злой усмешке.

Перед тем как отпустить бояр, Федор сказал им:

- И запомните, мои любезные. Коли придут в ваши головы всякие крамольные мысли, коли задумаете козни против вашего князя, попрошу тестя моего, великого хана, войска прислать. Не сдобровать вам тогда.

Вот такие события произошли в Ярославле. Теперь ярославский князь Федор и белозерский Глеб оказались связанными родством через жен, ордынок. Белозерская Федора и ярославская Анна принадлежали к ханской семье и стояли в довольно близком родстве.

А Федор Ростиславич медленно, но неуклонно повел наступление. Сперва он перестал созывать бояр на совет для обсуждения дел, касающихся жизни княжества, и стал решать их самолично. Потом настоял на удалении княгини Ксении в монастырь, хотя она этому и противилась. Бояр, располагавших большими дружинами, заставил распустить их до размеров небольшой личной охраны. Один из братьев Ксении, ставшей теперь инокиней, посмел нарушить запрет князя. Федор учинил строгую проверку и наказал нарушителя штрафом. Бояре роптали, но вступать в открытую ссору с ханским родственником не решались.

Молодую жену Федор Ростиславич решил представить ближайшим

родственникам и соседям, братьям Васильковичам. Сперва молодожены совершили визит в Ростов, где были приняты со всем гостеприимством. Для Анны общение с новыми родственниками оказалось затруднительным из-за полного незнания русского языка. Когда княгиня Марья Ярославна старалась занять княгиню Анну разговорами или показать свои вышивки и рукоделия, та лишь вымученно улыбалась. Попытки со стороны Марьи перейти на язык жестов тоже ни к чему не привели. Тогда князь Борис отыскал толмача, монаха из окружения владыки Игнатия, который и помог вести беседу. Сам Борис Василькович языком ордынцев владел плохо и разговор с ярославской княгиней вести не решался.

В Белоозере ярославская княгиня почувствовала себя свободнее. Глеб Василькович мог легко объясняться с гостьей, не испытывая никаких затруднений. А с княгиней Феодорой Анна могла вести речь на своем родном языке. Ярославская княгиня принялась оживленно болтать с Феодорой и ее подругой, своей тезкой, пошутила по поводу совпадения имен. Белоозерская княгиня стала растолковывать гостье, почему нередко у русичей случаются совпадения имен. Новорожденным детям дают одни и те же имена, если родители пожелали назвать их в память одного и того же святого: когда день памяти совпадает с днями рождения младенцев.

Федор рассказал Глебу о своей поездке в Орду, о своем впечатлении о новом хане.

- Менгу Темир хитрый восточный человек. Внешне любезен, приветлив, гостеприимен. Но при внимательном взгляде на него улавливаешь настороженность. Он как будто присматривается к тебе, раздумывает, как поступить: приласкать или оттолкнуть. Он еще только вырабатывает в себе умение властвовать. Думаю, что новый хан будет так же жесток и коварен, как его предшественник.

- Считаешь, с ним не легко поладить?

- Этого никогда заранее не угадаешь. Нас с тобой должно успокаивать, что мы оба ханские родственники.

- Ты доволен своей женой-ордынкой?

- Доволен ли? Что я тебе могу сказать... Она же ордынка, ханская дочь - и этим все сказано. Что мне оставалось делать, когда бояре брали меня за горло и пытались изгнать из удела, чтобы хозяйничать в Ярославле именем малолетнего Михаила? Оставалось лишь жениться на ханской дочери, чтобы недруги почувствовали мою власть и силу.

- Не уродина ж твоя женушка. Правда, уж очень нерусская. Одно слово - татарка.

Глеб всячески старался занимать гостей. Устроил для них прогулку на

лодке по Белому озеру. Оказалось, что Анна никогда раньше не каталась на лодке, да и Волгу видела лишь издали один или два раза.

Сперва, очутившись в лодке, она испытала страх. Но постепенно освоилась и с любопытством стала следить за гребцами, дружно взмахивавшими веслами. Когда на горизонте показались строения села Кинсеми с возвышающейся над ним церковкой, Глеб стал рассказывать гостям историю села, слышанную им от Ириней. Когда-то в далекие-далекие времена город Белоозеро стоял не на своем теперешнем месте, у истоков Шексны, а на северном берегу озера на месте села. Правил тогда князь Синеус, или Синий Ус. Какими деяниями он прославился, да и существовал ли вообще, этого никто с полной уверенностью сказать уже не может. Но город на месте селения Кинсеми когда-то был и оставил следы своего существования. Еще и сейчас находят черепки от глиняной посуды, крестики, наконечники стрел, бусины.

После плавания по озеру совершили поездку в Усть-Шехонский Троицкий монастырь. Игумен Ириней приветливо встретил гостей и устроил для них специальную службу, сопровождаемую хором иноков.

Потом Глеб пригласил Федора на охоту. Тот признался, что охотой не увлекается, но согласился поддержать компанию. Вернулись с охоты рано и с небольшими трофеями.

Чтобы позабавить гостей необычным зрелищем, князь Глеб решил устроить гусиные бои. На площадку выпустили двух гусаков, белого и серого, отличавшихся сердитым нравом. Гусаки долго присматривались друг к другу, вытягивая с шипением шеи. Потом стали приближаться друг к другу, не переставая шипеть. Внезапно принялись неистово щипать один другого и хлопать крыльями - только перья полетели. Трудно сказать, какой вышел победителем, белый или серый. Обессилев, гусаки остановились и с тем же злобным шипением разошлись.

Федор заметил, что петушинные бои куда интереснее. Петухи дерутся яростно, с громким кудахтанием, взлетая вверх и налетая друг на друга. Обычно бой между петухами кончается тем, что побежденный, окровавленный, падает наземь и победитель добивает его.

За городом Глеб держал большую пасеку с десятками ульев - колод. Над пасекой стояло непрерывное жужжание пчел. Пчеловод, ухаживающий за пасекой, время от времени доставал из ульев мед. Отделенный от сот, мед подавался к княжескому столу. Современного сахара на севере тогда не знали. Его заменял мед. Гостей Глеб Василькович всякий раз угощал медом, медовыми пряниками, поил настойкой-медовухой. Это угощение было предложено и ярославским гостям.

Перед отъездом Федор сказал Глебу, что Анна определенно понесла. Налицо все признаки. Сперва она жаловалась на легкую тошноту, а потом стала ощущать толчки в области живота. Глеб пожелал ярославской княгине доброго здоровья и успешных родов, а Федора спросил:

- Медовуха тебе понравилась?

- Отменное питье.

- Тогда возьми с собой жбан и пей на здоровье Аннушки.

Проводив ярославских гостей, князь Глеб занялся делами. Купцы, плававшие в северные земли и пользовавшиеся каналом, пересекающим излучину реки Сухоны, приходили к белозерскому князю с жалобами. Канал был якобы отрыт недостаточно глубоким, пользование им затрудняли топляки и всякий хлам, оседавший на дне. Это мешало плаванию тяжелогруженных баркасов и дощаников. Купцы откровенно намекали белозерскому князю, что не будут спешить с выплатой денежного сбора за пользование каналом, пока Глеб не позаботится об улучшении водного пути. Были случаи, когда купеческие суда застревали летом в обмелевшем канале.

Князь Глеб посоветовался со своим управляющим Григорием Меркурьевым. Что же делать?

- Не скажешь же купчишкам: сами и заботьтесь о водном пути.

- Вестимо, - согласился Григорий. - Канал-то проходит по твоей земле. С него Белоозеро имеет неплохой доход. Жалко терять.

- Ты прав, Гриша. Придется мне самому отправиться на Сухону.

Прежде чем ехать, Глеб Василькович посетил нескольких белозерских купцов, компаньонов новгородских, которые вели торговлю и промыслы на Северной Двине и других реках Русского Севера. Все купцы в один голос пожаловались, что, когда спала весенняя вода, канал заметно обмелел. Весенний паводок нанес много грязи и мусора. Попадались даже сваленные бурей и вывороченные с корнем деревья. Все дно канала усеяно топляками.

- Канал погляжу. Затопы удалю, - пообещал Глеб. - А вы не забывайте о выплате дорожной пошлины. Не будете вовремя платить, вовсе прикрою канал.

Глеб пожалел, что с ним не будет Власия, отправившегося в Орду в очередную поездку для выкупа полонян. Григория брать с собой не стоило. Стар стал боярин, да и оставлять хозяйство без присмотра негоже. Взял с собой десятника из дружины, Сысою, с пятью дружинниками.

Когда преодолевали волок между Шексной и небольшим озером, бревенчатый настил оказался в самом скверном состоянии. Некоторые

бревна гати прогнили, другие разъехались одно от другого. Глеб вызвал к себе смотрителя волока и учинил ему суровый разнос.

- Тебя зачем сюда поставили?

- Так вот... Известное дело... Смотреть за волоком, - невнятно оправдывался смотритель.

- Какой прок от твоего смотрения?

- Не могу знать, княже...

- Будешь у меня знать. Вернусь, увижу волок в таком непотребном виде, выгоню тебя из смотрителей. Татарам отдам.

- Так ведь много купцов проезжает этим путем. Тяжелогруженные лодки волокут. Вот настил и разворотили.

- Зачем тебе жалование плачу? Смотритель виновато молчал.

- Заруби себе на носу! Недели через две вернусь. Изволь за это время привести волок в порядок.

- Разве я один справлюсь?

- Никто тебя не заставляет одного трудиться. Моим именем собери окрестных мужиков, столько, сколько потребно. От тиуна потребуй помощи. Волок лежит на земле его волости.

- Постараюсь, батюшка.

- Погляжу, как ты постараться.

Преодолев волок, лодка князя Глеба с его спутниками вышла в небольшое озерцо, а потом в речку Порозовицу. Места были обжитые, по берегам тянулись поля и селения. Без больших затруднений спустились вниз по Порозовице в Кубенское озеро. Оно было спокойно, отливало золотистым отблеском заката. Слева на небольшом островке стоял недавно выстроенный монастырь. Над белевшими свежими бревнами строениями взметнулась столпообразная монастырская церковь.

- Заглянем на обратном пути в монастырь, - сказал Глеб своим спутникам.

Преодолев Кубенское озеро, лодка оказалась у истоков реки Сухоны. Вот и канал, прорезавший речную излучину. После ночлега Глеб Василькович стал не спеша исследовать канал. Он спустился вниз по течению, потом поднялся вверх, делая промеры.

Наблюдения позволили ему сделать вывод, что жалобы купцов на засоренность и мелководность канала были сильно преувеличены. Очевидно, жалобы эти высказывались преднамеренно, чтобы задерживать выплату дорожной пошлины. Купцы, видимо, надеялись, что князь поверит им на слово и не захочет посетить канал, чтобы самолично удостовериться в его состоянии.

Глеб Василькович смог убедиться, что канал был отрыт в свое время на глубину, достаточную для прохода мелких речных судов, лодок, дощаников и баркасов. Затруднения для плавания вызывал лишь оползень в одном месте. Здесь берег из мягкой песчаной почвы был подмыт весенним паводком и участок земли съехал в воду. От этого резко сузилась ширина проезжей части канала. Он оказался захламленным упавшими деревьями и корягами. Здесь и застревали проплывавшие каналом суда и лодки. Никаких топляков Глеб и его спутники на дне канала не обнаружили.

Глеб отослал десятника к местному тиуну из ближайшего волостного села и приказал прислать рабочую силу. Завал на канале быстро расчистили. Князь распорядился укрепить берег в ненадежных местах, там, где песчаные склоны могли легко размываться во время весеннего паводка. Для этого использовали валуны и сваи. Глеб Василькович стал свидетелем того, как вверх по каналу подымался караван купеческих баркасов с пушницей, которую новгородцы промышляли на севере.

Прежде чем отпустить людей, расчищавших завал на канале, князь Глеб завел с ними беседу, поинтересовался жизнью. Местные жители занимались земледелием и рыболовством, иногда нанимались в промысловые артели новгородцев и отправлялись с ними на север.

Обнаружил князь Глеб среди трудившихся на расчистке канала и двух беглых. Один оказался с Суздальской земли, а другой из-под Городца на Волге. Оба пришли в Белоозеро вместе с семьями.

- Пошто покинули насиженные дома? Искали райской жизни? - спросил князь.

- Невмоготу стало, - ответил тот, что был из-под Городца, - вначале баскак, а потом свой боярин обобрали дочиста. Жили впроголодь, а боярские люди последнюю корову забрали. Не стерпел я, забрал детишек малых и ушел на север. А перед уходом избу спалил.

- И доволен теперешним житьем?

- Конечно, не рай, но живем пока. Рыбу в озере ловим. Полоску ржи засеяли, всякую птицу развел. Богу молимся.

- Понятно. А ты, мужик, из-за чего покинул Суздальскую землю? - обратился Глеб к другому.

- А по той же самой причине.

- Все понятно.

Глеб подозвал к себе десятника Сыся.

- Принеси, Сысяюшка, бочонок медовухи для мужиков. Пусть выпьют за мое здоровье.

На обратном пути посетили Спасо-Каменный монастырь на острове в

Кубенском озере. Отстояли службу в монастырском храме. Монастырь посещали и богомольцы из окрестных селений. После службы князь Глеб обратился к новому игумену.

- В чем нуждается твой монастырь, отче?

- В угодьях, - ответил игумен. - Собираемся скотину разводить, чтоб братию кормить. Нужны луг, выгон.

- Будут угодья. Отведу тебе знатный клин на берегу озера. А не нужно ли чего из храмового убранства?

- Пожалуй, нужен хороший запрестольный образ Спаса. Монастырь-то наш носит имя Спасителя.

- Будет тебе образ.

На волоке Глеб Василькович придирчиво осмотрел бревенчатый настил. Он не спеша прошелся вдоль всего сухопутного пути от озера до Шексны. Смотритель волока сопровождал князя и с замиранием сердца ждал, что он скажет. Будет ли новый разнос?

Глеб убедился, что кое-что на волоке сделано было. Настил во многих местах был обновлен, хотя кое-где оставались подгнившие бревна, и они были подогнаны друг к другу недостаточно плотно. Смотритель в конце концов не утерпел:

- Что скажешь, княже? Постарались?

- Могли бы и лучше постараться, - сдержанно ответил Глеб, но новый разнос устраивать не стал.

По возвращении в город Глеб Василькович оповестил купцов, что канал и волок приведены в полный порядок. А еще напомнил всем, чтоб своевременно платили денежную пошлину. Затем Глеб пригласил к себе старосту иконописной артели и спросил, есть ли у него готовый образ Христа Спасителя.

- Спасо-Каменный монастырь нуждается в хорошем запрестольном образе для своего храма, - пояснил он.

Староста принес около десятка готовых икон, выполненных на липовых досках. Разные это были работы и по сюжету, и по манере исполнения. Был Христос, распятый на кресте, был, возносящийся на небо в светлом хитоне. И было несколько ликов. Глеба привлек один из них. Жесткое сухое лицо, пронизывающий пытливый взгляд, как бы вопрошающий: а с чем ты пришел в Божий храм, что тревожит твою душу?

Князь Глеб решил посоветоваться с Иринеем. Показал ему все иконы и указал на лик, который произвел на него наибольшее впечатление.

- Я бы выбрал этот, - сказал он игумену.

Иринеи после размышлений остановился на том же самом лике.

- Пожалуй, этот.
- Значит, одобряешь мой выбор? Ириной молча кивнул головой.
- Пошлю этот образ в Спасо-Каменный монастырь, - окончательно решил князь Глеб.

Сам он на Каменный остров не поехал, а направил туда десятника Сыся.

- Вручишь отцу игумену мой дар.

Глава 17. НОВАЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ

Наступила осень: хмурая, дождливая. Озеро лохматилось белыми барашками. По такой погоде никуда идти не хочется. Князь Глеб располагался у жарко натопленной изразцовой печи и читал летописную хронику или священное писание. Когда уставали глаза от чтения, занимался с Михаилом, которому шел уже пятый год.

Глеб Василькович объяснял:

- Вот это летописная книга. Твоя бабушка занималась летописанием. В этой толстой книге заключен и ее труд.

- Что такое лето...- Михаил запнулся, не сумев произнести трудное слово.

- Летопись. Повтори, сынок.

- Летопись, - с усилием повторил княжич.

- Это рассказ о том, что происходило при наших отцах, дедах, что происходит сейчас. Большую часть этой книги написала твоя бабушка.

- А где сейчас моя бабушка?

- В Ростове, в монастыре. Ты должен ее помнить. Я возил тебя к ней, когда мы с тобой гостили у дяди Бориса.

- Помню дядю Бориса. Он все звал тебя на охоту. А почему бабушка была вся в черном?

- Потому что она монахиня. Все монахи и монахини носят черные одеяния в знак отрешения от мирских забот.

- А почему бабушка поселилась в монастыре?

- В знак траура по твоему дедушке, князю Васильку. Он погиб после неудачного сражения. Храбрый был князь.

- А почему сражение было неудачным.

- Сил у врага было больше, чем у русичей.

- А почему...

- Хватит вопросов, почемучка. Хочешь, расскажу тебе, как жили наши предки.

- Расскажи.

Рядом обычно сидела княгиня Феодора, занимавшаяся рукоделием. В ханской семье ее не приучили к этому занятию. Рукоделию она научилась уже в Белоозере у русских женщин. Иногда она вставала и подходила к люльке-качалке, где лежал маленький Роман, слабенький и сонливый. Он

еще не научился ходить, хотя Михаил в его возрасте уже вовсю бегал по всем палатам.

Глеб, вспоминая все то, что когда-то рассказывали ему в детстве мать и владыка Кирилл, повторял эти истории Михаилу. Он вел речь о призвании князей, о родоначальнике Рюрике, о Владимире Красное Солнышко и крещении Руси, о нашествиях половцев. О Чингисхане и Батые, о гибели близких от рук татар Глеб Василькович умышленно умалчивал. Рано еще знать об этом малышу, которому не исполнилось и пяти лет.

Если дождик прекращался, Глеб одевал Михаила и выходил с ним на прогулку. Шли на берег озера, покрытого волнистой рябью. На горизонте тянулась лохматая кромка лесистого берега, пронзенного церковным столпом.

- Какое большое озеро, - восклицал Михаил.

- Называется оно Белое, - пояснял Глеб. - По имени озера и наш город носит название Белоозера. Когда-нибудь ты станешь князем, хозяином Белозерской земли. А братики твои, сынки дяди Бориса, станут хозяевами земли Ростовской. Много князей на русской земле. А старший над ними великий князь владимирский Ярослав Ярославич. Потому-то он и называется великим.

- Почему так много князей?

- Потому что велик род Рюриковичей. Все мы от одного корня. В каждой земле, в каждом большом городе есть свой князь из рода Рюрика.

Начинал накрапывать нудный осенний дождик. Ветер становился резким, порывистым, и князь Глеб с сыном возвращались домой в палаты.

Сверстником детских игр Михаила стал сын Власия, подобно тому, как сам Власий был когда-то сверстником детских игр самого Глеба. Иногда мальчики убегали далеко на берег озера или Шексны, и тогда обеспокоенные родители выговаривали няньке - почему не уследила за ребенком и отправляли ее на поиски.

Глеб Василькович частенько задумывался над обучением сына. Вспоминал добрым словом мать Марью Михайловну и владыку Кирилла. О таком обучении можно было только мечтать. Конечно, идеальным наставником для сына был бы Ириней, который по знаниям, пожалуй, не уступал покойному епископу ростовскому. Но надо принять во внимание возраст игумена. Руководство монастырем, хозяйственные заботы, ежедневные службы и требы отнимают немало сил, физических и душевных. Надо пощадить старца. К тому же Усть-Шехонский монастырь расположен не в самом городе, а на некотором отдалении.

Князь отправился в монастырь, чтобы посоветоваться с Иринеем.

Игумен выслушал Глеба Васильковича и высказал свое мнение.

- Мал еще твой княжич. Повремени с обучением годика полтора-два. Пусть пока забавляется детскими играми. Когда придет время, ученого наставника для Михаила я подберу. А сам буду наблюдать, как пойдет дело.

На том и порешили.

Роман наконец пошел. Первые дни постоянно спотыкался, падал, заливаясь тихим, жалобным ревом. Нянька придумала, как удерживать его от падений. Она обвязала туловище малыша под мышками кушаком, а конец держала в руках. Когда Роман падал, нянька натягивала кушак, удерживая ребенка.

Осенняя слякоть сменилась снегопадом и морозами. Когда Белое озеро и реки покрылись крепким ледяным покровом, Глеб задумал совершить поездку в верховья реки Андо-ги, притока Суды.

В летнее время прямая дорога туда была не возможна. Между Белым озером и верховьями Андоги лежало обширное топкое болото, являвшееся непреодолимой преградой. Чтобы попасть на Андогу, приходилось преодолевать далекий окружной путь по рекам: сперва спуститься по Шексне до среднего ее течения, потом подняться по правому ее притоку Суде до впадения в нее Андоги и опять же подняться по последней до ее верховьев. В отличие от этого долгого пути, прямая дорога от южного побережья Белого озера до верховьев Андоги была намного короче. Но она была доступна лишь в разгар зимы, когда болото надежно промерзло.

Верхняя Андога заинтересовала князя Глеба потому, что эта местность была месторождением болотной железной руды. Встречалась она между Кубенским озером и озером Боже, в низовьях Суды и у впадении реки Ижины в Мологу. Возникшее вблизи поселение стало называться Железным Устюгом, а впоследствии Устюжной Железнопольской в отличие от Великого Устюга на Сухоне.

Металлургия была одним из давнишних производств на Белоозере. В качестве сырья использовали болотную железную руду из местных месторождений. В самом городе было не менее десятка кузниц. Кроме того, металлургическим производством занимались в домашних условиях, в обычной печи, в горшках. Глеб Василькович убедился, что продукция белоозерских кузнецов была весьма разнообразна. Они изготавливали различные плотницкие и слесарные инструменты: зубила, сверла, топоры, долота, клещи, напильники, кроме того, сельскохозяйственные орудия: мотыги, сошники, лопаты, кирки. Оружейники тоже использовали металл для выделки мечей, кинжалов, доспехов, шлемов. А для выплавки металла требовались железная руда и древесный уголь.

Белозерские купцы и ремесленники предпочитали пользоваться месторождением болотной руды, в болотистой местности между Кубенским озером и озером Воже. Местность была достаточно освоенной и обжитой. Но путь к месторождению оказывался неудобен и затруднителен. Приходилось преодолевать мелководные реки и волоки. Обычно везли добытую, непереработанную руду в навигацию в лодках, а зимой на лошадях. Для этого требовалось много транспорта, и перевозка затруднялась.

Прежде чем отправиться на верхнюю Андогу, Глеб пригласил для беседы постоянного советчика Григория Меркурьева и одного из самых опытных и искусных кузнецов Белоозера Вукола. Кузнец пользовался уважением среди собратьев по ремеслу и считался их старшиной. Князь сообщил о своем намерении побывать на верхней Андоге.

- Андогская руда лежит поближе, чем та, какую привозят? - обратился Глеб к собеседникам.

- Вестимо, - отозвался Вукол.

- Так почему же не пользуетесь андогской рудой? Привычка?

- Не токмо привычка. На верхней Андоге безлюдье.

- Почему безлюдье?

- Кругом болота. Нет пригодной земли для посевов. Нет и людишек, кого бы можно было подрядить на добычу руды.

- А по качеству андогская руда хороша? - поинтересовался Глеб.

- Да не хуже той, которую мы привозим.

- А если мы поселим на верхней Андоге добытчиков, чтобы промышляли руду?

- Откуда их взять, добытчиков-то?

- Пошли Власия будущим летом в Орду выкупить полонян. А поселим их на Андоге, - высказался Григорий Меркурьев.

- Ты прав, - согласился Глеб. - Полоняне будут всем нам обязаны и согласятся поселиться на Андоге.

- Все равно придется везти руду по зимнику в Белоозеро, чтобы плавить из нее железо, - усомнился Вукол.

- А зачем везти руду, - возразил ему Григорий. - А если поставить на Андоге плавильные печи и по зимнику везти в Белоозеро уже выплавленный металл? Будет это облегчением для перевозок?

- Облегчение-то будет. Но ведь выплавлять металл надо умеючи.

- Все надо делать умеючи, - сказал весомо Глеб. - Вот ты, Вукол, и научишь плавить металл тех людишек, каких мы поселим на Андоге. Или не научишь?

- Почему же не научить? - уверенно ответил Вукол.

Отправился в путь Глеб в сопровождении двух дружинников, взяв с собой и кузнеца. Вукол когда-то бывал на Верхней Андоге и знал те места. Ехали на двух санях, розвальнях.

Миновали село Карголом, потом несколько рыбацких деревенок, вытянувшихся цепочкой по южному побережью Белого озера. Оставив позади последнюю, свернули на юг. Лесная дорога извивалась между елями и березами. Двигались из-за глубоких сугробов медленно.

Выехали на небольшое Андозеро, вытянутое, с извилистыми берегами. Съехали на его лед и перебрались на южный берег. Здесь из озера и вытекала Андога, приток реки Суды. К югу от озера начинались обширные болота, местами захватывающие и низменные берега рек и подходившие к самой воде. Местами неширокая Андога терялась в болоте. Поэтому в навигационное время плавания по верхнему ее течению старались избегать.

На южном берегу Андозера оказался выселок - две убогих избы с односкатными крышами, крытые древесной корой. Оказалось, что здесь обитали два бывших полонянина, выкупленных в Орде Власием, из тех, что князь Глеб пожелал поселить на Андоге. Эти двое, женившись на весьянках, ушли в самые верховья Андоги и достигли Андозера.

- Как живется, мужики, - спросил их Глеб.

- Да не жалуемся, - ответил один.

- Как звать-то тебя?

- Алехой.

- Алексей, Божий человек, значит. Чем занимаетесь?

- Рыбачим, охотимся. Полоски земли расчистили, выжгли, рожью засеяли. С того и кормимся.

- Скажи, Божий человек, не попадалась ли тебе болотная руда, из которой плавят железо, чтоб ковать разный инструмент?

- Что-то слышал ото здешних мужиков. А сам, чтоб руду копали, не видел. Ведь мы приезжие. Молимся за здоровье князя за то, что из полона нас высвободил, вернул нам свободу.

- А я и есть твой князь Глеб. Так кто же у вас сведущ, где можно добывать болотную руду?

- Сведущие люди есть. Тот же кузнец Леонтий.

- Далеко отсюда живет Леонтий?

- Нет, не зело далеко. На погосте Воскресенском. Тамошний поп Маркел женат на евонной дочери.

- Бог с ним, с Маркел ом. Ты мне про кузнеца расскажи.. Откуда он руду берет?

- Известное дело... из болота.
- Из какого болота?
- Это он тебе сам скажет.
- И что он с рудой делает?
- Известное дело... Нам с соседом топоры выковал, сошники для сохи, еще кое-что по мелочам.
- А далеко ли до Воскресенского погоста?
- Известное дело...
- Что ты заладил как сорока: «известное дело».
- Присказка у меня такая. Значит, известное дело... Не зело далеко до погоста. Коли лошадь резво бежит, часа через три доберетесь. Увидите болото от реки отступило...
- Как же мы увидим, когда вся земля снегом заметена.
- Опушка леса к реке приблизилась. У опушки храм Божий. Значит, болото отступило.
- Объяснил.

Глеб со спутниками переночевал в избе у Алехи. Изба была тесной и невообразимо прокопченной. Копоть черной бахромой свисала со стен и с потолка. В избе было угарно, стелившийся дым разъедал глаза. Князь Глеб заснул только под утро. Утром он долго обтирал снегом покрасневшие припухшие глаза. Его преследовала навязчивая мысль, что весь он покрылся копотью, как эти бархатистые стены убогой избы.

Воскресенский погост был совсем небольшим сельцом, притиснутым шеренгой заснеженных елей к берегу реки. Небольшой бревенчатый сруб церкви, на которой был посажен граненый барабан с конусообразной крышицей, увенчанной крестом, да пять-шесть изб, мало отличающихся от тех двух, какие видел Глеб у Андозера, вот и все сельцо. Среди изб составляла исключение изба кузнеца Леонтия, солидный пятистенок на подклети. Рядом с жилым домом стояли кузница и еще какие-то сараи.

В кузнице Глеб увидел всякие изделия: лопаты, скобы, сошники, наконечники к рогатинам, чтобы ходить на медведя.

- Тружусь на всю волость, - ответил Леонтий, когда Глеб похвалил его изделия.

- Один трудишься аль есть помощники?
- Как можно без помощников? Старший сынок неплохо мое ремесло усвоил. Надежный помощник. Заменит меня, когда стану немощным и уйду на покой. Помаленьку приобщаю к делу и второго.
- А откуда руду берешь?
- Вот из этого болота.

- А белозерские кузнецы приезжали к вам за рудой?
- Когда-то давно приезжали. Только не к нам, а к истокам Андоги.
- Среди этих приезжавших и я был. Было дело, - вмешался в разговор

Вукол.

- Расскажи, Леонтий, как ты плавильшь руду, - попросил Глеб.
- Как обычно плавят: в печи. С помощью мехов подымаю жару.

Подбрасываю угли от березовых поленьев.

- Не хотел бы ты заняться моей затеей, - начал Глеб. - Прикажу поставить тебе большую плавильную печь. Добывай болотную руду и выплавляй из нее железо не токмо для себя, но и для белозерцев, тех, кто нуждается в железе. К тебе будут приезжать за металлом. Для них прямой смысл везти к тебе не руду, а выплавленное железо. Сколько руда дает отходов?

- Не взвешивал. Наверное, больше половины.

- Вот видишь. Какой смысл везти в город то, что пойдет в отходы? Что ты на это скажешь?

- Так ведь... Сразу и не знаю.

- А ты подумай.

- Вот и думаю: чтобы снабдить всех белозерских кузнецов железом, потребны многие руки. Одних моих маловато.

- Ты прав, Леонтий. Одних твоих сил, даже если тебе помогут сыновья, не хватит. Найду для тебя выход.

- Какой выход, княже?

- С началом плавания по рекам пошлю своего человека в Орду выкупать полонян. Двух-трех велю поселить на вашем Воскресенском погосте. Пусть они добывают для тебя болотную руду, а ты с сыновьями выплавляй из руды железо. Вот и пригодится тебе твоя плавильная печь.

- Захотят ли эти бывшие полоняне копать в болоте? Может, их больше тянет хлеб выращивать, скотинку разводить?

- Ничего, потрудятся там, куда мы их поставим. А хлеб выращивать и скотину разводить никто не возбраняет.

- На все твоя воля, княже, - сказал покорно Леонтий.

- На том и порешили, - закончил Глеб. Заночевали в избе кузнеца. У него была сооружена печь с лежанкой и дымоходом, поэтому в жилище было чисто, никакой копоти. Прежде чем пуститься в обратный путь, Глеб, зайдя в кузницу, с интересом стал разглядывать куски руды: шершавые, как будто их нарочно сотворили, перемешав воедино разные вещества. Здесь был и песок, и глина, и какая-то металлоподобная масса, пересыпанная густой ржавчиной, и какие-то блестяшки.

По возвращении в Белоозеро Глеба Васильковича поджидала неожиданность. Новый золотоордынский властитель Менгу Темир вызывал белозерского князя в Сарай-Берке. Какова была цель вызова - можно было только гадать. Обо всем этом сообщил гонец, человек баскака Файзуллы.

- Когда я должен выехать? Когда вскроются реки и пройдет ледоход или немедленно? - спросил у ордынца Глеб.

Тот ответил неопределенно:

- Об этом мне ничего не сказали. Может быть, Файзулла лучше знает.

Вызов в Орду не вызвал у князя Глеба никаких опасений: не впервые. Прощая поездка завершилась вполне благополучно. Глеб Василькович был обласкан ханом, вернулся из поездки с женой, ханской дочерью. Хотя не для всех князей поездки в Орду заканчивались столь благополучно: если чем-либо не угодил хану, показал строптивость, непокладистость, возвратиться князь в свой удел мог в гробу, претерпев мученическую смерть. Такая судьба постигла черниговского князя Михаила Всеволодовича, Глебова деда. И это был далеко не единичный случай. Ханы расправлялись с непокорными князьями в назидание другим.

Среди князей даже сложилась традиция. Если кто-либо из них по доброй воле или вынужденно отправлялся в Орду, то оставлял завещание на случай, если ему не суждено будет возвратиться в свой удел живым. Он назначал наследника из числа своих сыновей, а если наследник был еще малолеткой, указывал опекуна.

Сперва Глеб Василькович подумал, что ему-то, ханскому родственнику, ничто грозить не может. К чему писать завещание? Но какой-то червь сомнения точил его: а вдруг случится непоправимое. Ханская воля непредсказуема. И каков нрав Менгу Темира? На эти вопросы не было ответа. И Глеб решил на всякий непредвиденный случай составить документ. Белозерский удел он завещал сыну Михаилу Глебовичу, а опекунство во время его малолетства вручал княгине-матери Феодоре с надеждой на то, что ханская дочь не встретит помех со стороны ордынских властей.

Попрощавшись с семьей и прихватив десяток дружинников во главе с десятником Сысоем, Глеб Василькович отправился санным путем в Ростов. Баскак Файзулла сообщил, что получил извещение от главного баскака из Владимира: хан Золотой Орды Менгу Темир вызывает к себе белозерского князя Глеба.

- Когда я должен выехать? - спросил Глеб.

- Сроки не назывались. Полагаю - немедленно. А впрочем...

Файзулла что-то прикинул в уме:

- Когда ехать, я скажу тебе через несколько дней. Может, поедем вместе.

Несколько дней Глеб провел в ожидании, общаясь с братом. Борис не был зван в Орду и чувствовал себя спокойно. Он не мог высказать никаких предположений насчет причины вызова Глеба.

- Припомни, Глебушка, не натворил ли ты чего-нибудь неудобное хану?
- спрашивал Борис брата.

- Да вроде ничего не было, - раздумчиво отвечал Глеб. Через неделю баскак Файзулла отыскал Глеба.

- Поедем вместе. Я везу собранную для хана дань: мне нужна надежная охрана. Можешь выставить человек тридцать дружинников?

- Могу, конечно.

Глеб подумал, что тридцать воинов составляет ровно половину всего белозерского воинства. Оборона его стольного города будет серьезно ослаблена, если новгородские ушкуйники снова появятся на реке Суде или где-нибудь еще. Слава Богу, до Белоозера они еще не добрались.

- Когда тронемся в путь? - спросил Глеб.

- Я полагаю, лучше выехать весной водным путем, когда Волга очистится ото льда. Я связался с главным баскаком: он не возражает. Дань везти надежнее на дощаниках. Со мной будут большие ценности: несколько ящичков с серебряными монетами, шкурки пушных зверей. Речной путь надежней.

- Кого опасаясь?

- Можно встретить много всяких недобрых людей: новгородские ушкуйники, и отбившиеся от ханского войска бродяги, и разные степняки, и беглые бунтари-русичи. На богатую добычу каждый польстится. Если потеряем груз, головы мне не сносить, да и тебе, князь, тоже. Учти это.

- У меня с собой только десять дружинников.

- Это мало. Распорядись, чтобы прибыло еще, по крайней мере, десятка два. Времени у тебя в запасе еще много.

- Лучше я сам поеду в Белоозеро и к весне соберу дружинников.

- Действуй.

Глеб задержался в Ростове еще на несколько дней. Посетил в монастыре мать. Инокня совсем состарилась. Жаловалась на потерю зрения: читала с превеликим трудом. Встретила она сына как-то равнодушно, тихо спросила:

- Как Михаил?

- Растет сынок. Собираюсь в скорости начать его обучение, - ответил Глеб.

Инокиня Марфа ничего не ответила, только вздохнула, а потом болезненно закашлялась.

- Тебе нездоровится, матушка. Отдыхай. Я к тебе после заеду, - сказал Глеб, видя, что беседы с матерью не получилось.

- Зайди, - сказала усталым голосом мать.

Глеб возвратился до начала навигации в свой удел, стал отбирать и готовить к походу дружинников. Долго не мог решить, какие подарки могли бы удивить нового хана. Но Глеб проявил находчивость: у одного новгородского купца, промышлявшего в Студеном море, приобрел моржовый клык, разукрашенный искусной резьбой. Такой необычный подарок хану еще, наверное, никто никогда не дарил. У другого новгородского купца Глеб купил два больших овальных блюда, покрытых красивой росписью...

Весной, когда прошел ледоход, князь Глеб с дружинниками приплыл в Ростов. Там баскак Файзулла уже подготавливал со своими людьми дощаник с ценным грузом к плаванию. Глеб приплыл на двух дощаниках. На одном находился сам с несколькими приближенными и малой частью дружины. Основная часть дружины занимала второй дощаник.

Файзулла обратил внимание Глеба на необходимость постоянно вести наблюдение за берегом и за течением реки. Ценный груз, который вез караван, мог представлять привлекательную добычу для тех, кто промышлял разбоем. Чтобы не стать жертвой ханского гнева и не потерять головы, надо было следить в оба.

Волга показалась Глебу более оживленной, чем в те времена, когда он плыл в Орду вместе с великим князем Александром Невским и возвращался оттуда вместе с молодой женой, ханской дочерью. Плыли торговые струги, дощаники с княжескими свитами, купцами, военными отрядами ордынцев. Раза два ордынцы пытались остановить караван. Но Файзулла резкими выкриками отгонял ордынцев, и те оставляли караван в покое.

Вниз по Волге плыли под парусами. Делали остановки и высаживались на берег, чтобы запастись водой и размяться. Но всякий раз выставляли усиленные караулы.

Вход в Ахтубу охранялся усиленным нарядом ханских воинов. Они потребовали с берега, чтобы караван остановился для досмотра. Файзулла снова прокричал с борта головного дощаника условный сигнал, и охранники пропустили караван.

Город Сарай-Берке, золотоордынская столица, показалась Глебу заметно изменившейся. Больше стало внушительных палат ордынской

знати. То тут, то там вздымались вверх купола и минареты мечетей. Среди них как-то скромно затерялась глинобитная церковка русской епархии, но рядом с ней возводился каменный храм повнушительней. Богатые кварталы чередовались с шумными и многолюдными базарами и кварталами бедняков, застроенными камышовыми жилищами, глинобитными хижинами, землянками. Здесь обитал малоимущий люд, ремесленники, строители, мелкие торговцы, землекопы, лодочники, а в землянках жили рабы-полоняне. Некоторым из них удалось обзавестись семьей и собственной землянкой или хижинкой, но это не избавляло их от вопиющей бедности, подневольного труда на хозяина.

Центральным сооружением города был огромный комплекс ханских дворцовых палат с парадными залами, домашними покоями, разными службами, помещениям для многочисленной челяди и стражи. Все эти строения окружала высокая стена из белого камня. Над ней возвышалась дворцовая мечеть с иглами-минаретами. В воротах стояли рослые стражники с копьями и мечами. Ханская столица выглядела пестрой, разноликой, шумной и многоязычной. И это на первых порах подавляло, ошеломляло новичка.

Файзулла начал передавать ханскому казначею дань. Казначей с помощниками дотошно переписывал содержимое кожаных мешков. К Глебу приставили специального чиновника. Ему с людьми было разрешено поместиться на постоялом дворе для русичей. Постоялый двор носил необычное название - «караван-сарай». Часть своей дружины Глеб оставил для охраны дощаников, а большую часть взял с собой.

Первым делом Глеб Василькович поинтересовался у чиновника, когда же великий хан удостоит его приемом, чтобы он мог передать свои подарки. Чиновник бесстрастно ответил, что он не знает, когда хан сможет принять русского князя. Хан занят государственными делами и в ближайшие дни вряд ли найдет время.

В результате Глеб был предоставлен самому себе. Впрочем, самому себе - не совсем точно сказано. Белозерский князь ощущал постоянный надзор. На постоялом дворе всегда находился соглядатай, а если Глеб выходил в город, сзади неустанно следовал «хвост». Князь не удержался и спросил преследовавшего его соглядатай - чему он обязан таким вниманием. Тот, не раздумывая, ответил:

- Великий хан печется о безопасности русского князя. Глеб ответил ехидно:

- Очень тронут заботой великого хана.

При прежнем хане Берке такого мелочного опекунства не было.

Зашел Глеб Василькович на епископский двор, посетил сарайского владыку Митрофана, получил его благословение. Владыка выглядел болезненным, исхудавшим, осунувшимся. Признался Глебу, что готовится принять схиму, оставив епископскую кафедру.

- Непосильное бремя взвалил на свои плечи, - пожаловался он. - Митрополит Кирилл подбирает на мою кафедру нового владыку.

Глеб Василькович поинтересовался, приходилось ли владыке Митрофану сталкиваться с новым ханом Менгу Теми-ром. Каков он властелин и человек.

- Круто берет, - ответил епископ. - А прежней власти у него, как у Берке, нет.

- Пошто нет?

- Сильный соперник объявился.

- Какой еще соперник?

- Темник Ногай, способный полководец. Проявил себя еще при прежних ханах, Батые и Берке. Победоносно воевал в Закавказье и в Персии.

- Слышал это имя.

- Сейчас Ногай отложился от Орды. Увел часть войска и властвует у Черного моря и в низовьях Дуная. Так что сила Золотой Орды поубавилась.

- Любопытно. А как хан относится к тебе, владыка, к православной церкви.

- Пока терпимо. Больших препятствий не чинит, храмы возводить не возбраняет. Но в то же время заигрывает с папистами. Католики начинают проникать в Орду. Политика и вашим, и нашим.

- А я вот жду у моря погоды. Когда хан пригласит...

- Дай Бог тебе удачи, князь.

- Не понимаю, что ему от меня надо.

- А может быть, и ничего не надо. Такая политика у него - вызывать к себе русских князей и держать их при себе месяцами, а то и год-два в качестве заложников. Так что наберись терпения, князь.

Неоднократно Глеб посещал базар, неугомонный, пестрый, шумный. Торговцы: ордынцы, русичи, кавказцы - на все голоса зазывали покупателей, расхваливали товар и до умопомрачения торговались. Старого знакомого Захария уже не оказалось в Сарае. Глеб узнал от русских купцов, что Захарий года два назад похоронил жену Пелагею, неудачно разродившуюся. Захарий решил вернуться на Русь, но по дороге был дочиста ограблен каким-то бродячим отрядом ордынцев и нищим оборванцем вернулся назад. Здесь он ухитрился жениться на дочери

искусного умельца-чеканщика, выходца с Северного Кавказа, и взялся продавать изделия теста. Но в Сарае не остался, а переселился в какой-то другой город.

Выслушав этот рассказ, Глеб вспомнил, как купеческая жена Пелагея, бойкая миловидная женщина, выручила его невесту: снабдила Феодору своим платьем, в котором ханская дочь, ставшая невестой русского князя, пошла под венец.

Глеб неоднократно обращался к приставленному к нему ордынцу с одним и тем же вопросом - когда же хан соизволит его принять. И слышал один ответ:

- Великий хан занят большими государственными делами.

Несколько раз Глебу и его людям из ханского дворца присылали свежие фрукты.

- Великий хан не забывает своих гостей.

Этими фруктами и ограничивалось внимание хана. Запас съестных припасов, заготовленных на дорогу, подошел к концу: пришлось питаться с рынка. Дорожные сбережения понемногу таяли. Глеб был вынужден распорядиться, чтобы та часть дружины, которая оставалась на дощаниках для их охраны, занялась в Ахтубе и в протоках ловлей рыбы. Еще оказалось, что в волжской дельте можно охотиться на уток.

Глеб Василькович уже потерял счет времени, когда однажды ордынец сказал ему:

- Великий хан готов тебя сегодня принять. Белозерский князь нарядился в новую парадную одежду» взял с собой двух приближенных, которые несли следом за ним подарки, и на всякий случай толмача, хотя был готов самостоятельно, без особых затруднений вести разговор.

Глеб и сопровождающие его люди с подарками шли анфиладой парадных зал и комнат ханского дворца. Впереди шагал чиновник высокого ранга, указывающий дорогу. Отделка дворца к этому времени была уже завершена. Одни помещения были украшены белыми мраморными колоннами, другие алебастровыми плитами с узорчатым орнаментом. У каждой двери стояли по два рослых стражника с копьями и кривыми мечами на перевязи. При приближении шествия стражники раскрывали настежь тяжелые двери, также украшенные орнаментальной резьбой, пропуская Глеба и его спутников.

Путь закончился в овальном зальце, освещенном потоками света, проникающего через небольшое потолочное отверстие. На возвышении, на подушках восседал хан Менгу Те-мир. Справа и слева от него стояли с подобострастным выражением лица придворные. Их было человек пять.

Глеб Василькович остановился на некотором отдалении от хана и отвесил ему поклон.

- Приветствую великого хана, властителя Золотой Орды. И кланяюсь тебе от лица твоих подданных.

- Подойди поближе, русич, - ответил хан глухим гортанным голосом, - я плохо слышу тебя. Что ты сказал? Повтори.

Глеб приблизился на несколько шагов и повторил сказанное. Он заметил, что Менгу Темир чем-то напоминал покойного хана Берке. Пожалуй, овалом лица и разрезом глаз. Только покойный Берке был более тучным, обрюзгшим и неповоротливым. А нынешний хан казался суевливым и подвижным.

- Дозволь, великий хан, преподнести тебе наши подарки, - произнес князь Глеб. - Очень сожалею, что не смог привезти тебе подарки побогаче. Наше княжество северное, лесное, бедное.

Хан никак не отреагировал на слова Глеба, подарки осматривать не стал, сделав знак придворным, чтобы те приняли подношения. Неторопливо заговорил:

- Ты доволен, князь Глеб, как о тебе заботились мои люди?

- Доволен уже тем, что ты оказал мне великую честь, пригласив в свой город.

- Как он тебе понравился?

- Город вырос с тех пор, как я побывал в нем в последний раз. Особенно твой дворец.

- А почему ты приехал один, без жены?

- Она прихварывает и не может оставить маленького сына.

- Много ли у тебя детей?

- Двое сыновей. Я счастлив, что моя Феодора - твоя родственница, великий хан.

- Я знаю это. Значит, в твоих сыновьях течет кровь великого хана.

- Выходит, так.

- Хотел бы ты, князь Глеб, послужить мне?

- Разве я не служу тебе как твой подданный?

- Правильно, служишь. Но мне нужна от тебя другая служба.

- Позволь спросить, великий хан, какой еще службы ты ждешь от меня?

- Об этом поговорим позже. Не сейчас.

Менгу Темир дал знак одному из своих приближенных. В зал внесли большой поднос с фруктами, другой, поменьше, с колотыми грецкими орехами и кувшин с каким-то напитком.

- Угощайся, князь, и угощай своих людей, - бесстрастным тоном сказал хан. - Отдыхай с дороги, князь. Постараюсь тебя не скоро тревожить.

На этом не слишком продолжительная встреча с Менгу Темиром закончилась.

Услышав это, Глеб подумал свое: «Наотдыхался вдоволь: бездельничая почти месяц». Впереди опять долгое, нудное ожидание, пока хан соизволит его принять. И что сулит ему новая встреча? О какой службе хан говорит? Не в борьбу ли со своим соперником, Ногаем, намерен его втянуть? Или принудит его участвовать в походе против строптивного русского князя. Нет, только бы не это.

Глеб попытался расспросить ханского человека, приставленного к нему. Человек сперва прикидывался непонимающим, о чем идет речь. Когда же белозерский князь подарил ему двух чернобурых лисиц, стал более словоохотлив.

- Хана заинтересовала твоя военная сила...

- Какая сила? Три десятка человек, - удивился Глеб. - Взял их по просьбе баскака, чтоб охранять в дороге собранную дань.

- Я все же думаю, что хана заинтересовали твои воины. Опять потянулось время. Осень была в разгаре, хмурилось небо, птицы тянулись на юг длинными косяками.

А хан Менгу Темир тем временем многократно совещался с ближайшими приближенными и родственниками. Об этих совещаниях белозерский князь ничего не знал. Не мог знать и ханский человек, приставленный к нему в качестве соглядатая. Речь шла на этих встречах хана со своим окружением иногда и о нем, белозерском князе.

- Меня беспокоит Ногай, - говорил Менгу Темир. В его голосе улавливались озабоченность и тревога. - Он увел большую часть войска и распоряжается всем Северным Причерноморьем.

- Разделяем твою тревогу, великий хан, - поспешно произнес один из приближенных. - Ногай накопил богатый военный опыт. Он успешно воевал. При твоих предшественниках одерживал победы над противниками.

- Все это я знаю, - резко прервал его хан, которого раздражали всякие хвалебные слова в адрес Ногай. - Как мы должны поступить? Чем можем утратить Ногай?

Приближенные и родственники молчали. Они не представляли, что можно предпринять против своенравного Ногай.

- Полагаемся на твою мудрость, о великий...

- Полагаться на хана легко, - вспыхнул Менгу Темир. - А у вас-то есть

голова на плечах, есть свои мысли?

- Войска, сидящие в юртах без дела, теряют боевой дух, - заговорил тот же приближенный. - Такое войско заражается дурными привычками. Начинает грабить своих же...

- Ты прав, - перебил хан. - Ко мне поступает много жалоб на воинов. Они нередко грабят купеческие лавки, нападают на мирные караваны. Нужны какие-то меры.

Менгу Темир изложил свой план, как бороться с разложением армии. По его мнению, было бы полезно посылать вооруженные силы, один отряд за другим, поочередно, в ближайšie походы, не слишком отдаляясь от Сарая. При этом пусть основные силы всегда остаются в столице, чтоб не подвергать ее опасности внезапного нападения того же Ногая. В поход выступит небольшой отряд в одну-две тысячи воинов. Целью похода может быть устрашение народов Северного Кавказа, склонных к смуте и неповиновению. Такие походы помогут поддерживать военный опыт и боевой дух, будут напоминать миру о могуществе Орды. А воины получают возможность поживиться военными трофеями.

- В первый отряд, который выступит в поход, я намерен включить и дружину русичей во главе с князем Глебом.

- Дозволь молвить, - прервал хана один из родственников. - Покойный Берке обещал князю Искандеру не привлекать русичей к военным походам.

- Правильно, - спокойно ответил хан. - Но покойный Берке не обещал ни князю Искандеру, ни его преемникам, что ханский наследник должен следовать этой договоренности.

- Еще дозволь молвить, великий хан...

- Говори.

- Русский князь Глеб располагает всего пятьюдесятью воинами. Разве это сила?

- Пятьдесят воинов - сила малая. Но важно другое. Привлекая дружину князя Глеба, мы сможем понять, как на это посмотрят другие русские князья. Коли примирятся, станем привлекать их дружины в другие походы. А почему я решил начать с князя Глеба? Через жену он состоит в родстве с ханской семьей. Он послушен, не строптив.

- Мудро рассуждаешь, великий хан, - льстиво поддакнул один из приближенных. - Не велика сила у князя Глеба, зато пример для других князей. Мудро!

Все выразили хану свое одобрение. Разумеется, полсотни человек - не ахти какая великая сила. Но зато пример для остальных русских князей, которые владеют более населенными княжествами и могут выставить куда

более внушительные дружины. Если их все собрать воедино - это будет значительная сила...

Между тем наступила зима. Волгу и Ахтубу сковал лед, рыбалка оказалась затруднена. Казна князя Глеба истощалась. Пришлось обратиться к известному ордынскому ростовщику, выходцу из Бухары, и взять у него под высокие проценты большую сумму денег. Надо было содержать и кормить дружину, слуг, приближенных.

На исходе зимы хан пригласил Глеба для новой встречи. На этот раз принял его не в овальном зальце, а в другом, выложенном пестрыми изразцами. Кроме хана и его приближенных в зале находился еще плечистый, коренастый человек с хмурым недобрым взглядом. При движении он выгибал ноги колесом. Глеб заметил это и решил, что человек этот с ранней юности не слезал с седла. Очевидно, перед ним был военачальник - заядлый конник.

Белозерский князь оказался прав. Хан представил кривоногого:

- Тысяцкий моего войска, Джамирбек, - и продолжил: - Поступаешь, князь Глеб, со своей дружиной в его распоряжение. Готовься к походу. Это будет твоя служба.

- Дозволь молвить, великий хан, - спросил Глеб.

- Говори. Что ты хочешь?

- Я прибыл к тебе речным путем на дощаниках...

- С рекой придется на время распрощаться. Седлай коней.

- Но я не брал с собой коней.

- О конях позаботится Джамирбек.

Тысяцкий поклонился в знак согласия. Хан обратился к нему.

- Доверяю тебе моего родича. Береги его, не обижай и дай возможность отличиться, проявить доблесть.

- Слушаюсь, - почтительно сказал тысяцкий.

Глеб Василькович сознавал всю безвыходность своего положения. Готовился какой-то карательный или завоевательный поход, и Глеб становился его участником. Хан распоряжался им, не спрашивая его согласия и желания.

В обращении с Глебом Джамирбек оставался все таким же угрюмым и малоразговорчивым, однако резкости и грубости не позволял: «ханский родственник» все же.

При первом отталкивающем впечатлении тысяцкий показал себя дельным организатором и военачальником.

Джамирбек начал с того, что спросил Глеба, знает ли он, куда направляется войско с его участием.

- Откуда мне знать, - простодушно ответил Глеб.

- Идем на юг, к высоким горам.

Глеб удовлетворенно подумал - слава Богу, что поход не против русичей.

- Против кого идем воевать? - спросил он.

- Против касогов и ясов. Некоторые из их племен признали власть великого хана и платят ему дань. А другие ушли в горы, власть хана не признают. А иногда нападают на наших воинов. Идем, чтобы наказать непокорных.

- Доводилось ли тебе воевать в Кавказских горах?

- Доводилось, - односложно ответил Джамирбек. Больше ничего, кроме этого односложного ответа, добиться от него Глеб не сумел.

Каждый Глебов дружинник получил от Джамирбека верхового коня. Лошади были монгольской породы, малорослые, коренастые и длинношерстные, не похожие на русских скакунов. Характером были не норовистые, покладистые.

Тысяцкий спросил Глеба:

- Как твоим воинам привычней, в седле или без седла?

- Как же можно без седла? - удивился князь.

- А мои воины могут и в седле, и без седла скакать. Седла нашлись для каждого Глебова дружинника.

Люди Джамирбека привели и несколько запасных коней.

- Это на тот случай, если в твоём отряде будут потери в лошадях. Такое в походе случается.

Перед выходом в поход в отряде Джамирбека произошел один случай, Глеб оказался его свидетелем. Тысяцкий устраивал несколько раз смотр отряду, выстраивая весь конный строй в степи за городом. Всего было около полутора тысяч всадников и еще большой обоз с навьюченными лошадьми, верблюдами и повозками.

Тысяцкий принимал доклады сотников. Выяснилось, что ' во второй сотне не оказалось одного воина. Предстал он только к концу дня какой-то помятый. Что сказал в свое оправдание виновный, Глебу узнать не удалось, но что за этим произошло, он видел. Виновного подхватили под руки два крепких ордынца, принудили лечь на землю, оголили спину. Один из ордынцев взял пучок лозин и принялся хлестать нарушителя по спине. Когда первый устал, его сменил другой. Наказуемый воздерживался от крика, только тихо стонал, всхлипывал да корчился от боли. Вся сотня была свидетелем экзекуции. От ударов спина наказуемого вздулась и покрылась кровавыми рубцами. Видимо, такие наказания были привычными в

ханском войске. Когда виновный получил свою порцию ударов, он еще нашел в себе силы подняться с земли и отойти.

- Видел, князь, как мы наказываем тех, кто забывает о порядке? - произнес тысяцкий, заметив, что Глеб Василькович наблюдал за экзекуцией.

- Моим людям такое тоже грозит? - спросил белозерский князь.

- За твоих людей ты в ответе. Коли провинятся, ты их и наказывай.

- Надеюсь, что к такому наказанию мне не придется прибегать...

В поход выступили в разгар весны. Волгу преодолевали чуть выше того места, где Ахтуба отделялась от основного русла реки. Там стоял усиленный военный пост ордынцев, распорядившихся средствами переправы. Лошадей, верблюдов и повозки переправляли на плотках и крупных баркасах. Переправа затянулась на несколько дней.

Преодолев Волгу, отряд Джамирбека начал свой марш по степной равнине, местами всхолмленной. Равнина начинала зеленеть свежей весенней травой, распускались полевые цветы. Из нор высовывались суслики, какие-то степные зверьки, с любопытством разглядывавшие проходившее мимо войско.

В построении отряда Глеб заметил определенный порядок, которого придерживались ордынцы. Впереди, на некотором отдалении от основных сил отряда, двигалась передовая сотня. Она осуществляла разведку, изучала местность. Основные силы двигались посотенно. В центре шла и белозерская полусотня во главе с князем Глебом. Позади, на некотором отдалении от основных сил двигался обоз, сопровождаемый собственной охраной.

За время следования Джамирбек раза два придумывал перестроения, которые сейчас назвали бы учебными маневрами. Он выпускал резкий гортанный возглас, выкрикивая какое-то короткое слово команды, непонятное Глебу. Потом князь узнал, что слово это не имело никакого смысла, а было условным знаком к перестроению. Возглас передавался от одной сотни к другой, подхватывался сотниками.

Сотни всадников, ведомые командиром, переходили из колонны в дугу. Дуга полукружием охватывала небольшую рожицу тополей, оживлявших унылую степь, продвигалась вперед, все больше и больше выгибаясь и выдвигая фланги.

Глеб, не понимая условно команды, оставался на месте. В первый раз он подъехал на коне к тысяцкому и спросил:

- А как мы должны поступать?

- Оставайтесь при мне. Вы будете запасной силой.

- Резервом, что ли?

- У нас говорят - запасная сила. Ты ударишь в тот момент, когда враг будет смят и побежит. Чтобы усилить удар по врагу.

- Но где же враг?

- Пока враг только в нашем представлении, вон за теми деревьями. Это мы готовимся к встрече с настоящим врагом.

Край был обжит и довольно населен. Поселения встречались часто. Население Северного Кавказа составляли кипчаки, или половцы, а также пришедшие с востока татаро-монголы. Происходил процесс смешения местного населения с пришлым. Многие кипчаки теперь служили в ханском войске. Были представители этого народа и в отряде Джамирбека.

В каждом селении навстречу отряду выходили старейшины приветствовать ханское войско. На ночлег отряд располагался в открытом поле за пределами селения, чтобы уберечь его от мародерства. Но мера эта была нерезультативна.

На привале разжигали костры. Питались обычно вяленой кониной и сушеными фруктами - другой пищи не было. А утром перед выходом в поход приходили старейшины с жалобами: украли корову, опустошили курятник, разорили ульи с медом...

Джамирбек терпеливо выслушивал жалобы и отвечал всегда одно и то же:

- Воров накажем: не сомневайтесь. Что корову или кур не уберегли - сами виноваты. Закрыли бы на крепкие замки. А если какой ханский воин поживился вашей курицей или полакомился вашим медком, будьте к нему снисходительны. Он будет жизнью рисковать ради того, чтобы вам жилось спокойно, чтобы не спустились с гор грабители касоги или кабардинцы. Или вы этого хотите?

После такой речи старейшины умолкали.

Конечно, никаких мер против мародеров Джамирбек не предпринимал и не собирался предпринимать. Зачем осложнять отношения с воинами, если скоро отряду предстоят боевые действия.

Преодолели вброд реку Маныч. Снова степи, хижины из прутьев, обмазанных глиной, новые и новые жалобы старейшин. Не очень надеясь на то, что возможно пресечь мародерство в отряде, тысяцкий все же распорядился высечь принародно одного из самых злостных воров, в назидание другим. В течение двух ближайших дней жалобы не поступали, потом все вернулось на круги своя.

Кончилась ровная степь. Начались предгорья Кавказского хребта, заселенные разными народами: ясами, касогами, кабардинцами, еще каким-

то. Названия всех сам Джамирбек не мог припомнить - так их было много.

Жилища в горных аулах отличались от жилищ степняков: строились они из камня, иногда в виде башен с узкими оконцами-бойницами. Не дом - крепость. В них можно было отсидеться при нашествии врага.

Горцы, хотя это и были подданные хана, встретили отряд Джамирбека настороженно. Принимали всякие охранительные меры: скот угоняли в горы, имущество, что поценнее, прятали по тайникам. Укрывались в горах и девицы, и молодые женщины, до которых были столь охочи ханские воины.

К племенам мирным, признавшим власть золотоордынского хана, с неприязнью относились племена немирные, откочевавшие в горы. Нередко между ними происходили столкновения, обиженные потом старались мстить обидчикам по закону гор, закону кровной мести.

Тысяцкий выслушивал много жалоб от старейшин мирных поселений, ясов и касогов. Они жаловались на частые нападения со стороны соплеменников, не признававших ордынской власти, и просили оградить их от таких нападений.

- Великий хан не даст в обиду своих подданных, - непременно отвечал Джамирбек, собирая сведения о местах обитания немирных горцев. Выяснилось, что в глухих горных ущельях живут многочисленные племена, не признающие власть хана Золотой Орды.

Джамирбек собрал на совет всех сотников, пригласил и Глеба Васильковича. Рассказал им о тех сведениях, которые сообщили ему старейшины.

- Часть горских племен не захотела стать подданными великого хана, - сказал он. - Они нападают на мирные аулы, на наших друзей. Наш долг сурово наказать ослушников.

Тысяцкий объявил о своем решении. Он делит отряд на две равные части. Одна часть поступит под командование командира первой сотни Бахмета. Его задача прочесать горные долины и ущелья, где могут обитать немирные касоги, и с помощью военной силы склонить их к признанию золотоордынского подданства. Если будет встречено сопротивление, непокорных безжалостно истреблять, а их жилища предавать огню.

Другую часть отряда берет под свое командование он сам. С этими силами станет прочесывать долины и ущелья, где обитают непокорные ясы.

Князь Глеб ожидал разъяснения относительно своих обязанностей. Тысяцкий вспомнил о русичах в последнюю очередь.

- А ты, князь, остаешься со своей дружиной в этом селении для охраны обоза. И будешь запасной силой. Если мне понадобится твоя

помощь, вызову.

Обе части отряда выступили против немирных касогов и ясов. На протяжении примерно двух недель они отсутствовали, пребывая в походе.

Находясь в селении, Глеб близко познакомился с одним из старейшин, седобородым рослым старцем в высокой бараньей шапке. Старец сносно говорил по-татарски и поэтому мог объясняться с русским князем.

- На ханского человека ты не похож. Какого племени? - спросил старик, вглядываясь пристально в лицо Глеба.

- Русич я. Обитаю далеко на севере. Тамошний князь, зовут Глебом.

- А у меня несколько имен. Бывал я за перевалом в Грузинском царстве. Там тоже живет часть нашего народа. По-грузински меня зовут Баграт.

- Буду звать тебя Багратом.

- Когда-то Грузия была могучим царством при царице Тамаре, при царе Георгии. И мы, северные ясы, признавали власть грузинских царей. Многие мои родичи уходили служить в грузинском войске.

- Сейчас Грузия, говорят, тоже подчинилась власти ордынского хана.

- Да, это так. Татары раскололи страну на два царства, восточное и западное, подстрекают их к вражде друг против друга.

Старик пожаловался Глебу, что ясские племена, не признающие власть Орды, враждебно относятся к подданным хана и совершают набеги на селение. В одном из столкновений был убит его внук, совсем еще молодой юноша, только собиравшийся жениться. Закон гор требует, чтобы его семья исполнила кровную месть и покарала убийцу. Значит, и южане будут пытаться ответить тем же. И такое может продолжаться годами, десятилетиями.

В селении опасаются появления людей из враждебного племени. Поэтому старшины выставили вооруженных людей в засадах вблизи горных троп. Глеб вызвался усилить засады своими людьми.

Столкновения не удалось избежать. Двое немирных ясов, продвигаясь по горной тропе, наткнулись на засаду, в которой были два яса и два русича из дружины князя Глеба. Нападение из засады было столь внезапным, что пришельцев удалось легко обезоружить и скрутить. Но в это время просвистела стрела, ранив в ногу одного из русичей. Оказывается, незаметно в зарослях двигался еще один человек из враждебного племени. Товарищ раненого бросился в кусты, откуда вылетела стрела, и наткнулся на стрелявшего. Тот не успел еще натянуть тетиву для следующего выстрела, как был поражен мечом. Тяжело раненный, он не хотел сдаваться и просил его убить. Его связали и вместе с другими пленниками доставили

в селение.

Выяснилось, что пленники ничего не знали о наступлении ордынцев против южных аулов. Двигались они медленно горными тропами и не были осведомлены, что Джамирбек со своими людьми уже окружил их селение.

Лечением раненного стрелой дружинника занялся местный знахарь. Рана оказалась не опасной. Знахарь тщательно очистил рану и смазал ее каким-то одному ему ведомым зельем.

Других появлений людей из враждебного племени вблизи поселения не последовало.

Первым вернулся из похода Бахмет со своим отрядом. Он понес ощутимые потери. Дело обстояло таким образом. Первое селение, попавшееся на пути, было подчинено без всяких затруднений. Видя, что к селению приближается внушительное число всадников, старейшины сочли сопротивление бессмысленным и вышли навстречу с миром. Они заявили о полной своей покорности и признании над собой власти великого хана.

Бахмет отнесся к изъявившим покорность милостиво, только потребовал корма для лошадей. Также не пытались сопротивляться и два последующих селения касогов. А дальше случилось непредвиденное.

Долина сужалась и переходила в узкое ущелье, по дну которого протекал горный порожистый ручей. По краям ущелья высились крутые горные склоны. И с этих склонов на ордынцев внезапно посыпался град камней и стрел. Послышались стоны, крики умирающих и раненых людей, ржание лошадей. Десятка три ордынцев были убиты наповал.

Бахмет дал команду отступить. Продолжать движение по коварному ущелью он не решился. Большинство из его людей были ранены, некоторые тяжело. Бахмет даже не рискнул распорядиться, чтобы подобрали убитых. С такими результатами его отряд вернулся в яское поселение.

Через пару дней после Бахмета прибыл и тысяцкий Джамирбек. Ему повезло больше.

Первое же селение ясов попыталось оказать сопротивление. Но его защитники были легко смяты наступавшими ордынцами благодаря своему численному превосходству. Ордынцы захватили пленников и собрались поджечь селение, когда в стан победителей пришла группа старейшин. Они заявили о своей покорности.

- Признаем себя побежденными. Только не жги села, аксакал, и отпусти полонян, - попросили старейшины. - Будем платить дань хану и служить ему.

- Принимаю вашу покорность и готовность платить дань, -

высокомерно ответил Джамирбек. - Обещаю не жечь ваши дома. А полонян не отпущу. Пусть предстанут перед очами великого хана.

- Отпусти хотя бы двух девушек, - с мольбой в голосе произнес один из старейшин. - Одна моя внучка, другая внучка моего брата. Пощади, победитель.

- Вина твоя и твоего брата в том, что не сразу изъявили покорность, - повысил голос тысяцкий. - Вы вынудили меня применить силу. А девушки - добыча победителя. Таков закон войны. Одна будет моей. Коли понравится, возьму ее в гарем.

- Смилуйся, - просил старик. Но Джамирбек не смилостивился.

Еще два селения признали над собой главенство хана Золотой Орды. А дальше пошли безлюдные места, покинутые жителями. Побросав все имущество, угнав скот, жители ушли через Дарьяльское ущелье в Северную Грузию, в ту местность, где уже обитали их соплеменники.

Только в одной хижине ордынцы обнаружили ветхого, чуть живого старца, единственного оставшегося обитателя.

- Хочу умереть на родной земле. А все мои родичи ушли через горы, - прошептал он. Вряд ли поняли его речь татары, но оставили старца в покое: что с него возьмешь...

- Поход был удачен, - объявил Джамирбек своим воинам. - Одних мы принудили к покорности. Других, не желающих покориться, заставили уйти за хребет.

Глеб доложил тысяцкому, что в его отсутствие была попытка проникнуть в селение нескольких немирных ясов явно с враждебными целями. Все трое были обезоружены и схвачены. Один из белозерских дружинников легко ранен в схватке.

Джамирбек сдержанно похвалил Глеба за расторопность и потом выслушал доклад Бахмета.

- Не справился ты с задачей, - подытожил тысяцкий. - Почему пошли всем отрядом в ущелье? Почему сперва не выслали дозор?

- Кто же знал, что на уме у этих касогов? - оправдывался Бахмет.

- А надо было знать. Я везу в обозе двух пригожих полонянок. С одной сам развлекусь. Другую хотел тебе подарить. Но ты останешься без подарка. Пусть девочка достанется князю Глебу. Он неплохо охранял селение, его люди схватили трех злоумышленников.

Обычно Глеб ночевал в небольшом шатре, который везли для него в общем обозе. Ложем служила охапка сена. В шатер и привели к нему милостивую полонянку, совсем еще девочку. Ее большие глаза, наполненные слезами, смотрели на Глеба со страхом.

- Ну что, испугалась? Не съем я тебя, - произнес Глеб. Ему было жаль юной пленницы, участь которой была решена: рабыня-наложница.

Она не понимала его слов. Глеб вышел из шатра, подзвал охранника и наказал ему отыскать и привести старейшину Баграта, того самого, с которым успел почти подружиться. Старейшина пришел незамедлительно.

- Что тебе угодно, аксакал?

- Выручи меня, отец. Тысяцкий остался доволен тем, как мы охраняли селение. И в знак признательности подарил мне эту девушку.

- Она тебе не нравится?

- Очень нравится. Но к чему она мне? Не в обычаях русича развлекаться с пленницами. У меня есть семья, жена, дети. Отдать девушку обратно тысяцкому не хочу: он воспользуется ею сам или отдаст как добычу кому-то из воинов.

- Как же ты хочешь с ней поступить?

- Вернуть ее родителям. Помоги мне, отец: спрячь ее у себя, пока мы не уйдем из селения.

Старейшина о чем-то заговорил с девушкой на ее языке. Она оживилась и, казалось, воспрянула духом.

- Она внучка одного из уважаемых жителей соседнего селения, - сказал Баграт. - Я знаю этого человека. Мы состоим с ним в дальнем родстве.

- Могу я на тебя положиться?

- Можешь. Ты хороший человек, русич.

Старшина снова заговорил с девушкой. Она смотрела на Глеба с выражением глубокой благодарности, потом упала на колени, схватила его руку и принялась покрывать ее исступленными поцелуями...

Отряд выступил в обратный путь. Из получивших увечья ордынцев двое скончались. Их похоронили в чужой земле. Несколько человек были не в состоянии двигаться самостоятельно, и их погрузили в обозные повозки.

Перед выходом Джамирбек спросил с хитрой усмешкой:

- Понравилась?

- Понравилась, - односложно ответил Глеб.

- Почему же не вижу ее у тебя?

- Развлекся с ней, и хватит, - произнес нехотя Глеб. - Не тащить же с собой. В селении отыскался ее родственник. Отдал девушку ему.

По возвращении в Сарай-Берке хан Менгу Темир принял тысяцкого и Глеба Васильковича. Джамирбек доложил о результатах похода. Результаты были, конечно, хорошие. Признание несколькими племенами ясов и

касогов ханской власти и их готовность платить дань. Бегство части ясов, не оказавших сопротивления, за хребет, в Грузию. Страхом перед великим ханом можно объяснить это бегство. Не обошлось и без потерь. Но война есть война. Потом сложные условия...

- Много ли потеряли воинов?

- Были потери, великий хан. Более трех десятков убитых и раненые.

- Отчего потери?

Тысяцкий был вынужден рассказать хану обстоятельства гибели людей: касоги заманили часть отряда, которой командовал сотник Бахмет, в узкое ущелье и обрушили на него сверху град камней и стрел.

- Выходит, Бахмет не предугадал коварства касогов?

- Это так, великий хан.

- Повелеваю Бахмета за его оплошность понизить из сотников в десятника. Подбери себе более способного сотника. А как проявил себя русский князь Глеб?

- Достоинно проявил.

- Поясни.

- Князь надежно защищал селение, где располагался обоз, предотвратил нападение отряда ясов. Захватил в плен троих. Они доставлены сюда.

Глеб Василькович видел, что Джамирбек стремится представить его в глазах хана в самом выгодном свете. Ишь ты! Предотвратил нападение отряда ясов. А на самом деле и отряда-то не было. Было только три молодых головореза, стремившихся соблюсти обычай кровной мести и выведать, что происходит в селении.

Выслушав Джамирбека, хан сказал Глебу:

- Можешь получить ярлык на княжение. Заслужил. Ярлык получишь через моего человека. Тогда можешь отправляться домой.

- Рад служить тебе, великий хан, - бойко, но неискренне произнес белозерский князь.

Однако отплыть удалось далеко не сразу. Оба дощаника нуждались в ремонте. Починка заняла целую неделю. За это время Глеб Василькович посетил владыку Митрофана на епархиальном дворе. Митрофан почти уже не служил, готовился к схиме и ждал замену.

Глава 18. В СЕМЕЙНОМ КРУГУ

Во время плавания вверх по Волге Глеб Василькович испытывал сильное недомогание. Изнурительный поход и непривычная пища, преимущественно вяленая конина и кумыс, скверно на него повлияли. Глеб мечтал об овсяной каше на молоке, о пироге с белозерским судаком, о клюквенном квасе. Он не выходил из кабины дощаника. Его знобило, хотя стояла жаркая августовская погода.

Когда дошли до Ярославля, князь Глеб совсем скис. Голова пылала и раскалывалась от боли. Он был не в состоянии сойти с дощаника на берег и навеститься к князю Федору Ростиславичу. Послал к нему десятника с извинением, что по своей немощи не сможет быть гостем. Получив это известие, ярославский князь сам незамедлительно пожаловал на дощаник.

- Не надо никаких извинений, Глебушка, - заговорил Федор. - Вижу, на тебе лица нет и весь пылаешь жаром. Тебе бы хорошего знахаря надо.

- Доплыву как-нибудь до Ростова. Там у брата есть опытный знахарь.

- Привет тебе от невестки.

- От какой еще невестки? - не понял Глеб.

- От дочери моей, которую мы просватали за сынка твоего, Михаила.

- Прости... не сразу сообразил. Как она?

- Растет, бегают, твоя будущая невестка.

- Слава Богу...

Глеб говорил с трудом, даже короткие фразы. Мысли его путались. Федор поднялся.

- Принес тебе жбан целебного питья: медовуха с клюквенным соком. Люди говорят, сбивает жар. Попей. А я не стану тебя утомлять.

Когда ярославский князь ушел, Глеб Василькович вызвал приближенного и сказал слабым голосом:

- Плыдем скорей в Ростов.

Борис Василькович встретил брата со всем радушием. Глеб сам не мог самостоятельно добраться до княжеских палат. Его трясло как в лихорадке, подгибались колени. Двое крепких слуг, подхватив его под руки, привели в палаты.

Борис вызвал опытного знахаря, умевшего составлять разные снадобья из настоев лекарственных трав. Тот, не мешкая, приготовил лечебное питье.

Прежде чем погрузиться в сон, Глеб дал наставление старшему

дружиннику, сопровождавшему его в Орду.

- Плыви, голубчик, домой, на Белоозеро. Княгине передай - жив князь, только прихворнул. Как выздоровею, незамедлительно прибуду.

При себе Глеб Василькович оставил только одного слугу и одного дружинника. Глеб беспробудно проспал двое суток. А когда проснулся, ощутил, что голова уже не пылает огнем и не кажется налитой свинцовой тяжестью. Увидел рядом брата Бориса на краю постели.

- Борисушка, прикажи подать молочка горячего с медом.

- Будет, все будет, - живо откликнулся Борис. - Матушка о тебе справлялась.

- Она-то как?

- Совсем слаба. С постели почти не встает.

- А мне лучше стало. Сил прибавилось, и жар спал. Еще день-два - и встану.

- Не спеши, отлежись. Знахарь говорит, что ты переутомился. Вот и вся твоя хворь. А пирога горячего с судаком хочешь? Помню, любимое твое кушанье с детства.

- Пирог с судаком отложим на завтра. Пока боюсь переедать.

Выпив молока с медом, Глеб снова погрузился в сон. Виделись ему в сновидениях Белое озеро, жена Феодора, по ласкам которой он стосковался, и детки, Михаил и младшенький Роман.

Когда Глеб проснулся, рядом с его постелью лежал на блюде большой кусок пирога с судаком и стоял кувшин молока с медом. Через некоторое время в опочивальню заглянули брат с малолетними сыновьями - Дмитрием, Константином и совсем еще маленьким Василием.

- Сынки захотели дядю Глеба проведать, - сказал Борис.

Старший Дмитрий уже обучался грамоте и Священному Писанию. Он казался серьезным и рассудительным мальчуганом. Спросил:

- Ты уже поправился, дядя Глеб?

- Почти поправился.

- А почему ты так долго путешествовал? Мы все за тебя беспокоились. Бабушка особенно.

- То не по своей воле.

- Тебя хан не обидел?

- Нет, не обидел. Но и особо не порадовал.

- А путешествие было интересным?

- Интересное. Видел высокие горы, снежные вершины. Тамошние люди говорят на непонятном нам языке, живут по своим обычаям.

Любознательный княжич еще долго расспрашивал Глеба о его поездке.

Младшие братья, как видно, безоговорочно признавали старшинство Дмитрия и не вмешивались в беседу, только с любопытством слушали.

На третий день пребывания в Ростове князь Глеб, как ни уговаривал его брат повременить с выходом из дома, все же решил проведать мать в женском монастыре.

В тесной келье было душно. Пахло воском, лампадным маслом. Инокня Марфа приподняла голову с подушки и устремила взгляд на входившего младшего сына.

- Глебушка... Вернулся, сынок, живой. А мы переволновались за тебя. Больше года в ханском гнезде.

- Да, матушка, больше года. Участвовал в походе ханских войск.

- Слава Богу, живой, невредимый вернулся. Хан-то как к тебе отнесся? Каков этот самый Менгу Темир?

- Хан суров, нелюдим. За весь-то долгий срок только меня трижды принял. Не обласкал, но и обид не чинил. Намекнул, что считает меня своим родичем.

- Спасибо ему и за это.

- Вернулся с ярлыком на княжение. Ты-то как, матушка?

- Видишь, угасаю с каждым днем. Отжила свое. Пища почти не любя. Живу воспоминаниями. Иногда прошу послушницу почитать мне книгу летописей. Слушаю чтение тех страниц, которые когда-то сама надиктовала писцу, и досаду испытываю.

- Почему же досаду? Вы хорошо потрудились вместе с покойным владыкой Кириллом.

- Потрудились, конечно. А если бы начать все сначала... Дед твой Константин и батюшка Василько заслуживали более обстоятельных и ярких страниц. Какие были люди... Константин, строитель Ростова, украшал град храмами и палатами. Василько не захотел склонить голову перед врагом, отказался ему служить и поплатился жизнью.

- Жалею, что отец совсем не остался в моей памяти.

- Ты не мог помнить отца, потому что был совсем мал. А Борисушка немного помнит. Князь Василько любил вас, часто играл, брал на колени. Мне он все повторял, чтобы я нарожала ему больше деток, сынков и дочек.

- Ты часто вспоминаешь его?

- В последнее время Василько часто приходит ко мне в моих сновидениях. Скоро увижу его там... на небе. Скоро уже, Глебушка.

Глеб, как мог, пытался утешить мать, внушить, что она еще не настолько стара, чтобы уходить из жизни. Инокня отвечала слабым голосом:

- Одряхла я, сынок. Сколько тяжких напастей свалилось на мою голову... Тяжело все перенести.

Глеб, возвратившись из монастыря, поделился с братом горькими впечатлениями:

- Плоха матушка. Чует мое сердце, что вижу ее в последний раз. Коли случится конец, дай мне знать.

Нанес Глеб визит и владыке Игнатию. Владыка поинтересовался делами, касающимися Сарайской епархии. Белоозерский князь рассказал, что епископ Митрофан собирается оставить епархию. И принять схиму.

- Есть ли еще православие в Орде за пределами ханской столицы? - спросил ростовский владыка.

- Встречается среди кавказских ясов, - ответил Глеб.

Он рассказал, что ясы, одни из малых кавказских народов, обитают по обе стороны Кавказских гор. Южные ясы подчиняются власти грузинских царей. От грузин они и заимствовали христианство, которое через горные перевалы проникает к ясам северным. Далеко не вся северная часть ясов последовала этому примеру, но иногда можно встретить христианские поселения с храмами. Сарайский епископ считает их принадлежащими к своей епархии.

Когда Глеб собрался отбывать к себе на Белоозеро, брат снарядил для него дощаник и вызвался проводить до Ярославля. Там они нанесли вдвоем визит Федору Ростиславичу и вместе провели пару вечеров за столом. Глеб рассказывал о подробностях кавказского похода...

Достиг Белоозера Глеб в первых числах сентября. Осень стояла сухая, теплая. Деревья еще только начинали золотиться. Озеро было спокойно.

Прибытие князя город встретил колокольным звоном. На берегу Шексны столпились все жители. О судьбе князя Глеба ползли самые невероятные слухи, вызванные его долгим отсутствием. Княгиня Феодора приказала служить в домовый церкви ежедневные службы за его здоровье: из Орды возвращались целыми и невредимыми далеко не все князья.

А вот Глеб Василькович вернулся. Княгиня Феодора бросилась ему навстречу в порыве радости, судорожно обнимала его, орошала лицо слезами. Княжич Михаил, подбежав к отцу, уцепился за полы его кафтана и тоже громко кричал от радости. Только маленький Роман смотрел издали на эту сцену с недоумением: отец еще плохо запечатлелся в его памяти.

Среди встречавших были Григорий Меркурьев, управляющий делами княжества в отсутствие Глеба, и его сын Власий, командовавший остатком дружины.

- С прибытием, княже, - торжественно произнес Григорий. -

Заждались, заждались тебя. Невесть что думали. Ведь из Орды не все князья живыми возвращаются, иных и в гробу привозят.

- Видишь, живой.

- Слава Богу. Когда прикажешь с докладом явиться?

- Завтра, нет, лучше послезавтра. Отоспаться надо с дороги, в кругу семьи побыть.

- Как тебе угодно, батюшка.

Глеб поприветствовал толпу белозерцев, приветливо помахав ей рукой, и направился в княжеские палаты.

Феодора заставила его встревожиться. Долгое отсутствие мужа и неведение о его судьбе вызвали у нее нервное перенапряжение. На этой почве возродилось старое легочное заболевание. Она надрывно кашляла и выплевывала комки слизи, окрашенные кровью. Да и младший сынок ее беспокоил.

Роман рос, в отличие от крепыша и живчика Михаила, хилым и неразвитым ребенком. Его не увлекали детские игры. Он почти не говорил. Постоянно простужался, даже в летнее время.

Глеб по совету знахарей велел жене пить горячее молоко с медом и ежедневно принимать парную баню. Княгиня терпеливо выполняла все советы мужа, хотя она знала, что у нее развивается легочная болезнь, та самая, из-за которой ушла преждевременно из жизни ее мать.

Зато радовал Глеба старший, Михаил, бойкий, пытливый мальчуган. Иногда он задавал отцу столь неожиданные вопросы, что ставил его в затруднение.

- А почему хан такой всемогущий? Почему все его боятся? Почему русичи должны платить хану дань?

- Видишь ли... - Глеб не сразу подобрал ответ. - На твой вопрос не просто ответить.

- А ты ответь не просто.

- Изволь. У хана было много военной силы. А Русь оказалась раздробленной между многими князьями. Князья не ладили между собой, ссорились. Не могли объединиться и дать достойный отпор ханским войскам. Терпели поражение поодиночке. А некоторых, самых непокорных, ордынцы убивали, как убили твоего деда Василька Константиновича.

- А за что его убили?

- За то, что отказался служить хану и присоединиться к его войску.

Глеб Василькович решил, что настало время учебы для сына. Игумен Ирнарх прислал монаха Далмата, и Глеб долго обсуждал с ним программу обучения княжича. В итоге долгого обсуждения программа приобрела

такой вид. Сперва уроки письма и чтения. С помощью отца Далмата Глеб отобрал среди своих книг написанные крупным и четким почерком, понятным для малолетки. Потом пойдут простые задачки на сложение и вычитание. Решили, что для первого года обучения такой программы хватит.

В последующие годы программа будет расширяться и углубляться. На уроках чтения станут привлекаться богослужебные книги и летописи. Арифметика дополнится действиями. А священное писание должно предусматривать изучение Библии, творений отцов церкви. Конечно, от ученика будут требовать заучивания основных молитв. И постепенно он станет приобщаться к изучению истории Руси по летописным книгам и житийным сочинениям.

Глеб Василькович вспомнил, что когда-то сам проходил такую программу обучения под руководством владыки Кирилла и матери Марьи Михайловны.

Григорий Меркурьев о делах докладывал князю Глебу обстоятельно, не спеша. Сперва представил отчет о сборе ханской дани за последний год. Начал со своей обычной присказки:

- Если бы не эта ненасытная прорва, как бы мы жили, княже... Жили не тужили.

- Это ты уже говорил мне не раз, - остановил его Глеб. - Давай о деле.

Селения по Белому озеру, Ковже и Шексне Меркурьев объезжал сам. Здесь сбор дани затруднений не вызвал. Также сполна расплатились городские купцы и мастеровые. Если не было возможности выплатить дань деньгами, расплачивались готовой продукцией. В дальние волости по Каме, Шоле, Суде, Андоге, к северным озерам Григорий посылал своих помощников. Случалось, в дальних волостях у обитателей не было денег, чтобы выплатить ханскую дань и княжью десятину: откуда у земледельцев и охотников где-нибудь в верховьях Суды или на озере Лаче возьмутся деньги? В таких случаях управляющий княжеским хозяйством соглашался на натуральную оплату. Годились шкурки соболя, горностая, чернобурой лисицы, в крайнем случае, белки или рыси или же бочонок меда или красной икры. Меха управляющий потом сбывал новгородским купцам, а вырученные деньги шли в казну.

- Не простой вопрос задаешь, княже, - ответил уклончиво Меркурьев. - А если я спрошу, сколько твоих подданных проживает на белозерской земле?

- Могу сказать только приблизительно.

- Вот и я скажу только приблизительно - сполна ли собрал я ханскую и

твою дань. Когда ханские люди проводили перепись, не мало ли мы утаили людишек? В нашем лесном, болотистом крае сделать сие было совсем не трудно. Вот и людишкам затаиться от нас тоже не составляет труда. Прячутся по лесным выселкам, отгораживаются от мира болотами, непроходимыми дебрями. Много ли таких неведомых обитателей - один Бог знает. Собрал то, что смог, что было в моих силах. Вот мой ответ.

Григорий Меркурьев представил князю писцовую книгу с цифрами, касающимися всех сборов с населения.

- Изволь, княже, полюбопытствовать. Вот денежные поступления.

- Посмотри. А ты не желаешь, Гриша, сплавать до Ростова, чтоб передать дань баскаку?

- Как прикажешь.

- Заодно узнаешь о здоровье матушки. Плоха она, боюсь, что долго не протянет.

- Навещу твою матушку и ханскую дань доставлю. Только дай мне надежную охрану. Ведь большую сумму денег повезу. Как бы лихие люди не встретились: шалют по лесам, по рекам.

- О каких лихих людях толкуешь?

- Каких? Русских мужиках, которых сборщики дани и свои бояре обобрали, разорили, вынудили уйти в леса, ушкуйничать.

- Скажи мне, Гриша, к нам на Белоозеро приходят беглые?

- Приходят. Есть людишки с Костромской земли, Нижегородской, даже с Рязанской. Я позволил им поселиться на Кубене и по Южной Шексне. А некоторые ушли дальше на север. Не берусь сказать, сколько всего беглых: разве всех учтешь? Затаились в лесах, на дальних озерах.

- Дам тебе охрану. Не тревожься.

Потом Глеб Василькович принимал у управляющего деньги, поступающие на пополнение княжеской казны. Считал долго, тщательно насыпал в холщовые мешочки, которые завязывал бечевкой. А потом укладывал их в окованный железными листами сундук.

- Можно снова выкупать полонян в Орде. Деньги есть, - наконец сказал с удовлетворением Глеб, закрывая тяжелую крышку сундука. Да и с долгом можно рассчитаться.

- С каким долгом?

- Хан мое воинство не кормил, пока я сидел в ханской столице. Пришлось самому раскошелиться. Не рассчитал я, что хан так долго нас в Сарае продержит, да еще в поход пошлет. Вот денежки-то помаленьку и кончились. Пришлось к ростовцику идти на поклон. Взял у него в долг немалую сумму, а теперь придется отдавать увеличенную вдвое.

- Это же грабеж среди белого дня.

- Что делать. По весне пошлю в Сарай Власия. Дело для него привычное. Пусть выкупит еще сотню-другую полонян и свезет ростовщичку должок...

Глеб вспомнил о прошлогодней поездке в верховья Андоги, о своем намерении организовать в окрестных болотах добычу болотной руды, необходимой для выплавки железа.

- Послушай, Гриша... Верхняя Андога лежит близко к Белоозеру, и там имеются большие -запасы болотной руды. Сейчас наши кузнецы везут руду, не перерабатывая ее на месте, с большого болота, что лежит к северу от Кубенского озера. Теряют и силы, и время. Почему бы не воспользоваться рудой с Андоги, которая ближе?

- Ты уже говорил мне об этом, князь.

- И почему бы не везти в Белоозеро не руду, а выплавленное на месте железо? На Андоге живет кузнец Леонтий. Он помаленьку плавит руду для своих нужд. А если ему дать двух-трех помощников, которые добывали бы руду, чтоб он мог выплавлять больше железа для нужд всех кузнецов города?

- Разумный план, княже.

- Я думал выкупить для этой цели полонян в Орде, да остался без денег. Теперь придется ждать новой партии.

- А зачем ждать? Я тебе подберу скитальцев, которые уже отвыкли от земли и крестьянского труда и с охотой станут копаться в болоте, если это их прокормит.

- Найди мне таких людей. Только сперва отвези дань баскаку Файзулле в Ростов. И не медли, пока стоит хорошая погода.

- Отплыву завтра же. Только не забудь, княже, об охране. Ушкуйники шалят. Как бы чего не случилось.

- Не волнуйся. Два десятка дружинников хватит?

- Надеюсь.

Григорий Меркурьев вернулся из Ростова быстро, передав собранную дань баскаку. Навестил мать Глеба, инокиню, и нашел ее в тяжелом состоянии.

Когда управляющий вернулся, Глеб вновь завел с ним разговор о выплавке железа на Верхней Андоге.

- Найду я тебе подходящих мужиков, - сказал Григорий и через неделю привел трех лапотников в ветхих обносках.

- Откуда, православные? - спросил их Глеб.

- Из-под Городца на Волге, - ответил тот, что казался старше других и

степеннее.

- Чем занимались на Волге?
 - Я кузнец. Больше якоря ковал, бывало, и лемехи к сохам. А товарищи мои охотой, рыболовством промышляют.
 - Где сейчас обитаете?
 - На реке Ухтомке. Поставили выселок.
 - Как житуха?
 - Неважная житуха. В ближнем селе Ухтоме есть кузнец, известный на всю волость. Так что мой труд вроде бы не нужен никому.
 - А как твои други?
 - Пусть сами расскажут. Высказался другой из лапотников:
 - Пытались рожь, овощи выращивать. Да земля плохая, больше песок. И год выдался неурожайный. Думали охота подспорьем будет. А охота такое дело... сегодня повезет, завтра нет.
 - Выходит, неважно живете, мужики. Семьи-то есть?
 - Как не быть. У каждого женка, детишки.
 - Тогда слушайте, что я вам предложу, - начал Глеб. - Переселяйтесь в верховья реки Андоги, на юг от Белого озера.
 - Что мы там станем делать? - удивился третий лапотник.
 - Добывать болотную руду и доставлять тамошнему кузнецу, Леонтию, для выплавки железа. Но он один не управится, ему нужен помощник. Вот ты, кузнец, и будешь помощником Леонтия. По наделу земли получите: выращивайте рожь, овес, овощи. Коли дело пойдет, освобожу вас от всяких поборов в течение ближайших двух лет. Согласны?
- Задумались мужики, почесали затылки. И согласились после недолгих размышлений: авось хуже не будет.
- Глеб приказал призвать Вукола, старосту белозерских кузнецов.
- Доведем до конца наше дело, Вуколушка, - сказал князь, когда кузнец вошел в палаты. - Видишь этих мужичков? Согласились поселиться на Верхней Андоге. Эти двое станут копать руду для переплавки, а третий - кузнец: его определим в помощники к Леонтию.
 - Надо бы хорошую плавильную печь поставить, - раздумчиво сказал Вукол.
 - Непременно. Вот и распорядись моим именем.
 - Посылаешь меня на Андогу?
 - Поедешь по зимнику. Передашь тамошнему тиуну мое распоряжение, чтоб всем миром поставили новоселам новые избы.
 - Андога-то эта самая, поди, далече? - спросил кузнец с Волги.
 - Не шибко далече, - ответил Вукол. - По утру выедешь из Белоозера, к

вечеру будешь на Андоге.

- На чем же мы поедем? Мы - безлошадные. А скарб, детишки малые...

- Боярин Меркурьев снабдит вас лошадьми, - с этими словами Глеб Василькович отпустил лапотников, а с Вуколом еще долго совещался, как лучше организовать выплавку железа из болотной руды на Андоге. Вукол соглашался с князем, что дело это выгодное. Верховье Андоги лежат совсем недалеко от стольного града Белозерской земли. Доставка для кузнецов Белоозера уже готовых слитков железа потребует меньше времени и затрат людских сил, чем теперешняя постановка дела.

- Много заказов от купцов на ковку корабельных якорей, - сказал Вукол. - Охотники заказывают капканы на зверя, рогатины. Земледельцам нужны лемехи к сохам, топоры, лопаты. Не всегда можем выполнить все в срок.

- Вот и выполнишь, - ответил весело Глеб. Отпуская Вукола, сказал:

- Надо бы самому на Андогу съездить, да домашние дела держат. Княгиня прихварывает. Я и так больше года в Орде провел, от семьи отделился. Поэтому полагаюсь на тебя, Вуколушка.

Расставшись с кузнецом, Глеб прошел на домашнюю половину княжеских комнат.

- Теперь, надеюсь, долго никуда не уеду, любушка моя, - сказал он жене. Глеб Василькович обратил внимание, что лицо Феодоры опять покрывал неестественный румянец, вернее, даже краснота. Иногда она надрывно кашляла и сплевывала в носовой платок сгустки мокроты с кровью. Часто Феодору охватывал болезненный озноб, и она прижималась к изразцовой печи, чтобы согреться.

Глеб, как мог, старался утешить жену:

- Пройдет твоя хворь. Молода еще, выздоровеешь.

- Это мама мне в наследство свою хворь оставила, - говорила с горечью Феодора. - Хворь ее быстро скрутила.

- А тебя не скрутит. Не позволю. Выздоровеешь, еще и деток нарожаешь.

- Беспокоит меня Ромушка. Слабенький растет. Говорит мало. Зову его к столу, не разумеет.

- Не тревожься: подрастет, выправится. Смотри, каким богатырем растет наш Михайлушка. И учитель его хвалит: все премудрости схватывает на лету.

Глеб иногда посещал уроки Михаила. Сын занимался в классной комнате с ученым монахом Далматом, которого подобрал игумен Иринарх.

Иеромонах Далмат, еще не старый, живой, остроумный и подвижный, умело вел уроки. Сперва он давал маленькому Михаилу читать рукописный текст. Грамоту княжич осилил довольно быстро, хотя иногда и спотыкался при чтении. Не сразу ему дали значения некоторых букв, и поэтому он сперва часто прерывал чтение возгласами:

- А что такое «фита», «ижица»? А почему есть «юс большой», а еще и «юс малый»?

Учитель терпеливо объяснял, а когда видел, что Михаил притомился, отпускал для разрядки шутку или делал экскурс в Священную историю. Чаще Далмат любил приводить яркие страницы из жизни и правления Владимира Красное Солнышко: как происходило крещение Руси, какие знаменитые богатыри жили при дворе, какие многолюдные пиры устраивал этот князь.

Глеб обычно тихо входил в классную комнату, делал Далмату знак, мол, не обращай на меня никакого внимания, и садился в кресло в углу комнаты. Он радовался, когда видел, что Михаил легко схватывает объяснения учителя и досадовал, когда сын чего-то не понимал...

С наступлением зимы, когда Белое озеро и Шексна покрылись крепким льдом, князь Глеб частенько приказывал заложить легкие санки, сам садился за кучера, брал с собой жену и сыновей и пускал коня легкой рысью по берегу. Феодора к зиме немного пришла в себя. Смена осенней слякоти на зимнюю погоду подействовала на нее благоприятно: княгиня стала меньше кашлять. Доезжали обычно до села Карголом. Там заходили обогреться к местному тиуну или священнику и возвращались обратно.

Другой излюбленный маршрут прогулок лежал к Усть-Шехонскому Троицкому монастырю. Глеб старался поспеть по времени к монастырской службе, которую отправлял игумен Ириной. Маленького Романа в такую поездку не брали: для него она была слишком утомительна. А Глеб с женой и Михаилом выстаивали всю службу, потом Ириной приглашал княжескую семью к себе, интересовался успехами княжича в учебе.

Сверстником детских игр Михаила был сын Власия Калик. Мальчики вместе бегали на лыжах, катались на салазках, спускались со снежной горки. Иногда Михаил приходил к товарищу в гости. Калик жил в доме отца и деда, просторном, уступавшем только княжеским палатам. Власий, по примеру князя Глеба, решил учить сына, отдав его в школу при соборной церкви. Там обучались сыновья именитых людей и богатых купцов.

Иногда Михаил увлекался игрой с Каликом, а время подходило к ужину. Родители начинали беспокоиться. Князь Глеб приказывал кому-

нибудь из слуг разыскать княжича, но тот нигде не находился. Тогда Глеб Василькович догадывался, что Михаил засиделся в доме Власия, и сам отправлялся за сыном.

В середине декабря родные Калика отмечали его день ангела. Калик сказал Михаилу, что по этому случаю он пригласил всех своих соучеников по церковной школе и зовет и княжича.

- Иди, коли зовут. И давай подумаем, что подарить Калику ко дню ангела, - сказал Глеб, узнав о приглашении.

- Не могу надумать. Посоветуй, батюшка...

- Видишь ли, сынок... Подарок должен быть не просто подарком, а полезной вещью для человека и к тому же достойной твоего княжеского звания. Купеческие сынки или поповичи могут подарить и попроще.

- А можно подарить Калику сафьяновые сапожки?

- Сафьяновые сапожки, конечно, подарок хороший. Но слишком обычен. Такие подарки часто дарят. И я твоей маме такие дарил и еще...

Глеб споткнулся, спохватившись, что чуть не проговорился о весянке Василисе.

- Давай, сынок, думать вместе, что подарить твоему Калику.

Думали долго. Остановили в конце концов выбор на праздничном кафтане голубого бархата, расшитым бисером.

- Наш Каллистрат сошьет за день, - сказал уверенно Глеб.

- А Калик должен будет его примерять?

- Ни в коем случае. Подарок должен быть сюрпризом. Вместо Калика портной примерит его на тебе.

- Я же повыше ростом.

- Ив плечах пошире. Ничего, подрастет Калик, и будет ему кафтан в самую пору.

На том и порешили. Глеб вызвал к себе Каллистрата и сделал срочный заказ. Портной в грязь лицом не ударил: к вечеру детский кафтан был пошит. Ордынка Анна, которую Каллистрат приобщил к своему ремеслу, украсила готовый кафтан бисерным узором.

Конечно, подарок княжича ко дню рождения друга не шел ни в какое сравнение с подарками других гостей. А завершился праздник катаньем на тройке. Вся детвора набилась в санки, за кучера сел на облучок Григорий Меркурьев, души не чаявший в любимом внуке. Он лихо взмахнул кнутом, по-молодецки прикрикнув на коней:

- А ну, с ветерком, мои голубчики!

Тройка резво понеслась по зимней дороге вдоль Белого озера, только бубенцы на дуге коренника зазвенели.

В скором времени встретил Глеб Василькович обоз, направлявшийся на Верхнюю Андогу. Во главе обоза ехал в легких санках белозерский кузнец Вукол с сыном. За ним тянулись сани с переселенцами и их семьями с нехитрым домашним скарбом. Лошадей дал на время Вукол. За последними санями тянулась пятнистая комолая корова.

Глеб критически оглядел обоз, покачал головой, глядя на ребятишек в жалких лохмотьях. Подумал - не доедут до Андоги, померзнут. Приказал дворецкому принести медвежьи полости, чтобы накрыть ребятишек. Сам оседлал коня и проводил обоз до села Карголома, до того места, где дорога круто сворачивала на юг. Прощаясь, сказал:

- Счастливого пути, Вуколушка. Потом доложишь мне, как доехал, как обустроил переселенцев на новом месте. Бог вам в помощь.

Глава 19. НОВАЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ. КОНЧИНА ИНОКИНИ МАРФЫ

Еще не сошел с Белого озера и с Шексны лед, как прискакал из Ростова человек баскака Файзуллы, сопровождаемый двумя охранниками. Он привез князю Глебу предписание - незамедлительно прибыть в ханскую столицу с войском. Предписание было кратким и оставляло много вопросов.

Как понять - прибыть незамедлительно? Сухопутной дорогой в конном строю или водным путем, когда вскроются реки и очистятся ото льда? Как понять - прибыть с войском? Велико ли должно быть это войско? Вся-то дружина князя Глеба составляла сотню человек. Правда, в случае необходимости Белоозеро могло выставить несколько сотен ополченцев. Но, видимо, не о них шла речь. Гонец ответить на все эти вопросы не мог.

- Опять разлука, Феодорушка, - сказал с горечью Глеб Василькович жене.

- Надолго ли? - спросила та тревожно.

- Не знаю. Что у хана на уме, зачем я ему понадобился? Вероятно, придется участвовать в каком-нибудь походе.

- Тебя одного вызывает хан?

- Не ведаю.

- И когда ты решил отправляться?

- Когда пройдет ледоход. Водным путем.

- А ехать обязательно?

- Хану придется повиноваться.

Князь Глеб стал готовиться к походу. На этот раз позаботился о более солидных припасах и достойной казне. Дружину, которую намеревался взять с собой, увеличил до семидесяти человек. Сам тщательно проверил состояние дощаников, приказал заново проконопатить и просмолить днища.

Княгиня Феодора от известия о предстоящем отъезде мужа осунулась, сникла. Проговорила сквозь слезы:

- Опять разлука, Глебушка. Дождусь ли тебя...

- Отчего не дождешься?

- Слух прошел: опять какого-то русского князя хан приказал порешить.

- Значит, не угодил тот князь хану.
- Хан всемогущ и жесток. Приедешь в Орду, сунешь головушку в пасть хищного зверя.
- У меня никаких разладов с ханом не бывало.
- Если и выживешь в Орде, дождусь ли тебя? Здоровье-то совсем стало никудашное.

Глеб, как мог, утешал жену.

Прощание было тяжелым. Феодора судорожно обнимала мужа: предвидела долгую разлуку да и опасалась за его жизнь. От купцов, побывавших в Орде, пришла тревожная новость. Жертвой ханского гнева стал еще один русич, рязанский князь Роман Олегович, принявший мученическую смерть. Чем он не угодил Менгу Темиру, никто не мог толком объяснить.

Прощаясь со старшим сыном, Глеб давал ему наставления, чтоб проявлял усердие в учебе, слушался наставника. Михаил слезы сдержал, лишь нахмурился, посуровел, потом порывисто обнял отца и прижался щекой к его бороде. Маленький Роман никак не отреагировал, когда отец подхватил его на руки:

- Ну, прощай, малыш. Может быть, долго не свидимся. В детском сознании Романа, видимо, еще не укладывалось, что предстоит долгая разлука с отцом.

Отплыли три дощаника под парусами. Пошли вниз по течению, подгоняемые ветром. Шексна только что очистилась ото льда, и погода стояла еще прохладная.

В Ростов Глеб решил не заходить, чтобы не терять времени. От купца, побывавшего там, он узнал, что мать-инокиня еще жива.

- Навещу ее на обратном пути, - решил Глеб.

В Ярославле сделали короткую остановку, пополнив запас питьевой воды. Глеб Василькович нанес визит князю Федору Ростиславичу, княгине Анне и их малой дочери Настеньке. Сказал ей шутливо:

- Твой жених кланяется своей невестушке.

Длительную остановку сделали в Городце, стольном городе одного из сыновей Александра Невского, Андрея Александровича: пришлось заменять на одном из дощаников старый парус, разорванный порывом ветра.

До Глеба Васильковича доходили слухи, что сыновья Александра Ярославича не ладили между собой. После смерти старшего из сыновей, Василия, которого отец держал в Костроме, по сути, в ссылке, под надзором дяди, следующим братом являлся Дмитрий, княживший в

Переяславле. Великокняжеский стол во Владимире в то время занимал тверской князь Ярослав Ярославич, тяжелобольной. Дмитрий и его брат Андрей, княживший в Городце, с вождением ожидали кончины Ярослава. Оба претендовали на то, чтобы занять после Ярослава великокняжеский стол, и выступали как соперники.

Городицкий князь принял Глеба Васильковича сдержанно. Когда же тот сообщил, что направляется в Орду, князь Андрей сказал предупреждающе:

- Будь осторожен. Кажется, возрождаются Батыевы времена.

- О чем ты? Какие Батыевы времена?

- Неугодные хану князья лишаются головы.

- Ты имеешь в виду рязанского князя Романа Олеговича?

- Его.

- Чем же он оказался негоден хану?

- Всего я не знаю. Говорят, князь Роман не поладил с соседями, кого-то обидел. Тот в отместку написал на него донос: якобы рязанский князь хулил хана, осуждал его веру.

- Неужели этого было достаточно, чтобы учинить расправу над князем?

- Не знаю, не знаю. Я посылал своего боярина в Сарай отвезти ханскую подать. Боярин был свидетелем отпевания князя Романа в храме сарайского владыки. Романа подвергли жестоким пыткам и истязаниям. Его тело было все в кровавых ранах.

- Может быть, не столь велика была провинность рязанского князя. Просто хан решил отыгаться на бедняге в назидание другим. Будьте, мол, покорны и послушны, или вас ждет вот такая кровавая расправа.

- Все может быть. Давай поговорим о другом, князь Глеб. Не хотел бы ты стать моим союзником?

- В чем?

- Великий князь Ярослав Ярославич совсем плох. Ждем его конца. Встает вопрос - кто унаследует великокняжеский стол.

- Ближайший старший родственник, надо полагать.

- Вот, вот.... Теперь по старшинству Владимир переходит к сыновьям Невского. Здесь два претендента - мы с братом Дмитрием, князем переяславским. Победит в споре тот, у кого окажется больше сторонников.

- Наверное, так.

- Поддержи меня, князь Глеб. Коли стану великим князем, дам тебе приращение к уделу.

- Не гоже влезать в уособицы.

- Не усобицы сие. А забота о собственном интересе.

- Я ведь ханский родственник. Не хотел бы ссор и споров. Решите с братом дело полюбовно.

- Как полюбовно-то решить? Дмитрий упрям и рвется к великокняжескому столу. Он хоть и старше меня по возрасту, но у меня удел пообширнее и побогаче.

- Вот и решайте вдвоем свой спор или обращайтесь за решением к хану. А встречать в вашу тяжбу не мое дело. У меня свои заботы, белозерские.

Расстался с городецким князем Андреем холодно. Андрей даже не вышел из палат проводить Глеба Васильковича до берега Волги.

В ордынской столице караван судов из Белоозера был встречен все тем же бессловесным ханским чиновником, проводившим князя и его спутников на постоялый двор. На этот раз Глебу Васильковичу было предоставлено более просторное помещение, а его дружинникам отвели отдельный дом.

- Когда меня примет великий хан? - спросил белозерский князь ханского чиновника.

- Сообщу, когда будет хану угодно тебя принять. Далее Глеб услышал слова, какие были ему сказаны и в прошлом году, - хан сейчас очень занят.

- Могу я узнать, по какой надобности хан вызвал меня в столицу? - продолжал свои расспросы Глеб.

- Русский князь - родственник великого хана. В его обычаях приглашать к себе русских князей, породнившихся с ханской семьей.

- А почему я приглашен с войском?

- Возможно, великий хан пригласит русского князя принять участие в его военном походе.

Все же Глеб Василькович вытянул из неразговорчивого ханского чиновника действительную цель своего вызова в Орду. Опять в поход для усмирения непокорных хану племен.

В ожидании встречи с Менгу Темиром Глеб Василькович посетил подворье сарайского епископа. Он увидел, что большой храм при подворье уже почти отстроен. Епископом сарайским в то время был уже не Митрофан, а Феогност. Митрофан, ставший схимником, удалился в один из монастырей, а Феогност, принявший рукоположение от киевского митрополита, прибыл некоторое время тому назад в Сарай со своей свитой.

Феогност был еще не старым, подвижным и словоохотливым человеком. Приняв князя, он долго расспрашивал его о положении на Белоозере, о церковной жизни в его уделе. Глеб пожаловался:

- Язычники пустили глубокие корни, живучи. Никак с этим не сладить.
- Чтобы покончить с язычеством, нужно терпение и время. Большое терпение и долгое время, - спокойно сказал епископ. - Да и не главная это наша беда. Храмы язычники посещают, обряды исполняют, детей крестят. И на том спасибо.

- Кого же ты считаешь, владыка, самым опасным врагом.

- Папистов, конечно. Знаешь, как паписты зацепили было на свой крюк князя Даниила Галицкого?

- Нет, ничего не знаю об этом.

- Тогда послушай, князь. Поучительная история.

Владыка Феогност стал не спеша рассказывать. Даниил Романович, князь Галича Волынского заявил во всеуслышание, что не признает власти золотоордынского хана, надеясь на помощь и поддержку папы римского. Папа Иннокентий IV с великой радостью узрел в этом возможность распространить свое влияние на Галицию, всю Юго-Западную Русь и насадить там латинскую веру взамен православия. Он выступил со специальным воззванием, возвещающим, что князь Даниил принимается под покровительство святого Петра и римского первосвященника. Более того, папа дал князю Даниилу почетный королевский титул, какой носили монархи крупных западноевропейских стран. Папские легаты убеждали галицкого князя, ставшего теперь королем, что папа окажет ему в случае нужды военную помощь, при условии, если он сам и его подданные станут правоверными католиками и признают высшую церковную власть Рима. Но реально обещанной помощи не последовало. Даниил скоро разуверился в папских обещаниях и отказался от королевского титула. Попытка папы сделать Галицию католической страной не увенчалась успехом.

Папская помощь оказалась пустым обещанием, а угроза нашествия ордынцев является реальностью - так примерно ответил князь Даниил, когда новый папа Александр IV укорял Даниила Романовича за отступничество от католической церкви.

- Теперь папские посланники обхаживают хана, - продолжал Феогност.
- Хотят добиться разрешения на открытие в Сарае католического епископата.

- А как хан?

- Посланников принимает, выслушивает, никаких обещаний пока не дает, но обнадеживает.

Забегая вперед, скажем, что католики все же добились открытия в Орде католической епархии. Но это произошло в 1315 году, когда уже не было на свете ни Глеба Васильковича, ни сарайского владыки Феогноста,

ни хана Менгу Темира.

Теперь же хан Менгу Темир, не торопясь с решением, присматривался к папским посланцам, выслушивал их речи, прикидывал, какую выгоду можно будет извлечь из того, что в Орде, кроме православной епархии, появится еще и католическая. Можно будет сталкивать их, играть на противоречиях. А паписты стремились зацепиться за Орду, чтобы получить плацдарм для проникновения на Русь с юга.

Разговор перешел к недавно умерщвленному в Орде рязанскому князю. Феогност повторил примерно то же самое, что Глеб уже слышал от городецкого князя Андрея Александровича.

- Не думаю, что рязанский князь Роман Олегович представлял какую-либо опасность для хана, - убежденно произнес владыка. - Захотелось припугнуть русских князей - вот, мол, что ожидает непокорных и строптивых.

- Князь Роман действительно проявлял в чем-то непокорность?

- Вряд ли. Скорее всего, был наговор на беднягу. И этого хану оказалось достаточно.

Вопреки ожиданиям Глеба, хан Менгу Темир вызвал его сравнительно скоро, на третью неделю по прибытии в Сарай. Глеб вручил подарки - чеканное серебряное блюдо работы белозерских мастеров и ожерелье из разноцветных камней - самоцветов для главной ханши.

Хан держался приветливо, был более словоохотлив, чем в предыдущий раз. Пригласил присесть на подушки и приказал слугам подать кумыс и грецкие орехи. Стал задавать вопросы, какие задавал и в прошлый раз.

- Как поживает княгиня?

- Прихварывает. Плохо переносит северную погоду.

- В другой раз приглашу тебя, князь, приезжай вместе с ней. Наша погода ей подойдет. Как сынки?

- Старший Михаил начал учиться грамоте.

- Это хорошо... Теперь послушай.

- Слушаю и повинуюсь, великий хан.

- Хочу провести лето в кочевье, побывать в степи. Будешь меня сопровождать. На чем прибыл?

- На речных судах.

- Получишь на весь свой отряд коней. Мой человек распорядится.

Хан Менгу Темир откочевал со своим двором в придонскую степь. Первую стоянку он выбрал в излучине на ровной травянистой равнине. В центре ее поставили большой ханский шатер, рядом с ним другой - для жен. Вблизи поставили шатры для ближайших родственников хана,

братьев, племянников. На некотором отдалении было позволено и князю Глебу поставить свой шатер. Его дружинники ночевали у костров. В качестве топлива жгли ковыль, принесенные Доном с севера плавуны и высохший конский навоз.

Войско, разбившееся на отдельные отряды, составило кольцо вокруг расположения ханской стоянки.

Дон в своем нижнем течении казался спокойным, медлительным. По своей ширине намного уступал Нижней Волге. Берега его поросли камышом, в котором гнездились стаи уток. В течении Дона встречались отмели, известные ханским людям. Зная их, можно было преодолеть реку на коне, не пускаясь вплавь.

На трапезы в ханском шатре приглашались родственники Менгу Темира. Подавали жаренную на костре баранину, орехи, кумыс, крепкие хмельные напитки. Если хан был в хорошем расположении духа, он подавал знак приближенному, и перед участниками трапезы появлялись танцовщицы - невольницы в прозрачных шароварах. Под звуки бубнов и барабанов они исполняли свои танцы.

Иногда хан приглашал князя Глеба в свой шатер для участия в общих трапезах.

Однажды Менгу Темир предложил Глебу Васильковичу:

- Не хотел бы, князь, проехаться по степи?

- Как прикажешь, великий хан, - послушно ответил Глеб. Дозволь спросить... Поездка имеет какую-то цель?

- Да. Перейдешь через Дон на тот берег и сделаешь три перехода. Если встретишь на своем пути местных жителей, вступишь с ними в разговор. Узнаешь - проникают ли в их расположения воины Ногай, требуют ли с них дань, стоят ли поблизости Ногаевы войска.

- А если произойдет встреча моего отряда с ногайцами?

- От встреч с ними, а тем более от столкновений уклоняйся.

Глеб заметил, что Менгу Темир говорил о своем сопернике крайне неохотно. И ни разу не назвал его ханом. Потом уже, разговорившись с одним из ханских родственников, Глеб Василькович узнал некоторые подробности.

Опытный полководец, одерживавший победы над противниками еще при Батые и Берке, человек уже далеко не молодой, Ногай увел из Золотой Орды большую часть ханского войска и утвердил свою власть в Северном Причерноморье и Нижнем Дунае. Нанеся поражение Византии, он заставил императора Михаила Палеолога выдать за него дочь Евфросинию. Пока Ногай уклонялся от военных столкновений с золотоордынским ханом, но

своими действиями ослаблял его власть. Южнорусских князей Ногай стал рассматривать как своих вассалов, требуя с них выплаты дани и участия в своих военных походах. Тем самым сужалась сфера влияния золотоордынского хана.

Перед выходом в поход Глеб Василькович рискнул обратиться к хану:

- Как я должен поступить, великий хан, коли столкнусь с нападением превосходящих сил Ногай и не смогу уклониться от столкновения? Ведь такое может произойти.

- Такое произойти может, - ответил Менгу Темир, подумав. - Дам тебе еще сотню ордынских воинов.

- Дозволь спросить...

- Спрашивай, русич.

- В моей дружине только семьдесят воинов. Ты даешь мне подкрепление - сотню. Кто из нас старший начальник - я или сотенный? Я подчиняюсь ему или он мне?

- Ты мой родственник, ты и старший. А сотник остается твоим подчиненным.

Глеб задумался. Что это - знак расположения к нему или какой-то неведомый маневр? Но с чего бы хану хитрить с ним. Князь так и не нашел ответа на свой вопрос.

Сводный отряд углубился в степь, переправившись через Дон. Стояло раннее лето. Степь зеленела сочными травами и разноцветием полевых цветов. Еще не наступил летний зной, который высушит траву.

В одной из степных балок встретилась группа кочевников с жалким скарбом, навьюченным на лошадей. Кочевники оказались половцами, принявшими ханское подданство. Это были остатки некогда многочисленного и могущественного племени, разбитого и отчасти истребленного Батыем. Среди половцев нашелся пожилой человек, сносно говоривший по-татарски. Глеб стал расспрашивать его:

- Сюда приходило войско Ногай?

- Не-т... не приходило, - последовал ответ.

- А ты знаешь, кто такой Ногай?

- Другой хан. Он там хозяин, - половчанин указал рукой на запад, - а наш хан, которому мы платим дань, там.

Последовал жест в противоположную сторону.

- А далеко ли отсюда до того места, где можно встретить людей Ногай?

- Не очень далеко. Я думаю, в двух переходах отсюда. Тамошние жители платят дань хану Ногаю.

Расположились на ночлег в соседней балке. На всякий случай Глеб

выставил усиленные посты. Утром обнаружилось, что кочевники-половцы исчезли, словно их и не было. Неслышно вышли из балки и растворились в степи, движимые страхом перед вооруженным отрядом.

В течение последующего перехода отряд Глеба трижды встречал следы потухших костров. И однажды вдали от останков покинутого становища Глеб заметил на горизонте степной равнины удаляющихся всадников. Они быстро уменьшались и вскоре исчезли за чертой горизонта.

Наконец встретилась живая душа, ветхий беззубый старик, не понимавший ни по-русски, ни по-татарски. Глеб попытался его расспрашивать, но старик ничего не понимал и ничего не мог ответить. На все вопросы он издавал звук, похожий на глухой гортанный стон, и указывал рукой куда-то на север. Нетрудно было понять, что старик по своей дряхлости и слабости был не в состоянии сопровождать соплеменников. И его оставили на произвол судьбы, а скорее всего, на добычу степным волкам.

Глеб приказал своим людям собрать сухой полыни для костра и оставить старику немного пищи. Может быть, на огонь придут другие кочевники и не оставят его одного умирать в степи.

Третий переход завершился у стойбища, где располагалась довольно большая группа половцев. Здесь были поставлены два шатра. Как узнал Глеб, один шатер принадлежал родовому старейшине, другой его брату. Остальные располагались у костров. Невдалеке в степи паслись кони и другой скот. Со старшиной Глеб смог поговорить.

- Вы люди хана Менгу Темира или Ногая?
- Дань платим хану Ногаю, - последовал ответ.
- Какой же он хан? Хан у нас один, тот, что в Сарай-Берке.
- Для нас хан Ногай. У него много войска.
- Далеко ли отсюда стоят Ногаевы войска?
- Нет, не далеко. Небольшой отряд, человек двадцать, стоит вон там, - половчанин указал рукой на запад. - К вечеру доберетесь до него.
- А где более крупные силы Ногая?
- Другой отряд стоит на берегу большой реки, которую русичи называют Днепром.
- Велик ли этот отряд?
- Я думаю, что в нем полтысячи, а может, и вся тысяча человек наберется.

Половчанин не смог уточнить, на каком именно берегу Днепра стоял этот отряд, возможно, не был об этом осведомлен или знал, да не хотел отвечать.

Глеб с отрядом расположился на отдых и на ночлег на некотором отдалении от половецкого становища. Он выставил усиленное охранение, опасаясь, что старейшина, дабы выслужиться перед людьми Ногай, известит их о прибытии ханского отряда. И в этом Глеб не ошибся.

Ранним утром дозорный разбудил князя Глеба. Передал ему тревожную весть.

- На горизонте какие-то всадники. Приближаются к нам.

- Что за всадники?

- Судя по всему, татары.

Глеб поспешно одел кольчужную рубаху и подал команду, чтобы седлали коней. Уже выдвинувшись в степь с места ночлега, русичи отчетливо увидели трех всадников, видимо дозорных. Глеб подал команду своим воинам, чтобы построились широкой шеренгой, а ордынскую сотню оставил позади в качестве резерва на тот случай, если противника окажется много и боя не избежать. Не было сомнения, что впереди были воины Ногай. Об этом можно было судить по одежде, по конусообразным шапкам и по вооружению.

Приблизившись на расстояние полета стрелы, всадники остановились и заняли выжидательную позицию. Один из дружинников не выдержал и пустил в направлении всадников стрелу, не долетевшую до цели. Все трое ответили тем же, но ни одна из них не долетела до шеренги русичей.

К трем всадникам прискакали с западной стороны еще двое. Однако движения вперед они не предпринимали.

Глеб подал команду повернуть и пуститься в обратный путь. Командир ордынской сотни приблизился и спросил, недоумевая:

- Почему не атакуем. Нас много, а их всего пятеро. Могли бы всех захватить и привести к хану.

- Могли бы, конечно, - ответил Глеб. - Но великий хан наказал в бой с людьми Ногай не вступать. Мы должны повиноваться.

- Жаль упускать врага, - посетовал сотник.

- Я узнал от старейшины, что это только небольшое передовое охранение. А позади не слишком далеко отсюда, на Днепре, стоят крупные силы. Что если они пустятся за нами в погоню. И настигнут нас?

- Тяжело будет.

- Вот именно. Произойдет столкновение неравных сил. А великий хан наказал схваток и сражений избегать.

На протяжении всего обратного пути местных кочевников больше не встречали: видимо, они сами избегали встречи с ордынцами и уходили на север. Над следами брошенных становищ парили коршуны, выискивая

объедки.

По прибытии в лагерь Менгу Темира Глеб Василькович был незамедлительно вызван для доклада. Хан внимательно выслушал Глеба, не перебивая, и сказал с расстановкой:

- Ногай серьезный противник. Мои предшественники ценили его как хорошего полководца. По моим сведениям, он с главной военной силой пребывает на Дунае, наводит страх на греков и болгар.

Хан испытующе посмотрел на Глеба:

- Представь себя на моем месте, князь. Что бы ты стал делать?

- Что ты, великий хан... Я никак не могу представить себя на твоём месте. Я владею бедным княжеством, покрытым лесами, болотами. А ты властелин великой державы, которой принадлежит полмира.

- Ты великий льстец, князь Глеб. Пожалуй, тебе и вправду трудно представить себя на моем месте. Хорошо, ты мой советник. Вернее, один из моих советников. Что ты мне посоветуешь?

- Посылать один за другим отряды к низовьям Днепра, вдоль побережья моря Бар-аль-Азов, чтобы Ногай чувствовал твое присутствие, твое соседство в этих землях.

- Ты угадал мои мысли. Так и поступим. Пошлю три или четыре сотни моих воинов во главе с кем-нибудь из моих родичей. А ты, князь, отдыхай после похода. Ты привез полезные сведения.

Хан Менгу Темир трижды менял свое становище. Последним оказалось место на степной равнине к югу от донского устья.

Глеб Василькович получил еще одно ханское поручение - сопровождать сборщиков дани с касогских племен. Его дружина была усилена пол сотней ордынцев. Двигались на юг, пока не достигли реки Кубань. По берегам реки росли пирамидальные тополя и каштаны. Здесь обитало мирное племя касогов, выращивавших пшеницу, виноград, другие фрукты. Касоги предпочитали откупаться от ордынцев данью и жить с ними в мире. В равнинной части сбор дани прошел беспрепятственно. Обстановка осложнилась в предгорьях. Здесь население одного из аулов при приближении ханского отряда ушло в горы, угнав с собой скот. Жители двух других аулов пытались оказать сопротивление.

Отряд вернулся в ханскую ставку с небольшими потерями. В столкновении с непокорными касогами были убиты двое ордынцев и серьезно ранен один из дружинников Глеба. Оказавшие сопротивление касоги не выдержали долгого боя, и ушли в горы.

По возвращении в Сарай-Берке Глеб встретил там ростовского баскака Файзуллу, который привез дань. Его сопровождал для охраны боярин

Антип Евлампиев с небольшой дружиной. Антип сообщил Глебу грустную новость.

- Матушка твоя, инокиня Марфа, приказала долго жить. Тому уже пошел второй месяц.

- Этого следовало ожидать, - тяжело вздохнул Глеб. - В последний раз она была совсем плоха.

- Князь Борис часто навещал ее в монастыре. Говорил мне, что перед кончиной инокиня совсем ослабла, вся высохла, перестала принимать пищу и никого не узнавала, даже самых близких.

- Много пришлось пережить матушке.

Хан Менгу Темир не стал удерживать князя Глеба, когда он сообщил ему о смерти матери и выразил желание отплыть из Сарая.

- Не держу тебя, князь, - дружелюбно сказал хан. - Ты послужил мне хорошо. Надеюсь, и еще послужишь.

Караван дощаников пустился в обратный путь. Гребцы налегали на весла. Обратный путь против течения был труден, тем более что дул встречный ветер и воспользоваться парусами не удавалось. К тому же заморосил нудный осенний дождик.

Достигли Ярославля уже в самый разгар осени. Деревья золотились опадающей листвой. Погода стояла ветреная, холодная.

Глеба встретил князь Федор Ростиславич, пригласил в палаты. Слуги засуетились, княгиня Анна отдавала распоряжения повару.

- Баскак Файзулла опередил тебя, - сказал Глебу Федор, - привез мне ханское распоряжение. По весне я должен отправиться в Сарай с дружиной. Что ждет меня там?

Полагаю, то же самое, что испытал я минувшим летом.

- А что ты испытал? Расскажи.

Глеб Василькович рассказал о своем участии в походах совместно с ханским войском по южной степи и в касогские земли, о столкновениях с горцами.

- В чем же смысл такого участия? - спросил Федор. - Ведь у хана Менгу многотысячное войско. Что может решить участие в ханском походе малой княжеской дружины, твоей или моей.

- Смысл-то есть. Не догадываешься?

- Может, хан намеревается привязать к себе русских князей, добиться их большей покорности. Начинает с более надежных, вроде нас с тобой, своих родичей.

- Не без этого. Но есть и другое. Орда переживает непростой период.

- Чем непростой?

- Ногай увел половину ханского войска и подчинил себе всю западную половину ордынской земли. А в Орде грызутся между собой ближайšie родственники Менгу Темира. Когда хана не станет, на престол станут претендовать несколько персон. Этой дракой и воспользуется Ногай. Как воспользуется - пока никто не знает. Может быть, он сам станет ханом возрожденной Орды, а всех соперников перебьет. А может быть, поддержит кого-нибудь из них, а сам останется в тени и будет фактическим властителем Орды.

- Откуда тебе это известно?

- Беседовал с новым сарайским владыкай. Он человек проницательный. Имеет хорошие связи в ордынской верхушке.

- Ты сказал - Орда переживает непростой период. А как это привязывается к нашему участию в походах ханских войск?

- Неужели непонятно? Хан старается припугнуть своих соперников, в том числе и Ногай. Вот, мол, смотрите, я располагаю не только своими силами, но еще и силами русских князей, которые по первому моему зову придут мне на помощь.

- Пожалуй, ты прав.

- Я так думаю, пока Менгу Темир жив, больших потрясений в Орде не случится. А когда он уйдет из жизни, одному Богу известно, что произойдет. Возможно, будет свара великая.

- Может, оно и к лучшему. Усобицы ослабят Орду, придет наше освобождение.

- Не знаю, скоро ли это произойдет. Не будем преждевременно обольщаться надеждами...

- Оставайся у нас погостить, Глебушка. Отдохни с дороги, - предложил Федор Ростиславич.

- Я спешу в Ростов, чтобы побывать на могиле матери, поклониться ее праху.

- Мать уже не вернешь. А отдохнуть и набраться сил надо. Кстати, я был на похоронах инокини Марфы. Похоронили ее с честью. Владыка Игнатий произнес над гробом покойной проникновенное слово. Говорил о ее трудах над летописанием, назвал ее великой просветительницей.

- Пожалуй, пару дней действительно отдохну у тебя. Что-то совсем притомился я за дорогу. Еще скверная погода ко сну клонит, - ответил Глеб.

- Только сперва распорядись, чтобы дружинники незамедлительно отправлялись домой, в Белоозеро.

Глеб велел, чтобы два дощаника с большей частью дружины отплыли. Сотнику дал наставление:

- Сообщи княгине Феодоре, мол, жив, здоров. Скоро вернусь, как только побываю на могиле матери и повидаюсь с братом.

После щедрого застолья Глеб беспробудно проспал почти сутки. Встал, чувствуя себя вполне здоровым и окрепшим. На вторые сутки оставаться не стал, как Федор и его жена Анна ни уговаривали. Прощаясь, Глеб приласкал детей Федора Ростиславича, Настеньке сказал лукаво:

- Где будем играть свадьбу?

- Какую свадьбу? - пробормотала та в недоумении.

- Как какую? Твою и моего Михаила. Разве вы не просватаны? Он же жених твой, и ты его невеста. Или запамятовала?

Настенька смутилась, застеснялась и ничего не ответила.

- Так что передать жениху? - спросил Глеб девочку в прежнем шутовском тоне.

- Скажи, Настенька, пусть Михаил растет здоровым и умным, - подсказал ей Федор Ростиславич.

- И красивым, - выпалила, набравшись храбрости маленькая княжна...

В Ростове прибытия князя уже ждали. О его скором появлении сообщил баскак Файзулла, приплывший из Сарая. Наблюдатели заметили с берега Глебов дощаник на озере Неро и оповестили об этом князя Бориса Васильковича.

Глеба встретили на берегу брат с семьей, ближние бояре, небольшая толпа ростовчан. Братья обнялись.

- Осиротели мы с тобой, Глебушка.

- Грущу, братец, что не был рядом с матушкой при ее последнем вздохе.

- Что поделаешь? Ты был далеко и своей судьбой не распорядился.

- Много ли было именитых людей на похоронах?

- Были и именитые. Из родни князь угличский Роман Владимирович, ярославский Федор Ростиславич, два брата покойной, брянский князь Роман Михайлович да тарусский Юрий Михайлович. Были все ростовские бояре, много купцов и простолюдинов. На отпевание собрался великий сонм духовенства. Матушку ведь все любили и почитали.

- А был ли кто-нибудь из Белоозера?

- Я послал туда гонца. Откликнулся визитом твой Григорий Меркурьев.

Глеб Василькович обратил внимание, что вся княжеская семья, даже дети, облачились в черные траурные одежды. Князь Борис был в черном суконном кафтане, наглухо застегнутом. Княгиня Марья Ярославна в черном платье, а ее голову покрывал черный вязаный платок.

Брат и невестка сопровождали Глеба ко гробу инокини Марфы. Спустились в подвал Успенского кафедрального собора. Княгиня Марья Михайловна обрела свой последний покой рядом с принявшим мученическую кончину от ордынцев мужем, ростовским князем Васильком Константиновичем. Рядом с его массивным дубовым гробом появился такой же дубовый гроб его супруги Марьи. Низкий сводчатый подвал слабо освещался пламенем восковых свечей. Перед гробом княгини-инокини молодой монах читал монотонно вполголоса псалтырь.

Глеб Василькович низко поклонился родительским гробам, потом встал на колени перед материнским гробом и положил руки на его головную часть. Не удержался от слез.

- Крепись, брат, - участливо сказал ему Борис. - Никто на этой грешной земле не вечен. Когда-нибудь дети наши будут горевать вот так же, как мы горюем с тобой сейчас.

Глеб не отозвался. Тогда Борис сказал:

- Посмотри, какие каменные плиты изготовили каменщики.

В соборе в боковом нефе, как раз над тем местом, где стояли в подвале гробы князя Василька и княгини Марьи, лежали две плиты из серого камня с выбитыми на них именами усопших.

Борис Василькович предложил брату посетить келью в женском монастыре, которая была обиталищем инокини Марфы.

- Настоятельница хотела было передать келью новой монахине. Я попросил ее не трогать келью и оставить в ней все как есть в память о матушке. Пока я жив, буду посещать ее.

- Разумно поступил, братец, - одобрил Глеб.

Келья была крохотная - пять шагов в длину и менее четырех в ширину. Простая деревянная кровать, рабочий стол с табуретом, сундук и полка с книгами. Вот и вся обстановка. На стенах - иконы с лампадами.

- Попросил настоятельницу оставить все, что было при матери, закапризничала. Внес хорошее пожертвование на монастырь - стала сразу покладистой. Мне все кажется, что матушка где-то рядом. Сейчас выйдет и заговорит с нами.

- Это потому, что душа ее осталась в книгах, в летописных трудах.

Ростовский владыка Игнатий по случаю прибытия князя Глеба повторил поминальную службу в Успенском соборе. Собралась княжеская семья, ростовские бояре и купцы. Тяжелые и размеренные удары большого колокола возвестили о начале службы.

После службы епископ сопровождал братьев Васильевичей ко гробу их матери и прочитал там краткую молитву.

- Достоянная была женщина. Добрый след на земле оставила, - произнес владыка, завершив молитву.

Потом Игнатий пригласил обоих братьев к себе в епископский дом и стал расспрашивать Глеба о его поездке в Орду.

- Как тебе показался новый сарайский владыка? - спросил он.

- Человек он еще не старьй, деятельный и словоохотливый, - заговорил Глеб. - Нашел подход к сердцам ордынцев. Обратил многих в лоно православия. В их числе можно найти и ханских родственников.

- Честь и хвала владыке Феогносту.

- Жаловался мне - папские люди обхаживают хана. Настаивают, чтоб папистам было разрешено учредить в Сарае свою епархию в противовес нашей, православной.

- И как к этому отнесся хан?

- Пока никак. С папистами встречается, выслушивает, но никакого решения не принимает.

- Им бы зацепиться за Сарай, завоевать расположение хана... А оттуда прямая дорога в русские земли при прямом попустительстве ордынцев.

- Вот об этом и Феогност мне говорил. Тревогу высказывал.

- Еще бы не тревожиться. Галицкий князь Даниил пробовал заигрывать с католиками, даже королевский титул от римского папы получил. Да на этом обожглись латиняне, убедились, что противится Галиция папскому влиянию. А князь Даниил твердо стоит на позиции православного князя. Теперь папа римский шлет Даниилу свои проклятия. Когда отправишься, князь Глеб, в родное Белоозеро?

- Погощу пару дней у брата и тронусь в путь.

- Скажи мне, как ты намерен поступить с теми прихожанами, которые усердно посещают службы, а потом идут в лес и молятся священным деревьям, лесовикам, водяным и прочей нечисти? Как бы ты поступил с такими двоеверцами?

- А никак. Кстати, двоеверие - это не только весяне, но и многие русичи. Мы толкуем о суевериях, которые к религии никакого отношения не имеют. В детстве старая нянька рассказывала мне сказки про Кощея, добрых и злых волшебников. Это не было пересказом Священного Писания. Где в Священном Писании сказано, что нельзя слушать сказочников, их рассказы про Кощея, лесовика или водяного?

- В Священном Писании, может быть, об этом и не сказано, но должен же быть у человека здравьй смысл.

- Откуда у неграмотного весянина или даже русича этот здравьй смысл, как мы его понимаем?

- Может, ты и прав, князь Глеб. Приеду к вам на Белоозеро и постараюсь узреть все своими очами.

- Всегда будем рады твоему приезду, владыка...

Князь Глеб ожидал, что брат, заядлый охотник, пригласит его на охоту. Но против его ожидания такого приглашения не последовало. В брате Борисе были заметны перемены. Он как-то отяжелел, утратил прежнюю бодрость. Возможно, начал сказываться возраст - ему исполнилось сорок лет.

Постоянные усобицы, боязнь ханской немилости, беспокойная жизнь, насыщенная волнениями и тревогами, приводили к тому, что князья редко могли похвастать продолжительностью жизни. А князь Борис еще болезненно перенес семейную утрату, кончину матери.

Осеннее утро было хмурым, ветреным, когда дощаник князя Глеба отплывал из Ростова. Провожали его брат Борис со всем семейством и владыка Игнатий. Епископ благословил Глеба Васильковича и напомнил о своем обещании навестить в Белоозеро. Провожали Глеба и княгиня Марья Ярославна, и трое ее сыновей. Старший восемнадцатилетний Дмитрий, еще неженатый, вырос с отца и лицом походил на него. Второй, шестнадцатилетний Константин, более похожий на мать, немного не дотянул до отцовского роста. Младший, Василий, был еще малолеток, и трудно было сказать, в кого из родителей он уродился.

Взмах весел - и дощаник отчалил от берега...

Глава 20. БЕЛОЗЕРСКИЕ БУДНИ. КОНЧИНА КНЯГИНИ ФЕОДОРЫ

Казалось, повторяется пережитое. Опять дощаник подплывает к Белоозеру, растянувшемуся длинной извилистой лентой вдоль Шексны. Над вереницами одноэтажных невзрачных изб ремесленного люда, рыбаков, лодочников и другой неимущей голытьбы возвышаются храмы и купеческие палатки с башенками и причудливыми кровлями. И особенно бросаются в глаза княжеские хоромы с крыльцами-гульбищами, вычурными кровлями-бочонками. А на горизонте расстилается осенняя хмурая Белоого озера, покрытого бесконечной рябью.

На берегу дощаник встречали дружинники, бояре, Григорий Меркурьев с сыном Власием, купцы, духовенство и, конечно, княжеская семья, княгиня Феодора с сыном Михаилом, заметно возмужавшим. Почему-то нет с ним младшенького Романа.

Княгиня Феодора бросилась к мужу, судорожно обняла его, прижалась к его щеке мокрым от неудержимых слез лицом.

- Вернулся, Глебушка... Живой. Сколько слез выплакала, тревожилась за тебя, - говорила она сквозь слезы.

- Что со мной сделается? Хан ко мне благоволит.

- Непредсказуем хан и коварен. Сколько уже жизней русских князей на их совести...

- Меня сия участь миновала. А почему не вижу сынка Романа?

- Похоронили нашего младшенького.

- Как такое случилось?

- Заболели оба сынка, покрылись красной сыпью. Хворь, говорят, в детском возрасте опасная. Михальчик покрепче, хворь перенес. А Романчик, от рождения слабенький, помер в одночасье.

- Пойдем в дом, Феодорушка. Расскажешь все, как было. Князь заметил, что вид у жены был болезненный, лицо заострилось. В глазах нездоровый лихорадочный блеск. С тоской Глеб подумал, что вряд ли болезненная Феодора будет способна еще нарожать ему деток. А он-то всегда мечтал, что станет отцом большого семейства. Теперь его единственное чадо, его единственная надежда - Михаил, Михальчик. Слава Богу, что растет крепышом и живчиком.

Сопровождаемая Григорием Меркурьевым и Власием, княжеская чета направилась в хоромы. Григорий обратился к князю с вопросом:

- Когда пожелаешь, батюшка, выслушать мой доклад?

- Не сейчас. Отдохну с дороги, разберусь в делах семейных. Сам тебя позову. Скажи только вот это. Ордынскую дань собрал?

- Собрал сполна.

- Пусть ту же самую сумму, какую мы выплатили ордынцам в прошлом году, Власий свезет незамедлительно в Ростов баскаку Файзулле.

- Слушаюсь, княже. Насчет охраны позаботишься? Ведь сумму повезу немалую.

- Возьми, Власик, десяток дружинников. Выпроводив бояр, Глеб спросил княгиню Феодору о здоровье.

- Знающие люди говорят - чахотка у меня. - С грустью ответила княгиня.

- Что советуют?

- Советуют то же самое, что советовал и ты. Чаше париться в бане и пить горячее парное молоко.

- Следуешь этим советам?

- А как же.

- Кровохарканье не прекратилось?

- Иногда проходит, потом снова возобновляется. Переживала я за тебя, моя радость.

- И зря. В Орде мне ничто не грозило.

- По наследству от мамы передалась мне эта проклятая чахотка. А тут еще северный климат, сырой, холодный.

- Постараюсь больше не покидать тебя.

- А если опять вызовет хан?

- Скажусь больным и не поеду в Сарай. Распорядись, матушка, насчет обеда, а я пойду к Михаилу.

Глеб уединился с сыном в свой рабочий кабинет, достал с полки книгу в кожаном переплете с летописным текстом.

- Прочитай-ка вот это.

Михаил прочитал довольно бегло. Потом Глеб Василькович предложил сыну прочесть страницу из молитвенника. - А я все молитвы наизусть помню, - возразил Михаил.

- Тогда скажи мне, сынок, чем примечательны в нашей истории княгиня Ольга и князь Владимир Святославич, ее внук.

- Княгиня Ольга была первой из русских князей, принявших Христову веру. А князь Владимир не только сам крестился, но и крестил всех

русичей. У него было много сыновей. Сперва они не поладили между собой. Святополк, прозванный Окаянным, убил братьев Бориса и Глеба. Но его победил в конце концов один из братьев, Ярослав Мудрый.

- Почему Ярослава прозвали Мудрым?

- За мудрость. Он составлял законы, Правду Ярослава.

- Вижу, не зря прошли уроки твоего наставника. Теперь пора начать осваивать ратное дело.

- Хочу научиться рубить мечом и стрелять из лука.

- Рановато тебе рубить и стрелять. Всему свое время. Для начала научись ездить верхом на коне.

- И прыгать через заборы, рвы.

- Никаких прыжков. Пока научись просто держаться в седле, обращаться с лошастью. Пусть привыкает к тебе. Подберу на конюшне лошадку смирную, неноровистую. Вот с этого и начнем.

- А как же уроки с Далматом?

- Уроки пойдут своим чередом.

В своей конюшне Глеб подобрал светлой масти кобылку смиренного нрава. Первые уроки верховой езды провел с сыном сам. Научил Михаила, как закрепить седло, чтобы не сползло, как подтянуть стремяна по росту, как правильно управлять лошастью, как перейти из движения шагом в галоп и рысь. Первые уроки княжич усвоил быстро и лишь однажды свалился с лошади.

- Не расстраивайся, сынок, - утешил его Глеб. - Когда меня учили верховой езде, я падал не один раз. Конь попался норовистый.

Через некоторое время Глеб передал Михаила в руки пожилого дружинника, ставшего наставником княжича.

Посетил князь уроки, которые проводил с Михаилом инок Далмат. Эти уроки теперь усложнились. По арифметике учитель давал хитроумные задачи. На уроках словесности заставлял Михаил переписывать без помарок летописные тексты, глубоко изучать Священное Писание и историю Руси.

- Какие выдающиеся русичи и за какие подвиги причислены к лику святых?

- Их много. Сразу всех и не вспомнишь.

- Назови хотя бы своих родичей.

- - Это мой дедушка, князь Василько Константинович, князь ростовский. Это еще батюшка моей бабушки Михаил Всеволодович, князь черниговский. Они не захотели изменить вере Христовой, склонить голову перед врагом и поплатились жизнью...

Боярин Григорий Меркурьев обстоятельно и подробно доложил Глебу Васильковичу о всех делах и событиях, произошедших в княжестве. Пришел он с писцовой книгой, в которую педантично записывал все расходы и приходы княжества.

- Княжескую десятину собрал и пополнил казну. Вот изволь, княже, назову тебе все цифры.

- Сполна собрал?

Я не скажу, что сполна: сколько людишек прячется по лесам и болотам - одному Богу ведомо. Иной раз найти человека на Белоозере - все равно что иголку в стоге сена отыскать.

- Вестимо.

- Купчишки дорожную подать за пользование каналом на Сухоне и за волок платили исправно. Тоже хорошее пополнение казне.

- Поступает железо с Верхней Андоги к белозерским кузнецам?

- Поступает исправно. Знатоки говорят, руда на Андоге хорошего качества. О том тебе скажет и наш Вукол.

- Пришли его ко мне. Хочу потолковать.

Гнязь Глеб принял у Меркурьева собранную десятину и дорожную пошлину, дотошно пересчитал каждый рубль. Закончив все подсчеты, сказал с удовлетворением:

- Хорошее пополнение казны. Спасибо тебе, Гриша.

Но при этом подумал, что Григорий Меркурьев, собирая подати с населения, с купцов, конечно, и себя не обидел. И при этом хитер, осторожен, за руку не ухватишь с поличным. А, собственно говоря, зачем хватать верного человека. Меру знает. Другой на его месте был бы во сто крат хуже.

- Дозволь, княже, слово молвить, - неожиданно обратился к князю Глебу Григорий.

- Что у тебя?

- Пожаловаться хотел тебе на свои хвори. Одряхлел я. Нет прежней остроты ума, когда нужно в серьезном деле разобраться. Ведь я был уже зрелым человеком, когда ты, дитя малое, еще на четвереньках ползал. Освободил бы ты меня от бремени управляющего, нашел бы кого помоложе, побойчее.

- Это ты серьезно глаголишь?

- Как можно говорить такое несерьезно, коли в самом деле одряхлел.

- Вот что я тебе скажу, Григорий... С просьбой твоей, конечно, посчитаюсь. Готовь себе замену.

- Какую замену?

- Сынка твоего, Власия. Объяви ему - назначаю помощником управляющего и кладу жалование в половину твоего. А твое жалование оставляю за тобой. Власия станешь натаскивать, обучишь, как вести все дела, обращаться с писцовой книгой.

- Будет мой Власий, товарищ твоих детских игр, верным твоим слугой, таким же, каким был я.

- Значит, договорились.

- Выходит, договорились.

- Давай обсудим еще одно дело. Казна хорошо пополнилась. Я думаю, можно было бы довести численность дружины до сотни человек. А где сотня, там нужны и сотники. Что скажешь на это?

- Десятник Ипатий подошел бы на место сотника. Грамотный, расторопный.

- Вот и я так думаю. Согласен с тобой - Ипат толковый мужик.

- И из семьи хорошей.

- Напомни мне, Гриша, про его семью.

- Отец волостной тиун на Средней Шексне. Крепкий хозяин и церковный староста. И дед Ипата был тиуном.

- Проявит себя хорошим сотником, попрошу брата Бориса возвести его в сан боярина. Не тебе ж одному в боярском звании ходить.

Григорий, услышав такое, обиженно поджал губы: лестно было ходить единственным боярином на весь город Белоозеро. Впрочем, на юге княжества, на Нижней Шексне располагалось несколько боярских вотчин. Их владельцами были боковые отпрыски ярославских боярских родов, отделившиеся от основной ветви рода еще тогда, когда Ярославль не выделился в самостоятельный удел.

- Как полагаешь, Гриша, будем продолжать выкуп полонян в Орде? - спросил князь Глеб Григория. - Я намеревался прошлой весной послать Власия. Да меня вызвал хан и спутал все планы.

- Новые людишки никогда не лишние. Земля Белозерская широка и обширна. Есть где расселить многих поселенцев. А это новые плательщики княжеской десятины, пополнение казны.

- Значит, советуешь продолжать выкуп?

- Почему же не продолжать. Опять пошлешь Власия?

- Нет, пусть помогает тебе. А выкуп полонян я поручу на этот раз кому-нибудь из купцов, имеющих торговые дела с Ордой.

Разговор завершился. Напоследок Григорий спросил князя Глеба:

- Кузнеца Вукола прикажешь сейчас позвать?

- Пожалуй, не надо. Сам схожу к нему. Посмотрю его кузницу.

Дом кузнеца Вукола, старейшины белозерских кузнецов, находился не на окраине города, а недалеко от центра. Дом этот скорее напоминал купеческое жилище: просторен, жилой этаж возвышался на подклети. Рядом с домом находилась кузница.

Из кузницы доносились удары молота и лязг железа. Князь Глеб постоял в дверях кузницы, наблюдая. Сын Вукола удерживал щипцами на наковальне раскаленный кусок железа, а сам Вукол ударял по нему тяжелым молотом, чтобы придать куску нужную форму. Другой сын раздувал горн с помощью мехов, чтобы поддерживать на огне подходящий жар.

Заметив князя Глеба, стоявшего в дверях кузницы, Вукол, не выпуская из рук молота, произнес:

- Добро пожаловать, княже. Давненько не виделись.
- Был в Орде по приглашению хана.
- А мы трудимся в поте лица.
- Железо с Андоги?
- С Андоги.
- Годится?
- Не хуже всякого другого.
- Что сейчас куете?
- Топоры, сошники к сохам, всякую мелочь вроде гвоздей и дверных засовов.
- И хорошо раскупаются твои изделия?
- Мало-помалу.
- Получили наши кузнецы выгоду с Андоги?
- Конечно. Большую выгоду имеем: и от города не столь далеко, и добыча облегчена. Все кузнецы низко кланяются тебе, княже.
- Рад за вас.

Вукол был не слишком словоохотлив. Он говорил обычно коротко, не отрываясь от наковальни.

- Трудись, Вуколушка, - сказал ему Глеб. - Зимой съезжу на Андогу. Посмотрю, как там идут дела.

В один из ближайших дней Глеб посетил Усть-Шехонский монастырь, где встретился с игуменом Иринархом.

- Как твоя монастырская школа, отче? - спросил Глеб.
- Необходимые знания и практические навыки мои воспитанники получили. Зимой обещал навеститься к нам владыка Игнатий. Пусть и он убедится в знаниях наших школяров и рукоположит их для начала во диаконы. Пусть наберутся опыта, а через два-три года возведем их в сан

священника и дадим приход. Многие пастыри по своей дряхлости нуждаются в замене.

- Собираешься набирать новых учеников?

- Есть кое-кто на примете. В основном дети священников или церковные певчие.

Глеб Василькович познакомился с учениками монастырской школы, позадал им вопросы по Священному Писанию и истории церкви. Отвечали ему бойко, уверенно. Особенно понравились ответы повзрослевшего за последние годы Викентия, сына священника Зосимы, из села, раскинувшегося вдоль среднего течения Шексны.

- Как поживает батюшка твой, отец Зосима? - поинтересовался Глеб.

- Жив, здоров, слава Богу.

- Припоминаю, зело чадообилен он?

- Всех нас у батюшки десятеро. Я самый старший.

- Сколько ж годков тебе?

- Двадцать первый пошел.

- Жениться пора, Викеша.

- Вестимо. Присмотрел тут славную девицу, приказчикову дочку. В дни своей молодости батюшка служил вместе с этим приказчиком у одного купца. Батюшка тогда на клиросе пел, иногда псаломщика подменял. Приметил его покойный владыка Кирилл и посоветовал священнический сан принять.

- Что думаешь делать, Викентий?

- Хочу получить сан дьякона и определиться батюшке в помощники. У него полон дом детей малых: помощь нужна. Коли уйдет по здоровью на покой, я бы заменил его на приходе.

- Слышишь, игумен? - обратился Глеб к Иринею. - Учти желание Викеши. Справедливое желание.

- Отчего же не учесть? - согласился Иринарх.

В разгар зимы прибыл санным путем владыка Игнатий с небольшой свитой. Остановился в Усть-Шехонском монастыре у Иринея. Отслужил торжественную службу в соборном храме Белоозера. Потом принялся дотошно экзаменовывать учеников, вернее, выпускников монастырской школы. Экзаменовал долго, с пристрастием. В заключение заставил каждого по очереди исполнять обязанности псаломщика во время службы в монастырском храме. Службой остался недоволен и стал строго выговаривать:

- Следить надо не только за тем, что читаешь, но и как читаешь. А в вашем чтении души мало, проникновенности.

Все же выпускники монастырской школы были рукоположены во диаконы и выслушали напутственное слово владыки:

- Каждый из вас будущий пастырь, который несет слово Божие прихожанам. Первый друг и советник прихожан, будь то русичи или весяне. Перед Богом все равны. Для прихожанина его пастырь пример доброго семьянина, чадолюбивого отца. И прихожане ваши чада возлюбленные. Скоро вы столкнетесь с немалыми трудностями. В вашем крае глубокие корни пустило язычество. Я наблюдал его следы в Ростовской земле и на Ярославщине. Но на Белоозере, особенно среди веси, языческие пережитки особенно заметны. Объясняйте чадам своим их заблуждения. Пусть прихожане тянутся к храму, а не к капищу.

Владыка еще долго продолжал в том же духе.

Перед рукоположением все учащиеся монастырской школы, за исключением одного, были обвенчаны с невестами. Викентий обвенчался с дочерью купеческого приказчика, статной и видной из себя девицей. Остальные его товарищи высватали поповен из ближайших приходов. Лишь один из учеников пожелал принять постриг и остался в монастыре. Он стал иеродиаконем монастырского храма.

Владыка Игнатий дотошно проверил и новых кандидатов в монастырскую школу. Всего желающих учиться на священнослужителя набралось десять человек. Восемь из них оказались сыновьями приходских священников, двое из семей мастеровых людей.

- По своей ли охоте идешь - каждому задавался вопрос. Обычно слышался ответ:

- Истинный крест, по своей воле. И еще тятенька посоветовал.

- Был ли причастен к церковной службе?

- Пел на клиросе.

- Присматривался к службе моего батюшки.

- Был за пономаря при храме.

Выслушав все ответы, Игнатий произнес назидательно:

- Коли осилите, други мои, учебу, проявите труд великий, упорство, благословляю вас.

Глеб Василькович пригласил владыку к больной жене, исповедать ее и воодушевить добрым словом. Феодора с приближением зимы опять почувствовала себя плохо, возобновилось кровохарканье. Сопровождавшему его Иринею епископ сказал:

- Пусть во всех храмах Белоозера молятся за здоровье рабы Божьей Феодоры. Болезнь ее серьезна.

Владыка Игнатий намеревался далее отправляться в Каменный

монастырь на Кубенском озере, а потом посетить соседние приходы.

- Оставайся при больной жене. Меня сопровождает Иринарх.

Вернулся владыка из поездки через месяц. Глеб пригласил его с Иринархом на обед и стал расспрашивать о впечатлениях.

- Монастырь встает на ноги, - начал владыка, - налаживается хозяйство: строятся новый братский корпус, школа. Пока, правда, только три ученика. Но игумен надеется расширить школу.

- А как прошла поездка по приходам? В ответ Игнатий тяжело вздохнул.

- Попадаются пастыри, которые еле-еле прочтут по складам Евангелие. Во время церковной службы несут всякую отсебятину. Едва заканчивается служба, начинаются языческие камлания с жертвоприношениями.

- Это мне знакомо. Где видишь выход, владыка?

- Мы с тобой, князь, уже говорили об этом. Это трудная и долговременная работа - искоренение язычества. Думаю, она затянется на века. А начинать надо с монастырской школы. С подготовки грамотного духовенства. Других средств не вижу.

Владыка отбыл в Ростов в подавленном настроении, вызванном белозерскими впечатлениями...

В середине зимы князь Глеб Василькович намеревался побывать на Верхней Андоге, посмотреть, как там идет добыча болотной руды и выплавка из нее железа. Но тяжелая болезнь жены остановила его. Княгиня Феодора с мольбой говорила мужу:

- Не уезжай, Глебушка. Видишь, совсем я плоха. Вернешься из поездки увидишь меня в гробу. Хочу испустить последний вздох, чтоб ты был рядом. Сколько из-за твоих поездок приходилось нам жить врозь.

- Не отчаивайся, Феодорушка. Выздоровеешь, - утешал жену Глеб. Никуда не поеду, не оставляю тебя. Даже если сам хан призовет, не поеду: скажусь хворым. Подрастет сынок наш Михальчик, будет он вместо меня в Орду ездить. Все же ханский внук. Надеюсь, ордынцы его не обидят.

Князь Глеб отказался от своего намерения ехать на Верхнюю Андогу, послал туда Власия, дав ему напутствия.

- Посмотри хорошенько, как идет добыча руды и выплавка железа, как живут переселенцы. Когда направляли их на Андогу, смотреть на людишек было тошно. Оборванцы, лапотники, да и только.

Дозволь, княже, слово молвить, - сказал Власий.

- Говори, коли добрую мысль хочешь молвить.

- А это уж тебе судить, добрая ли та мысль. Послал бы ты убогим людишкам по добротному овчинному полушубку. Это, мол, награда вам от

князя вашего за то, что положили начало полезному делу.

- А ведь добрая мысль пришла тебе в голову, Власик. Ей-богу, добрая. Дам полушубки. Только сперва убедись, что дело идет успешно. Тогда и вручи людишкам полушубки, да сделай это всенародно.

- Непременно. Пусть люди ведают, как князь Глеб щедр к труженикам.

- Вот, вот. Ну, с Богом...

Вернулся Власий через две недели. Доложил князю о своей поездке обнадеживающе. Еще с осени была заготовлена большая масса болотной руды. Сейчас идет непрерывная выплавка железа. Летом поставили добротную плавильную печь. Полушубки вручил он переселенцам принародно: людишки аж прослезились.

Переселенцы помаленьку обустроились на новом месте. Избенки поставили, как у односельчан, неказистые, топившиеся по-черному. Белозерская артель кузнецов снабдила андожан взаимобразно некоторой суммой денег, чтобы каждый мог занять хотя бы по корове. Появились у переселенцев овцы, гуси.

- В чем еще нуждаются люди на Андоге? - спросил Глеб.

- Жалуются, что место добычи руды далеко от жилья. Приходится шагать три-четыре версты. Лошадку бы им занять, хотя бы одну на всех.

- Посмотри на моей конюшне, Власик, лошаденку, какую не жалко отдать.

- Слушаюсь, княже...

К весне, когда стало припекать солнце, растаял снег и вскрылись Шексна и Белое озеро, княгиня Феодора почувствовала себя получше. Глеб свез княгиню в Усть-Шехонский монастырь на богомолье. Феодора получила благословение игумена Иринарха, прослушала всю церковную службу. Глеб попросил монахов принести для больной княгини раскладное кресло.

Из Ярославля пришло сообщение, что князь Федор Ростиславич отправился по повелению хана в Орду с дружиной.

Лето прошло без особых событий. Ранней осенью вернулся из Орды белозерский купец Гаврила Горгониев. В ордынскую столицу он уехал с пушниной и медом, а вернулся с арбузами. По поручению князя Глеба Гаврила выкупил в Орде полсотни полонян. За эту услугу Глеб Василькович одарил купца правом пользоваться двумя княжескими дощаниками. Еще один дощаник имел сам купец.

Горгониев пришел к князю Глебу с докладом:

- Выполнил твое поручение, князь, хотя и с огрехами.

- Что за огрехи?

- Не доглядел я: двое из выкупленных не захотели плыть до Белоозера и по дороге сбежали. Один в Нижнем Новгороде, другой в Городце. Оба надеялись, что найдут там семьи. Так что заплатил бусурманам за пятьдесят, а довез только сорок восемь.

- Спасибо и на том, купец.

Глеб пошел знакомиться с новоприбывшими. Среди них оказалось трое опытных корабелов.

- Пусть эти останутся в городе и поступят в распоряжение Степана Горгониева, - распорядился Глеб. Степан был старшим братом Гаврилы и промышлял строительством речных судов.

Отыскался среди прибывших и человек, промышлявший раньше переплавкой болотной руды. Глеб отдал распоряжение Власию, чтобы с первой же оказией его отправили на Верхнюю Андогу.

:- Пусть занимается там своим делом.

Все остальные прибывшие оказались земледельцами. Глеб Василькович распорядился расселить их по селам и выселкам между Верхней Шексной и Кубенским озером.

Последующие два года были тяжким временем в жизни князя Глеба. Он стал свидетелем медленного, но неуклонного угасания княгини Феодоры. Уже не наступали периоды временного улучшения ее здоровья, некогда цветущая женщина на глазах превращалась в пожелтевшую и изможденную старуху.

Михаил жалел мать, подходил к ней, хотел приласкаться. Глеб останавливал сына:

- Не трогай матушку. Она серьезно больна. А наедине выговаривал:

- У нее серьезная болезнь. Называется чахоткой. Болезнь эта съедает человека. Чахотка опасна, так как легко передается и другим. Поэтому будь осторожен и не подходи к матушке близко. Ей болезнь передалась от бабушки, может передаться и тебе, если не будешь осторожен. А ведь ты у меня один остался, мой Михальчик. Береги себя.

Михаил продолжал усердно заниматься со своим учителем и наставником Далматом. Он уже бегло читал летописные своды, переводы с древнегреческого, житейные произведения, решал сложные задачки.

Заботы о больной жене рассеивали внимание князя Глеба. Делами княжества он занимался, как-то между прочим, без былой охоты. А дела наваливались, казалось, они никогда не кончатся...

Наступила новая осень. Снова из Сарая приплыл караван дощаников во главе с купцом Гаврилой. Глеб рассеянно выслушал его доклад.

- Как поручил мне, княже, выкупил опять полусотню полонян. И опять

получились нелады.

- Что на этот раз?

- На этот раз четверо не захотели плыть до Белоозера. Двое остались в Ярославле. Еще один...

- Какое мне дело, где они отстали, - раздраженно сказал Глеб.

- Так ведь...

- Сколько всего отстало?

- Четверо, и еще один помер в дороге. Так что довез я не полсотни, а только сорок пять голов. Не по своей вине.

- Бог найдет виновных.

Глеб поручил Власию разобраться в занятиях полонян и расселить их по своему усмотрению.

Ростовский епископ Игнатий вновь посетил Белоозеро. Задерживаться здесь долго не стал, далеко за пределы города не ездил. Ограничился посещением двух ближайших сел на берегу Белого озера, Ухтомы и Карголома. Совершил воскресную службу в соборном храме и поинтересовался новым набором монастырской школы Усть-Шехонского монастыря.

Приехал погостить ярославский князь Федор Ростиславич.

- Пошто один, без жены? - спросил его Глеб.

- На сносях моя Аннушка. Нельзя ей путешествовать. А ты, я вижу, домоседом стал.

- Есть на то причины. Жена тяжело больна, не могу ее оставить. Боюсь, что болезнь безнадежна.

- Сочувствую тебе, Глебушка.

- Расскажи, как съездил в Орду.

- Да так же, как и ты. Участвовал в походе ханских войск против немирных кавказских народов. Потерял трех своих людей, самого вражеская стрела слегка поцарапала. Хан обласкал, угощал кумысом. С отвращением, но все-таки пил, чтобы не обидеть хозяина.

- Это мне знакомо. Как поживает Настенька, моя будущая невестка.

- Растет, хорошеет.

- Достигнут наши дети зрелости, сыграем свадьбу, не откладывая.

- Согласен. Непременно так и поступим.

Видя подавленное состояние князя Глеба, Федор не стал задерживаться и быстро уехал.

Княгиня Феодора стала жаловаться на недостаток свежего воздуха и постоянно просила мужа открыть окно.

- Зачем тебе окно? На дворе осень, - возражал Глеб.

- Все равно открой. Видишь, задыхаюсь.

Глеб накинул на плечи жену теплую заячью шубу и приоткрыл окно. В спальню ворвались холодный осенний воздух и капли косога дождя.

- Хорошо, Глебушка, - не закрывай.

- Простудишься. Негоже долго сидеть у раскрытого окна.

Вскоре Феодору охватил озноб. Окно закрыли, княгиня прислонилась к теплой изразцовой печи.

Когда установилась сухая погода, Глеб помог жене облачиться в теплую одежду и вывел ее во двор. Сели в коляску, поехали на пустынный берег Белого озера. Озеро было спокойно, что в это время случалось редко. Его покрывала лишь легкая рябь.

Глеб попридержал лошадь и помог Феодоре сойти с коляски. На песчаном берегу отыскалось выброшенное волнами озера старое бревно. На него и присели.

- Спасибо тебе, Глебушка, - сказала тихо Феодора.

- За что спасибо? Часто покидаю тебя, оставляю одну.

- Это не твоя вина, я знаю. Хан диктует тебе свою волю. Я скоро уйду из этой жизни. Я это чувствую.

- Не надо об этом, Феодорушка. Не мы распоряжаемся своей судьбой, а Всевышний.

- Он добрый, ваш Всевышний. Он дал мне хорошего мужа. Спасибо Всевышнему и тебе. Я думаю... Если бы судьбе не было угодно, чтобы ты мне встретился... отец сосватал бы меня за какого-нибудь ордынского сановника или родича.

- Но этого же, слава Богу, не произошло.

- А могло бы произойти. Такая болезненная жена, унаследовавшая от мамы чахотку, досталась бы ордынцу. Пусть он был бы не злодей, даже добрый человек, как мой отец. И вот ему достается такая хворая жена... Не стал бы он со мной возиться. Взял бы молодую, здоровую наложницу, даже не одну. А я чахла бы в одиночестве.

- Видишь, Феодорушка, другой муж достался тебе.

- Вот за это и спасибо, радость моя. Душа болит, что родила тебе трех сыновей, а сохранила только одного-единственного Михаила. Других не уберегла. А ты так мечтал, что семья наша будет чадообильная. Не получилось.

- Так было Богу угодно.

- Не Бог твой, а я в этом виновата. Хилая я, болезненная... Посмотри, как красиво озеро... Вереница диких гусей, на юг улетают.

- Ты слишком много говоришь, Феодорушка. Тебе вредно так много

говорить.

Глеб поправил на жене шубу, закутал голову шерстяным платком.

- Послушай, Глебушка, что я тебе скажу напоследок... Скоро меня не станет. Да, да, я это знаю, чувствую приближение своего конца. Ты останешься один. Выдержи срок вдовства, какой требует приличие...

- Перестань, Феодорушка. Не хочу об этом и слушать. Не отпущу я тебя... Слышишь, не отпущу.

- В этом ты бессилён, Глебушка. Так вот... выдержишь приличествующий срок - и подбери себе новую жену. Ты добрый, заботливый, будешь хорошим мужем. Если хочешь сохранить добрые отношения с Ордой, женись на ордынке. У хана Берке много дочерей. Ярославский князь Федор не долго оставался вдовцом. Женился на ханской дочери и живет с ней хорошо. Она детей ему рождает.

- Не надо об этом. Прошу тебя, не надо. Если оставишь меня вдовцом, никогда больше не женюсь.

- Ты еще мужчина в полном соку. Лучше женись, чем с наложницами...

Феодора умолкла и судорожно закашлялась. Потом ее охватил болезненный озноб.

Прошло всего три дня с той прогулки на берег Белого озера. Княгиня Феодора совсем ослабла, отказывалась от пищи. Просила только горячего молока с медом. Но не могла выпить и полчашки.

Глеб не отходил от жены. Лишь убедившись, что она заснула, шел к себе в рабочую комнату, соседнюю со спальней Феодоры. Там он приказал приготовить себе постель на большом сундуке с книгами. Спал прерывистым, тревожным сном, прислушиваясь. Часто Феодора что-то выкрикивала во сне и просыпалась. Тогда Глеб подходил к жене, успокаивал ее и дожидался, пока Феодора снова засыпала.

В этот раз княгиня, кажется, спала спокойно. Заснул и Глеб, обессиленный постоянным бодрствованием. Проснулся он уже под утро. Подошел к жене, раскинувшей руки в неестественной позе. Феодора была бездыханна.

Князь Глеб постоял перед усопшей. Вот и все кончено. Ушла в мир иной Феодорушка, отмучилась. С усилием он взял себя в руки, позвал слуг. Приказал обмыть усопшую, обрядить в пристойные одежды и выставить в парадном зале княжеских хором. Потом отдал распоряжение Власию незамедлительно снарядить гонцов и послать к ближайшим родственникам: брату Борису, двоюродному брату Роману и Федору Ростиславичу. Гонцу, направляемому в Ростов, предписывалось также известить владыку

Игнатия и баскака Файзуллу. Князь Глеб решил, что ордынца необходимо пригласить на похороны дочери хана.

Сыну Михаилу Глеб самолично сообщил о смерти матери.

- Горе-то нас посетило, Михальчик. Нет больше твоей матушки. Отмучилась.

- Хочу проститься с ней. Пойдем, - попросил Михаил. Глеб взял сына за руку и привел его в зал, где покойная, уже обряженная, лежала на столе. Постояли возле усопшей, исхудавшей, с обострившимся лицом. Михаил разрыдался только тогда, когда вышли из зала.

Первыми из приглашенных на похороны прибыл Федор Ростиславич. Тело княгини в дубовом гробу было уже перенесено в соборную церковь. Глеб разрешил допустить до гроба всех желающих проститься.

Угличский князь не приехал, сославшись на недомогание. Он и в самом деле был болезненным и слабым, часто прихварывал. Вместо себя прислал двух именитых бояр.

Из Ростова прибыли водным путем, воспользовавшись тем, что Волга и Шексна еще не покрылись льдом, брат Борис с женой Марьей Ярославной, епископ Игнатий и ростовский баскак Файзулла. Соблюли необходимую субординацию. Когда некоторое время тому назад умерла угличская княгиня, на ее похороны не ездили ни князь Борис, ни владыка Игнатий, ни Файзулла. Покойная княгиня не была ханской дочерью, не принадлежала к одной из ветвей рода Рюриковичей. Она происходила из простого, не слишком именитого боярского рода. Белозерская же княгиня была дочерью прежнего и близкой родственницей нынешнего хана.

Пока съезжались приглашенные на похороны родственники, Глеб неотлучно пребывал у гроба жены. Мимо проходили цепочкой белозерцы, люди именитые и простые, чтобы проститься со своей княгиней. Все знали, что Феодора тяжело и неизлечима болела, и сочувствовали овдовевшему князю.

Он не сразу заметил в цепочке посетителей храма моложавую стройную женщину. А когда заметил, то узнал Василису. На ней были все те же сафьяновые сапожки, когда-то давно даренные ей Глебом, сильно поношенные, латаные-перелатаные. Она подошла к князю, сказала тихо:

- Сочувствую, княже. А я вот...

Она замолчала, видимо не зная, что сказать.

- Как твой Феоктист поживает? - спросил Глеб, чтобы разрядить неловкость.

- Приказал долго жить мой Феоктист. Простыл и помер в одночасье.

- А как дети?

- Пасынок женился. В селе остался, рыбачит. А падчерица еще невестится. Со мной у моих родителей под Ухто-мой. Весной вернулась я к ним.

- Своих-то деток рожала?

- Была одна дочка, да померла в младенчестве.

- Ты заходи, Василисушка, коли помощь какая нужна. Только не сейчас. Видишь, какое горе на меня свалилось.

- Сочувствую, княже, - снова повторила Василиса... Отпевание проходило торжественно, при переполненном храме. Службу вел владыка Игнатий в сослужении игумена Ириней и всего городского духовенства. После похорон состоялись пышные поминки. Кроме приезжих трапезу разделили Григорий Меркурьев с сыном Власием, именитые белозерские купцы, духовенство.

Гости стали разъезжаться до ледостава. Перед отъездом Борис переговорил с Глебом.

- Прими от меня и Марьяшеньки наше сочувствие. Крепись, братец.

- А что еще остается? Стараюсь крепиться.

- Что думаешь дальше делать?

- Жить, сынка воспитывать и учить.

- Я не об этом. Понимаю, что не время сейчас говорить о таких делах. Уж не взыщи... Скоро ли снова увидимся, не ведаю. Семейную жизнь снова налаживать надо. Коли хан благоволит к тебе, присмотришь к пригожей ордынке из ханской семьи. Не все же они такие хворые, болезненные, как покойница. Или найди себе невесту среди русичей.

- Не надо об этом, Борисушка... Рано об этом толковать. Подождем годик-другой.

- Тогда скажи мне откровенно, Глебушка, как брату. Любил ли ты свою Феодору?

- Видишь ли, братец... Моей невестой стала девочка, которую до свадьбы я видел мельком. Так угодно было хану. Потом к моей женьбе приложил руку Александр Ярославич Невский. Какая тут могла быть любовь? Скорее расчет, политический шаг. А потом привязался, жалел больную женщину. Сочувствовал горемычной судьбе ее матери.

- А любовь в твоей жизни была?

- Не знаю, брат. Но не могу категорично утверждать, что не было.

- Значит, была?

- Не знаю, не знаю.

Глеб проводил ростовчан. Игумен Ириней по указанию владыки Игнатия продолжал поминальные службы за упокой души рабы Божией

Феодоры. Князь неизменно посещал все службы и старался больше уделять внимания сыну, чтобы тот не чувствовал своего сиротства: часто посещал уроки, беседовал с Михаилом на разные темы.

Недавний разговор с братом Борисом и неожиданная встреча с Василисой затронули какие-то чувствительные тайники его сердца. Была ли в его жизни любовь? К покойной жене Феодоре было чувство жалости, долга, стремление облегчить ее физические страдания. Плотской близости меж ними давно уже не было. А что руководило им, когда он, князь Глеб, встретился с Василисой? Порыв телесной страсти? А может быть, это и была любовь. Горькая любовь, которая не могла идти дальше греховной связи, поскольку один был князем, а другая - простолюдинкой, да еще весянкой...

Глава 21. ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА В ОРДУ. ПЕРЕМЕНЫ НА РОСТОВСКОМ СТОЛЕ

Княгиню Феодору погребли в соборной церкви. Князь Глеб распорядился изготовить каменную плиту с именем покойной над ее могилой.

Первое время Глеб Василькович не находил себе места. Он бесцельно бродил по палатам, невпопад отвечая слугам и приближенным. Выходил Глеб на берег Белого озера, на то самое место, где они были вместе с Феодорой за несколько дней до ее кончины. Он вглядывался в покрытую тонкой коркой раннего льда поверхность озера, предаваясь тоскливым мыслям.

Глеб обратился к своему духовнику, игумену Иринарху.

- Скажи мне, отче, что я должен делать? Как преодолеть разлад души? Как обрести нормальное состояние?

- Скажу князь, - отвечал Иринарх. - Трудись в поте лица. Найди занятие, которое поглотило бы все твои помыслы, отвлекло от грустных мыслей. Займись воспитанием сына.

- Пожалуй, ты прав, отче, - согласился Глеб. - Займусь строительством гостиного двора. В Ростове гостиный двор есть украшение города, и в Ярославле, и во Владимире. А у нас купеческие лавки рассеяны по всему городу в беспорядке. Куда это годится?

Глеб Василькович в сопровождении Власия долго бродил по городу, выискивая место для будущего гостиного двора. Купеческие дворы, дома духовенства, ремесленников, мастерские, жилища всякого неимущего люда теснились в причудливом беспорядке. После долгих поисков место для гостиного двора отыскалось. Большую площадь занимали княжеские конюшни, которые можно было перенести на другое место. Можно было также потеснить обширный двор при княжеских палатах. Нуждались в расширении и избы дружинников. Глеб задумал их также перенести в иное место. Вот и освобождалась просторная площадь, достаточная для возведения гостиного двора.

Среди городских плотников отыскивали старшину плотницкой артели Пахома, немолодого уже и опытного строителя. Глеб пригласил его,

показал набросок, начертанный на листе пергамента.

- Вот здесь, вдоль берега Шексны, протянется гостиный двор, - объяснил Пахому Глеб. - В сторону берега выходит крытая галерея, которая пойдет вдоль всего здания. Лавки должны быть просторны, позади кладовые, амбары. Уловил мое намерение, Пахомушка?

- Все понятно.

- Тогда составь по моему наброску подробный план. А я тем временем подберу артель лесорубов и прикажу заготовить потребное количество хорошей строевой сосны.

- Для амбаров и ель сойдет.

- Нет уж. Если строить, так строить как следует. Только сосна пойдет в дело.

Белозерские купцы быстро проведали о намерении князя Глеба строить рядом с княжескими палатами гостиный двор и зачастили к нему с визитами. Спрашивали:

- Уступишь мне одну лавку?

- Во что мне обойдется, если пожелаю въехать в твой гостиный двор?

- Пустишь меня с моими товарами?

Князь Глеб не спешил с ответами. Он сознавал, что нужно строить гостиный двор как княжескую собственность, а там продавать или сдавать в аренду помещения с немалой для себя выгодой. Купцы ворчали, за глаза поругивали прижимистого князя, но в то же время восхищались его деловой хваткой, рачительностью.

«Из князя Глеба хороший бы купец получился», - поговаривали они.

Вскоре на берегу Шексны застучали топоры, завизжали пилы, появились штабеля свежих бревен. Стали подыматься вверх венцы срубов. Гостиный двор вырастал на глазах. Когда дело уже подходило к завершению стройки, начались деловые переговоры с купцами. Особенную прыть проявляли новгородские купцы, чьи интересы представляли в Белоозере сыновья или приказчики. От новгородцев старались не отстать и местные. И те и другие стремились приобрести в будущем гостином дворе лавку. Те, что победнее, кооперировались вдвоем, втроем, чтобы приобрести общее помещение. Князь Глеб увеличивал свою казну и с удовлетворением говорил Власию:

- Богатеем, Власик...

Весной Глеб снова снарядил караван судов и направил его в Орду для выкупа полонян. Купцы расщедрились и задумали невдалеке от гостиного двора поставить свой храм, церковь Николая Чудотворца. На освящение церкви, проведенное игуменом Иринархом, был приглашен в качестве

почетного гостя и Глеб Василькович.

Сыну князя, Михаилу, шел уже двенадцатый год. Он возмужал, казался старше своих лет. Уроки усваивал успешно, увлекался верховой ездой. Вместо емирной кобылки он выбрал себе на княжеской конюшне норовистого гнедого жеребца, на нем пускался в галоп, прыгал через препятствия. Не один раз Михаил вылетал из седла, расшибался, ходил весь в синяках. Князь Глеб строго выговаривал ему за неосторожность, но в то же время восхищался его лихачеством. Иногда и сам приказывал оседлать себе коня и пускался вместе с сыном наперегонки. Обычный их маршрут пролегал по берегу Белого озера до села Карголом и обратно.

Осенью прибыла из Сарая новая большая партия выкупленных полонян, человек сто с лишним. Глеб сам занялся расселением прибывших. Выявил среди них несколько опытных плотников и оставил их в стольном городе. Остальных отправил в западную часть белозерского удела по рекам Шоле и Мегре, где было редкое весяньское население. Князь решил создать здесь два новых прихода, куда были назначены молодые священники из недавних выпускников монастырской школы.

С наступлением зимы князь Глеб в сопровождении двух дружинников отправился на Верхнюю Андогу. Достигнув погоста Воскресенского, он остановился у старого знакомого, кузнеца Леонтия.

- Ну расскажи, как идут дела, - предложил Глеб.

- С Божьей помощью идут. А что рассказывать? Лучше покажу.

Кузнец показал новую плавильную печь, в которой сейчас плавилась руда. Перед печью возился сын кузнеца в кожаном фартуке. Потом зашли в просторный амбар, где были сложены слитки выплавленного железа.

- Все это хорошо, Леонтий. Даже превосходно, - поощрительно сказал Глеб. - А что же ты о людях забыл?

- Как это забыл, княже? Не пойму я тебя.

- Все ты понимаешь. Смотри, какая у тебя добротная изба, просторная, светлая. А как твои рудокопы живут? Жилища - жалкие лачуги. А ведь у каждого куча ребятишек. Хочешь, чтобы расплевались с твоей Андогой и подались в другие края в поисках лучшей жизни?

Глеб еще долго распекал кузнеца Леонтия, впервые испытавшего на себе весь княжеский гнев. Тот слабо оправдывался. Мол, не успели еще как следует позаботиться о переселенцах.

- Зови сюда тиуна и попа Маркела.

- Слушаюсь.

Незамедлительно прибежали волостной тиун и отец Маркел.

- Что же вы, мои дорогие, рубите сук, на котором уселись, - напустился

на них Глеб Василькович. - Руда приносит благополучие вашей волости. А вы о рудокопах забыли. Поселили мужиков многодетных в убогих лачугах.

Князь Глеб еще долго давал волю своему гневу. Закончил свою речь категорично:

- Повелеваю, чтоб у рудокопов добротные избы были, не хуже твоей избы, Леонтий. Слышите, не хуже... Будущей зимой самолично приеду проверить, как выполнили мое повеление.

- Слушаемся, батюшка. Хотели ведь, да покудова не успели... - смиренно пробормотал тиун.

Вернулся Глеб в Белоозеро с чувством выполненного долга. Отдохнув, решил собрать свое воинство и устроить ему смотр. Дружина теперь была доведена до сотни человек, и возглавлял ее Ипатий, бывший десятник, сын тиуна с Шексны. Глеб вызвал к себе Ипатия:

- Собери всю дружину. И поскорее.

- Как же всех скоро соберешь? - растерялся сотник. - Кто-то отправился на рыбалку, кто-то занимается хозяйством.

Ипатий после недолгих раздумий приказал ударить в вечевой колокол, который висел с незапамятных времен на городской площади перед главным храмом, с тех самых времен, когда на Белоозере собиралось вече. Но вече давно ушло в прошлое. В колокол звонили только тогда, когда в городе случались пожары.

Собрать всю дружину оказалось не так-то просто. Многие дружинники жили по своим домам, в разных частях города. Пришлось Ипатию посылать ходоков. Не все дружинники находились дома. Одни заготавливали в лесу дрова, другие отправились на охоту. Поэтому собралась дружина далеко не полная, да и то после долгих ожиданий. Глеб вышел на площадь перед храмом, произнес строго:

- Плохо служите, мужики. Скверно служите. Подводите вашего сотника.

Князь Глеб, не скрывая своего раздражения, долго и непотребно, что с ним случалось не часто, ругался. Закончил свою речь словами:

- Повелеваю. Половина дружины остается в казарме и несет охранную службу на постах. На следующий день ее сменяет другая половина. Сотник должен быть осведомлен, где каждый из вас находится. Отлучаться из города по всяким хозяйственным делам имеете право только с его ведома. Кто нарушит мое предписание, тому урежу жалование. А злостных нарушителей порядка из дружины выгоню. Вот так-то, мои дорогие.

Потом князь Глеб стал выяснять, кто из дружинников располагает кольчужной рубахой. Таких оказалось немного, всего двенадцать человек.

- Мало, - решил Глеб и отобрал еще полтора десятка самых рослых и плечистых дружинников. Приказал им: - Пойдите к кольчужному мастеру и закажите кольчуги. Скажите ему - расходы берет на себя княжеская казна.

Остальным дружинникам Глеб приказал пошить кожаные рубахи, грудь прикрыть металлическими пластинами.

- Рубахи изготовите своими руками, а пластины приобретете у кольчужника.

Глеб Василькович понимал, что княжеству ничего не грозит, кроме набегов мелких банд новгородских ушкуйников. Они появлялись изредка на западе княжества, на Верхней Суде, на Мегре, но открытых столкновений с дружинниками избегали. Обычно местные жители брались за оружие и сами давали ушкуйникам отпор. Но князь Глеб ожидал, что золо-тоордынский хан снова вызовет его к себе с дружиной и заставит участвовать в походе против непокорных кавказцев. А к такому походу приходилось готовиться.

С открытием навигации Глеб поручил одному из белозерских купцов, отправлявшемуся по торговым делам в Орду, выкупить очередную партию полонян. А сам решил вместе с сыном проведать брата в Ростове и побывать на могиле матери.

Глеб заметил большие перемены в брате Борисе. Разница в годах между ними составляла всего шесть лет, но Борис выглядел значительно старше своего возраста. Он располнел, обрюзг и потерял прежнюю живость азартного охотника. Глеба охотиться не приглашал, а пустился в жалобы. У него неожиданно осложнились отношения с баскаком Файзуллой, который прежде казался человеком покладистым, уступчивым. Ростовский князь уличил баскака в незаконных поборах с населения в свою пользу, которые могли вызвать вспышки народного возмущения. Файзулла на увещание князя реагировал болезненно, надерзил и вдобавок пожаловался главному баскаку во Владимире, обвиняя Бориса в неуважении к ханскому представителю. Главный баскак принял сторону Файзуллы, а не ростовского князя. Трусоватый по характеру Борис опасался, что главный баскак может пожаловаться на него хану. С братом Борис Василькович поделился тревожными предчувствиями.

- Боюсь вызова в Орду. Плохо для меня это может кончиться.

- Брось раньше времени тревожиться, Борисушка. Пригасил бы лучше поохотиться, - успокаивал его Глеб.

- Не до охоты мне. Тут еще старший сынок огорчает.

Старшему сыну Бориса Дмитрию шел уже двадцать третий год. К этому времени князя обычно обзаводились семьей. Но Дмитрий с

женитьбой не спешил, хотя отец и предпринимал неоднократные попытки высватать сыну невесту княжеского рода. Но неожиданно княжич увлекся одной ростовской боярышней и заявил отцу, что хотел бы на ней жениться. Борис был недоволен выбором сына. Боярышня принадлежала к роду не самому сановному среди ростовских бояр, красотой особой не блистала. Мог бы и лучшую партию найти. Но княжич упрямо стоял на своем.

- Что скажешь, брат? Как поступить со строптивым сыном? - спросил Борис Глеба.

- Коли приворожила боярышня сына твоего, не препятствуй.

Борис примирился с выбором сына, решил воспользоваться приездом брата и племянника и сыграть свадьбу. Но в пику строптивому сыну решил никого из других родичей на свадьбу не приглашать: ни ярославского Федора, ни угличского Романа, ни муромчан, ни тем более других, более отдаленных родственников.

Свадьба была не слишком пышной и многолюдной. Среди гостей, кроме князя Глеба с сыном, были только родные невесты, другие ростовские бояре, да кое-кто из местных купцов. Глеб спохватился, что ему ничего не было заранее известно о свадьбе племянника и поэтому у него нет подарка. Пришлось побродить по лавкам ростовских купцов. В конце концов выбрал серебряный жбан для вина и блюдо, украшенное чеканным узором, для жениха и тяжелое ожерелье из камней-самоцветов - для невесты.

- Спасибо, дядя Глеб, - сказал, обнимая его, племянник. - Хоть ты меня понимаешь.

Перед свадьбой Глеб Василькович посетил могилы родителей, над которыми настоятель собора совершил поминальный молебен. Владыку Игнатия, готовившегося к венчанию молодых, не стал беспокоить. Потом посетил в женском монастыре келью матери. В ней оставалось все так, как было при ее жизни. Даже Библия лежала на столе, раскрытая на той самой странице, на которой инокиня Марфа прервала чтение...

Когда Глеб с сыном возвращались на испытанном дощанике в Белоозеро, князь подумал, что вот уже прошло полтора года, как нет Феодоры. Да и в последние два-три года ее жизни он не имел физической близости с женой из-за ее болезни. Ведь мог бы, воспользовавшись своими возможностями, подобрать пригожую наложницу и жить в свое удовольствие. Однако же не сделал этого: считал себя повязанным священными узами брака с больной женой и вел воздержанный образ жизни.

А нужно ли теперь придерживаться прежнего образа жизни? Ему шел

тридцать девятый год: возраст немалый. Не юноша, а человек, испытавший на своем веку многое. Жениться, что ли, вторично, как это сделал ярославский князь Федор? Разве не нашлась бы и для него выгодная партия в ханском окружении, даже в ханской семье?

Глеб Василькович не принял какое-либо решение на сей счет. Не поздно ли думать о второй женитьбе? Исчезла в нем прежняя юношеская легкость и прыть. Не то чтобы одряхлел, но годы дают о себе знать.

Неожиданно вспомнилась весянка Василиса. Не пришла она к нему, а ведь живет в великой нужде. По ней видно: гордячка. Отыскать ее, что ли? Вспомнить увлечение молодости? Греховная мысль становилась все навязчивее. Вспомнилось, как предавались они когда-то бурным молодым ласкам у большого камня на берегу Белого озера. Он, Глеб, скрывавший свое княжеское достоинство, назвался тогда дружинником Василием. Все происходило как в счастливой сказке, внезапно оборвавшейся...

Глеб сообщил приближенным, что отправляется охотиться на уток. Власий спросил, не нуждается ли князь в охране, хотя бы в паре дружинников. Глеб категорически отказался, добавив, что, если вдруг прибудет гонец из Ростова, от князя Бориса или от баскака, не ищите. Гонец может и подождать.

На утлом челноке Глеб приплыл к знакомому камню, вышел на берег, прошелся прибрежной тропинкой до весянского селения. Затаился в кустах и стал следить за избами. Крайняя изба принадлежала родным Василисы. Ждал долго, пока из избы не вышла Василиса с корзиной в руках. Глеб тихо окликнул ее, Василиса услышала, бросила корзину, подошла к кустам.

- Василисушка, солнышко мое. Истосковался по тебе, - воскликнул Глеб, обнимая весянку. - Почему не наведалась ко мне?

- Не могла. Не ровня я тебе.

- Пустое. Перед Богом мы все равны. Пойдем к нашему камню.

- Обожди. Принесу в дом хвороста, растоплю печь, а ты жди меня у камня.

- Дочку-то замуж выдала?

- Не дочка она мне, падчерица. Недавно выдала за соседова сына.

- Приходи скорее к камню. Поговорим.

Ожидание, казалось, тянулось целую вечность. Василиса делала свои дела домашние, переодевалась в другое платье, которое было латаным-перелатаным. Ноги в лаптях. Сафьяновые сапожки, подаренные когда-то Глебом, видно, давно сношены.

- Видишь, обносилась я и постарела, - сказала Василиса грустно, подходя к камню. Глеб смог отчетливо разглядеть ее. Действительно,

возраст давал о себе знать. Лицо осунулось, у уголков рта появились резкие морщины. Но тело оставалось все таким же стройным, крепким, упругим, как туго натянутая струна.

- Что смотришь? Постарела?

- Смотрю, потому что давно не видел, скучал. А стареем мы все. Уж так Бог распорядился. Одежонку-то тебе надо бы новую сделать. Уж я об этом позабочусь.

- Надо ли?

- Надо, Василисушка. Я теперь человек вольный. Супружество меня более не держит.

- Найдешь другую. Ханскую дочь или княжну какую-нибудь.

- Не будет этого, коли я тебе придусь по душе.

Глеб мягко обнял Василису, ощутив крепкое и упругое тело. Почувствовал прилив возбуждения и страстного желания.

...Потом, как и много лет тому назад, они сидели на отшлифованном ветрами и дождями камне, тесно прижавшись друг к другу.

- Что же будет дальше, Глебушка? - спрашивала Василиса. - Опять будем воровски встречаться?

- Я знаю примеры, когда князя женились на красавицах-простолюдинках, которые им очень приглянулись. Молва утверждает, что княгиня Ольга, жена князя Игоря, была простой лодочницей. Моя матушка, правда, отрицала это и считала Ольгу дочерью богатого псковского боярина.

- Наверное, твоя матушка права. Какая из меня княгиня? Мы с тобой не ровня. Придумай что-нибудь, чтоб мы всегда были вместе. Сделай меня своей служанкой. Я на все согласна. Мой покойный муж был тяжелым человеком, даже, бывало, поколачивал. А ты хороший, добрый. Разве поднимешь руку на беззащитную весянку?

- Что ты, Господь с тобой, Василисушка. Хочешь, возьму тебя горничной в свои палаты? Будешь убирать внутренние покои. Отведу хорошую комнату, одену хорошо, положу жалование. Станешь помогать родным.

- Пусть будет так, Глебушка.

Вернувшись, Глеб объявил, что весянка Василиса - вдова человека, в устройстве судьбы которого он в свое время принял участие. Сейчас его долг позаботиться о вдове. Василиса станет убирать внутренние комнаты княжеских палат.

Вызвав к себе Каллистрата, который был теперь не только княжеским портным, но и дворецким, Глеб приказал ему, указывая на Василису:

- Поручаю тебе, Каллистратушка. Одень эту женщину во все новое, чтоб не стыдно было в палатах показаться. И подбери ей комнату.

- Слушаюсь.

Так Василиса вошла в княжеские палаты, официально считаясь горничной. Когда голоса в палатах замолкали, шаги затихали, княжья челядь разбредалась ночевать по своим домам и оставались только рослые стражники у входа со стороны красного крыльца да в передней, Василиса, скинув новые сафьяновые сапожки, неслышно пробиралась в Глебову опочивальню. В жарком вихре объятий сплетались тела князя Глеба и весянки Василисы на ложе...

Ранней весной года 1277 по современному летоисчислению в Белоозеро прибыл из Владимира человек великого баскака Амрагана, державшийся вежливо, но начальственно.

- Амраган передает тебе повеление великого хана, - произнес надменно незванный гость.

- Повинуюсь хану, - в тон ответил Глеб.

- Ты должен прибыть в Сарай со всей воинской дружиной и сыном. У тебя один сын?

- Один, к сожалению. Других Бог прибрал.

- Велик ли сын?

- Четырнадцать годиков ему.

- Приезжай с сыном.

Далее Глеб узнал, что хан приглашает в Сарай не только его, а еще и других русских князей. Приглашается ростовский князь Борис с женой Марьей и обоими сыновьями, Дмитрием и Константином. (Младший Василий, малолеток, недавно умер от детской болезни.) Также ярославский князь Федор Ростиславич и городецкий князь Андрей Александрович, третий сын Александра Ярославича Невского. По-видимому, хан замышлял большую военную кампанию с участием русских князей. О какой именно кампании могла идти речь, приезжий ордынец не знал или не хотел распространяться.

- Как скоро я должен отплыть в Сарай? - спросил князь Глеб.

- На сборы тебе дается две недели. Место сбора всех князей, о которых я упомянул, Нижний Новгород. Далее поплывете общим караваном.

Глеб стал готовиться к походу. Снарядил три дощаника. В Белоозере решил оставить из всей сотни дружинников только десять человек, хворых или с физическими изъянами. Девять десятков были как на подбор. Глеб устроил им смотр при полном вооружении и остался доволен. В строй дружинников, рядом с сотником Ипатием, Глеб Василькович поставил и

сына Михаила.

Провожая Глеба в поход, Василиса обливалась слезами: отъезд князя сулил ей долгую разлуку.

Чтобы оставить Белоозеро под защитой во время своего отсутствия, Глеб приказал набрать из местных жителей ополченцев и поставил их под начало Власия. В Ярославле к каравану Глеба присоединился князь Федор Ростиславич с дружиной. Он отправился без жены. Анна была вновь беременна и должна была скоро разродиться, поэтому и не могла сопровождать мужа. От Федора Глеб узнал, что брат Борис с женой и сыновьями уже накануне миновал Ярославль и находится где-то в пути по Волге.

В Нижнем Новгороде к прибытию Глеба и Федора уже находились Борис Ростовский и Андрей Городецкий. Отсюда, подняв паруса и воспользовавшись попутным ветром, поплыл вниз по Волге весь объединенный караван.

Борис Василькович перебрался на дощаник к брату Глебу, пожаловался на состояние здоровья. Действительно, выглядел он неважно. Под глазами обозначились синяки, в бороде резко прибавилось седых волос. Вдобавок Борис был в крайне подавленном состоянии. Ему казалось, что его нелады с баскаками обернутся суровыми репрессиями со стороны хана. Глеб старался, как мог, успокоить брата.

- Посуди сам, Борисушка... Если бы хан вызывал тебя для того, чтобы учинить над тобой расправу, ты бы не нужен был ему с твоей дружиной. Скорее всего, нас всех пошлют усмирять непокорных кавказцев.

- Откуда тебе знать, что задумал хан? Возможно, меня ждет расправа, а дружину поведет сынок мой Дмитрий.

Когда караван судов достиг Сарая, князей и большую часть дружинников разместили на постоялом дворе. Часть дружинников осталась на дощаниках. Хан Менгу Темир за короткое время вызвал к себе прибывших князей, одного за другим, и поставил перед ними задачу. Дружина Городецкого князя Андрея Александровича вливалась в основные силы ханских войск, направлявшихся в Прикаспийские земли. Федор Ростиславич должен был идти в Кабардинские земли. Наконец очередь дошла и до братьев Васильковичей. Их обоих хан вызвал одновременно.

- Пойдете против немирных ясов и касогов, - произнес хан, когда братья предстали перед ним. - Тебе, князь Глеб, дорога туда знакома. - А тебе, князь Борис, я могу сказать...

Хан умолк и стал сверлить растерявшегося Бориса тяжелым испытующим взглядом.

- Великий баскак Амраган и твой ростовский баскак Файзулла оба жаловались на тебя.

- За что, великий хан? Чем я им не угодил? - Борис сжался в испуге, ожидая самого худшего.

- За что? Тебе виднее, князь Борис. Баскаки жаловались, что мало почтения проявляешь к ханской власти. Дерзишь с моими людьми.

- Помилуй, великий хан. Не так все было... Но хан не стал его слушать.

- Пойдешь в поход вместе с братом. Коли поход будет удачным и ты отличишься, забудем твои прегрешения. А коли плохо будешь воевать с нашими недругами, строго спросим.

Борис ничего не ответил, а только схватился за сердце. Глеб поддержал брата, готового упасть. Хан произнес спокойно:

- Идите, князья, и готовьтесь к походу.

Когда выходили из ханских палат, Бориса пошатывало. Глеб поддерживал брата, чтоб не упал. До постоянного двора Борис дошел и свалился плашмя на ложе. Марья Ярославна суетилась возле мужа, не зная, чем ему помочь.

Через некоторое время княгиня Марья вбежала в соседнюю комнату, которую занимал Глеб вместе с сыном и племянниками. Взволнованная, она произнесла:

- Борис, кажется, умер. Не дышит, еле шевелится. Борис действительно был мертв, скончавшись от острого сердечного приступа. Возле тела усопшего, понуро склонив головы, стояли сыновья Дмитрий и Константин. Княгиня Марья билась в истерике, припав к груди мужа.

О внезапной кончине ростовского князя Бориса доложили Менгу Темиру. Хан незамедлительно вызвал к себе Глеба с обоими племянниками. Сочувствия родным не выразил, а сказал назидательно:

- Ваш русский Бог тоже иногда бывает справедлив. Наказал князя Бориса за неповиновение моим людям.

- А как прикажешь, великий хан, поступить с телом покойного?

- Отвезите на родину в Ростов и похороните по вашему обряду. Пусть тело сопровождают княгиня и один из сыновей покойного.

- Позволь старшему, Дмитрию.

- Это как вам будет угодно.

- А как прикажешь поступить с ростовской дружиной?

- Бери под свое начало и готовься в поход.

О решении хана Глеб сообщил княгине Марье. Покойного князя Бориса доставили в сарайский кафедральный храм, где владыка Феогност

совершил обряд отпевания. Потом покойного уложили в наспех сколоченный гроб и препроводили на один из дощаников. Глеб лично проводил до берега Ахтубы княгиню Марью и племянника Дмитрия, отправлявшихся в Ростов.

Владыку Феогноста князь Глеб навестил, выбрав время, когда епископ сарайский не был занят церковной службой. Начали разговор с недавней кончины князя Бориса.

- Случались ли на твоей памяти такие случаи, чтобы вызванный в Орду князь скоропостижно умирал? - спросил Феогноста Глеб.

- Случались, и не раз. Одни князья, слишком запуганные, умирали от сердечного приступа, как умер князь Борис. Другие, не угодные хану, умерщвлялись открыто или тайком.

Глеб стал расспрашивать, как идет становление епархии.

- Идет с Божьей помощью, - Феогност поведал, что кроме кафедрального храма возведена церковь на русском кладбище и часовня на одном из базаров, где бывает скопление русских торговцев. Понемногу принимают православие и некоторые сановные ордынские вельможи, даже ханские родственники. Среди них есть новокрещенные, решившие устроить дома часовню или молельню. Но таких пока мало. Ордынская верхушка более тяготеет к исламу. За пределами Сарая православные приходы встречаются на Северном Кавказе, в основном среди ясов. К ним православие приходит из Грузии. Южная часть ясов, населяющих часть Грузии, уже давно приняли православие.

- Видно, мне придется идти с дружиной усмирять непокорных горцев, которые закрепились в горных ущельях и противятся подчинению Золотой Орде, - с горечью сказал Глеб.

- Среди них тебе встретятся православные. Будь с ними осторожен, князь, не переусердствуй.

- Боюсь, что в этом походе я буду не один. Придется подчиняться ханскому военачальнику.

- Православные ясы имеют поддержку со стороны Грузии. Когда-то, при царице Тамаре и ее предшественниках, это было сильное государство. Оно распространяло свою власть далеко на юг. А потом и сюда пришли татаро-монголы. Они стали вмешиваться в политику царей, разорять население. Многие жители Грузии уходят в неприступные горы в надежде укрыться там от грабителей. Некоторые преодолевают хребет и появляются в селениях северных ясов. Учти, кавказцы - народ отважный и свободолюбивый. Боюсь, что дорого тебе обойдется этот поход.

Поход начался так же, как и раньше. Всех русичей посадили на коней,

и они растворились в массе ордынцев. Князь Глеб был подчинен ханскому тысяцкому, одному из родственников хана.

Переправившись через Волгу на плотках и баркасах ниже истоков Ахтубы, колонны всадников углубились в степные просторы. Глеб видел, что местное население, половцы и степные касоги, встречали ордынцев настороженно и старались по возможности уклониться от встречи с ними. Старосты селений выходили навстречу войскам, отвечивали низкие поклоны, выносили фрукты, орехи и какую-либо снедь. А основное население, особенно женщины и девушки, разбегались и прятались по степным балкам, боясь обид и насилий: такое уже бывало.

Войско переправилось через быструю и мутную Кубань и углубилось в лесистые предгорья Кавказского хребта. Пока встречались мирные аулы, признававшие ханскую власть. Когда к тропе подступали лесные дебри, оттуда порой слышался трубный рев зубра. (В те времена они еще водились в глухих местах Кавказа в большом количестве).

Достигли знакомого селения, в котором когда-то Глебу пришлось побывать. Старейшина Баграт был еще жив. Он узнал Глеба.

- С чем прибыли ханские люди?

- Я не начальствую над войском, чтоб ответить тебе, - сказал ему Глеб.

- Ты лучше спроси тысяцкого, вон того, что на белом коне. А я здесь человек подневольный.

- Я считаю тебя хорошим человеком, русич. Надеюсь, не обидишь моих соплеменников. Помнишь ту юную полонянку, которую ты отдал в мои руки, чтоб я возвратил ее родителям.

- Конечно, помню. Она жива?

- Давно замужем. Дочку родила.

- Передай ей мое пожелание, пусть нарожает много, много деток.

Тысяцкий Аксак собрал всех военачальников в своем шатре. Отдавал распоряжения резкими гортанными криками:

- Первая и вторая сотни идут в Касожские земли. Касоги утихомирились, признали власть великого хана. Ваша задача напомнить, что над ними великий хан, а у хана великое войско. Пройдитесь по всем аулам, покажите свою силу.

Аксак сделал паузу и продолжал:

- Остальные сотни прочешут горные аулы ясов. Некоторые из них не желают повиноваться великому хану, платить дань. Такие должны быть наказаны. Непокорные пользуются помощью, которая поступает из Грузии через хребет. Важно прервать эту помощь.

Далее тысяцкий обратился к князю Глебу:

- Тебе, князь, поручаю перекрыть Дарьяльское ущелье, по которому течет река Терек. Иди туда со своими дружинниками и не пропусти ни одного человека с юга.

Глеб понимал, что тысяцкий преследовал свои корыстные цели. Опустошая немирные аулы, проявлявшие непокорность, ордынцы станут нещадно грабить население, насильничать и бесчинствовать. А это, с точки зрения тысяцкого, и будет поддерживать боевой дух в ордынках и стимулировать их воинственность.

Аксак был родной брат одной из ханских жен и поэтому считал себя важным человеком. Русскому князю он отвел непрестижное место, не сулящее никакой военной добычи.

- Дарьяльское ущелье должно быть на крепком замке, - повторил тысяцкий. - Запри его всей своей дружиной.

- Дозволь спросить тебя, - произнес Глеб.

- Спрашивай.

- Долго ли продлится наша служба в Дарьяльском ущелье?

До тех пор, пока я со своими сотнями не прочешу немирные аулы и не склоню их к покорности. Я думаю, что это займет недели три. Надеюсь, мы скоро приведем строптивцев к повиновению.

Перед выходом к Дарьяльскому ущелью Глеб тайно увиделся со старцем Багратам.

- Выхожу со своими дружинниками на юг, чтобы закрыть ущелье и не пропускать к вам сюда ни одного южанина, - сказал ему Глеб.

- Зачем ты мне это говоришь? Мы связаны с южными родичами: у нас один язык, одни обычаи. Южане приняли христианскую религию.

- Я говорю тебе об этом, аксакал, чтобы не было напрасных жертв, не произошло напрасного кровопролития. Понимаю, что прервать связи между северными и южными аулами невозможно и бессмысленно. Пошли своего внука на юг. Пусть южане пока не ходят. Недели через три войско Аксака и мы вместе с ним уйдет отсюда. Тогда и проход через Дарьяльское ущелье станет беспрепятственным.

- Ты уверен, что все ордынцы уйдут из нашей земли?

- Возможно, Аксак оставит здесь одну-две сотни воинов, но они, скорее всего, рассредоточатся по аулам. У них будет слишком мало сил, чтобы регулярно перекрывать Дарьяльское ущелье.

- Разумно рассуждаешь, русич. Я дам тебе внука в качестве проводника. Он хорошо знает дорогу, проведет вас до замка царицы Тамары, а сам уйдет дальше на юг.

Дарьяльское ущелье представляло собой неширокий каменный

коридор с почти отвесными стенами. По дну ущелья с ревом протекал беснующийся Терек. Человека, осмелившегося ступить в бурные воды реки, волны моментально сбивали с ног. Между Терекком и стеной была неширокая тропа. Грузины называли долину по-разному: Дариан, Даргани, Дариалани. О недавнем грузинском присутствии здесь напоминали развалины на отвесной скале. Предание приписывало сооружение замка, разрушенного потом татарами, царице Тамаре. В действительности же замок был построен как пограничная крепость намного раньше, а восстановил его царь Давид Строитель, или Возобновитель, один из ближайших предшественников Тамары. Теперь же на высокой скале чернели одни развалины.

Белозерская и ростовская дружины во главе с Глебом Васильковичем достигли Дарьяльского ущелья. Сопровождавший отряд юноша, внук Баграта, распрощался с Глебом и отправился дальше в Грузию. За все время пребывания русичей в ущелье ясы не делали никаких попыток пройти, однако же за лагерем следили. Раза два дозорные из передового охранения замечали на горизонте всадников. Но никаких попыток приблизиться они не делали и вскоре исчезали из вида.

Впереди основных своих сил Глеб держал передовой отряд, человек двадцать, который должен был вести наблюдение. С передовым отрядом находились княжичи Михаил и младший сын покойного Бориса, Константин. Иногда в распоряжение передового отряда выезжал и сам Глеб.

Основные силы белозерской и ростовской дружины находились на некотором отдалении, на расстоянии полутора-двух верст от передовой позиции. Серьезная проблема возникла с кормом для более чем двухсот лошадей. Вокруг были голые скалы, и ни одной травинки.

Сперва обозных лошадей навьючили тюками с сеном, которого хватило лишь на два дня. Пришлось снаряжать группы дружинников вниз по ущелью, где росла кое-какая трава и кустарник. Сами воины охотились на горных козлов и всякую случайную дичь. Если удавалось подстрелить из лука орла, то и он шел в пищу.

Прошло около месяца, прежде чем прискакал вестовой от тысяцкого Аксака и сообщил, что можно сниматься. Сбор всего отряда состоялся в знакомом селении. Глеб доложил:

- Не пропустили ни одного человека с юга. Дважды видели вдали всадников. Видимо, это были разведчики южных ясов. Не решились нападать и скрылись.

- Ты хорошо справился с поручением, князь, - сказал довольный

Аксак. - Так и скажу великому хану. А мы потеряли в стычках около тридцати человек. Но и противнику досталось. Сожгли два аула. Захватили много полонян.

Две сотни ордынцев Аксак оставил на земле, населенной ясами, чтоб те пресекали всякое неповиновение хану и напоминали о его власти.

Основные силы отряда отправились в обратный путь. Лошади были навьючены награбленным добром. За повозками шли связанные полоняне. Сотники и сам Аксак разжились молодыми невольницами, которыми намеревались пополнить свои гаремы.

По прибытии в Сарай тысяцкий доложил хану о результатах похода. В целом хан остался доволен, хотя и выразил неудовольствие потерями. Вызвав к себе князя Глеба, сказал поощрительно:

- Тысяцкий хорошо отзывался о тебе. Говорит, служил усердно.
- То был мой долг, великий хан.
- Чем могу отблагодарить тебя? Чего желаешь?
- Видишь ли, великий хан, мой старший брат, ростовский князь, скоропостижно скончался. Теперь я старший в роде Васильковичей.
- Понимаю. Желаешь получить ярлык на ростовское княжение.
- Все в твоей воле.
- Получишь ярлык и будешь князем в Ростове.
- Благодарствую, великий хан.

Менгу Темир приказал слугам подать кумыс и фрукты.

- Угощайся, князь, - предложил он Глебу. - Много ли потерял своих людей в походе?
- Ни одного.
- А Аксак потерял многих людей. Не доглядел.
- Аксак не виноват, великий хан. Сложные места - горы. Ясы нападают из засад, неожиданно.

- Полно выгораживать Аксака. Сдавай лошадей в табун и плыви домой, князь.

На протяжении обратного плавания князь Глеб предавался размышлениям. Он теперь правитель Ростовский и Белозерский. Один из сильнейших князей на севере Руси. Под его властью обширное пространство от озера Неро, на берегу которого стоит старый Ростов, до северного озера Лаче, из которого вытекает порожистая река Онега. Правда, его владения расчленяются полосой владений ярославского князя Федора. С ним у князя Глеба сложились добрые, дружеские отношения. И они станут еще более дружественными, когда сынок Михаил женится на дочери Федора. В будущем году Михаилу исполнится шестнадцать лет.

Невеста его ровесница. Можно играть свадьбу.

Беспокоило Глеба Васильковича другое - как сложатся его отношения с племянниками. Двадцатичетырехлетний Дмитрий Борисович небось уже чувствует себя ростовским князем. С чего же придется Глебу начать пребывание в старинном стольном граде? С горьких слов, сказанных племяннику: не свое место занимаешь, Митенька, освободи ростовский стол для дядюшки. Так угодно великому хану. Рано тебе еще в Ростове княжить. А Митенька, надо полагать, после таких слов затаит на дядюшку великую злобу, и на двоюродного братца Михаила тоже. А как поведет себя владыка Игнатий? На чьей окажется стороне?

Эти тревожные мысли не покидали Глеба до самого Ярославля.

В Ярославле Глеб встретился с князем Федором Ростиславичем, который вернулся домой из Сарая немного раньше. Федор участвовал в усмирении или, вернее, в устрашении дагестанских народов вместе с ханскими войсками. Князь Андрей Городецкий принимал участие в ордынском походе против кабардинцев.

- Много ли людей потерял, Федорушка, - спросил Глеб.

- Местные жители обычно уклонялись от крупных стычек с нами, уходили в горы, - ответил ярославский князь.- Небольшие стычки были. Потерял четырех дружинников убитыми, да еще несколько было ранено. А твое воинство как?

- Слава богу, вернулись без потерь. Давай потолкуем о свадьбе наших деток. В будущем году моему Михаилу стукнет шестнадцать годков. Настоящий жених.

- Об этом готов говорить с тобой с превеликой радостью. Княжич с тобой?

- Со мной.

- Пусть проводит время с невестой. А мы о своем потолкуем.

Договорились начать свадебный пир в Ярославле, а потом перенести его в Ростов.

- Я ведь еду как князь ростовский, с ханским ярлыком, - признался Глеб.

- Поздравляю тебя, сосед. А как же племянники твои? Дмитрий небось претендует на отцовский стол?

- Дмитрию дам волость в кормление. А если переживу двоюродного брата, Романа Угличского, дам Дмитрию в удел Угличское княжество. Роман бездетен и долго, я уверен, не проживет. Совсем одряхлел.

- А я добивался у хана наследственного права на Смоленскую землю. Сейчас там княжит мой брат Михаил, последний из братьев, хворый и

бездетный. Хан обещал дать ярлык на Смоленск, когда моего брата не станет.

- Желаю тебе успеха в наследственных делах. Есть ли другие претенденты на смоленский стол?

- Племянник Александр, сын другого брата. Если получу ханский ярлык, он мне не помеха. А все же твоя поддержка, Глебушка, будет мне не лишней. Ведь и моя помощь, если возникнут у тебя какие-то осложнения, будет не лишней.

- Вестимо, Федорушка. Вот и договорились о союзе.

- Союзе, скрепленном женитьбой наших детей, - добавил ярославский князь.

Глеб Василькович отдохнул и отоспался с дороги у ярославского князя. Михаил все время проводил в обществе невесты Настеньки. Ростовскую дружину вместе с княжичем Константином Глеб отпустил в Ростов, предупредив ростовчан о скором своем приезде. О своих правах на ростовское княжение и о ханском ярлыке он покуда не сообщил никому, кроме Федора Ростиславича. Как поступить с белозерской дружиной, Глеб пока не решил. Дружина оставалась при нем. Перед отъездом в Ростов Глеб объявил:

- Настенька, Михаил, в будущем году сыграем вашу свадьбу. Мы с Федором Ростиславичем рады тому, что Всевышний так распорядился вашими судьбами. Мы все теперь одна единая семья. Ты рад этому, Михальчик?

- Рад, батюшка, - прошептал тот застенчиво.

- Сколько годков тебе стукнуло? - спросил Михаила князь Федор.

- Скоро шестнадцать.

- А выглядишь на все двадцать, - поощрительно сказал Федор. - Богатырь. Только бороды не хватает.

- Борода дело наживное, - ответил шутливо Глеб...

Глава 22. ГЛЕБ СТАНОВИТСЯ РОСТОВСКИМ КНЯЗЕМ. ЖЕНИТЬБА МИХАИЛА

Караван судов приближался к Ростову. Показались купола кафедрального собора, крыши княжеских палат, городские бревенчатые стены, недавно восстановленные усилиями покойного князя Бориса.

На берегу озера Неро столпились ростовчане. Впереди Дмитрий Борисович с Женой и матерью Марьей Ярославной, епископ Игнатий. Дмитрий выглядел настороженно. Слухи о том, что дядя едет с ханским ярлыком на ростовское княжение до него дошли. Проговорился кто-то из воевод, а тот узнал от ордынцев еще в Сарае.

Глеб проворно сбежал с дощаника по трапу на берег, обнял племянника, низко поклонился княгине Марье и подошел к владыке Игнатию под благословение. Потом приветливо помахал рукой толпе, а племяннику сказал:

- Прощу в палаты. Тебя, Митенька, и матушку твою, и владыку Игнатия, и управляющего Антипа. Вы все нужны для серьезного разговора.

В княжеских палатах Глеб начал нелегкий разговор.

- Великому хану Менгу Темиру было угодно, чтобы я занял ростовский стол по праву старшинства, как старший в семье Васильковичей. Свое решение хан подтвердил ханским ярлыком на княжение.

- А как же я? - непроизвольно вырвалось у Дмитрия. В голосе его прозвучала нескрываемая обида.

- Ты, Митенька, дожидайся своей очереди. После меня ты старший в семье. Меня не станет, ты займешь ростовский стол. Ты мой наследник, племянничек.

- Значит, остаюсь безудельным изгоем? Так?

- Если тебе угодно, живи со мной на правах сына. Разве ты, Митенька, для меня не как сын? А коли тебе это не угодно, дам тебе пару волостей в кормление.

- Почему не даешь удела?

- Дробить Ростовскую землю, как она не зело обширна, не пристало. Не забывай, что твой двоюродный дядя Роман, князь угличский, хвор и

дрякл. Едва ли долго протянет. Если он уйдет в мир иной, раньше моего получишь Углич. Что скажешь ты, княгиня Марьюшка?

- Наберись терпения, сынок, и жди своего часа. Ты еще молод, - сказала примирительно княгиня Марья.

- Двадцать пятый годок мне. Не так уж и молод, - недовольно буркнул Дмитрий.

- А что скажешь ты, владыка? - обратился Глеб к Игнатию.

- Воле хана противиться невозможно, нравится нам или нет его решение, - сдержанно произнес Игнатий.

Глеб не понял, поддерживает его владыка или нет, одобряет или нет.

- Уразумейте, други мои, - произнес твердо Глеб. - Я придерживаюсь старого порядка, не мною придуманного, а доставшегося нам в наследство от предков. Старший в роду занимает ростовский стол. Остальные члены рода владеют своими уделами. Не я такой порядок придумал. Теперь тебя, боярин Антип, попрошу. Пусть ударят в большой колокол и соберут народ на площади. Скажу народу слово.

Через некоторое время площадь перед кафедральным собором и княжескими палатами стала многолюдней. В первые ряды протиснулись именитые бояре и дружинники, отталкивая локтями простолюдинов. Князь Глеб с племянником и владыкай вышли на красное крыльцо. С ними появились два бирюча с зычными, мощными голосами.

Глеб тихо произнес слова, которые тут же подхватили бирючи и поочередно выкрикивали во весь голос:

- Великому хану было угодно, чтобы я после смерти брата Бориса занял ростовский стол. Поклонимся, люди.

Последние слова бирючи прибавили уже от себя. Ростовчане ответили нестройными возгласами. Кое-где подбрасывали в воздух шапки, колпаки.

- Наследником князя Глеба на ростовском столе остается племянник Дмитрий Борисович. Поклонимся и ему. Князь Глеб набрался опыта как правитель белозерского удела. Белоозеро процветает, благодаря его неустанным трудам. Теперь князь Глеб говорит, что приложит все усилия во благо Ростова. Помолимся во здравие вашего нового князя.

Последние слова бирючи вновь прибавили от себя. Они поступали так, как было принято. Однако отсебятина бирючей Глебу не понравилась, и он велел им умолкнуть. Дальнейшее слово стал произносить сам, напрягая голос. Он говорил о семейных корнях. Добрую память оставил дед его, Константин, и отец Василько, и брат Борис. Он, Глеб Василькович, видит достойные примеры своих предшественников и будет продолжать их линию.

Только передняя часть толпы отчетливо воспринимала слова князя. Задние не могли разобрать его слов и только улавливали их общий смысл. Все же ответом на слова Глеба был одобрительный гул толпы.

После выступления Глеб выразил желание посетить могилу брата Бориса. Для его останков был изготовлен дубовый гроб, который поместили в белый каменный саркофаг. На крышке саркофага каменщики высекли имя покойного.

Глеб в сопровождении княгини Марьи, Дмитрия и владыки Игнатия спустился в подвал собора и приблизился к саркофагу. Перед ним был установлен образ святого Бориса и теплилась лампада. Епископ Игнатий прочитал краткий поминальный молебен. Княгиня держалась строго, спокойно. Все горькие слезы над телом мужа были давно выплаканы. Только сказала чуть слышно:

- Как же я теперь... Что скажешь мне владыка?

- Пойдемте в мою келью. Там и поговорим, - сказал Игнатий. Он располагал в соборе небольшой кельей, где обычно облачался перед службой и принимал посетителей.

Глеб задержался на некоторое время перед родительскими гробами, низко поклонился им и после этого пошел в келью владыки.

- По давней традиции вдовая княгиня принимает монашество, - сказал назидательно Игнатий.

- Но у меня остались дети, - возразила княгиня.

- Дмитрий зрелый мужчина. В твоём опекунстве не нуждается. А о младшем Константине позаботится дядя, - сказал владыка.

- Оба они мне как сыновья, - сказал Глеб. - Константин пусть продолжает учебу под моим наблюдением.

- Тогда мне одна дорога в монастырь, - согласилась княгиня Марья.

- Займи келью, которую прежде занимала вдова князя Василька, инокия Марфа, - предложил Игнатий. - Достоянная была женщина, великая книжница. Но пусть обстановка в келье останется такой, какой была при ней.

- Я такой книжницей никогда не стану. А на постриг согласна, - ответила Марья.

- Вот и договорились, - сказал удовлетворенно Игнатий. Сына Михаила Глеб снарядил отплыть в Белоозеро. Разрешил ему воспользоваться двумя дощаниками.

- Отвезешь часть белозерской дружины домой. Возьмешь десятка два дружинников, у кого в Белоозере остались семьи. Престарелых освободим от службы. Остальных удержу при себе в Ростове. Передай Власию - пусть

берет на себя все дела управляющего, собирает ханскую дань и княжью десятину. А весной с открытием плавания по рекам ко мне с отчетом.

- Слушаюсь, отец.

- И еще... Привезешь в Ростов нужных мне людей. Каллистрата с семьей, нашего повара, кольчужного мастера и двух корабельных плотников. Всех с семьями. Кольчужник и корабелы пусть забирают с собой весь необходимый инструмент. Коли двух дощаников будет мало, бери третий.

- Что взять из домашнего имущества?

- Только то, что мне потребно. Одежду. Сундуки с книгами. Кое-что из моей личной посуды. Кубки, кои дарили мне купцы, и мое оружие. Слишком не увлекайся: помни, что скоро тебе, после свадьбы, придется занять белозерский стол. И твоей семье понадобится всякое имущество.

- Что делать с казной?

- Казну привози. Она в железном сундуке, в малом чулане позади моей рабочей комнаты. Уразумел, сынок?

- Конечно, уразумел. Ты ничего не забыл?

- Пожалуй, забыл. Привези горничную Василису. Вдова преданного мне человека. Поэтому и опекаю ее, взял к себе на службу. Усердная, аккуратная.

- Где я найду ее?

- Спросишь у Власия. Он отыщет.

Князю показалось, что Михаил знает о его интимных отношениях с Василисой, но не подает вида. Глеб привык говорить близким, что Василиса - вдова близкого ему человека, и из уважения к его памяти он взял его вдову к себе на службу.

Михаил отправился на Белоозеро, а Глеб пригласил к себе бояр и всю местную купеческую верхушку для беседы. Сообщил им, что не собирается ломать сложившиеся в Ростове порядки, отказываться от услуг тех сановных лиц, которые составляли ближайшее окружение его предшественника, князя Бориса. Главным управляющим и воеводой Ростовской земли остается боярин Антип Евлампиев.

Антип встал и низко поклонился князю.

- Купцам буду оказывать всемерное покровительство и поддержку, - продолжил Глеб. - Белозерскую дружину я сокращу до двух десятков человек и отправлю домой. Оставшуюся ее часть объединю с ростовской дружиной. Хочу уяснить, нужна ли Ростову такая большая дружина? Может быть, престарелым воинам стоит удалиться на покой. Хотелось бы услышать ваше мнение, ростовчане.

Глеб остановился, отпил из большой глиняной кружки квасу.

- Хочу известить вас. Из Белоозера мой сын Михаил привезет в Ростов только самых необходимых мне людей, без которых никак не могу обойтись. Их немного: только слуги и два-три мастера.

Затем Глеб выслушал приглашенных. Бояре и купцы одобрили намерение князя не ломать сложившиеся порядки, не менять княжеского окружения. Глеб слушал собеседников, но про себя подумывал - сейчас можно обещать все, что угодно. А тем временем присматриваться к людям, проверить на преданность, чтоб неугодных устранить. Возражение бояр вызвало намерение Глеба сократить дружину. Он отвечал уклончиво - подумаем, посмотрим, учтем ваши соображения. А сам решил постепенно избавиться от некоторых ростовских дружинников, заменив их белозерцами.

Глеб попытался установить размеренный образ жизни. Утром выезжал на конную прогулку, сопровождаемый парой дружинников: он не любил пышные свиты и старался избегать их. После прогулки приходил Антип Евлампиев, располневший, напыщенный. Был он безукоризненно вежлив, словоохотлив, но где-то в тайниках души чувствовалась неприязнь Антипа к нему, новому ростовскому князю.

Но внешне Антип выказывал полную покладистость и усердие. обстоятельно докладывал о сборе ясака, о расширении гостиного двора, о приезде новгородских купцов. Иногда Глеб приглашал Антипа к столу разделить с ним трапезу. Старался разговорить его, повернуть разговор к охоте, вер-ховойезде. Антип поддерживал разговор ради приличия, но охотой не занимался, на коне при своей тучности давно не ездил. Поэтому разговора не получалось.

Глеб чувствовал возрастную усталость. После обеда его обычно тянуло ко сну. Иногда он проявлял интерес к урокам племянника, задавал ему вопросы из русской истории и Священного Писания. Константин усердным учеником не был, отвечал вяло.

Михаил выполнил поручение отца и вернулся обратно с необходимыми людьми и грузом. Двух дощаников для обратного плавания ему не хватило. Пришлось взять еще один. Только кольчужный мастер и корабелы заняли целое судно, которое до предела загрузили рабочим инструментом и материалами. Один из дощаников загрузили княжеским имуществом. Прибыл караван Михаила, когда погода уже хмурилась и становилось прохладно. Ночью вода у берегов покрывалась ломкой корочкой льда.

По прибытии каравана Глеб вызвал к себе Антипа Евлампиева и

распорядился:

- Подбери жилье кольчужнику и корабелам. Каллистрата с семьей размести во флигеле, а горничной Василисе найди небольшую горенку в палатах.

Княжич Дмитрий чувствовал себя обиженным, обделенным. Его тяготило неопределенное положение приживальщика при ростовском князе. Он попросил у Глеба две волости себе в кормление на противоположном берегу озера Неро и приказал возвести там для себя из сосновых бревен палаты. Иногда он наведывался в Ростов, посещал мать-монахиню, могилу отца и заходил из вежливости к дяде. Но держался с ним настороженно, не зная, о чем говорить.

Младший племянник Константин оставался в княжеских палатах, осваивал чтение летописей, решал арифметические задачи. А Михаил занимался теперь под руководством одного из старых белозерских дружинников верховой ездой, стрельбой из лука, рукопашным боем.

Зимой, когда вся земля покрылась снежным покровом, Глеб в сопровождении двух-трех дружинников выбирался поохотиться на куропаток. Куропатки стаями выходили из перелеска на проезжую дорогу и откапывали в конском навозе непереваренные овсяные зерна. Вот тут-то и начиналась настоящая охота. Стая куропаток подпускала к себе охотников на близкое расстояние, а те старались воспользоваться этим. Возвращались домой обычно с хорошей добычей.

Во время одной из таких охотничьих вылазок Глеб почувствовал острое недомогание, которое выразилось в слабости в ногах. Ноги сделались совсем ватными, расслабленными, едва он слез с лошади и ступил на землю. Колени подгибались, и Глеб чуть не упал. Удержавшись за стремя, он с большим напряжением взгромоздился на коня, дал команду прервать охоту и возвращаться домой. Видимо, изнурительные походы и общее нервное напряжение, связанные с поездками в Орду, дали о себе знать.

Добравшись до дома, Глеб Василькович почувствовал себя совсем плохо. С трудом спешившись, почувствовал внезапное онемение всей правой стороны туловища. Дружинники подхватили его, едва не упавшего наземь, и почти донесли до опочивальни.

Глеб крикнул горничную. Прибежала Василиса, перепуганная, взволнованная.

- Тебе плохо? - воскликнула она.

- Плохо. Правая половина тела совсем отнялась, словно и нет. Кто-то откусил ее напрочь.

Дружинникам Глеб приказал растопить печь и отпустил их, оставшись вдвоем с Василисой. Она помогла Глебу раздеться и уложила его в постель.

- Как себя чувствуешь, Глебушка? Полегчало?

- Нет пока.

Василиса принялась усердно растирать правую половину тела Глеба, его плечо, руку, ногу.

- Лучше тебе становится?

- Ничего не ощущаю. Вся правая половина как не своя.

- Продолжать, Глебушка?

- Передохни, моя радость.

Глеб взял левой, не потерявшей чувствительность рукой руку Василисы. Сказал:

- Какая она у тебя шершавая. И след от пореза.

- Много трудилась, потому шершавая. А порезалась, когда чистила судака.

- Послушай-ка, Василисушка, что я тебе скажу...

- Слушаю.

- Не начало ли это моего конца? Не преддверие ли ухода в мир иной? Нам бы с тобой грех великий перед Богом прикрыть. Ты бы согласилась пойти со мной под венец?

- Ой, что ты Глебушка. Какая я тебе жена? Простолюдинка, рыбацкая дочка, к тому же весянка. Наполовину язычница. Так не бывает, чтобы князь брал в жены таких, как я. Мы с тобой не ровня.

- Известны случаи, когда князья женились на девушках из простых семей, не равных себе. Ведь любовь оказывается сильнее неравенства. И жили отлично и деток рожали.

- Нет, Глебушка. И думать об этом забудь. Коли встанешь на ноги, преодолеешь свою хворь, найдешь себе равную. Стать княгиней ростовской каждой девице родовитой небось лестно. А я останусь тебе для утех.

- Молчи, глупенькая. Поговорим об этом с тобой позднее. И запомни, никакой жены родовитой мне не нужно. А Бог милостив, простит наши прегрешения.

Глеб незаметно уснул. Долго ли проспал, он не мог сказать. Но когда проснулся, Василиса все еще сидела рядом с его постелью и смотрела на него.

- Шла бы отдыхать, Василисушка, - мягко сказал Глеб.

- А как же ты?

- Пошли кого-нибудь за Антипой и за владыкай. Хочу распорядиться, коли не избежать скорого конца.

- И думать об этом забудь. Поправишься, Глебушка. Непременно поправишься. Ты ведь еще не старый.

- Это уж как Бог решит. Делай, что я тебя прошу. Антип Евлампиев, пышнобородый и располневший, и владыка Игнатий, поджарый и рослый, пришли незамедлительно.

- Как здоровье, князь? - спросил Антип.

- Плохо, боярин. Боюсь, что это предвестие моего конца.

- Полно, княже, - произнес владыка. - Ты еще не стар. Меня-то, во всяком случае, должен пережить.

- Не знаю, что меня ждет. Но хотел бы распорядиться на случай моей кончины. Моим преемником на ростовском столе остается старший племянник Дмитрий Борисович по праву старшинства. Позовите его ко мне и будьте свидетелями нашего разговора.

Княжич Дмитрий прибыл в княжеские палаты Ростова озабоченный, никак не ожидавший внезапного вызова.

Ты меня звал, дядя Глеб. Вот я и прибыл по твоему вызову, - сказал он сдержанно.

- Подойди ко мне, Митенька. Видишь, плох я стал. Вся правая половина тела отнялась. Рука не действует. Не знаю, долго ли я протяну. Повелеваю - ты мой наследник на ростовском столе, как старший в роду. Сохраняй этот порядок, чтоб уберечь единство Ростовской земли с ее уделами. Говорю это при свидетелях, владыке нашем Игнатию и управляющем, боярине Антипе. Ты, Митенька, по законному праву займешь ростовский стол. Постарайся закрепить свое право на стол ханским ярлыком. Не ссорься с Файзуллой. Он человек покладистый. С ним можно ладить, если прощать ему мелкие прегрешения.

- Спасибо за добрые наставления, дядюшка, - тихо ответил Дмитрий.

- И еще прошу тебя... С сыном моим Михаилом живите в мире, без усобиц. Он наследует белоозерский стол.

- С Михаилом нам нечего делить.

- И не обижай моих слуг. Возьми их к себе на службу. А коли станут неуютны, отпусти в Белоозеро. Пусть служат Михаилу.

На этом Глеб закончил утомивший его разговор.

- Притомился я. Хочу отдохнуть. А вас не держу. Княжич Дмитрий и боярин Антипа вышли. Епископ Игнатий задержался у Глеба.

- Не угодно ли исповедаться, князь?

- Угодно. Только не сейчас. Должен сперва отдохнуть... Несколько дней князь Глеб никого не принимал, даже владыку. Василиса ухаживала за ним, как за беспомощным ребенком. Растирала парализованную часть

туловища. Делала это ловко, сноровисто. Навещал Глеба, кроме Василисы, только сын Михаил. Глеб расспрашивал его о делах, о занятиях верховой ездой и стрельбе из лука. Иногда давал мелкие поручения.

Однажды Глеб почувствовал, как что-то острое кольнуло его правую руку, потом еще и еще раз. Затем уколы сменились легкой ноющей болью.

- Василисушка, оживаю, - радостно вскрикнул Глеб, - это ты мне помогла, моя радость.

- Старалась, как могла, Глебушка.

Еще через два дня Глеб попытался встать с постели. Приноровился, придерживаясь за мебель, прошелся по комнате. Хотя полной чувствительности в правой половине еще не было, но она начинала появляться, и Глеб уже мог чувствовать прикосновение руки и ноги к предметам. Уселся в удобное мягкое кресло с подлокотниками и попросил Василису:

- Скажи кому-нибудь из дружинников, чтоб позвали владыку.

Пришел епископ Игнатий.

- Радуюсь, княже. Вижу, тебе стало лучше.

- Немного лучше. Правая половина стала не такой мертвой.

- Все же исповедуйся, князь Глеб. Исповедь не повредит.

Они остались одни в княжеской опочивальне. Владыка начал с вопросов, какие обычно задают на исповеди. Глеб отвечал, вспоминая свои мелкие прегрешения. Укрывал беглых. Удерживал часть ханской дани от баскака. Иногда бывал груб с подчиненными, коли проявляли неповиновение и лихоимство.

- То не велики грехи. Ведь для блага своего удела старался. Идут разговоры, что ты слишком усердно хану служил. В его военных походах участвовал. А это означает пролитие крови, в том числе и христианской. В чужих землях грешил избиением христиан?

- В походах ханских войск участвовал: не мог ослушаться. А пролития крови старался избежать. В этом грехе неповинен, владыка. Если ты что и слышал об этом, то был глас моих недоброжелателей.

- Возможно, ты и прав, князь Глеб. Еще хочу тебя спросить... Вопрос мой деликатного свойства. Но как твой исповедальник имею право. Блудил ли с женщинами?

- Грешен, владыка. В молодости была любовная связь с весянской. В ту пору я еще не был женат на ханской дочери и не был уверен, что эта женитьба состоится. А жене ни разу не изменял. Даже когда ханский тысяцкий хотел наградить меня пленной ясней, я не прикоснулся к ней и вернул родителям.

- Не твоя ли горничная, что за тобой ухаживает, та самая весянка?
 - Ты всеведущ, владыка. Она самая. Теперь она вдова, служит мне усердно, аккуратно.
 - Надо полагать, слишком усердно. Так?
 - Как понимать - слишком усердно?
 - Снова блудишь с ней?
 - Я должен отвечать?
 - Я же твой исповедальник. Ты передо мной, как перед Богом, должен быть откровенен. На то она и исповедь.
 - Буду откровенен. Слушай, владыка. Когда я был женат, то никакого блуда себе не позволял. Был чист перед Богом. Сейчас, будучи вдовцом, впал в грех. Люба мне весянка, и жалостью проникся к ней. Я бы готов прикрыть грех женитьбой.
 - Подумай, что ты говоришь. Ты князь, она простолюдинка.
 - Знаю примеры, когда князья женились по любви на женщинах из самого низшего сословия.
 - То единичные примеры.
 - Что мне скажешь, владыка? Жениться ли мне на Василисушке?
 - Не делай этого. Заклинаю тебя. Иначе поставишь себя в смешное положение перед всей родней.
 - Не стал же я посмешищем от того, что женился на бусурманке.
 - То была ханская дочь.
 - Я старый, больной человек. Износился, одряхлел. Мне нужен рядом заботливый человек. Нужна мне Василиса. Понимаешь это, владыка.
 - Пусть продолжает ухаживать за тобой. Только не блудите.
 - Это уже превыше наших сил.
 - Бог вас когда-нибудь рассудит. Я закрываю на ваши грехи глаза. Не ты один, князь Глеб, гретишь подобным образом.
 - Спасибо, владыка, за наставление.
 - А мысль о женитьбе на безродной весянке выкинь из головы. Ты все же князь ростовский. Вспомни, кто были твои родители, деды.
- Через некоторое время Глеб почувствовал в Василисе какие-то едва заметные перемены. Она стала настороженной, молчаливой, словно чем-то напуганной. Глеб догадался о причинах такой перемены.
- С тобой говорил владыка Игнатий?
 - С чего ты взял?
 - Догадываюсь.
 - Ну говорил... Он сам принудил к разговору. Что из того?
 - О чем же он с тобой говорил? О наших отношениях?

- Этого я не могу тебе сказать. Владыка напомнил о тайне исповеди.

- Уясни себе, Василисушка... За наши поступки ответ будем держать перед Богом, а не перед владыкой, каким бы мудрецом он ни был.

Из разговоров с епископом Игнатием Глеб понял одно. Непотребство с женщиной есть грех. Но еще не самый тяжкий грех. В конце концов, многие князья грешат связями с полубовницами и даже приживают от них внебрачных детей. Случается такое. А вот брак с простолюдинкой, неровней вызывает неприятие и осуждение. Этот брак порывает сложившиеся устои общества во главе с князьями, тогда как с любовной связью с простолюдинкой, даже весянок, можно на худой конец примириться. Так примерно рассуждал владыка Игнатий, так рассуждала феодальная верхушка.

Глеб уже не заговаривал с Василисой о женитьбе, понимая, что это вызовет бурю протеста и осуждения среди родичей, бояр, высшего духовенства.

Понемногу он приходил в себя и стал выбираться на прогулки. Только походка была нетвердой: он неестественно волочил правую ногу и быстро уставал. Возвратившись с прогулки, выслушивал доклад управляющего. Потом Василиса приносила ему пищу. Ел он без всякого аппетита, только горячее молоко с медом пил охотно. После трапезы Глеб шел в опочивальню отдыхать. К службе в домовый церкви выходил, опираясь на палку: от кресла, предложенного ему священником, он упорно отказывался, выстаивал всю службу на ногах.

К Василисе постепенно вернулись ее оживленность, разговорчивость. Она ухаживала за Глебом, приносила ему пищу, разогревала молоко, продолжала растирать парализованную половину туловища. От ее забот Глебу становилось лучше. Однажды он даже решился сесть с помощью дружинника на коня и проскакал мелкой рысью вокруг городских стен. Правда, после этой верховой прогулки почувствовал неопишемую усталость и отправился спать.

Однажды, когда Глеб почувствовал себя совсем хорошо, Василиса проскользнула в его опочивальню. Теперь она совсем освоилась с расположением покоев в княжеских палатах Ростова, осмелела и не считала нужным спрашивать разрешения войти к нему в опочивальню или в рабочий кабинет. Она поспешно разделась и юркнула в постель Глеба. Еще не успевший заснуть, Глеб почувствовал рядом ее упругое тело.

- Ты что удумала, Василисушка?

- Разве не соскучился по моим ласкам, Глебушка? Я - так зело соскучилась по тебе. Вижу, встал на ноги, даже сел на коня, держишься в

седле уверенно.

- Не взыщи, радость моя. Постарел я, растерял мужскую силу.

- Сила вернется. Прижаться к тебе и то радость великая. Связь князя Глеба с его горничной Василисой ни для кого в княжеских палатах не была секретом. Недоброжелатели, особенно из окружения княжича Дмитрия, разносили сплетни. Посещая княжеские палаты и встречая где-нибудь Василису, княжич брезгливо отворачивался от нее или бросал бранное слово. Василиса оставалась невозмутимой, а Глебу говорила:

- Плохое болтают о нас с тобой, Глебушка.

- А тебе со мной хорошо, радость моя?

- Хорошо. Зело хорошо, мой золотой.

- Вот это главное. И мне хорошо с тобой. А что злые люди про нас брешут... Собака лает, ветер носит.

Как-то раз Глеб пригласил к себе сына Михаила.

- Съезди в Ярославль, Михальчик. Проведай невесту. И договорись с князем Федором о дне свадьбы. Я думаю, что можно устроить свадьбу после Великого поста. Договоритесь, кого пригласить в качестве гостей. Конечно, в первую очередь твоего двоюродного брата Дмитрия с женой. Какой-то он стал нелюдимый, неласковый. Наверное, ждал, что я помру и освобожу ему ростовский стол. А я, видишь, сынок, покуда живой и умирать не собираюсь.

- У меня есть мысли насчет гостей, - сказал Михаил. - Будут на свадьбе в большом числе ярославские бояре, кои все еще косятся на князя Федора. Будут коситься и на меня. Не обойтись без Дмитрия. Он тоже затаил на нас обиду и, возможно, приедет не один: Антип Евлампиев явно на его стороне. Надо бы подумать и о наших, белозерцах.

- Дельно рассуждаешь, Михальчик. Кого бы ты пригласил.

- Власия с женой, нескольких самых именитых и богатых белозерских купцов да игумена Иринея.

- Скажи о том Федору Ростиславичу. Не знаю, стоит ли приглашать угличского князя Романа, зело хвор и слаб. Не приедет.

- Из приличия и дядю Романа надо пригласить. А там, как сможет.

- Дмитрия придется тебе пригласить.

- Не по душе мне он. Похоже, злится на нас и камень за пазухой держит.

- Мне он также не по душе. Горюет, что дядюшка выжил и оставил его без ростовского стола. Но все же придется пригласить Митеньку. Не можем не пригласить. А насчет белозерцев ты дельно рассуждаешь. Посоветуйся с Федором, коли он не против, пошли приглашения именитым людям

Белоозера.

Михаил не спешил возвращаться из Ярославля, где проводил время с невестой Настенькой. Будущий его тесть, князь Федор Ростиславич, встретил гостя со всем гостеприимством. О свадьбе договорились по всем статьям. Решили провести свадебное торжество незамедлительно, как только пройдет Великий пост. Князь Федор горячо поддержал желание Михаила пригласить на свадьбу белозерцев в пику чванливым ярославским боярам.

- А почему ты хочешь пригласить только нескольких бояр?

- Я говорю о самых именитых.

- Кто измерял эту самую именитость? Пригласи, по крайней мере, десятка полтора торговых людей Белоозера.

До возвращения Михаила из Ярославля приплыл из Белоозера тамошний управитель Власий. Привез собранную для Орды ханскую десятину и сделал обстоятельный доклад.

Заново отремонтировали княжеские палаты, чтоб принять Михаила Глебовича с молодой женой (Власий знал о намерении князя Глеба отпустить сына после женитьбы в Белоозеро самостоятельно править уделом). Проверили состояние канала на излучине реки Сухоны: расчистили его от древесных завалов. Проезжие купцы довольны. Исправно платят дорожную пошлину за пользование каналом. Выплавляемое из болотной руды железо поступает с Верхней Андоги белозерским купцам. Открыто два новых прихода. Игумен Ириной набрал новых воспитанников для монастырской школы.

Власий подробно и педантично перечислил все события, которые произошли за последний год на Белозерской земле. У Глеба сложилось впечатление, что товарищ его детских игр, став недавно управляющим Белозерской земли вместо своего отца Григория Меркурьева, уже успел проявить себя расторопным и дельным администратором. Глеб спросил Власия о семейных делах. Отец, боярин Григорий, еще держится. Жена, новгородская боярышня, должна вот-вот родить.

- Третий младенец появится у нас.

- А я хотел было пригласить тебя вместе с женой на свадьбу сына.

- Благодарю за честь. Но посуди сам, она сейчас...

- Понимаю и не настаиваю. Но ты от нашего приглашения не будешь избавлен, боярин Власий.

- Помилуй, батюшка, князь. Какой я боярин рядом с ярославскими? Кичливы, надменны, на таких, как я, смотрят свысока. Едва князя Федора не съели.

- Не съели же, однако. Не по зубам оказался орешек. А ты не прибедайся, Власик. Боярин ты первостатейный. За пояс любого ярославца заткнешь.

- У меня и платья-то праздничного с собой нет. Взял в дорогу только один кафтан.

- Это дело мы мигом поправим. Глеб крикнул слугу.

- Позови Каллистрата. Прибежал Каллистрат.

- Тебе этот молодец известен? - спросил его Глеб.

- Как же. Сын нашего белозерского управителя.

- Теперь сам управляющий, - уточнил Глеб. - Тебе серьезное задание, Каллистратушка.

- Слушаю, батюшка.

- Этого молодца надо одеть получше, чтоб не стыдно было показаться на свадьбе моего сына Михаила. Чтоб выглядел он не хуже других именитых гостей, моих родичей из княжеского дома, бояр, купцов.

- Могу ли я снять мерку.

- В этом нет нужды. Выберешь подходящую одежду среди моих вещей. Кафтан из тонкого сукна с золотым шитьем, отороченный мехом, порты и сафьяновые сапоги с узором. Мы с Власиком примерно одного роста. Мое ему подойдет.

- Добрая ты душа, князюшка.

- Надо же как-то отблагодарить за долгую службу. И потом такое событие: женитьба единственного сына. Иди, Каллистратушка. А ты, Власик, незамедлительно отправляй свой дощаник в Белоозеро с приглашениями купцам на свадьбу...

Княжеские палаты Ярославля заполнялись приезжими гостями. Прибывали князья из соседних уделов, бояре, именитые купцы. Каждый старался перещеголять другого богатством, кафтаном, отороченным соболем или чернубурой лисицей. Привозили молодым разнообразные подарки: изделия местных мастеров-ювелиров, дорогие меха.

В последний момент князь Федор Ростиславич, отец невесты, спохватился, что не плохо было бы пригласить на свадьбу великого князя владимирского. Великокняжеский стол в то время занимал один из сыновей Александра Невского, Дмитрий Александрович, князь переяславский. Но он, занятый тяжбами из-за великокняжеского стола с братом Андреем, князем Городецким, не пожелал откликнуться на приглашение.

- Была бы честь предложена, - выругался князь Федор, когда гонец из Владимира возвратился ни с чем. Сыновей Невского Федор Ростиславич не любил из-за их нежелания договориться по-хорошему насчет великого

княжения.

Глеб прибыл с племянником Дмитрием и владыкай Игнатием. Их сопровождали наиболее именитые ростовские бояре и купцы. Дмитрий всю дорогу хмурился и не поддерживал разговора со спутниками. Завидовал двоюродному брату, который, как он знал, после женитьбы на ярославской княжне сразу же получит обширный белозерский удел. А он, Дмитрий, все еще остается владельцем двух небольших волостей, предоставленных ему дядей из милости в кормление.

Торжество началось с венчания молодых в главном ярославском храме. Венчал епископ Игнатий в сослужении игумена Иринарха и всего ярославского духовенства. В день венчания в Ярославле появился угличский князь Роман Владимирович, державшийся сравнительно бодро. Видимо, все разговоры о его дряхлости и немощи оказались преувеличенными. Князь Роман вызвался даже быть посаженным отцом.

Храм наполнился участниками свадебной церемонии до предела. Игнатий вел венчальную службу зычным, хорошо поставленным голосом. Князь же Роман к концу службы почувствовал головокружение и стал пошатываться. Кто-то из церковных служек, заметив его состояние, подал ему кресло. Роман не сел в кресло, но ухватился за его спинку и так простоял до конца венчания. Глеб Василькович стоял, опираясь на палку. Венчальная служба, как водится, закончилась обменом обручальными кольцами. Потом гости выстроились в длинную цепочку и подходили к молодым, чтобы поздравить их.

Из храма свадебное шествие направилось в княжеские палаты. Два молодых ярославских боярина несли длинный шлейф свадебного платья невесты.

Распорядитель из приближенных князя Федора рассаживал гостей на определенные места в большой палате княжеских хором. Во главе стола жених с невестой. Рядом с женихом его отец князь Глеб с племянником Дмитрием, рядом с невестой ее отец Федор Ростиславич с женой Анной. Напротив молодых предназначалось место для посаженного отца, угличского князя Романа. А дальше другие родичи, бояре, именитые купцы. Не обошлось без споров и обид, когда распорядитель рассаживал гостей за стол. Бояре претендовали на места, расположенные ближе к новгородцам, и желали оттеснить купцов в конец стола. Один из ярославцев затеял из-за этого спор с распорядителем. Пришлось вмешаться князю Федору.

Свадебный пир был хмельной, шумный и продолжался три дня. На столе появлялись все новые блюда со свиными окороками, белозерскими судаками, ведерками с красной и черной икрой, пельменями с мясной и

рыбной начинкой, маринованными грибами, всевозможными пирогами. Подавали все новые и новые жбаны и кувшины с вином, настойками, квасом. Подвыпившие гости, выкрикивая «горько», заставляли молодых целоваться.

Угличский князь Роман Владимирович выдержал только первый день пира. Потом, принеся молодоженам и их отцам извинения и сославшись на нездоровье, отбыл в свой Углич. Гости, отяжелев от обильной закуски и выпитого вина, выходили из-за стола, чтобы проветриться на свежем воздухе и облегчиться. Не все из них могли дойти обратно на свои места. Некоторые свалившись, засыпали на полу. Слуги подбирали упившихся, волокли их в специальную комнату и укладывали на заранее подготовленные постели.

К полуночи по сигналу князя Федора пир прервался. Молодых повели в опочивальню. Отцы давали напутствия.

- Бог в помощь, Михайльчик, - говорил сыну Глеб.

- Не робей, Настенька. Этого не избежать, - наставлял дочь Федор...

На следующий день дали возможность молодым отоспаться вволю. Две старые боярыни из ярославской родни вынесли из опочивальни на всеобщее обозрение простыни.

- Потрудились молодые. Не опозорились, - поощрительно воскликнул Федор.

Глеб промолчал. Он не одобрял обычай с показом простыней, считая его диким. Вспоминал, как протекала его первая брачная ночь с ордынкой, ханской дочерью Феодорой. И воспоминание это навеяло грусть.

Свадебный пир продолжался и на следующий, и на третий день. Поскольку гости еще не думали разъезжаться, Федор решил занять их зрелищами. Устроили петушиные бои. Особенно отличился рыжий драчливый петух, уложивший нескольких соперников. Владельцу петуха Федор лично преподнес кубок вина. Потом ярославский князь пригласил гостей посмотреть конные состязания. Всадники лихо преодолевали разные препятствия: рвы, заборы, земельные ограждения. А во время пира гостей занимали гусяры и певцы. Часть гостей зрелищами не интересовалась и осталась за столом, поглощая остатки еды и напитков.

Когда, наконец, свадебный пир завершился, Глеб попросил князя Федора собрать всех гостей в зале. Сам повел речь.

- Други мои, внимлите. Сын мой Михаил теперь зрелый человек, семейный. Вручаю в его руки белозерский удел. Теперь Михаил не княжич, а удельный князь Белоозера, а Анастасия - княгиня того же удела. А я теперь приглашаю всех гостей ко мне в Ростов. Знатную кашу устроил нам

князь Федор. Постараюсь и я не отстать от моего соседа и угостить вас такой же кашей.

Здесь следует оговориться. Кашею в средневековой Руси назывались брачные пиры. Шумный, многолюдный, особо торжественный пир могли назвать знатной кашею. Историки поясняют, что обычай устраивать свадебные торжества в резиденции отца невесты соблюдался в том случае, если жених был еще молод и по своему феодально-иерархическому рангу стоял ниже или был равен с отцом невесты. (В данном случае жених был еще только шестнадцатилетним юношей.) В тех же случаях, когда жених был уже не молод и его тесть оказывался младше его либо по возрасту, либо по уровню княжения, свадьба обычно игралась в стольном городе жениха. Так что выбор Ярославля как места свадебных торжеств не означал со стороны Глеба Васильковича каких-то исключительных знаков почтения к ярославскому князю. Соблюдалась лишь общепринятая традиция. После свадебного пира в Ярославле Глеб посчитал своим долгом устроить подобный же пир в Ростове, чтобы ни в чем не отстать от ярославского князя.

И снова ломились столы от разнообразных закусок и напитков. Снова зрелища для гостей...

Но закончилось и ростовское продолжение свадебного пира. Глеб Василькович дал последние напутствия сыну, отплывавшему в Белоозеро.

- Вот твой управляющий, боярин Власий. Твоя правая рука, Михальчик. Советуйся с ним. Он человек умудренный. Счастливого пути вам, мои дорогие.

Далее Глеб сказал, что хотел бы сам проводить сына с невесткой до Белоозера и представить их обитателям города, да чувствует себя нездоровым: опасается, что не выдержит дороги.

Он проводил белозерцев до причала, опираясь на палку. Расцеловал на прощание сына и невестку, пожелал им полного счастья в семейной жизни и скорейшего рождения наследника.

Федор Ростиславич тепло распрощался с Глебом. Сказал с удовлетворением:

- Хорошую кашу мы с тобой заварили. Теперь мы - родня. Крепкой веревкой повязаны.

Дмитрий же выглядел удрученным: он завидовал двоюродному брату Михаилу, который был значительно моложе, но уже становился правителем обширного удела.

Он заговорил было с дядей о прежнем.

- Выдели мне, дядя Глеб, удел из состава Ростовской земли.

- Не пристало дробить Ростовскую землю. Не зело велика она. Жди своего часа, Митенька. Уйдет из жизни Роман, наследуешь угличский удел. Да и моя жизнь, чувствую, клонится к закату. Наследуешь мне. А Угличем пусть владеет твой братец Константин...

Глава 23. КОНЕЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Последний год жизни князя Глеба Васильковича был годом медленного угасания.

Вскоре после свадьбы сына Михаила в Ростов прибыл из Владимира приближенный великого баскака Амрагана. Он сообщил:

- Великий хан повелел, чтобы ты, князь, прибыл с дружиной в столицу для дальнейшей службы.

Глеб Василькович чувствовал себя плохо. Почти отнялись ноги, он не смог даже подняться с кресла, чтобы выслушать ханское повеление стоя.

- Зело хвор я. Не смогу приехать в Сарай, - устало ответил он.

- Тогда пошли своего сына Михаила, - тоном, не допускающим возражения, произнес человек великого баскака.

- Подчиняюсь повелению хана. Кто еще из русских князей приглашен в Орду?

- Ярославский князь и другие князья.

Глеб Василькович снарядил гонца и отправил в Белоозеро к сыну. С горечью подумал, что едва успел занять Михаил белозерский стол, как предстоит ему поездка в Орду и разлука с молодой женой. И какими последствиями чревата такая поездка? Скорее всего, Михаилу, как и другим князьям, придется участвовать в ханских походах, вероятно, подавлять сопротивление немирных горцев. А это может иметь непредвиденные и опасные последствия.

Михаил прибыл через неделю. Застал отца совсем расхворавшимся, прикованным к постели.

- Должен бы я отправляться в Орду, а видишь, сынок, какой я хворый, - сказал с горечью Глеб. - Если хан пошлет тебя в военный поход, не лезь на рожон. Береги себя. Не раздражай горцев, старайся с ними ладить. Буду молиться за тебя.

- Бог милостив. Надеюсь, вернусь живым и невредимым.

- Я тоже надеюсь на это. Но не уверен, что доживу до твоего возвращения. Видишь, плох я стал. Много в жизни ударов пришлось пережить. Потеря близких, изнурительные походы... Никогда не было полной уверенности, что не прогневаю хана и вернусь живым.

- Крепись, отец. Ты ведь не дряхлый старик. Всего-то тебе сорок один годок. Разве это возраст?

- В наши дни князья не долговечны. Давай, сынок, на всякий случай попрощаемся. Не забывай навещиваться на мою могилу.

Отец и сын обнялись. Глеб почувствовал, что щека Михаила была мокра от слез. Глеб Василькович предоставил в распоряжение сына часть ростовской дружины. С усилиями опираясь на палку, он проводил Михаила до причала. Возвратившись в палаты, Глеб лег в постель, охваченный тревогой за судьбу сына.

Через несколько дней Глеб почувствовал некоторое улучшение и попытался встать и прохаживаться по опочивальне. Вызвал к себе управляющего Евлампиева. Антип, до приторности вежливый, стал расспрашивать князя о здоровье. Глеб ответил неохотно:

- Бог располагает, Антипушка. Видишь, пока скрипим... Расскажи-ка лучше, зело ли мы истратились на свадебный пир?

- Истратились. Зато в грязь лицом перед именитыми гостями не ударили.

Антип обстоятельно стал докладывать о свадебных расходах. Глеб прервал его, заговорив о другом.

- Скажи мне, Антипушка... Ты человек многоопытный. Как мне приручить племянника Дмитрия? Вижу, затаил на меня обиду.

- Напомни, князь, лишний раз, что он твой наследник.

- Напоминал уже, и не однажды. Ведь я стал совсем плох. Должно быть, скоро уйду из жизни. Оставлю стол Дмитрию. Было бы разумным приобщать помаленьку княжича к ростовским делам.

- Поручи ему наблюдение за строительством новой церкви на Сретенской половине.

- Пожалуй. Пошли-ка за Дмитрием. Разговор состоялся в присутствии боярина.

- Видишь, Митенька, совсем плох я, - сказал племяннику Глеб вместо приветствия.

- Еще поправишься, дядюшка, - ответил ему машинально Дмитрий.

- Нет, Митенька, не поправлюсь. Это начало моего конца. Заявляю тебе в присутствии боярина Антипы, ты мой наследник. Только закрепи владение Ростовом ханским ярлыком. А сейчас я хотел бы привлечь тебя к ростовским делам. Займись строительством Сретенского храма. Проверь, есть ли в достатке бревна, лемех на главки. Исполнили ли богомазы образа для иконостаса.

- Слушаюсь, дядюшка.

- И еще... Проверь состояние гостиного двора. Нет ли потребности его расширить, сделать пристройки? Побеседуй с купцами, выслушай их

пожелания. И... чаще навещайся ко мне. Какой-то ты необщительный. А я бы хотел, чтобы ты был моей правой рукой в управлении уделом.

Сердечной беседы между Глебом и его племянником, как и раньше, не получилось. Дмитрий отвечал односложно и по-прежнему выглядел обиженным. Лишь несколько оживился, когда Глеб сказал в заключении беседы:

- Дам тебе еще одну волость в дополнение к тем двум, коими владеешь.

Почувствовав облегчение, Глеб приказал подготовить к плаванию дощаник, решив посетить Белоозеро, может быть, в последний раз в жизни. Хотелось проведать невестку Анастасию, белозерских друзей, игумена Иринарха.

Достигнув Белоозера, Глеб в сопровождении Иринарха заглянул в монастырскую школу. В ней обучалось десять воспитанников, в большинстве своем сыновья духовенства. Глеб поинтересовался их знаниями, задавая вопросы из русской и библейской истории. Особенно он был восхищен ответом дьяконова сына одной из городских церквей. Юноша пространно рассказывал о сыновьях равноапостольного князя Владимира, о коварном Ярополке, умертвившем братьев Бориса и Глеба, мудром Ярославе, воинственном и храбром Мстиславе, княжившими в далекой Тьмутаракани, о примирении Ярослава и Мстислава, поделивших русские земли.

- Хорошо глаголишь, отрок, - поощрительно сказал Глеб. - Быть тебе велеречивым пастырем.

В Белоозере князь Глеб встретился с невесткой Анастасией, удрученной внезапным отъездом Михаила. Глеб, как мог, утешал невестку:

- Видишь, Настенька, я не раз посещал Орду и возвращался живым. Все ханы мне благоволили, потому что я был ханский зять. И Михальчику будут благоволить как ханскому внуку. Не отчаивайся. Вернется твой суженый живым и невредимым.

Глеб прожил несколько дней в Белоозере. Пригласил к себе Власия Григорьева с его престарелым отцом Григорием Меркурьевым. Из купечества посетили его Гусельников, находившийся в то время проездом в Белоозере, и Хрисанф, который из приказчиков стал теперь компаньоном и совладельцем именитого новгородца. Ипату Глеб привез грамоту, удостоверявшую его боярское звание. Хотя он и продолжал носить звание сотника, никакой сотни под его началом теперь не было. Михаил сделал Ипата помощником управляющего.

Опираясь на плечо Власия и волоча больную ногу, Глеб не без труда

добрался до соборной церкви, поклонился праху Феодоры, отстоял службу, которую провел по случаю его приезда игумен Иринарх.

Потом Глеб Василькович выразил желание посетить восточное побережье Белого озера вблизи весянской деревушки. Место для него было памятным. Там, возле огромного отшлифованного многовековыми ветрами и дождями камня, он встретился с весянской Василисой. Тогда он назвал себя княжеским дружинником. А потом обман раскрылся, женитьба на ханской дочери надолго прервала их связь. Глеб попросил Власия проводить его на лодке до прибрежного камня-валуна.

- Не советовал бы в такую погоду плавать по озеру, - сказал Власий. - Вишь, небо хмурое и дождик накрапывает.

- Хочется повидать любимое место охоты, - соврал Глеб.

Он все-таки уговорил Власия совершить плавание к знакомому камню. Два дюжих дружинника взялись за весла. Власий помог Глебу забраться в просторную лодку. Озеро было беспокойным, поэтому от берега далеко не отплывали.

Вот и прогалина в прибрежном оголенном тальнике. Приметный серый камень. Лодка врезалась днищем в прибрежный песок и накренилась на бок.

- Изволишь, князь, высадиться на берегу? - спросил Власий.

- Пожалуй, нет, - ответил Глеб. - Устал я. Погляжу на этот прибрежный камень, и тронемся в обратный путь...

Когда дощаник, подхваченный течением Шексны, отплыл от Белоозера, Глеб взирал на маковки церквей и башенки княжеских палат, прослезился. Предчувствие подсказало ему, что все это он видит в последний раз.

Вернулся Глеб в Ростов совершенно разбитый от плавания и впечатлений. Он не смог самостоятельно добраться до княжеских палат. В палаты его внесли на руках. Он свалился в постель, чувствуя полный упадок сил.

Глеб плохо улавливал то, что докладывал ему племянник Дмитрий. А он сообщал о строительстве Сретенского храма, о работах ростовских богомазов, написавших для нового храма образа, о просьбах купцов расширить гостиный двор и еще о каких-то текущих делах. Глеб машинально кивал головой, отвечая невпопад на слова Дмитрия.

Потом приходила Василиса и говорила что-то ласковое, доброе. Ему было приятно от того, что он с ней, он брал ее за руку, прижимал шершавую ладонь к своей щеке, ощущая ее тепло. От ее близости Глебу становилось легче, мысли становились более отчетливыми, связными. Он

вспомнил о своей недавней поездке и стал рассказывать:

- А я был у нашего большого камня...

- У какого камня?

- Помнишь наш большой серый камень на берегу Белого озера?

- Как не помнить.

Глеб сбивчиво, сумбурно стал вспоминать их встречи у валуна. Вспомнил, казалось бы, все мелкие детали. Потом речь утомила его, и он задремал.

Михаил возвратился из Орды глубокой осенью, когда деревья уже сбросили листву и вереницы гусей и уток устремились на юг. Отца он застал полностью прикованным к постели. Однако Глеб был в полном сознании. Он попросил сына подложить ему под голову вторую подушку и немного привстал, чтобы лучше слышать. Михаил стал пространно рассказывать о своей поездке.

Обстановка в Золотой Орде осложнилась. Темник Ногай, называвший теперь себя ханом, стал вмешиваться в ордынские дела. Свою власть он распространил на все Северное Причерноморье и подбирался к центральным владениям золотоордынского хана. Ногай непрерывно расширял сферу своего влияния, продвигаясь на восток, к Дону. Менгу Темир повелел отрядам белозерцев и ярославцев с большой массой ордынских воинов войти в соприкосновение с передовыми отрядами Ногай. В стычках имели место жертвы и среди ордынцев, и среди русичей, в том числе и людей из отряда Михаила.

- То, что ты рассказал, говорит об одном, - произнес Глеб. - Ордынцы грызутся между собой.

- Не начало ли это конца Орды? Не признаки ли ее распада? - спросил Михаил.

- Нет, сынок, не думаю. До распада еще далеко. Придет к власти какой-нибудь хан, который железной рукой утихомирит соперников, укрепит центральную власть. Но пока эта власть расшатывается. Все признаки на лицо.

Глеб стал уговаривать сына поспешить в Белоозеро.

- Поезжай к себе. Настасьюшка, небось, заждалась тебя.

- Никуда я не поеду, пока не смогу убедиться в твоём выздоровлении, батюшка.

- Боюсь, что не дождешься моего выздоровления, сынок. Скорее дождешься моего конца...

На следующий день Глеб Василькович призвал к себе племянника Дмитрия. В то время при нем находился и Михаил.

- Хочу вам сказать, дети мои, предсмертное напутствие, - начал свою речь Глеб слабым голосом. - Чувствую, что осталось мне жить на этом свете считанные дни. Совсем я ослаб. И пища не идет впрок. Живите, мои дорогие, в мире и согласии. Ты, Митенька, наследуй ростовский стол. Признавай, Михальчик, в Дмитриии старшего в семье, уважай его. А ты, Митенька, не обижай двоюродного брата.

- Зачем я стану обижать Михаила, - сдержанно произнес Дмитрий.

- Вот и хорошо. Протяните друг другу руку дружбы. Помните, какими сердечными друзьями мы были с Борисом. А вас, мои дорогие, я что-то редко видел вместе.

Дмитрий не слишком охотно протянул руку Михаилу.

Глеб Василькович еще долго наставлял сына и племянника. Но голос его слабел. Он часто прерывался, чтобы передохнуть и отдышаться. Наконец отпустил обоих, а Дмитрия попросил напоследок:

- Позови, племянничек, ко мне владыку Игнатия. Хотел бы исповедаться перед своим концом.

- Может, не надо, батюшка? Исповедь - это на крайний случай, - возразил Михаил.

- Наступил этот крайний случай. Зовите владыку. Пришел епископ Игнатий, строгий, бесстрастный. Начал исповедь, задавал общие вопросы, какие обычно задавались. Глеб отвечал односложно, ожидая скорейшего конца беседы. Но владыка был неумолим.

- Какой из грехов князь ты считаешь самым серьезным?

- Мог больше выкупать полонян, избавить их от неволи.

- Ты и так выкупил немало полонян, делал доброе дело. Разве этого мало?

- Наверное, сделал не все, что можно было сделать.

- Хану служил?

- Только по принуждению. И старался, чтоб моя служба не приводила к гибели русичей.

- С язычеством в своем уделе ладил? Считаешь ли ты, князь, что делал все, чтобы искоренить его?

- Наверное, не все. А как его можно было искоренить, то было выше моего разума. Ведь и ты, владыка, не дал мне на сей счет действенного совета.

- Выходит, ты признаешь, что не боролся с язычеством?

- Я этого не сказал. Основал два монастыря. Снабжал приходы книгами. Открывал монастырские школы, чтоб готовить грамотных пастырей. Разве это не борьба?

Владыка Игнатий не ответил на вопрос Глеба и продолжал сам спрашивать. Но Глеб перебил епископа:

- Хочешь знать мой самый великий грех?

- Какой из своих грехов ты считаешь самым великим?

- Не отважился покрыть свой грех с весянкой законным церковным браком.

- Опять ты за свое... И не слушал бы тебя.

Прошло еще несколько дней со дня последней исповеди. Глеб почти совсем перестал принимать пищу. Лишь изредка выпивал несколько глотков горячего молока. Возле его постели бесменно находилась Василиса. Смотрела на него скорбно, предчувствуя скорый конец. Она уже не стеснялась Михаила и оставалась при умирающем Глебе и в присутствии его сына. Обессилен от бессонницы, Василиса однажды ночью задремала в кресле, прислонившись к его спинке. Проснулась под утро, глянула на Глеба. Князь был неподвижен, не издавал и свойственного ему в последние дни надрывного хрипа. Василиса побежала в одну из соседних комнат, бывшую детскую, где спал Михаил, разбудила его.

- Проснись, княже... Горе-то какое нас постигло. Батюшка твой помер этой ночью.

Михаил Глебович вскочил с постели и, раздетый, бросился к телу отца.

- Батюшка, родной... Как же это так. Ведь совсем молодой. Жить бы тебе да жить, - причитал Михаил. Он не скрывал своих слез. Рыдала и Василиса.

Выдержав приличествующую паузу над телом отца, Михаил оделся, послал слуг за боярином Антипой, княжичем Дмитрием и владыкай Игнатием.

Организацию похорон взял на себя епископ, он велел, чтобы монахи из его свиты обмыли и обрядили тело покойного и препроводили его в собор. Тем временем плотники получили задание изготовить дубовый гроб. Антип стал рассылать гонцов по городам с извещением о смерти ростовского князя. Гонцы поскакали во Владимир, в Ярославль, Углич, другие ближайшие города, где княжили родственники. Извещение было направлено и великому баскаку. Файзуллу Антип известил лично.

Ростовчане потянулись к кафедральному собору, чтобы проститься с покойным. Смерть Глеба Васильковича наступила в конце 1278 года. Он умер в возрасте всего лишь сорока одного года. Тяжелые, изнурительные походы, частые поездки в Орду, жизнь, полная тревог, зависящая от ханских милостей и капризов, подорвали его здоровье. Русские князья рано начинали семейную и ратную жизнь, но рано и уходили из жизни. Брат

Глеба, Борис Василькович, ушел из жизни в возрасте сорока шести лет, пережив брата всего лишь на пять лет. Угличский князь Роман Владимирович на фоне других родичей выглядел долгожителем.

Похороны князя Глеба Васильковича прошли при большом скоплении народа. Ростов удостоил своим посещением великий князь владимирский Дмитрий Александрович Переяславский, сопровождаемый большой свитой. Несколько дней подряд шло торжественное отпевание в кафедральном соборе.

В перерывах между служением великий князь не раз подходил к своему тезке, Дмитрию Борисовичу, ставшему теперь князем ростовским, вопрошая - может ли он, великий князь владимирской, рассчитывать на поддержку Ростова в своем соперничестве с братом Андреем Александровичем Городецким. Борьба между братьями шла из-за великого княжения. Оба соперника искали союзников в лице соседних князей. Дмитрий Борисович отвечал уклончиво:

- При полном моем уважении к тебе, великий князь, пока не могу сказать ничего определенного. Я еще не утвержден ханом в ростовском княжении. Не стал еще обладателем ярлыка.

- Станешь, не сомневаюсь, - отвечал Дмитрий Александрович. - Соперников у тебя нет.

- И еще... Конечно, кончина дяди Глеба для меня большая утрата. Необходимо прийти в себя, - отвечая так, Дмитрий Борисович беззастенчиво врал: кончины дяди он ждал с вожделием, чтобы занять ростовский стол.

А ростовчане шли нескончаемым потоком в кафедральный собор, чтобы проститься с покойным. Хотя и не долго они находились под его рукой, но смогли убедиться в добром характере князя Глеба, искренне скорбели о нем.

Закончились торжественные службы и поминальные трапезы. Гроб с телом усопшего отнесли в княжескую усыпальницу, размещавшуюся в подвале собора, и поставили рядом с саркофагом его брата Бориса. Дмитрий не стал отдавать распоряжение каменщикам приступить к изготовлению нового саркофага. Что-то было у него на уме свое, затаенное.

Приглашенные на похороны разъезжались. Первым уехал великий князь владимирский Дмитрий Александрович. Он остался явно недовольным новым ростовским князем и не скрывал этого.

- Думал, что ты другой человек, - буркнул он напоследок.

А главный баскак Амраган сказал, прощаясь с Дмитрием Борисовичем:

- Позаботься о ханском ярлыке. Покуда ты еще не полноценный правитель удела.

Михаил перед отъездом в Белоозеро обратился к Дмитрию:

Хотел бы забрать к себе в Белоозеро моих дружинников.

- Почему ты считаешь их своими? - удивился Дмитрий. - Твой батюшка приобщил их к ростовской дружине, вступив на ростовский стол. Стало быть, по закону я наследую и дружину всю целиком.

- От всей-то прежней дружины у меня на Белоозере два десятка человек осталось. С большой шайкой новгородских ушкуйников они не справятся.

- Набери новую дружину, - невозмутимо произнес Дмитрий.

Ростовский князь также не захотел отдать Михаилу кольчужного мастера и корабелов, привезенных из Белоозера. Согласился отпустить лишь Каллистрата с семьей и старого одинокого повара. Василису князь Дмитрий прогнал из княжеских хором в первый же день после похорон. Обозвав ее оскорбительным для женщины ругательством, прикрикнул:

- Чтоб духа твоего не было в моих палатах, б..!

Василиса прихватила узелок с вещами и пришла к кольчужному мастеру, человеку доброму и веселому, обремененному кучей детей.

- Возьми, батюшка, в няньки, пригожусь, - сказала она кольчужнику. - Деток-то у тебя не счесть.

- Ты бы с князем Михаилом возвращалась в Белоозеро, - посоветовал мастер.

- Я верно служила князю моему Глебу. Не в моих силах покинуть его могилу.

- Ну, оставайся, коли так.

Возвращался Михаил на Белоозеро со своими спутниками уже санным путем. До Ярославля его попутчиком был князь Федор. Михаил посетовал на неуступчивость двоюродного брата, почувствовавшего власть.

- Не нравится мне Дмитрий. Похоже, затевает какие-то козни против меня.

- Не забывай, Михаил, ты мне теперь как сын, - сказал ему Федор. - Коли столкнешься с какой обидой, всегда приду тебе на помощь. Учти это, Михальчик.

Федор произнес имя зятя так, как часто произносил его покойный князь Глеб.

А тем временем состоялся разговор между Дмитрием Борисовичем и владыкай Игнатием.

- Как поступить, владыка, с глебовскими останками? -

многозначительно спросил епископа Дмитрий.

- У тебя, князь, возникли на сей счет какие-то мысли? Вижу, саркофаг заказывать каменщикам не спешишь, - уклончиво ответил Игнатий.

- Не спешу. Может, саркофаг и не понадобится? Не лучше ли предать тело Глеба земле в монастыре Святого Спаса?

- Понимаю... В глубине души ты не смирился с тем, что после смерти твоего батюшки княжение в Ростове перешло не тебе, а дяде Глебу. Вот и таишь на него раздражение, даже на мертвого.

- Отчасти да...

- Но учти, Глеб Василькович все же князь. К тому же ханский родич. Пристало ли нам тревожить его останки? Пусть покоится рядом с братом, с родителями.

- Послушай, владыка... Князь Глеб слишком усердно служил ординцам.

- Не усердней других князей.

- Слишком усердно. Я беседовал с многими дружинниками, участниками его походов. Глеб всегда лез в самое пекло, чтоб отличиться. В результате гибли русичи.

- Глеб это отрицал.

- Он был не искренен с тобой. И еще. Он терпимо относился к язычникам своего края.

- Язычество живуче. Одним мановением руки его не искоренишь. Глеб занимался просветительством, наладил переписку книг духовного содержания. Открывал монастырские школы, заботился о грамотности пастырей. Разве это не было борьбой с язычеством?

- Результатов этой борьбы что-то не было видно. А при себе держал полюбовницу, язычницу-весьянку.

- Откуда тебе это известно?

- Не трудно было узнать через верных слуг.

- Допустим, ты, князь Дмитрий, в чем-то и прав. Твой дядюшка был далеко не праведник.

- Вот, вот, хорошо, что ты это признаешь, владыка. Что ты скажешь, как поступить с останками покойного?

- Я бы не стал их трогать. Пусть князь Глеб покоится рядом с родными.

- А я бы желал, чтобы Глебовы останки были вынесены из собора и преданы земле в монастыре Святого Спаса рядом с могилами простых смертных.

Подобные беседы между князем Дмитрием и владыкай Игнатием

продолжались не раз. Дмитрий Борисович приводил все новые и новые факты греховности Глеба Васильковича. Факты были голословны, ничем не подтверждались и в основном выдумывались Дмитрием, затаившим злобу на дядю и желавшим мстить ему, даже мертвому. Но владыку охватывало двойственное чувство. Не соглашаясь в душе с надуманными доводами ростовского князя, он в то же время не хотел с ним ссориться. Он угадывал в Дмитрие тяжелый, властный и мстительный характер и после долгих и нелегких раздумий решил уступить.

Через девять недель после смерти князя Глеба ростовский епископ Игнатий распорядился вынести прах покойного из соборной церкви и просто закопать его в земле в монастыре Святого Спаса рядом с другими могилами. Перезахоронение совершили ночью, чтобы не привлекать внимание ростовчан...

Поступок духовного иерарха кажется на первый взгляд совершенно нелогичным. И он противоречит тому отзыву, какой сделал летописец, подводивший итоги княжения князя Глеба. Летописец по поводу его кончины пишет хвалебный панегирик. Но в словах летописца следует критически отделить традиционное славословие 'от справедливых слов, которые мог заслужить незаурядный, хотя и удельных масштабов политик. Составитель Никоновской летописи сообщает, что Глеб Василькович с молодых лет служил ордынцам и многих христиан избавил от обид. Эти слова летописца, несомненно, справедливы. Служба белозерского князя хану подтверждается упоминаниями в источниках о его участии в походах ханских войск. Но этой службой и ханским расположением князь Глеб избавил свое княжество от опустошительных набегов ордынцев. В летописях нет ни одного упоминания о ханских нашествиях на Белоозеро, тогда как имеется немало таких упоминаний о набегах на Рязань, Тверь и другие русские земли. Белозерское княжество жило сравнительно мирной жизнью, и это летописец мог постаивать в заслугу князю Глебу.

Итак, поступок владыки Игнатия кажется на первый взгляд совершенно нелогичным. Несомненно, не церковными мотивами руководствовался епископ. Он знал, что Глеб Василькович строил монастыри, храмы, занимался просветительством, заботился о распространении религиозной и светской литературы.

...Сторонники князя Глеба, возмущенные поступком владыки Игнатия, поспешили известить главу русской православной церкви, киевского митрополита Кирилла о случившемся. Кирилл относился к памяти белозерского князя с уважением и был возмущен поступком ростовского владыки. Митрополит сделал епископу строгое внушение и даже отстранил

его от богослужений, но, впрочем, через некоторое время простил.

По всей видимости, епископ Игнатий был тесно связан с семейством Бориса Васильковича и готов был поддержать его сына Дмитрия, не смирившегося с тем, что после смерти его отца ростовское княжение попало в руки Глебу. И хотя Глеб Василькович успел прокняжить в Ростове непродолжительное время, племянник затаил на него злобу и решил отомстить хотя бы мертвому. Игнатий до принятия им епископского сана являлся помощником его предшественника Кирилла (тезки киевского митрополита) и был в хороших отношениях с ростовской княжеской семьей и боярской верхушкой.

Дальнейшие события вскоре после, казалось бы, мирного дележа Глебова наследства приняли драматический оборот. Дмитрий Борисович повел себя агрессивно и в отношении двоюродного брата. Он поставил себе целью завладеть его белозерскими волостями, изгнав Михаила Глебовича из его удела.

Дмитрий решил нанести удар по Белоозеру весной, когда реки очищались от льда и становились судоходными. Он приказал снарядить три дощаника и отобрал около сотни дружинников. Все они были старыми ростовчанами. Ни один из белозерцев не был включен в состав отряда. Затем Дмитрий пригласил к себе Антипа Евлампиева.

- Поплывешь с дружиной в Белоозеро, - отдал распоряжение ростовский князь.

- Что я должен там делать?

- Передашь Михаилу мое повеление покинуть удел. Он больше не принадлежит ему.

- Не слишком ли много берешь на себя, князь? Ведь Михаил ханский внук, и тесть его породнился с ханом.

- Не пристало тебе меня учить.

- А если князь Михаил ответит сопротивлением твоим дружинникам?

- Я тебе даю большую дружину, а у Михаила и двух десятков не наберется. Коли не справитесь с ним, никуда вы не годитесь.

- Справимся, конечно. Но...

- Это уже не тебе рассуждать. И еще повелеваю... Управляющему Власию скажешь, что он больше не управляющий. Так мне угодно. А управляющим поставишь твоего младшего брата Евстафия. Чем он сейчас занят?

- Хозяйничает в родовой волости.

- Пусть хозяйничает на Белоозере. Все тебе понятно, боярин?

В последних числах апреля по весеннему половодью к Белоозеру

приблизился караван дощаников с ростовской дружиной. Дружинники высадились на берег, поспешно окружили княжеские палаты. Немногочисленная охрана была легко разоружена, почти не оказав сопротивления. На шум вышел князь Михаил и столкнулся с Антипом Евлампиевым.

- Что тебе угодно, Антип? - спросил Михаил, не понимая, что происходит. Антип, как всегда безукоризненно вежливый, произнес извиняющимся тоном:

- Не взъщи, княже, что побеспокоили. Такова воля князя Дмитрия, моего господина. Приказано тебе покинуть Белоозеро.

Михаил увидел, что сопротивляться бесполезно: слишком неравные силы. Не случайно Дмитрий заупрямился, не желая возвратить Михаилу белозерских дружинников. Уже тогда ростовский князь замыслил изгнать его из Белоозера и завладеть уделом.

Михаил Глебович спросил Антипу:

- Куда я должен отбыть из Белоозера?

- На сей счет никаких указаний от князя Дмитрия не поступало. Отправляйся, княже, куда тебе угодно.

- Передай, боярин, своему князю. Хан своего родственника в обиду не даст. И с обидчика строго спросит.

- Непременно передам. Есть ли у тебя какие просьбы?

- Дай мне одни сутки на сборы, чтоб собрать вещи, самые необходимые.

- Изволь. Собирайся, Бог в помощь. А у меня к тебе только одна просьба. Позови сюда Власия.

Но Власий, почувствовавший неладное, был уже в палатах.

- Повеление ростовского князя Дмитрия, - торжественно начал Антип.

- Ты теперь не управляющий уделом. Передашь дела моему брату, Евстафию. Теперь он управляющий.

На следующий день Михаил вместе с женой Анастасией отплыл из Белоозера. Его сопровождали немногие люди. Среди них были Каллистрат с женой, старый повар и еще трое верных стражников. Уже в дороге у Михаила созрело решение - надо плыть в Ярославль, к тестю. Он примет по-родственному. На этом стала настаивать и Анастасия.

Федор Ростиславич встретил зятя с дочерью и, почувствовав неладное, спросил многозначительно:

- Гости или изгнанники?

- И то, и другое, - ответил Михаил.

Федор, выслушав грустную историю, ответил смачными

ругательствами в адрес Дмитрия Борисовича.

- Не унывай, зятек, - сказал он Михаилу. - Живите у меня, как родные дети. А на Митьку найдем управу. Заручимся поддержкой великого князя Дмитрия Александровича и золотоордынского хана. Против такой силы Митьке не устоять.

На могиле князя Глеба Васильковича первое время был лишь малозаметный холмик. Но могилу усердно посещали прежние белозерские дружинники, кольчужные мастера и корабелы, служившие теперь в Ростове. Наведывались сюда и белозерские купцы, сохранившие к Глебу чувство глубокого уважения. Как-то посетил могилу именитый новгородский купец Гусельников, потом встретился с монастырским игуменом и резко выговорил ему:

- Пошто такое пренебрежение к могиле князя Глеба?
- Глеб Василькович негоден нынешнему князю Дмитрию.
- Ну и что? Поставили бы каменную плиту с надписью или на плохой конец дубовый крест.
- Поставить-то не трудно. Да угодно ли это будет князю Дмитрию?
- Зато угодно будет нам, купечеству. Вот тебе деньги. Поставь хотя бы дубовый крест.

Купец протянул игумену пригоршню серебряных монет. Игумен пожертвования охотно взял и через некоторое время установил крест.

Часто на могиле князя Глеба можно было видеть женщину, с лицом, закрытым платком по самые глаза. Она проливали слезы и отбивала земные поклоны.

Князь Дмитрий Борисович как-то вызвал к себе для беседы с глазу на глаз игумена монастыря Святого Спаса.

- Тебе известно, игумен, кто посещает могилу князя Глеба?
 - Разный народ: дружинники, купцы из Белоозера и Новгорода. Часто оставляют щедрые жертвования.
 - Я не об этом. Мои люди доложили мне, что часто над Глебовой могилой проливает слезы его любовница? Стоило бы тебе подумать над репутацией княжеской семьи.
 - Что я могу поделать, княже?
 - Сделай блуднице строгое внушение. Чтоб не слишком усердствовала на глазах других людей.
 - Внушение сделаю, - пообещал игумен.
- По его распоряжению монахи привели к нему Василису.
- Мои люди заприметили, что ты часто посещаешь монастырь.
 - Посещаю могилу князя Глеба. Служила у него горничной. Ухаживала

за ним, когда князь был совсем плох.

- Князю Дмитрию не нравится твое усердие. Он считает, что ты создаешь дурную славу княжеской семье.

- Не понимаю, отче, чем я провинилась.

- Все ты понимаешь. Твои отношения с князем Глебом ни для кого не были секретом. Они легли тенью на всю княжескую семью. Я бы тебе посоветовал для твоей же пользы...

- Удавиться, что ли?

- Да нет, зачем такие крайности? Поезжай-ка обратно в Белоозерск. Там и оплакивай своего любимого князя. Кстати, его сын Михаил сейчас живет у тестя в Ярославле.

Игумен был добрым человеком, терпимо относился к человеческим слабостям и не вполне разделял неприязнь князя Дмитрия к весянке. У него даже зародилось желание помочь несчастной женщине.

- Если захочешь, мои люди помогут тебе добраться до Ярославля, к князю Михаилу. Как он относился к тебе?

- Доброжелательно. Ничего плохого от него не видела.

- Вот видишь. Мои люди доставят тебя в Ярославль.

- Не хочу никого утруждать, отче. Доберусь как-нибудь до Ярославля сама. Не далек путь.

Как ни уговаривал игумен Василису воспользоваться его помощью, та была непреклонна.

Собрав узелок с вещами и распрощавшись с семьей кольчужного мастера, Василиса отправилась в путь. Переночевала в стоге прошлогоднего сена и к утру следующего дня пришла к воротам Ярославля. Возле княжеских палат ее встретил Каллистрат, который и провел весянку к Михаилу Глебовичу.

Михаил, выслушав горькую историю, рассказанную Василисой, произнес:

- Поступай-ка ко мне на службу, Василисушка, горничной. А Белоозеро мы у наших недругов еще отвоюем и вернемся в родной город. Запомни это.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дмитрий Борисович продолжил свою корыстную политику в отношении ближайших родичей. Первое время его младший брат Константин считался соправителем в Ростове. Дмитрий решил избавиться от брата и стать единственным владельцем Ростовской земли, для чего изгнал его из удела.

Константин Борисович собрал сторонников, заручился поддержкой других князей и стал грозить брату военными действиями. Дмитрий Борисович также был вынужден собрать войско, опасаясь столкновения с братом. В те времена междоусобицы между родственниками, доходившие до вооруженных стычек, не были редкостью.

При посредничестве епископа Игнатия в Ростов прибыл великий князь владимирский Дмитрий Александрович - мирить братьев. Под его воздействием примирение состоялось. В 1287 году братья полюбовно договорились разделить вотчину по жребью. Старшему Дмитрию достался Углич, где незадолго до этого умер бездетный князь Роман Владимирович, а Константину - Ростов.

Белозеро, как известно, насильно было захвачено у Михаила Глебовича Дмитрием Борисовичем. Михаил не смирился с этим и обратился за помощью к великому князю владимирскому и к хану. Менгу Темир был в то время престарелым и немощным и делами практически не занимался. Но один из его ближайших преемников поддержал Михаила и выдал ему ярлык на белозерское княжение. Так Михаилу удалось вернуть белозерскую вотчину в 1287 году или чуть ранее.

Дмитрий Борисович был владельцем Углича не более двух лет. После этого срока они с братом Константином разменялись волостями. Старший брат снова стал княжить в Ростове, а младший - в Угличе.

Эти события имели далеко идущие последствия для Ростовской земли. С принципом наследования Ростова по старшинству всех потомков Константина Всеволодовича было покончено. Закреплялось раздробление прежней Ростовской земли на уделы, которые, в свою очередь, продолжали дробиться. Особенно интенсивно процесс дробления на второстепенные уделы пошел в Белозерском и Ярославском княжествах. Мелкие удельные князья по масштабам своих владений не отличались от средней руки бояр-вотчинников. Князь Ростова, потерявший прежнее значение и престиж, уже

не претендовал и не был в состоянии претендовать на старшинство и какое-либо влияние над Ярославлем, Угличем, Белоозером. Там правили свои княжеские линии, потерявшие интерес к ростовским делам и не претендующие на то, чтобы когда-либо дожидаться своей очереди занять ростовский стол. Усилились удельная отчужденность и замкнутость.

По этой причине летописец теряет интерес к белозерским князьям, живущим в своей отдаленной вотчине и принимавшим малое участие в общерусских делах. Первому белозерскому князю Глебу Васильковичу летописи уделили в сравнении с его преемниками немалое внимание. И это дало возможность воссоздать более или менее правдоподобно историю жизни и деятельности этого князя, представить его как историческую личность: крупного по местным масштабам политического деятеля, немало сделавшего для экономического развития и роста населения своего княжества. Он умело воспринимал наставления великого князя Александра Ярославича Невского, мудрого политика. Он также умело ладил с ханом и пользовался с выгодой для себя его расположением. Но ушел из жизни князь Глеб и начался неуклонный процесс экономического упадка и потери прежней политической роли Белозерского княжества.

С каждым последующим поколением потомков Глеба Васильковича летописи все реже и реже упоминают князей Белоозера. С летописных страниц исчезают упоминания даже о таких событиях, как поездки князей в Орду, их женитьбы, перемены на княжеском столе.

Из истории известно, что пятый белозерский князь, правнук Глеба Васильковича, Федор Романович был женат на Феодосье, дочери московского князя Ивана Даниловича, прозванного Калитой. Начав процесс собирания русских земель, Калита использовал замужество своих дочерей с князьями слабеющих уделов для закрепления их зависимости от Москвы. Такая судьба постигла и Белоозеро. Дмитрий Иванович Донской называет Белоозеро «куплей деда». Этим термином подразумевалась какая-то форма зависимости от Москвы.

Белозерское войско было в рядах Дмитрия Донского на поле Куликовом и внесло свой вклад в сокрушительную победу над Мамаевыми полчищами. Белозерский князь Федор с сыном Иваном пали в Куликовском сражении.

Последним белозерским князем из рода Глебовичей был Юрий Васильевич, племянник Феодора Романовича и праправнук Глеба Васильковича. Дмитрий Иванович Донской распорядился Белоозером в своем духовном завещании от 1389 года уже как обычной московской вотчиной и передал ее, наряду с другими городами и волостями, одному из

своих сыновей. По-видимому, Белоозеро окончательно отошло к семье великого князя московского между 1380 и 1389 годами, т. е. между временем Куликовской битвы и кончиной Донского. Юрий Васильевич из полузависимого удельного князя стал князем-наместником, вассалом одного из сыновей Дмитрия Ивановича. Очевидно, это превращение в князя-наместника прошло мирно и безболезненно. В течение некоторого времени ближайшие родичи Юрия Васильевича, Глебовичи, еще сохраняли владетельные права младших удельных князей. А через некоторое время они превратились в обычных бояр-вотчинников, даже не самых значительных.

В конце XV века Белозерская земля окончательно стала непосредственной частью владений московского князя и управлялась его наместниками.

Московские князья настойчиво осуществляли политику собирания русских земель. На определенном этапе они столкнулись с соперничеством тверских и нижегородских князей, попытавшихся было претендовать на гегемонию на Руси. Но эти усилия оказались в конечном итоге несостоятельны. Удельные княжества, по мере возвышения и усиления Москвы, становившейся центром русского государства, хирели и склоняли голову перед московскими князьями. Конец этих удельных княжеств был неизбежным. В одних случаях Москва не гнушалась насильственного захвата, прибегая к военной силе. В других - склоняла слабых князей завещать свои владения в пользу московского князя. Были и такие случаи, когда удельный князь, чтобы сохранить какую-то часть своих прав и доходов, вынужден был превратиться из владетельного князя в князя-наместника одного из членов семьи потомков Калиты. Такая судьба, как известно, постигла и белозерского князя.

Современный город Белозерск географически не совпадает с тем Белоозером, которое располагалось у истоков реки Шексны. В 1352 и 1363-64 годах страшная эпидемия чумы, названная в летописях «моровой язвой», опустошила Белозерскую землю. Вторая эпидемия, а возможно, и первая имели место в княжение Федора Романовича, героя Куликовской битвы. «А на Беле озеро тогда ни один жив обретесе», - замечает летописец. Моровая язва особенно опустошила стольный город княжества. Часть мирных жителей, оставшихся в живых, бросила свои дома и переселилась на южный берег Белого озера, в район селения Карголом. Там возник новый город, нынешний районный центр Вологодской области, куда переселился и княжеский двор. Очевидно, и старый город был заброшен не сразу.

Опустошительная эпидемия способствовала окончательному упадку княжества. Новый город Белоозеро уже не мог сравниться по своему значению со старым. При Иване III город, еще не занимавший обширную площадь, был обнесен мощным земляным валом высотой до тридцати метров, а перед ним выкопан глубокий ров, заполненный водой. Поверх вала была поставлена бревенчатая стена с башнями. Иван III заботился о том, чтобы превратить Белоозеро в один из укрепленных форпостов на севере России. Стена была разобрана в конце XVII века. А мощный вал, местами развалившийся и осевший, существует и поныне, напоминая о былых временах Белоозера.

Следует сказать несколько добрых слов в адрес белозерских краеведов. Благодаря их усилиями здесь создан неплохой краеведческий музей, занимающий один из бывших купеческих особняков и несколько храмовых построек. Организатором белозерского краеведческого музея выступила местный педагог Римма Александровна Новикова, соученица автора книги по Санкт-Петербургскому педагогическому университету. Основой музея послужил школьный общественный музей. Со временем он был значительно расширен, пополнен экспонатами и получил специальное помещение, став государственным музеем. В нем представлены археологические материалы, ценные документы, предметы быта, местной культуры и этнографии. Музей неизменно привлекает внимание туристов. Ведется и реставрация исторических памятников, хотя здесь еще непочатый край работы. Знакомство с этим музеем во время поездок в Белозерск во многом помогло автору при работе над книгой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Александр Ярославич Невский (ок. 1220 - ум. 1263) - выдающийся полководец и государственный деятель. Будучи новгородским князем, возглавлял русские войска, отстоявшие северо-западные русские земли от захвата шведскими и немецкими феодалами. В 1240 г. нанес сокрушительное поражение шведскому войску на Неве. В 1242 г. одержал победу над левонскими рыцарями на льду Чудского озера.

В 1252-1263 гг. великий князь владимирский. Умелой и гибкой политикой способствовал предотвращению разорительных набегов ордынцев на Русь. Неоднократно ездил в Орду и добивался от хана выгодных для Руси уступок. Стремился к укреплению великокняжеской власти.

Амраган - великий баскак, занимавший этот пост при великом князе владимирском в середине XV в. Возглавлял институт баскачества на Руси, ведавший сбором дани и осуществлявший ханский контроль над князьями. С конца XIII в. сбор ханской дани был передан непосредственно в руки князей, и упоминания о баскаках на Руси исчезают.

Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111-1174) - великий князь владими́ро-суздальский (с 1157), сын Юрия Долгорукого. Содействовал развитию феодальных отношений, опираясь на дружину и торгово-ремесленные слои. Был самым могущественным князем на Руси, пытался объединить под своей властью русские земли. Перенес столицу из Суздаля во Владимир. Усиление княжеской власти вызвало его конфликт с боярами. Пал жертвой боярского заговора.

Андрей Ярославич (род. в 1-й пол. XIII в. - ум. в 1264) - один из братьев Александра Невского. В 1247 г. получил в Золотой Орде ярлык на великое княжение. В 1252 г. был свергнут Александром, бежал в Швецию. В 1256 г. вернулся на Русь и примирился с великим князем, получив от него Городец и Нижний Новгород, а позже и Суздаль.

Батый, Бату, Саин-хан (ум. в 1255 г.) - внук Чингисхана. После смерти отца Джучи (1227) стал главой его улуса. Участвовал во всех военных походах татаро-монголов. В 1236-1243 гг. возглавил поход в Восточную Европу, сопровождавшийся массовым истреблением населения и разрушением городов. По возвращении из похода в Европу обосновался на Нижней Волге, где возник центр государства - Золотая Орда,

простиравшегося от Иртыша до Дуная. Батый основал столицу своего государства Сарай-Бату на восточном берегу Нижней Волги.

Берке, Беркай - хан Золотой Орды (1255-1266), брат Батыея. Построил новую столицу Сарай-Берке на рукаве Волги и Ахтубы. При нем была проведена на Руси перепись населения, введена система баскачества. При нем началась исламизация Золотой Орды. В правление Берке Золотая Орда стала фактически независимой от Монгольской империи.

Биргер Ярль (нач. XIII - 1266) - государственный и военный деятель Швеции. Возглавлял поход шведских феодалов против Новгорода. Его войско было разгромлено князем Александром Невским в битве на берегу Невы 15 июля 1240 г. Сам Биргер получил в сражении ранение.

Борис и Глеб - сыновья киевского князя Владимира Святославича. Были убиты старшим братом Святополком в 1015 г., видевшим в них нежелательных соперников. Почитаются православной церковью как святые великомученики. В их честь князья Рюриковичи часто называли своих сыновей.

Борис Василькович (1231-1277) - сын князя Василька Константиновича, удельный князь ростовский (1238-1277), брат белозерского князя Глеба. Умер во время поездки в ордынскую столицу.

Василий Александрович (ок. 1240-1271) - сын Александра Невского, княживший в Новгороде (с 1252 г. с перерывами). Попал под влияние новгородской верхушки, противившейся ханской политике, в частности проведению переписи населения. С целью предотвращения репрессивных мер со стороны хана, Александр отозвал сына из Новгорода.

Василий Всеволодович (ок. 1229-1249) - удельный князь Ярославский. От Ксении, неизвестного происхождения, имел дочь Марию, которая, выйдя замуж за Федора Ростиславича из рода смоленских князей, принесла ему в приданое ярославский удел.

Василько Константинович (ок. 1209-1238) - удельный князь ростовский. Сын великого князя владимирского Константина Всеволодовича. Был женат на Марии Михайловне, дочери черниговского князя Михаила Всеволодовича. Имел от нее сыновей Бориса и Глеба. Был схвачен татаро-монголами после поражения русичей в Ситской битве и умерщвлен по приказанию Батыея из-за отказа служить ему. Почитается православной церковью как святой великомученик.

Владимир Константинович (ок. 1214-1249) - удельный князь угличский (40-е годы XIII в.), сын Константина Всеволодовича, великого князя владимирского.

Владимир Святославич - великий князь киевский (980-1015).

Расширял и укреплял Киевское государство. Вел активную внешнюю политику. Принял и распространил на Руси христианство, при нем в Киевской Руси наблюдался экономический и культурный подъем.

Всеволод Константинович (ок. 1210-1238) - удельный князь ярославский, сын Константина Всеволодовича, великого князя владимирского. С ним пресекалась ярославская линия Константиновичей. Ярославский стол достался с рукой его племянницы Марии Федору Ростиславичу из рода князей смоленских.

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154-1212) - сын Юрия Долгорукого, великий князь владимирский (с 1176 г.). Активно боролся за усиление и расширение своей власти. При нем территория Владимирского княжества расширилась в результате походов на волжских болгар и мордву и пр. В его княжение происходил подъем культуры Владимирского княжества, города украшались новыми замечательными зданиями, храмами, развивалось летописание.

Всеволод Юрьевич (ок. 1213-1238) - сын великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Во время батыева нашествия был оставлен вместе с братом Мстиславом для защиты стольного города. Оба брата погибли при взятии Владимира татарами-монголами.

Глеб Василькович (ок. 1237-1278) - удельный князь белозерский (1238-1278) и ростовский (1277-1278). Младший сын Василька Константиновича. В браке (с 1257) со знатной ордынкой. Совершил несколько поездок в Золотую Орду и участвовал в походах ханских войск. В Белоозере ему наследовал сын Михаил.

Даниил Романович (1201-1264) - удельный князь галицкий (с 1211), волынский (с 1238), король галицкий (с 1254). Вел упорную борьбу против княжеских распрей и засилия бояр, опираясь на городское население. Содействовал развитию торгово-ремесленных слоев, основывал новые города. После установления зависимости от татаро-монгол принимал меры против новых вторжений завоевателей. Успешно боролся с агрессией польских и венгерских феодалов. Решительно противился попыткам распространения влияния католичества.

Дмитрий Александрович (1250-1294) - князь переяславский, новгородский (в разные годы) и великий князь владимирский (1277-1281; 1283-1294), сын Александра Невского. Вел из-за великого княжения борьбу с братом Андреем, князем городецким.

Дмитрий Борисович (1253-1294) - удельный князь ростовский, сын Бориса Васильковича. После смерти дяди Глеба наследовал ростовский стол и изгнал из Белоозера тамошнего князя Михаила, чтобы завладеть и

его уделом. Вел междоусобную борьбу против брата Константина, примирился с ним при посредничестве великого князя.

Игнатий - епископ ростовский (1262-1288), сменил на епископской кафедре Кирилла II.

Кирилл III - митрополит киевский (1250-1280). В условиях разорения Киева татаро-монголами мало жил в этом городе, больше совершал поездки по северо-западным епархиям. Подолгу жил во Владимире. Вынашивал планы перенести митропольную кафедру в этот город, но не успел это сделать. В 1262 г. основал Сарскую (в Сарае) епархию.

Кирилл - епископ ростовский (с 1231 по 1261 г.). Известен как организатор ростовского летописания. Дважды в течение 1253 г. ездил в Орду к хану Берке, вылечил его больного сына и крестил ханского племянника, названного в крещении Петром.

Константин Всеволодович (1186-1218) - великий князь владимирский (1216-1218), старший сын Всеволода Большое Гнездо. Сперва был князем в Новгороде, после чего получил во владение Ростов с Ярославлем и Угличем. Одержав победу над братом Юрием, овладел великокняжеским столом. В его княжение в Ростове велось большое строительство (закладка нового Успенского собора и строительство других храмов), развивалось летописание.

Константин Всеволодович (род. после 1229 - ум. ок. 1255-1257), удельный князь ярославский (с 1249 г.), сын Всеволода Константиновича, удельного князя ярославского. Умер бездетным. Наследницей его осталась племянница Мария Васильевна.

Ксения (XIII в.) - неизвестного происхождения. В браке (с ок. 1242 г.) с удельным князем ярославским Василием Всеволодовичем.

Марина (или Ольга) Олеговна (XIII в.) - по происхождению княжна курская. Замужем (с ок. 1228) за Всеволодом Константиновичем, удельным князем ярославским.

Мария Казимировна (XIII в.) - дочь польского короля Казимира. В браке с Всеволодом Святославичем Черным, удельным князем черниговским, мать Михаила Всеволодовича.

Мария Михайловна (год рожд. неизв. - ум. ок. 1271) - дочь Михаила Всеволодовича, удельного князя черниговского. В браке с 1227 г. с удельным князем ростовским Василь-ко Константиновичем. Мать князей Бориса и Глеба. Занималась летописанием.

Мария Ярославна (XIII в.) - дочь Ярослава Святославича, князя муромского. В браке (с 1248) с Борисом Васильковичем, удельным князем ростовским. Мать Дмитрия, Константина и Василия.

Митрофан - епископ владимирский. Погиб в начале 1239 г. в подожженном ордынским войском соборном храме при взятии войском Батыя Владимира.

Митрофан - первый сарайский епископ учрежденной в Золотой Орде епархии (с 1261 г.). Оставался епископом до 1269 г., когда принял схиму.

Михаил Всеволодович (1195 - ум. 1246) - удельный князь черниговский (с 1203), князь новгородский (1225-1229), великий князь киевский (1238-1240; 1241). Дед по матери князей Бориса и Глеба Басильковичей. Рассчитывая на поддержку хана, отправился в Орду. Под предлогом отказа принять веру ордынцев и пройти очистительный огонь, был предан мученической смерти. Почитается православной церковью.

Мстислав Юрьевич (год рожд. неизв. -1238) - княжич владимирский, сын Юрия Всеволодовича, великого князя владимирского. Был оставлен отцом вместе с братом Всеволодом для защиты стольного города. Погиб при взятии татаро-монгольскими полчищами Владимира.

Неврюй - царевич, ханский родственник. Командовал ханским войском, посланным ханом против князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского, не поладившего с татаро-монголами.

Ногай (первая пол. XIII в. - 1300) - золотоордынский темник, потомок хана Джучи. Проявил себя как способный полководец. После смерти хана Берке влияние его растет. Под его властью оказалась обширная территория от Дона до Дуная. С помощью Ногая был свергнут хан Телебуга и поставлен на его место Тохта. Желая избавиться от могущественного темника, Тохта начал против него военные действия. В итоге в 1300 году войско Ногая было разбито, а сам он пленен и убит. Позже именем Ногая стали называть народ ногайцев, живущих на Северном Кавказе.

Ольга Олеговна - см. Марина Олеговна.

Роман Михайлович (год рожд. неизв. - ум. ок. 1275) - удельный князь брянский (ок. 1252). Сын Михаила Всеволодовича, князя черниговского.

Сартак - хан Золотой Орды (1256-1257), сын Батыя, наследовал отцу. Есть основания предполагать, что он был отравлен своим соперником Берке.

Святополк Владимирович, прозванный Окаянным (род. ок. 980 - ум. ок. 1010) - сын или пасынок великого князя киевского Владимира Святославича. После смерти Владимира стремился завладеть княжением, убив некоторых братьев, но был побежден Ярославом Владимировичем и сам погиб.

Синеус (ум. 864) - полупоупендарный брат Рюрика, княживший якобы в Белоозере. По преданию, его стольный город находился на северном берегу

Белого озера в районе селения Кинсема.

Соколовы, братья Борис и Юрий - известные русские фольклористы. В начале XIX века совершили две поездки в Белозерский край и занимались сбором образцов местного фольклора. Результатом этих поездок стала содержательная книга «Сказки и песни Белозерского края», М., 1915. Книге предпосланы ценные этнографические очерки. Частично книга была переиздана в Архангельске в 1981 г. («Сказки Белозерского края. Записки Б. М. и Н. М. Соколовых», Архангельск, 1981).

Улагчи - малолетний хан Золотой Орды, сын Сартака. Провозглашен ханом в 1257 г., умер в том же году.

Федор Ростиславич Черный (год рожд. неизвест. - 1299). Из рода князей смоленских. Был обделен братьями при разделе наследства. Благодаря браку с ярославской княжной Марией Васильевной (ок. 1260) стал удельным князем ярославским. Вторым браком был женат на дочери хана Золотой Орды, участвовал в ханских походах. В 1278 г. добился и смоленского княжения.

Феогност - второй епископ сарайский (упом. в 1276).

Юрий (Георгий) II Всеволодович (род. ок. 1188-1238) - великий князь владимирский (1212-1216; 1218-1238). В 1216 г. потерпел поражение в Липецкой битве и был вынужден уступить великое княжение брату Константину. После его смерти возвратил Владимир и сумел подчинить себе братьев и племянников, сохранив единство Владимирской земли. Погиб в битве с татаро-монголами на реке Сити 4 марта 1238 г.

Юрий Михайлович (XIII в.) - удельный князь тарусский - сын Михаила Всеволодовича, удельного князя черниговского.

Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978-1054) - великий князь киевский (с 1019), русский государственный деятель, законодатель и полководец. После длительной борьбы с братьями соединил под своей властью почти все русские земли. Провел ряд успешных походов против соседних племен, породнился со многими европейскими домами. Занимался законодательством, отстроил Киев, поощрял летописание и просветительство. Состоял в браке с шведской королевной Ингигердой (в крещении Ирина) с ок. 1016 г.

Ярослав Всеволодович (1191-1246) - великий князь владимирский (ок. 1238). Начал княжить в Переяславле Южном. По завещанию отца переместился в Переяславль Залесский, неоднократно княжил в Новгороде. После гибели брата Юрия занял владимирский великокняжеский стол. Был отравлен во время поездки к великому хану.

Ярослав Святославич (XIII в.) - удельный князь муромский. Отец

Марии, жены ростовского князя Бориса Васильковича.

Ярослав III Ярославич (год рожд. неизв. - ум. 1271-1272) - удельный князь тверской, великий князь владимирский (с 1263- или 1264).

СЛОВАРЬ

Аксакал - у кавказских народов уважительное обращение к старейшине, старому мудрому человеку.

Бар-аль-азов - одно из старых восточных названий Черного моря.

Баскак - ханский чиновник, ведающий сбором дани; великий баскак - главный над баскаками, имевший резиденцию во Владимире при великом князе.

Богомаз - иконописец, простонародное выражение.

Бусурманин - иноверец.

Весь - нынешние веспы, народ финно-угорского племени, проживающие ныне на северо-востоке Ленинградской области и в Южной Карелии. В Средневековье занимали более обширную территорию, но постепенно ассимилировались с русским населением.

Викарий - заместитель или помощник духовного иерарха.

Владыка - обращение к высокому церковному иерарху.

Волок - пространство между реками двух соседних речных бассейнов, где перетаскиваются лодки или суда из одного бассейна в другой.

Выкрест - человек, перешедший из одной веры в другую. Обычно термин применяли к иноверцам, принявшим православие.

Гульбище - высокое крыльцо в виде открытой веранды с лестницей.

Двоеверие - в данном случае сочетание поверхностного православия с пережитками язычества.

Дощаник (или досчаник) - плоскодонное крупное речное судно с палубой или полупалубой, снабженное парусом и веслами.

Изгой - в данном случае князь, лишенный удела.

Искандер - ордынская форма произношения имени Александр.

Касоги - старинное название черкесов.

Капище - место совершения языческих обрядов и жертвоприношений, иногда украшенное фигурами идолов.

Каша - свадебное пиршество.

Кипчаки - одно из названий половцев, употребляемое мусульманскими писателями.

Кириллица - одна из азбук восточных славян, составляющая видоизменение греческого алфавита.

Клир - притч, духовенство. В более конкретном смысле состав

духовных лиц данной церкви, ее персонал.

Кмет - воин, дружинник в памятниках древнерусской письменности.

Корец - ковш.

Ктитор - церковный служака, торгующий свечами.

Купля деда - так Дмитрий Донской называет Белоозеро. Имеется в виду какая-то форма зависимости Белоозерского княжества от князя московского.

Минарет - архитектурная деталь мусульманского храма в виде башни, с которой муэдзин созывает верующих на молитву.

Нимб - иконографический символ божественности, в иконописи блестящее свечение вокруг головы святого.

Паписты - католики.

Полон - пленение, неволя; полонянин - пленник, невольник.

Полуверица - фантастическое существо в языческом мировоззрении.

Сеча - сражение, битва.

Стол - престол; сесть на стол - занять престол.

Темник - военачальник тьмы, десятитысячного войска.

Толмач - переводчик с чужого языка; толмачить - переводить.

Тиун - волостной управляющий, низший администратор в феодальной системе управления.

Тропарь - краткая молитва, выражающая суть данного религиозного праздника.

Тьма - десятитысячное войско татаро-монгол под командованием темника.

Ушкуйники - вооруженные новгородские дружины, формировавшиеся боярами из людей без определенных занятий для захвата колоний на Севере. Некоторые отряды ушкуйников превращались в самостоятельные разбойные шайки, от которых страдало местное население.

Ясы - один из кавказских народов, нынешние осетины.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1237. Рождение Глеба Васильковича в Ростове.

1238, 4 марта. Ситская битва русичей с полчищами Батыея. Гибель ростовского князя Василька Константиновича, отца Глеба.

1244. Первая поездка семилетнего Глеба в Орду, вместе с другими князьями в свите великого князя Ярослава Всеволодовича.

1246, 20 сент. Гибель в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича, деда Глеба по матери.

1249. Вторичная поездка Глеба в Орду, принятого там Батыевым сыном Сартаком.

1251. Выделение Белоозера в самостоятельное удельное княжество. Начало княжения на Белоозере Глеба Васильковича.

1257. Поездка князя Глеба Васильковича в Орду совместно с великим князем Александром Ярославичем Невским. Женитьба Глеба во время этой поездки, возможно при содействии Александра Невского, на знатной ордынке (по некоторым сведениям, на ханской дочери), в крещении Феодоре.

1259. Глеб Василькович вместе с братом Борисом, князем ростовским, и матерью Марьей Михайловной принимали и чествовали в Ростове великого князя Александра Ярославича Невского.

1261. Глеб Василькович посетил Ростов в связи с похоронами ростовского епископа Кирилла и возведением в сан нового епископа Игнатия.

1263. Рождение Михаила Глебовича, впоследствии наследовавшего князю Глебу белозерский стол.

1268/69. Новая поездка князя Глеба в Орду.

60-е гг. XIII в. Волнения и народные возмущения, прокатившиеся по Ростовской земле.

Ок. 1271. Кончина матери князя Глеба, Марьи Михайловны, инокини.

1271. Очередная поездка князя Глеба в Орду по вызову хана.

1274. Кончина княгини Феодоры, жена Глеба Васильковича.

1277. Поездка князя Глеба вместе с братом Борисом, сыном Михаилом и другими князьями в Орду. Внезапная смерть в Орде Бориса Васильковича. Глеб становится князем Ростовским, наследуя брату.

1278. Участие Глеба вместе с другими русскими князьями в походе

ханских войск против кавказских ясов. В Ярославле состоялась свадьба Михаила Глебовича и дочери ярославского князя Федора Ростиславича.

Конец 1278. Кончина князя Глеба Васильковича в возрасте 41 года. В Белоозере стал княжить Михаил Глебович, а в Ростове Дмитрий Борисович.

ОБ АВТОРЕ

Демин Лев Михайлович (род. в 1923 году в семье лесничего в Костромской области) - современный русский писатель и ученый-востоковед. Член Союза писателей России. В Великую Отечественную войну был участником боев в августе 1945 года на Дальнем Востоке в качестве офицера-артиллериста.

Получил историческое и дипломатическое образование, окончив педагогический институт (ныне педагогический университет) имени А. И. Герцена в Санкт-Петербурге и дипломатическую академию МИД в Москве. Работал журналистом-международником, в том числе в течение ряда лет в странах Юго-Восточной Азии, занимался научной работой в институтах Академии наук. Последние годы трудовой деятельности связаны с педагогической работой на кафедре журналистики в Университете дружбы народов.

Является действительным членом Российской академии естественных наук. Автор многих литературных и научных трудов, в том числе 30 книг и брошюр, многих журнальных публикаций, статей и разделов в коллективных сборниках и альманахах. Наиболее значительные из литературных трудов: «Над Мерапи облака» (1971, переиздана в Германии и Японии), «Сахалинские записки» (1986), «Сквозь туманы и штормы» (1986), «С мольбертом по земному шару. Мир глазами В. В. Верещагина» (1991), «Загадочный принц. Раден Салех и его время» (1990), «Лисинские очерки» (1994), «Леонид Хаустов. Литературный портрет» (1996), «Каторжник-император» (1998), «Оглядываясь в прошлое» (1999), «Семен Дежнев - первопроходец» (2002).

«Глеб Белозерский» - новое произведение писателя.